

ISSN 1857-1999
E-ISSN 2345-1963



REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE
Chișinău, Republica Moldova

REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE

*Moldavian Journal
of International Law
and International Relations*

*Молдавский журнал
международного права
и международных отношений*



***Nr. 1
2017***

**REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE**

ISSN 1857-1999 E-ISSN 2345-1963

Apare din 2006 de 4 ori pe an

Nr. 1 (Volumul 12), 2017

Publicație periodică științifico-teoretică
și informațional-practică fondată de
Asociația de Drept Internațional din Republica Moldova

Asociați:

Institutul de Cercetări Juridice și Politice
al Academiei de Științe a Moldovei,
Universitatea de Studii Europene din Moldova,
Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moldova,
Asociația pentru Politică Externă
și Cooperare Internațională din Republica Moldova

Înregistrată

de către Camera Înregistrării de Stat
de pe lângă Ministerul Justiției al Republicii Moldova
Certificatul nr. MD 000039 din „04” august 2009

Accreditată

prin Hotărârea C.S.Ș.D.T. al A.Ș.M. și C.N.A.A.
Nr. 146 din 27.06.2013

în calitate de publicație științifică de profil, Categoria „B”,
la specialitățile: 12.00.10 - drept internațional public; 12.00.03 - drept
internațional privat (*profilul drept*) și 23.00.04 – teoria și istoria
relațiilor internaționale și dezvoltării globale (*profilul științe politice*)

„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații
Internaționale” este o revistă științifică care publică articole
cu acces deschis în baza Licenței

Creative Commons Attribution 4.0 International Public License (CC BY).



Revista este inclusă în bazele de date internaționale:

International Scientific Indexing (ISI) – Factorul de impact - 0.845 (2016),
European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH
PLUS), Social Science Research Network (SSRN), Biblioteca Științifică
Electronică eLIBRARY.RU, Instrumentul Bibliometric Național
pentru calcularea factorului de impact și indexului de citare

ADRESA NOASTRĂ:

Republica Moldova, mun. Chișinău,
str. Gh. Iablocikin, 2/1, bir. 802, MD 2069.

Tel: (+373) 69185527

Fax: (+373) 22.43.03.05

E-mail: alexandruburian@mail.ru; alexandruburian@yahoo.com;

WEB pagina: <http://www.rmdiri.md>; <http://usem.md/md/p/rmdiri>

Indexul poștal: PM 32028

Toate articolele științifice primite de biroul editorial al revistei în
mod obligatoriu sunt supuse recenzării. Revista folosește
recenzarea „double-blind reviewing” (recenzentul nu știe cine este
autorul articolului, autorul nu știe cine este recenzent).

Formulările și prezentarea materialelor nu reprezintă întotdeauna
poziția revistei și nu angajează în nici un fel redacția.

Responsabilitatea asupra conținutului articolelor
revine în exclusivitate autorilor.

© „Revista Moldovenească de Drept Internațional
și Relații Internaționale”, 2006-2017.

Toate drepturile rezervate

SUMAR

DREPT INTERNAȚIONAL PUBLIC

- **KISELEVA Ekaterina.** Unele inițiative ale Organizației
Internaționale a Muncii în contextul abordării bazate pe protecția
drepturilor omului la migrație.....9

DREPT EUROPEAN

- **KOŁODZIEJCZYK Marta.** Dreptul de a fi uitat ca unul dintre
principiile-cheie ale UE. Reforma legislativă privind protecția
datelor.....19
- **MELNIC Violeta.** Perspectivele Dreptului penal al Uniunii
Europene.....30

RELATII INTERNAȚIONALE

- **CHINDÎBALIUC Oleana.** Energetica: probleme vechi de
configurare curentă.....40
- **DYULGEROVA Nina.** Paradigma energetică în Regiunea Mării
Negre.....45
- **EVSEEV Vladimir, HARITONOV Daria.** Calea dificilă a Rusiei
și Japoniei privind Acordul de pace.....51

TRIBUNA TINERILOR CERCETĂTORI

- **CHELARU Valeria.** Mecanismele de putere ale Rusiei și
moștenirea imperiului. Conflictul înghețat din Caucaz.....75
- **DRUȚĂ Natalia.** Particularitățile realizării dreptului la inițiativă
legislativă de către Comisia Europeană.....86
- **SURMA Ludmila.** Medierea – modalitate eficientă de soluționare a
litigiilor.....93
- **TRISIN Olga.** Efectele problemei minorităților în Republica
Moldova asupra integrității sale teritoriale și stabilității politice
interne.....100

COMUNICĂRI ȘTIINȚIFICE

- **GUSEV Leonid.** Cooperarea energetică în zona Mării Caspice și a
Mării Negre.....106
- **GUO Ping.** Coordonarea privind răspunderea pentru poluare cu
hidrocarburi utilizate pentru propulsia navei (poluare de „bunker”) și
regimul de limitare a răspunderii pentru Creanțe
Maritime.....112
- **STOILOVA Veronika.** Probleme actuale ale cooperării dintre
Uniunea Europeană și Organizația de Cooperare Economică la Marea
Neagră.....123

TRIBUNA DISCUȚIONALĂ

- **KLENKA Michal.** Aspecte juridice ale omorului intenționat cu
ajutorul dronelor.....128
- **METREVELI Nikoloz.** Impactul dezvoltării tehnologiilor
informaționale și de comunicații asupra proceselor politice din
Georgia.....142
- **SÎCI Alexandru.** Despre terminologie și nu numai (la 100-a
aniversare a revoluției din Octombrie din Rusia).....148
- **IAȘCOVA Polina.** Ideologia Uniunii Sovietice în condițiile de
schimbare a conjuncturii relațiilor internaționale de la mijlocul anilor
1980.....161

RUBRICA REVISTEI

- Consiliul redacțional al revistei „Revista Moldovenească de Drept
Internațional și Relații Internaționale”.....168
- Colegiul de redacție (Recenzenții).....175
- Date despre autori.....180
- Cerințele privind condițiile de prezentare a manuscriselor pentru
publicare în „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații
Internaționale”.....184
- Declarație privind etica publicațiilor științifice.....196

REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE

Nr. 1 (Volumul 12), 2017

ISSN 1857-1999 E-ISSN 2345-1963

CONSILIUL REDACȚIONAL:

REDACTOR-ȘEF:

BURIAN Alexandru

doctor habilitat în drept, profesor universitar



REDACTOR-ȘEF ADJUNCT:

CHINDĂBALIUC Oleana

doctor în științe politice, conferențiar universitar



SECRETAR ȘTIINȚIFIC:

CHIRTOACĂ Natalia

doctor în drept, conferențiar universitar



MEMBRI AI CONSILIULUI REDACȚIONAL:

ANGEL Jose Luis IRIARTE	Doctor în drept, profesor universitar (Spania)	
ARHILIUC Victoria	Doctor habilitat în drept, profesor cercetător (Republica Moldova)	
ABASHIDZE Aslan	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Federația Rusă)	
BALAN Oleg	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Republica Moldova)	
BENIUC Valentin	Doctor habilitat în științe politice, profesor universitar (Republica Moldova)	
BOSHITSKY Iuryi	Doctor în drept, profesor universitar (Ucraina)	
DERGACIOV Vladimir	Doctor habilitat în științe geografice, profesor universitar (Ucraina)	
DYULGEROVA Nina	Doctor habilitat în economie, profesor universitar (Bulgaria)	
FUAREA Augustin	Doctor în drept, profesor universitar (România)	
HABÁNIK Jozef	Doctor în economie (Slovacia)	
HEINRICH Hans-Georg	Doctor în drept, profesor universitar (Austria)	
KAPUSTIN Anatolie	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Federația Rusă)	
LIPKOVA Ludmila	Doctor, ing., profesor universitar (Slovacia)	
MAZILU Dumitru	Doctor în drept, profesor universitar (România)	
NAZARIA Sergiu	Doctor habilitat în științe politice, conferențiar universitar (Republica Moldova)	
PAPAVA Vladimer	Doctor habilitat în economie, profesor universitar (Georgia)	
POPESCU Dumitra	Doctor în drept, profesor universitar (România)	
STRATIEVSCHI Dmitrii	Doctor în științe istorice (Republica Federală Germania)	
SEDLIȚCHI Iurie	Doctor în drept, profesor universitar (Republica Moldova)	
TIMCENCO Leonid	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Ucraina)	
VERESHCHETIN Vladlen	Doctor habilitat în drept, profesor universitar (Federația Rusă)	
WILLIAMS Silvia Maureen	Doctor în drept și științe sociale, profesor universitar (Argentina)	

COLEGIUL DE REDACȚIE (RECENZENȚII):

REDACTOR-ȘEF ADJUNCT, PREȘEDINTE AL COLEGIULUI DE REDACȚIE:

CHINDĂBALIUC Oleana

doctor în științe politice, conferențiar universitar



MEMBRI AI COLEGIULUI DE REDACȚIE:

ANIȚEI Nadia Cerasela	Doctor în drept, profesor universitar (România)	
BURIAN Cristina	Doctor în drept, conferențiar universitar (Republica Moldova)	
CIUCĂ Aurora	Doctor în drept, profesor universitar (România)	
DORUL Olga	Doctor în drept, conferențiar universitar (Republica Moldova)	
EVSEEV Vladimir	Doctor în științe tehnice (Federația Rusă)	
GENTIMIR Alina Mirabela	Doctor în drept (România)	
GLADARENCO-STOIAN Maia	Doctor în istorie (Marea Britanie)	
GLUHAIA Diana	Doctor în drept (Spania)	
GUO Ping	Doctor în drept maritim, profesor universitar (Republica Populară Chineză)	
IOVIȚĂ Alexandrina	Doctor în drept (Republica Moldova – Elveția)	
JANAS Karol	Doctor în științe politice, conferențiar universitar (Slovacia)	
KOVALEVA Natalia	Doctor în pedagogie, conferențiar universitar (Federația Rusă)	
LÎSENCO Vladlena	Doctor habilitat în drept, conferențiar universitar (Republica Moldova)	
MATTOȘ Boris	Doctor în științe politice (Slovacia)	
METREVELI Levan	Doctor în științe politice (Georgia)	
MOUSMOUTI Maria	Doctor în drept (Grecia)	
SÂRCU Diana	Doctor habilitat în drept, conferențiar universitar (Republica Moldova)	
SÎCI Alexandru	Doctor habilitat în științe istorice, profesor universitar (Ucraina)	
SMOCHINĂ Carolina	Doctor în drept, conferențiar universitar (Cipru)	
SOLNȚEV Alexandr	Doctor în drept, conferențiar universitar (Federația Rusă)	
ISMAYL Togrul	Doctor în istorie, doctor în economie, conferențiar universitar (Turcia)	
ȚIGĂNAȘ Ion	Doctor în drept (Republica Moldova)	

© „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”, 2006-2017.

Toate drepturile rezervate

**MOLDAVIAN JOURNAL
OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS**

ISSN 1857-1999 E-ISSN 2345-1963

Published quarterly. Issued since 2006.

No. 1 (Volume 12), 2017

Scientific-theoretical and information-practical
periodical publication founded by

Association of International Law from
the Republic of Moldova

Co-founders:

The Institute of Legal and Political Research
of The Academy of Sciences of Moldova,
The University of European Studies of Moldova,
The Moldavian State Institute of International Relations,
The Association of Foreign Policy
and International Cooperation from the Republic of Moldova

Registered
by the State Registration Chamber
of the Ministry of Justice of the Republic of Moldova
the Certificate No. MD 000039 „4” august 2009

Accredited
by decision No. 146/27.06.2013
of the Supreme Council for Science and Technological Development
of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council
for Accreditation and Attestation of the Republic of Moldova
as of profile scientific publication, Category „B”,
in the field of: 12.00.10 - Public International Law; 12.00.03 - Private
International Law (*profile of legal science*) and 23.00.04 - Theory and
History of International Relations and Global Development (*profile of
political science*)

„Moldavian Journal of International Law and International
Relations” is a scientific journal that publishes articles
with *open access*, is licensed under
Creative Commons Attribution 4.0 International Public License (CC BY).



The journal is included in the international database:
International Scientific Indexing (ISI) – / Impact Factor - 0.845 (2016),
European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH
PLUS), Social Science Research Network (SSRN), Scientific Electronic
Library eLIBRARY.RU, Instrumental Bibliometric National
to calculate the impact factor and citation index

OUR ADDRESS:

MD-2069, The Republic of Moldova, Chisinau, of. 305,
2/1 Ghenadie Iablocikin str.

Tel: (+373) 69185527

Fax: (+373) 22.43.03.05

E-mail: alexandruburian@mail.ru; alexandruburian@yahoo.com;

WEB site: <http://www.rmdiri.md>; <http://usem.md/md/p/rmdiri>

Edition index PIN: PM 32028

All scientific articles, received by the Editorial Board of our journal
are subject to mandatory review. The journal uses *double-blind*
reviewing – (authors do not know who reviews their paper, and
reviewers do not know the names of the authors).

The views of of the Editorial Board does not necessarily coincide with
the views of authors.

The responsibility for the authenticity and accuracy of the facts
in the published articles rests with the authors.

© Moldavian Journal of International Law
and International Relations, 2006-2017.

All rights reserved.

CONTENTS

PUBLIC INTERNATIONAL LAW

- *KISELEVA Ekaterina*. Certain ILO centenary initiatives in the context of Human rights-based approach to migration.....9

EUROPEAN LAW

- *KOŁODZIEJCZYK Marta*. Right to be forgotten as one of key principles of the EU. Data Protection Law Reform.....19
- *MELNIC Violeta*. The Criminal law’ outlooks in European Union.....30

INTERNATIONAL RELATIONS

- *KINDIBALYK Olyana*. Energetics: old problems of current configuration.....40
- *DYULGEROVA Nina*. Energy paradigm of the Black Sea Region.....45
- *EVSEEV Vladimir, KHARITONOV Daria*. The difficult path of Russia and Japan to the Peace Agreement.....51

THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

- *CHELARU Valeria*. Russia’s power mechanism and the legacy of empire. Frozen conflicts in the Caucasus75
- *DRUTA Natalia*. The peculiarities of realization of the right to legislative initiative by the European Commission.....86
- *SURMA Lyudmila*. Mediation is an effective way of resolving disputes.....93
- *TRISHIN Olga*. The effects of the problem of minorities in the Republic of Moldova on its territorial integrity and stability of the domestic political.....100

THE SCIENTIFIC COMMUNICATIONS

- *GUSEV Leonid*. Energy cooperation in the Caspian and Black Sea region.....106
- *GUO Ping*. Coordination on Compensation Liability for Bunker Pollution and Regime of Limitation of Liability for Maritime Claims.....112
- *STOILOVA Veronika*. Topical issues of cooperation between the European Union and the Organization of the Black Sea Economic Cooperation.....123

THE TRIBUNE OF DISCUSSION

- *KLENKA Michal*. Legal aspects of targeted killing using drones.....128
- *METREVELI Nikoloz*. The impact of the development of information and communication technologies on political processes in Georgia.....142
- *SYCH Alexander*. About terminology and not only (to the 100-th anniversary of the October revolution in Russia).....148
- *YASHKOVA Polina*. The ideology of the Soviet Union in the changing international developments in the mid-1980s.....161

OUR JOURNAL

- Editorial board of the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.....168
- Reviewers.....175
- About authors.....180
- Requirements to papers for publication in the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.....188
- Declaration on the ethical and legal basis of the editorial policy.....198

MOLDAVIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

Nr. 1 (Volume 12), 2017

ISSN 1857-1999 E-ISSN 2345-1963

EDITORIAL BOARD (CONSILIUM):

EDITOR –IN – CHIEF:

BURIAN Alexander

Doctor of Juridical Sciences, Professor



DEPUTY EDITOR –IN – CHIEF:

KINDIBALYK Olyana

Ph.D in Political Sciences, Associate Professor



SCIENTIFIC SECRETARY:

CHIRTOACA Natalia

Ph.D in Law, Associate Professor



MEMBER OF THE EDITORIAL BOARD (CONSILIUM):

ANGEL Jose Luis IRIARTE	Doctor of Law, Professor (Spain)	
ARHILIUC Victoria	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Republic of Moldova)	
ABASHIDZE Aslan	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Federation)	
BALAN Oleg	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Republic of Moldova)	
BENIUC Valentin	Doctor of Political Sciences, Professor (The Republic of Moldova)	
BOSHITSKYI Iurii	Ph.D in Law, Professor (Ukraine)	
DERGACHEV Vladimir A.	Dr. Sc. (Geography), Professor, Expert in geopolitics (Ukraine)	
DYULGEROVA Nina	Doctor of Economic Sciences, Professor (Bulgaria)	
FUAREA Augustin	Doctor of Law, Professor (Romania)	
HABÁNIK Jozef	Doctor of Economic Sciences (The Slovak Republic)	
HEINRICH Hans-Georg	Doctor of Juridical Sciences, Professor (Austria)	
KAPUSTIN Anatoly	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Federation)	
LIPKOVA Ludmila	Doctor Eng., Professor (The Slovak Republic)	
MAZILU Dumitru	Doctor of Law, Professor (Romania)	
NAZARIA Sergei	Doctor of Political Sciences (The Republic of Moldova)	
PAPAVA Vladimer	Doctor of Economic Sciences, Professor (Georgia)	
POPESCU Dumitru	Doctor of Law, Professor (Romania)	
STRATIEVSKI Dmitri	Doctor of History (The Federal Republic of Germany)	
SEDLITSCHI Yuri	Ph.D in Law, Professor (The Republic of Moldova)	
TIMCHENKO Leonid	Doctor of Juridical Sciences, Professor (Ukraine)	
VERESHCHETIN Vladlen	Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Federation)	
WILLIAMS Silvia Maureen	Doctor of Law and Social Sciences, Professor (Argentina)	

EDITORSHIP (REVIEWERS):

DEPUTY EDITOR –IN – CHIEF, HEAD OF EDITORSHIP:

KINDIBALYK Olyana

Ph.D in Political Sciences, Associate Professor



MEMBER OF THE EDITORSHIP:

ANITEI Nadia Cerasela	Ph.D in Law, Professor (Romania)	
BURIAN Cristina	Ph.D in Law, Associate Professor (The Republic of Moldova)	
CIUCA Aurora	Ph.D in Law, Professor (Romania)	
DORUL Olga	Ph.D in Law, Associate Professor (The Republic of Moldova)	
EVSEEV Vladimir	Ph.D in Technical Science (The Russian Federation)	
GENTIMIR Alina Mirabela	Ph.D in Law (Romania)	
GLADARENCO-STOIAN Maia	Ph.D in History (United Kingdom)	
GLUHAIA Diana	Ph.D in Law (Spain)	
GUO Ping	Doctor in Law, Professor of Maritime Law (The People's Republic Of China)	
IOVITA Alexandrina	Ph.D in Law (The Republic of Moldova – Switzerland)	
JANAS Karol	Doctor of Political Sciences, Associate Professor (The Slovak Republic)	
KOVALEVA Natalia	Ph.D in Pedagogical Sciences, Associate Professor (The Russian Federation)	
LISENCO Vladlena	Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor (The Republic of Moldova)	
MATTOS Boris	Ph.D in Political Sciences (The Slovak Republic)	
METREVELI Levan	Doctor of Political Sciences (Georgia)	
MOUSMOUTI Maria	Ph.D in Law (Greece)	
SARCU Diana	Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor (The Republic of Moldova)	
SYCH Alexander	Doctor of History, Professor (Ukraine)	
SMOCHINA Carolina	Ph.D in Law, Associate Professor (Cyprus)	
SOLNTSEV Alexander	Ph.D in Law, Associate Professor (The Russian Federation)	
ISMAYL Togrul	Ph.D in History, Ph.D in Economic Sciences, Associate Professor (Turkey)	
TIGANAS Ion	Ph.D in Law (The Republic of Moldova)	

© Moldavian Journal of International Law and International Relations, 2006-2017.

All rights reserved.

**МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

ISSN 1857-1999 E-ISSN 2345-1963

Выходит с 2006 года. Издаётся 4 раза в год

№ 1 (Том 12), 2017 год

Научно-теоретический и информационно-практический периодический журнал, основанный Ассоциацией международного права Республики Молдова

Соучредители:

Институт юридических и политических исследований Академии наук Молдовы, Европейский университет Молдовы, Молдавский государственный институт международных отношений, Ассоциация внешней политики и международного сотрудничества Республики Молдова

Зарегистрирован

Государственной Регистрационной Палатой при Министерстве юстиции Республики Молдова
Сертификат № MD 000039 от «4» августа 2009 года

Аккредитован

решением № 146 от 27.06.2013 г.

Верховного Совета по Науке и Технологическому развитию Академии наук Молдовы и Национального Совета по Аккредитации и Аттестации Республики Молдова как профильная научная публикация, категория «Б», по специальностям:

12.00.10 - международное публичное право; 12.00.03 – международное частное право (*профиль юридические науки*) и 23.00.04 - теория и история международных отношений и глобального развития (*профиль политические науки*)

«Молдавский журнал международного права и международных отношений» является научным журналом, который публикует статьи с *открытым доступом* под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 International Public License](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) (CC BY).



Журнал включен в международные базы данных: [International Scientific Indexing \(ISI\)](http://www.isinet.org/) – /Импакт-фактор - 0.845 (2016), [European Reference Index for the Humanities and Social Sciences \(ERIH PLUS\)](http://erih-plus.org/), [Social Science Research Network \(SSRN\)](http://www.ssrn.com/), [Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU](http://www.eLIBRARY.RU/), [Instrumental Bibliometric National](http://www.instrumental-bibliometric.com/) для учета импакт-фактора и индекса цитирования

НАШ АДРЕС:

ул. Г. Яблочкин, 2/1, оф. 305, мун. Кишинёв,
Республика Молдова, MD 2069
Тел. (+373) 69185527
Факс: (+373) 22.43.03.05

E-mail: alexandruburian@mail.ru; alexandruburian@yahoo.com;

WEB страница: <http://www.rmdiri.md>; <http://usem.md/md/p/rmdiri>

Почтовый индекс: RM 32028

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.

В журнале используются двустороннее слепое рецензирование („double-blind reviewing” – рецензент не знает, кто автор статьи, автор статьи не знает, кто рецензент).

Мнения редакции не обязательно совпадают с мнениями авторов публикаций.

Ответственность за точность проводимой информации и изложение фактов лежит на авторах.

© «Молдавский журнал международного права и международных отношений», 2006-2017.

Все права зарегистрированы

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

- **КИСЕЛЕВА Екатерина.** Некоторые инициативы столетия Международной Организации Труда в контексте правозащитного подхода к миграции.....9

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

- **КОЛОДЗЕЙЧУК Марта.** Право быть забытым как один из ключевых принципов ЕС. Законодательная реформа защиты данных.....19
- **МЕЛЬНИК Виолета.** Перспективы Уголовного права Европейского союза.....30

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- **КИНДЫБАЛЮК Оляна.** Энергетика: старые проблемы современной конфигурации.....40
- **ДЮЛЬГЕРОВА Нина.** Парадигма энергетического развития Черноморского региона.....45
- **ЕВСЕЕВ Владимир, ХАРИТОНОВА Дарья.** Трудный путь России и Японии к мирному договору.....51

Трибуна молодых ученых

- **КЕЛАРУ Валерия.** Механизмы власти России и наследие империи. «Замороженные» конфликты на Кавказе.....75
- **ДРУЦЭ Наталья.** Особенности реализации права законодательной инициативы Европейской Комиссией.....86
- **СУРМА Людмила.** Медиация – эффективный способ разрешения споров.....93
- **ТРИШИН Ольга.** Последствия проблемы национальных меньшинств в Республике Молдова относительно своей территориальной целостности и внутренней политической стабильности.....100

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- **ГУСЕВ Леонид.** Энергетическое сотрудничество в зоне Каспийского и Чёрного морей.....106
- **ГУО Пинг.** Координация компенсаций с ограниченной ответственностью за загрязнение бункерным топливом и режим ограничения ответственности по морским требованиям.....112
- **СТОИЛОВА Вероника.** Актуальные вопросы сотрудничества между ЕС и Организацией Черноморского экономического сотрудничества.....123

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- **КЛЕНКА Михал.** Правовые аспекты преднамеренного убийства с помощью дронов.....128
- **МЕТРЕВЕЛИ Николоз.** Влияние развития информационно-коммуникационных технологий на политические процессы в Грузии.....142
- **СЫЧ Александр.** О терминологии и не только (к 100-летию Октябрьской революции в России).....148
- **ЯШКОВА Полина.** Идеология Советского союза в условиях меняющейся конъюнктуры международных отношений в середине 1980-х гг.161

О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

- Редакционный совет «Молдавского журнала международного права и международных отношений».....168
- Редакционная коллегия (Рецензенты).....175
- Наши авторы.....180
- Требования к оформлению статей для публикации в «Молдавском журнале международного права и международных отношений».....192
- Декларация об этических и правовых основах редакционной политики.....200

МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

№ 1 (Том 12), 2017

ISSN 1857-1999 E-ISSN 2345-1963

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

БУРИАН Александр

доктор юридических наук, профессор



ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

КИНДЫБАЛЮК Оляна

кандидат политических наук, доцент



УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

КИРТОАКЭ Наталья

кандидат юридических наук, доцент



ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АНХЕЛ Хосе Луис ИРИАРТЕ	Доктор права, профессор (Испания)	
АРХИЛЮК Виктория	Доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)	
АБАШИДЗЕ Аслан	Доктор юридических наук, профессор (Российская Федерация)	
БАЛАН Олег	Доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)	
БЕНЮК Валентин	Доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)	
БОШИЦКИЙ Юрий	Кандидат юридических наук, профессор (Украина)	
ВЕРЕЩЕТИН Владлен	Доктор юридических наук, профессор (Российская Федерация)	
ДЕРГАЧЕВ Владимир	Доктор географических наук, профессор (Украина)	
ДЮЛГЕРОВА Нина	Доктор экономических наук, профессор (Болгария)	
КАПУСТИН Анатолий	Доктор юридических наук, профессор (Российская Федерация)	
ЛИПКОВА Людмила	Доктор, профессор (Словакия)	
МАЗИЛУ Думитру	Доктор права, профессор (Румыния)	
НАЗАРИЯ Сергей	Доктор политических наук, доцент (Республика Молдова)	
ПАПАВА Владимир	Доктор экономических наук, профессор (Грузия)	
ПОПЕСКУ Думитра	Доктор права, профессор (Румыния)	
СТРАТИЕВСКИЙ Дмитрий	Доктор исторических наук, (ФРГ)	
СЕДЛЕЦКИЙ Юрий	Кандидат юридических наук, профессор (Республика Молдова)	
ТИМЧЕНКО Леонид	Доктор юридических наук, профессор (Украина)	
ФУЕРЕА Августин	Доктор права, профессор (Румыния)	
ХАБАНИК Джозеф	Доктор экономических наук (Словакия)	
ХЕЙНДРИЧ Ханс-Георг	Доктор права, профессор (Австрия)	
УИЛЬЯМС Сильвия Морин	Доктор права и социальных наук, профессор (Аргентина)	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ (РЕЦЕНЗЕНТЫ):

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

КИНДЫБАЛЮК Оляна

кандидат политических наук, доцент



ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

АНИЦЕЙ Надия Черасела	Доктор права, профессор (Румыния)	
БУРИАН Кристина	Кандидат юридических наук, доцент (Республика Молдова)	
ГЛАДАРЕНКО-СТОЯН Майя	Доктор истории (Великобритания)	
ГЛУХАЯ Диана	Доктор права (Испания)	
ГУО Пинг	Доктор права, профессор морского права (Китайская Народная Республика)	
ДЖЕНТИМИР Алина	Доктор права (Румыния)	
ДОРУЛ Ольга	Кандидат юридических наук, доцент (Республика Молдова)	
ЕВСЕЕВ Владимир	Кандидат технических наук (Российская Федерация)	
ИОВИЦЭ Александрна	Кандидат юридических наук (Республика Молдова – Швейцария)	
КОВАЛЕВА Наталья	Кандидат педагогических наук, доцент (Российская Федерация)	
ЛЫСЕНКО Владлена	Доктор юридических наук, доцент (Республика Молдова)	
МАТТОШ Борис	Доктор политических наук (Словакия)	
МЕТРЕВЕЛИ Леван	Доктор политических наук (Грузия)	
МОУСМУТИ Мария	Доктор права (Греция)	
СЫРКУ Диана	Доктор юридических наук, доцент (Республика Молдова)	
СЫЧ Александр	Доктор исторических наук, профессор (Украина)	
СМОКИНА Каролина	Доктор права, доцент (Кипр)	
СОЛНЦЕВ Александр	Кандидат юридических наук, доцент (Российская Федерация)	
ИСМАИЛ Тогрул	Доктор истории, доктор экономики, доцент (Турция)	
ЦИГЭНАШ Ион	Кандидат юридических наук (Республика Молдова)	
ЧИУКЭ Аурора	Доктор права, профессор (Румыния)	
ЯНАС Карол	Доктор политических наук, доцент (Словакия)	

© «Молдавский журнал международного права и международных отношений», 2006-2017.

Все права зарегистрированы

REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE

„[Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale](#)”, a fost lansată în anul 2006 ca proiecție a unui forum ce promovează valorificarea diferitelor opinii, uneori diametral opuse, cu privire la starea actuală a dreptului internațional și a relațiilor internaționale, familiarizând cititorii săi cu punctele de vedere ale experților și oamenilor de știință din diferite țări, atât din Orient, cât și din Occident.

Revista publică articole cu *acces liber*, este licențiată de [Creative Commons Attribution 4.0 International Public License](#) (CC BY), este acreditată în Moldova ca o publicație științifică, fiind inclusă în diverse baze de date internaționale: [International Scientific Indexing \(ISI\)](#), [European Reference Index for the Humanities and Social Sciences \(ERIH PLUS\)](#), [Social Science Research Network \(SSRN\)](#), [Biblioteca electronică științifică eLIBRARY.RU](#), [Instrumentul Bibliometric Național](#) et al., pentru calcularea factorului de impact și indicele de citare. Revista folosește recenzarea „*double-blind reviewing*” — (recenzentul nu știe cine este autorul articolului, autorul nu știe cine este recenzent).

Actualmente, publicația este o revistă conceptuală despre diferite domenii ale dreptului internațional și relațiilor internaționale, devenind un centru de atracție pentru forțele de creație, care a obținut recunoașterea publicului și a creat un colectiv larg de autori.

De-a lungul perioadei 2006-2017 în revistă au fost publicate mai mult de 600 de articole a autorilor din peste 25 de țări (Republica Moldova — 408, Ucraina — 71, Federația Rusă — 46, România — 42, Republica Slovacă — 13, Republica Belarus — 7, Republica Federală Germania — 6, Georgia — 7, Grecia — 5, Republica Franceză — 6, Regatul Spaniei — 3, Azerbaidjan — 3, Turcia — 3, Tadjikistan — 2, Ungaria — 2, Republica Polonă — 2, Bulgaria — 3, SUA — 1, Republica Populară Chineză — 1, etc.). Spectrul problemelor examinate a devenit extrem de larg. O atenție sporită este acordată elucidării problemelor teoretico-practice din domeniul dreptului internațional și al relațiilor internaționale.

MOLDAVIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

The „[Moldavian Journal of International Law and International Relations](#)” was launched in 2006 as an open forum for different, sometimes diametrically opposite points of view on the current state of international law and international relations, acquainting its readers with the views of scientists and experts from different countries, both in the East and the West.

The journal that publishes articles with *open access*, is licensed under [Creative Commons Attribution 4.0 International Public License](#) (CC BY), accredited in the Republic of Moldova as a scientific publication, is included in the international database: [International Scientific Indexing \(ISI\)](#), [European Reference Index for the Humanities and Social Sciences \(ERIH PLUS\)](#), [Social Science Research Network \(SSRN\)](#), [Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU](#), [Instrumental Bibliometric Național](#) etc., to calculate the impact factor and citation index. The journal uses *double-blind reviewing* — (authors do not know who reviews their paper, and reviewers do not know the names of the authors).

Today it is a conceptual journal about various fields of international law and international relations, which became the centre of attraction of creative forces and managed to find its readers, forming around a wide group of authors.

Over the period 2006-2017 more than 600 articles have been published in the journal, by authors from more than 25 countries (The Republic of Moldova — 408, Ukraine — 71, The Russian Federation — 46, Romania — 42, The Slovak Republic — 13, The Republic of Belarus — 7, The Federal Republic of Germany — 6, Georgia — 7, Greece — 5, The French Republic — 6, Spain — 3, Azerbaijan — 3, Turkey — 3, Tajikistan — 2, Hungary — 2, Poland — 2, Bulgaria — 3, USA — 1, The People's Republic of China — 1, etc.). Spectrum of the issues was as broad as possible. Particular attention is given to coverage of theoretical and practical issues of international law and international relations.


МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Издание «[Молдавского журнала международного права и международных отношений](#)» стартовало в 2006 г. как открытая трибуна для различных, подчас диаметрально противоположных точек зрения на современное состояние международного права и международных отношений, знакомя своих читателей с взглядами ученых и экспертов из разных стран, как с Востока, так и с Запада.

Журнал публикует статьи с *открытым доступом* под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 International Public License](#) (CC BY), аккредитован в Молдавии как научное издание, включен в различные международные базы данных: [International Scientific Indexing \(ISI\)](#), [European Reference Index for the Humanities and Social Sciences \(ERIH PLUS\)](#), [Social Science Research Network \(SSRN\)](#), [Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU](#), [Instrumental Bibliometric Național](#) и др. для учета импакт-фактора и индекса цитирования. В журнале используются двустороннее слепое рецензирование (*double-blind reviewing* – рецензент не знает, кто автор статьи, автор статьи не знает, кто рецензент).

Сегодня это концептуальный журнал о самых различных сферах международного права и международных отношений, который стал центром притяжения творческих сил и сумел найти своего читателя, сформировав вокруг себя широкий авторский коллектив.

За 2006-2017 гг. в журнале было опубликовано более 600 статей авторов из более 25 стран (Республика Молдова — 408, Украина — 71, Российская Федерация — 46, Румыния — 42, Республика Словакия — 13, Республика Беларусь — 7, Германия — 6, Грузия — 7, Греция — 5, Французская Республика — 6, Королевство Испания — 3, Азербайджан — 3, Турция — 3, Таджикистан — 2, Венгрия — 2, Польша — 2, Болгария — 3, США — 1, КНР — 1, и т.д.). Спектр рассматриваемых проблем стал максимально широким. Особое внимание уделяется освещению теоретических и практических вопросов международного права и международных отношений.

 <p>REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE Chișinău, Republica Moldova</p>	<p>Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений</p> <p>2017, Issue 1, Volume 12, Pages 9-18. ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963 Submitted: 15. 11. 2016 Accepted: 15.02. 2017 Published: 30.03. 2017</p>
---	--

**DREPT INTERNAȚIONAL PUBLIC
PUBLIC INTERNATIONAL LAW
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО**

**НЕКОТОРЫЕ ИНИЦИАТИВЫ СТОЛЕТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ПРАВООЩИТНОГО ПОДХОДА К МИГРАЦИИ***

**CERTAIN ILO CENTENARY INITIATIVES IN THE CONTEXT
OF HUMAN RIGHTS-BASED APPROACH TO MIGRATION**

**UNELE INIȚIATIVE ALE CENTENARULUI ORGANIZAȚIEI INTERNAȚIONALE
A MUNCII, ÎN CONTEXTUL ABORDĂRII BAZATE PE PROTECȚIA DREPTURILOR
OMULUI LA MIGRAȚIE**

KISELEVA Ecaterina / KISELEVA Ekaterina / КИСЕЛЕВА Екатерина**

ABSTRACT:

**CERTAIN ILO CENTENARY INITIATIVES IN THE CONTEXT OF HUMAN RIGHTS-BASED
APPROACH TO MIGRATION**

In recent years, the human rights-based approach to migration emerged and got recognition at the level of the United Nations Organization. At the core of the approach is the obligation of states to fulfil their human rights commitments at all stages and in respect of all kinds and forms of migration. The significant part of international migrants in the world is labour migrants.

The leading international inter-state organization that aims at elaboration of and control over implementation of standards in the field of work is the International Labour Organization. In context of its centenary celebrations to be held in 2019, the International Labour Organization launched seven initiatives, of which three are considered in the present article in their connection to migration.

Key words: *international law, migration, international legal regulation of migration, human rights-based approach, International Labour Organization, centenary initiatives.*

JEL Classification: K33, K19, F55

REZUMAT:

**UNELE INIȚIATIVE ALE CENTENARULUI ORGANIZAȚIEI INTERNAȚIONALE
A MUNCII, ÎN CONTEXTUL ABORDĂRII BAZATE PE PROTECȚIA DREPTURILOR OMULUI
LA MIGRAȚIE**

În ultimii ani, la nivelul Organizației Națiunilor Unite s-a format și a primit recunoașterea mecanismul abordării bazate pe protecția drepturilor la migrație. Esența acestui mecanism constă în obligația statelor de a

* Articolul este elaborat în cadrul proiectului RGNF 16-03-50188. / The article was prepared within the project RGNF 16-03-50188. / Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 16-03-50188.

** **KISELEVA Ekaterina** — Doctor în drept, conferențiar universitar, Catedra Drept Internațional, Universitatea Rusă de Prietenie a Popoarelor (RUDN University; Moscova, Federația Rusă). / **KISELEVA Ekaterina** — PhD in law, Associate Professor, Department of International Law of the Peoples Friendship University of Russia (RUDN University; Moscow, The Russian Federation). / **КИСЕЛЕВА Екатерина Вячеславовна** — Кандидат юридических наук, доцент, кафедра международного права Российского университета дружбы народов (г. Москва, Российская Федерация). **E-mail:** ekaterina.kiseleva.rudn@gmail.com

pune în aplicare obligațiile drepturile omului, în toate etapele și în raport cu toate tipurile și formele de migrație. O parte semnificativă a migranților internaționali, la nivel mondial, sunt migranții de muncă.

Liderul organizațiilor internaționale interguvernamentale, ale căror activități sunt concentrate pe dezvoltarea și monitorizarea punerii în aplicare a standardelor de muncă din lume este Organizația Internațională a Muncii. În contextul centenarului lucrărilor programate pentru 2019, Organizația Internațională a Muncii a lansat șapte inițiative, conținutul celor trei dintre ele, în ceea ce privește migrația, este studiat în acest articol.

Cuvinte cheie: drept internațional, migrație, reglementare juridică internațională a migrației, abordare bazată pe protecția drepturilor la migrație, Organizația Internațională a Muncii, inițiativa centenarului.

JEL Classification: K33, K19, F55

CZU: 341.217(4), 341.223.7

РЕЗЮМЕ:

НЕКОТОРЫЕ ИНИЦИАТИВЫ СТОЛЕТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ПРАВООЩИТНОГО ПОДХОДА К МИГРАЦИИ

В последние годы на уровне Организации Объединенных Наций сложился и получил признание правозащитный подход к миграции. Его суть заключается в обязанности государств реализовывать свои обязательства, затрагивающие права человека, на всех стадиях и применительно ко всем видам и формам миграции. Значительную часть международных мигрантов в мире составляют трудовые мигранты.

Ведущей международной межправительственной организацией, чья деятельность направлена на разработку и контроль за имплементацией стандартов в сфере труда, в мире является Международная организация труда. В контексте празднования столетия своей работы, запланированного на 2019 г., Международная организация труда запустила семь инициатив, содержание трех из которых применительно к миграции рассматривается в настоящей статье.

Ключевые слова: международное право, миграция, международно-правовое регулирование миграции, правозащитный подход, Международная организация труда, инициативы столетия.

JEL Classification: K33, K19, F55

УДК: 341.217(4), 341.223.7

Введение. Комплексное международно-правовое регулирование миграции к настоящему времени не сложилось, однако из объективной потребности государств в сотрудничестве по проблемам, связанным с перемещением людей через международные границы, начинают формироваться общие начала, применимые к любым миграционным передвижениям. Ведущая роль среди этих общих начал принадлежит правозащитному подходу. Первая часть нижеследующего материала очерчивает формулирование правозащитного подхода к миграции в новейших документах уровня Организации Объединенных Наций.

Поскольку наибольшая часть международных мигрантов находится вне страны своего постоянного места жительства с целью оплачиваемого труда, а стандарты в сфере труда – предмет компетенции Международной организации труда (далее МОТ), далее в статье предметом исследования становятся инициативы столетия МОТ, через которые МОТ вырабатывает «стратегическое направление, цель и содержание

своей работы и своего мандата»¹ на предстоящее столетие. Из семи инициатив столетия для рассмотрения выбраны посвященные темам будущего в сфере труда, а также женщинам в сфере труда и преодолению нищеты. Выбор объясняется невозможностью охватить в пределах одной статьи всех семи направлений, при основополагающем характере избранных.

Правозащитный подход к миграции в документах ООН. Международная миграция – многогранный феномен, разные стороны которого требуют учета собственных нюансов. Так, вынужденная миграция требует международно-правовых шагов, отличных от необходимых в сфере незаконной миграции; трудовая миграция не полностью совпадает по международно-правовому регулированию с экологической

¹ The ILO at Work: Results 2014-2015: The seven centenary initiatives / ILO. [On-line]: http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/how-the-ilo-works/results-based-management/reporting/2014-2015/WCMS_486047/lang-en/index.htm. (Visited on: 14.12.2016).

миграцией и так далее. Несмотря на многообразие форм миграции и деталей их правового регулирования, миграция сохраняет общие черты как явление общественной жизни, затрагивающее интересы государства как субъекта международного права: международная миграция связана с пересечением государственных границ, а потому способна воздействовать на контроль государством населения в пределах собственной территории; имея безусловный потенциал для развития государств, прежде всего экономического, миграция, тем не менее, несет с собой риски безопасности самого разного рода.

В этой связи, в последние десятилетия объективно формируются общие начала международно-правового регулирования миграции, что находит свое отражение в документах рекомендательного характера, принимаемых международными/всемирными конференциями и различными структурами Организации Объединенных Наций (далее ООН). Правозащитный подход, среди этих общих начал, являет пример наименее оспариваемый государствами и учеными.

В оформлении правозащитного подхода к миграции в деятельности ООН можно выделить несколько документов, принятых за последние пять лет. Начнем с того, что Генеральная Ассамблея ООН в 2012 г. запросила Генерального секретаря ООН провести анализ «вопроса о том, как правозащитная проблематика может способствовать разработке и осуществлению стратегий в области международной миграции и развития»². В результате выполнения этого запроса Генеральный секретарь ООН емко изложил суть правозащитного подхода к миграции, увязав его с развитием, в том числе в контексте повестки дня в области развития на период после 2015 г.³

В 2014 г. Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека (далее УВКПЧ) были разработаны «Рекомендуемые принципы и руководящие положения в отношении защиты прав человека на международных границах»⁴,

² Поощрение и защита прав человека, включая пути и способы поощрения прав человека мигрантов. Доклад Генерального секретаря ООН от 9 августа 2013 г. A/68/292. П. 1.

³ См.: Поощрение и защита прав человека, включая пути и способы поощрения прав человека мигрантов. Доклад Генерального секретаря от 9 августа 2013 г. A/68/292. П. 9-13. См. подробнее в этой части: Киселева Е.В., Кажяева О.С. Правозащитный подход к миграции и Цели развития тысячелетия. В: Российский юридический журнал. 2015, № 6, с. 131-141.

⁴ Recommended Principles and Guidelines on Human Rights at International Borders / OHCHR. [On-line]:

принятые к сведению государствами через соответствующую резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН⁵.

В 2015 г. были приняты Цели устойчивого развития, где правозащитный подход к миграции нашел отражение, например, в п. 23, 29 Декларации⁶.

Наконец, 19 сентября 2016 г. на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН прошел Саммит ООН по вопросам беженцев и мигрантов, по итогам которого была принята Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах, целиком основанная на правозащитном подходе и содержащая намерение государств разработать к 2018 г. два глобальных договора (Global Compacts) по проблемам вынужденной и законной добровольной миграции, соответственно⁷.

Таким образом, признание правозащитных обязательств государств применимыми во всех случаях миграции населения в 2016 г. уже можно считать общим местом международно-правового сотрудничества по вопросам миграции, хотя история их вербализации не так уж и длинна.

Инициативы столетия МОТ и миграция: общие сведения. По последним данным ООН, «в 2015 году число международных мигрантов и беженцев достигло 244 миллионов человек... Большинство международных мигрантов, 150 миллионов человек, – это трудящиеся-мигранты... Почти половину международных мигрантов в мире составляют женщины»⁸.

Международная организация труда – ведущее учреждение системы ООН по разработке стандартов в сфере труда, продвижению достойной занятости для всех, включая мигрантов.

http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Migration/OHCHR_Recommended_Principles_Guidelines.pdf. (Visited on: 19.12.2016). P. iv, 1-2, 7.

⁵ Поощрение и защита прав человека, включая пути и способы поощрения прав человека мигрантов. Доклад Генерального секретаря ООН от 7 августа 2014 г. A/69/277. П. 72.

⁶ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. A/RES/70/1. См. подробнее в этой части: Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Киселева Е.В., Конева А.Е., Круглов Д.А. Достижение Целей устойчивого развития (2016-2030): международно-правовое измерение. В: Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2016, № 1, с. 65-78.

⁷ Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах, принятая Генеральной Ассамблеей 19 сентября 2016 года. A/RES/71/1.

⁸ В условиях безопасности и достоинства: решение проблемы перемещений больших групп беженцев и мигрантов. Доклад Генерального секретаря ООН от 21 апреля. A/70/59. П. 12.

МОТ включала мигрантов в свои конвенции и рекомендации задолго до того, как подобные вопросы стали подниматься на уровне ООН⁹. Хотя МОТ принято несколько специальных актов о миграции¹⁰, иные конвенции, как правило, также применимы к работникам-мигрантам. В этой связи также примечательно внимание к теме миграции на формируемой в настоящее время повестке дня МБТ на 2018 год. Причем, как представляется, необходимо учитывать потенциал миграции для государств приема и происхождения, не ограничиваясь исключительно формально трудовой миграцией. Вынужденные мигранты (беженцы, лица в поисках убежища и иные) также нуждаются в облегчении доступа на рынок труда принимающих государств¹¹.

В 2019 г. исполняется 100 лет со дня учреждения МОТ, и в связи с приближением этой даты МОТ активно занимается осмыслением

⁹ См., например, принятые еще до создания ООН Рекомендацию 1922 г. № 19 о статистике миграции; Конвенцию 1925 г. № 19 о равноправии в области возмещения при несчастных случаях; Конвенцию 1935 г. № 48 о сохранении за мигрантами пенсионных прав. См.: Rodgers G., Lee E., Sweptson L., Daele J. Van. The International Labour Organization and the quest for social justice, 1919-2009. International Labour Office, Geneva 2009. P. 74-75; Boehning W.R. A brief account of the ILO and policies on international migration. ILO Century Project, 2008. P. 8 (as quoted by Rodgers G., Lee E., Sweptson L., Daele J. Van above).

¹⁰ Две конвенции непосредственно затрагивают права мигрантов (№ 97 о правах мигрантов (пересмотренная) 1949 г. и № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения 1975 г.¹⁰). Конвенция № 189 о достойном труде домашних работников 2011 г. считается особенно применимой к трудящимся-мигрантам. Кроме конвенций, МОТ приняты рекомендации (№ 100 о защите трудящихся-мигрантов в слаборазвитых странах 1955 г., № 86 о работниках-мигрантах (пересмотренная) 1949 г., № 151 о работниках-мигрантах 1975 г. См. подробнее: Бекашев Д.К., Иванов Д.В. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции: монография. М.: Проспект, 2013. (параграф 1 главы 2, доступно из СПС «КонсультантПлюс»); Киселева Е.В. Международно-правовое регулирование миграции. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РУДН, 2015, с. 232-237.

¹¹ См.: Decent Work for Migrants and Refugees / ILO. 19 September 2016. [On-line]: http://www.ilo.org/global/topics/labour-migration/publications/WCMS_524995/lang-en/index.htm. (Visited on: 19.12.2016); Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах от 19 сентября 2016 г.; Юркина Е.Е. Регулирование правового положения беженцев в Европейском Союзе: социально-политические и правовые аспекты. В: Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. 2007, № 4, с. 75-85.

важнейших направлений своей деятельности с целью формулирования приоритетов и акцентов, позиции и повестки дня своей работы на благо социальной справедливости во втором столетии своего функционирования. Особое место в этих инициативах занимает миграция.

На 102-й сессии Международной конференции труда (2013 г.) Генеральный директор Международного бюро труда представил программный доклад под заглавием «На пути к столетней годовщине МОТ: реалии, модернизация и приверженность трехсторонних участников»¹². В нем были проанализированы «те силы, которые обеспечивают трансформацию реалий в сфере труда и новаторских действий, которые в силу этого требуются от МОТ по наращиванию своих потенциальных возможностей выполнять свой мандат, гарантирующий социальную справедливость» (п. 1 Доклада). Последней, третьей главой доклада стало представление идей семи инициатив столетия (п. 149-157 Доклада). Миграция нашла свое место во разделах 1 и 2 доклада, а подразумеваемая включенность миграции в инициативы столетия (глава 3 Доклада) будет проанализирована ниже.

При характеристике изменившегося мира (глава 1 Доклада) отмечается, что, хотя «политика, непосредственно касающаяся демографических тенденций, выходит за рамки МОТ, есть пять очевидных областей, в которых деятельность самой МОТ, безусловно, потребует решения их последствий» (п. 20 Доклада). Одной из таких областей названа миграция: «... МОТ должна сыграть важную роль в повышении результативности усилий всей многосторонней системы, нацеленных на формирование концептуальных рамок, которые бы действительно обеспечивали соблюдение прав и интересов всех заинтересованных работающих лиц» (там же). Отдельно в этом же разделе упоминаются экологические факторы как «мощные движители миграции как внутри государственных границ, так и за их пределами» (п. 24 Доклада). В главе второй об институциональных вызовах упоминается «вклад МОТ в предшествующий в рамках Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 2013 года Диалог на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии» (п. 129 Доклада, см. также его же п. 20). В подразделе «На пути ко второму столетию борьбы за социальную справедливость» миграция названа наряду с другими шестью вопросами, которые «остаются

¹² На пути к столетней годовщине МОТ: реалии, модернизация и приверженность трехсторонних участников. Доклад Генерального директора МБТ / МБТ, Женева. ILC.102/DG/1A.

неизменными компонентами» основополагающих конституирующих актов МОТ в целом (п. 143-144 Доклада).

Таким образом, миграция присутствует в таких аспектах инициатив столетия, которые можно назвать «сквозными», пронизывающими все направления деятельности МОТ. Рассмотрим подробнее три из семи инициатив, выдвинутых и реализуемых МОТ в настоящее время: инициативу, касающуюся будущего в сфере труда, инициативу, касающуюся трудящихся-женщин, и инициативу по искоренению бедности (п. 155 Доклада)¹³.

Инициативы столетия МОТ и миграция в контексте некоторых конкретных целей. *Инициатива, касающаяся будущего в сфере труда.* В июне 2015 г. на 104-й сессии Международной конференции труда Генеральный директор МОТ Гай Райдер открыл новый этап обсуждения будущего сферы труда, представив доклад «Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда»¹⁴ в качестве одной из семи инициатив в контексте приближающегося столетия МОТ. Доклад освещает концепцию МОТ по вопросу о будущем сферы труда (п. 5-11), процесс реализации инициативы (п. 12-19), краткий анализ основных проблем в сфере труда сегодня (п. 23-32) и «диалогов столетия» по областям, имеющим ключевое значение на перспективу (труд и общество; достойные рабочие места для всех; организация труда и предприятия; управление сферой труда; п. 36-86). Завершается доклад тремя параграфами о будущем социальной справедливости (п. 87-89). Отметим связанные с миграцией положения.

В последние десятилетия широко признается, что *в сфере труда и общества* имеет место переход к постиндустриальному обществу с уменьшением доли труда в ВВП¹⁵. В своем послании Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. Президент России также высказался о необходимости «сосредоточиться на направлениях, где накапливается мощный технологический потенциал будущего, а это цифровые, другие, так называемые сквозные

технологии, которые сегодня определяют облик всех сфер жизни», предложил «запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики»¹⁶. Это ведет к изменению акцентов в сфере труда¹⁷. Так, например, меняется роль и значение труда в постиндустриальных обществах: с одной стороны, растет мотивация к самореализации через труд в сравнении с мотивацией к удовлетворению базовых нужд, с другой стороны, структурные препятствия к подобной самореализации служат значительным фактором маргинализации, например, применительно к молодежи из числа лиц с миграционным прошлым (мигрантов второго и последующих поколений), что сохраняет стабилизирующее значение сферы труда в экономической, политической и гуманитарной сферах, как и в годы создания МОТ. Увеличивается индивидуализация трудовых отношений через нестандартные формы занятости¹⁸ и проч. В этих условиях, всё большее значение приобретает и миграция как источник трудовых ресурсов¹⁹.

Отмеченное создает вызовы и – одновременно – потенциал по разным направлениям: для расширения доступа к труду в появляющихся/усиливающихся секторах экономики, для занятости уязвимых категорий лиц, включая мигрантов, для поддержания и/или повышения достигнутого уровня защиты прав человека в сфере труда, в частности, социальной защиты.

Одним из важнейших вызовов, на который предстоит дать ответ в части *организации труда и*

¹⁶ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 декабря 2016 г. [On-line]: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379#sel=46:1,47:1,6:96:1,96:14,102:1,102:45,110:1,111:49,128:1,128:84,130:1,130:29>. (Дата посещения: 19.12.2016).

¹⁷ См., в том числе: Лушников А.М., Лушникова М.В. Трудовые права в XXI в.: современное состояние и тенденции развития. М.: Проспект, 2015, с. 7-12.

¹⁸ См.: Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects / ILO. Geneva, 14 November 2016. [On-line]: http://embargo.ilo.org/global/publications/books/WCMS_534326/lang--en/index.htm. (Visited on: 19.12.2016).

¹⁹ См.: Киселева Е.В. Международно-правовое регулирование миграции: история и современность. Монография. М.: РУДН, 2015, с. 168-177; Таран П. Миграция, глобализация и экономическая жизнеспособность: вызовы и возможности для России и Евразии. В: Российский совет по международным делам. 14 октября 2015 г. [On-line]: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6665#top-content. (Дата посещения: 14.12.2016).

¹³ Другими четырьмя инициативами являются инициатива в отношении административного руководства и управления; инициатива, касающаяся норм; зеленая инициатива; инициатива в отношении предприятий (п. 155 Доклада).

¹⁴ Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда. Доклад I Генерального директора МБТ Международной конференции труда, 104-я сессия, 2015 г. ILC.104/DG/L.

¹⁵ См., например: Лушников А.М., Лушникова М.В. Трудовые права в XXI в.: современное состояние и тенденции развития. М.: Проспект, 2015, с. 7-12.

производства, является нестандартная занятость²⁰, порождающая проблемы социальной защиты работников и соблюдения их основополагающих трудовых прав, а также с новой остротой ставящая вопросы отличия трудовых отношений от гражданско-правовых (предоставляющих значительно меньший уровень защиты, но всё более распространяющаяся применительно к мигрантам²¹), поддержания трехсторонности диалога по вопросам трудовых отношений по причине меньшей распространенности коллективного выражения интересов соответствующих работников.

Достойные рабочие места для всех составляют отдельный приоритет в деятельности МОТ. Современный уровень развития общественных отношений и технологий делает возможным вовлечение в трудовую деятельность тех категорий лиц, которые находятся под повышенным риском маргинализации: пожилых людей²², инвалидов²³, мигрантов и людей с миграционным прошлым²⁴, молодежи и проч. При этом по каждой группе должны учитываться, кроме соответствующих актов МОТ, и правозащитные наработки ООН²⁵, и национальная специфика²⁶.

²⁰ См.: Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects / ILO. Geneva, 14 November 2016. [On-line]: http://embargo.ilo.org/global/publications/books/WCMS_534326/lang-en/index.htm. (Visited on: 19.12.2016).

²¹ См., например: Иванчак А.И. Правовое регулирование труда работников-мигрантов стран ЕАЭС. В: Право и управление. XXI век. 2015, № 3(36), с. 89.

²² См.: Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Международно-правовые основы защиты прав пожилых людей. В: Успехи геронтологии. 2014, № 2014. Т. 27. № 1, с. 11–17; Международное гуманитарное право: Учебник / Под ред. А.Я.Капустина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2011, с. 181-191.

²³ Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Международно-правовые основы защиты прав инвалидов. В: Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2014. № 1, с. 32-36; Международное гуманитарное право: Учебник / Под ред. А.Я.Капустина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2011, с. 166-181; Каса И., Киселева Е.В. Имплементация конвенции о правах инвалидов 2006 года в Республике Албания. В: Труд и социальные отношения. 2015, № 2, с. 39-51.

²⁴ Киселева Е.В. Международно-правовое регулирование миграции: история и современность. Монография. М.: РУДН, 2015, с. 124-150.

²⁵ Замечания общего порядка Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, резолюции Совета по правам человека – по всем категориям лиц, например: Замечание общего порядка Комитета по экономическим, социальным и культурным правам № 23 (2016) о праве на

В эпоху знаний и информации возрастает роль профессиональных навыков и образования в сфере труда. Отсюда следует повышенное внимание, которое должно уделяться государствами развитию образования в целом, развитию взаимодействия образовательных учреждений с хозяйствующими субъектами, межгосударственному сотрудничеству по вопросам образования и т.д. В этой связи примечательно распространение на мигрантов права на инклюзию в сфере образования, высказанную в Целях устойчивого развития (п. 25 Декларации)²⁷.

При этом создание новых рабочих мест не должно вести к усугублению неравенства между государствами, как например в сфере миграции медицинского персонала²⁸.

Относительно *управления сферой труда* отметим следующее (и высказанные здесь мысли применимы и другим затронутым в настоящей статье инициативам). Международная организация труда является ведущим звеном международного сотрудничества по разработке, критическому анализу и мониторингу

справедливые и благоприятные условия труда (статья 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) от 26 апреля 2016 г. E/C.12/GC/23. В отношении пожилых людей: Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 г. (A/CONF.197/9), Проект Глобальной стратегии и Плана действий по старению и здоровью ВОЗ от 22 апреля 2016 г. (A69/17) и др.; в отношении инвалидов: Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов от ООН 20 декабря 1993 г., Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. и т.д.

²⁶ Например, низкий уровень внутригосударственной мобильности работников в РФ. См.: Локтюхина Н.В. Внутрироссийская трудовая миграция: проблемы, направления решения. В: Уровень жизни населения регионов России. 2013, № 6, с. 82-87.

²⁷ Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Киселева Е.В., Конева А.Е., Круглов Д.А. Достижение Целей устойчивого развития (2016-2030): международно-правовое измерение. В: Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2016, № 1, с. 73.

²⁸ Острота этой проблемы сохраняется, несмотря на ее признание, например, в Глобальном кодексе ВОЗ по практике международного найма персонала здравоохранения от 21 мая 2010 г. (WHA63.16). См.: Киселева Е.В. Глобальный кодекс ВОЗ по практике международного найма персонала здравоохранения 2010 г.: результаты первого этапа мониторинга. В: Актуальные проблемы современного международного права: материалы XII ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И. П. Блищенко: в 2 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе. Москва, 12-13 апреля 2014 г. Часть II. М.: РУДН, 2015, с. 37-41.

имплементации стандартов в сфере труда. Представляется существенно важным продолжение сотрудничества МОТ с системой ООН в широком смысле по вопросам компетенции МОТ: в процессе достижения Целей устойчивого развития, в рамках универсального периодического обзора, деятельности уставных и договорных органов правозащитной системы ООН.

Кроме этого, МОТ под силу выявление наилучшей практики формирования новых основ социальной защиты применительно к нестандартной занятости, способов поддержания эффективного трехстороннего сотрудничества даже в сферах растущей индивидуализации работников. Важным видится также развитие сотрудничества с региональными организациями интеграционного типа как включающими всё более детальные наработки относительно правового регулирования трудовой сферы своих государств-членов²⁹. Техническая помощь беднейшим странам должна сохраняться и приоритизироваться в деятельности МОТ.

Инициатива, касающаяся трудящихся-женщин. Как уже было отмечено, женщины составляют примерно половину всех работников-мигрантов. Проблема гендерного равенства пронизывает все сферы как труда, так и международно-правового сотрудничества. В этом контексте МОТ отталкивается от признания гендерного измерения Целей устойчивого развития, где данный аспект содержится во всех 17 целях при специально артикулированной цели 5 о достижении гендерного равенства³⁰. Выделенные аспекты разницы в оплате между мужчинами и женщинами, насилия в отношении женщин дома и на работе, недавно принятые стандарты касательно достойного труда для домашних работников³¹ имеют

²⁹ См.: Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовое сотрудничество государств – участников Содружества Независимых Государств в области трудовой миграции на современном этапе. В: Российский юридический журнал, 2013. № 5; Киселева Е.В. Международно-правовое регулирование миграции: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РУДН, 2015, с. 243-324.

³⁰ Olney Shauna. The future of work depends on the future of women at work. Comment. 21 October 2015. [On-line]: http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_417388/lang-en/index.htm. (Visited on: 14.12.2016).

³¹ Olney Shauna. The future of work depends on the future of women at work. Comment. 21 October 2015. [On-line]: http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_417388/lang-en/index.htm. (Visited on: 14.12.2016); Конвенция МОТ № 189 о достойном труде домашних работников 2011 г.

непропорциональное большее значение для трудящихся-мигрантов, чем для работников из числа граждан соответствующих государств³².

Со стороны МОТ, запланировано проведение масштабной оценки гендерных аспектов в сфере труда³³. МОТ отмечает, что две основополагающие конвенции по вопросам равенства (№ 100 и 111), а также Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. относятся к числу самых ратифицированных международных договоров. Со стороны ООН, высоко оценивается роль МОТ в решении гендерных вопросов трудовой миграции³⁴.

Инициатива по искоренению бедности еще теснее увязывается МОТ с достижением Целей устойчивого развития, чем предыдущая³⁵, что

³² См.: Насилие в отношении трудящихся женщин-мигрантов. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 г. A/RES/70/130; Общая рекомендация Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин № 26 по вопросу о трудящихся женщинах-мигрантах, CEDAW/C/2009/WP.1/R, 5 декабря 2008 г.; Замечание общего порядка Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей в декабре 2010 г. № 1 о трудящихся-мигрантах, работающих в качестве домашней прислуги, CMW/C/GC/1, 23 февраля 2011 г.; Алисиевич Е.С. Поощрение и защита уязвимых групп в международном праве: учебное пособие. М.: РУДН, 2012, с. 100-104; Агаджанян В., Зотова Н. Социальная уязвимость и сексуальные риски женщин-мигрантов из Средней Азии в Москве. В: Демоскоп Weekly: официальный сайт. [On-line]:

http://demoscope.ru/weekly/2011/0465/analit02.php#_FNR_1 (Visited on: 27.12.2016); Киселева Е.В. Гендерные аспекты международно-правовой защиты лиц, перемещенных внутри страны: постановка проблемы. В: Закон и право. 2014, № 12, с. 129-131.

³³ The ILO Women at Work Centenary Initiative: Where we are, and where we want to be. Panel event to mark International Women's Day. ILO Headquarters, Geneva, 7 March 2014, p. 1.

³⁴ См., например: Насилие в отношении трудящихся женщин-мигрантов. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 г. A/RES/70/130, с. 3, 4, 6 преамбулы, п. 3, 18, 28, 31; Крепо Ф. Трудовая эксплуатация мигрантов. Доклад Специального докладчика по вопросу о правах человека мигрантов. 3 апреля 2014 г. A/HRC/26/35. П. 30, 33, 50, 69, 76.

³⁵ См.: The End to Poverty Initiative: Promoting a multidimensional response through the world of work, labour markets, and social and employment protection to eradicate global poverty. [On-line]: http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/history/centenary/WCMS_480305/lang-en/index.htm. (Visited on: 27.12.2016). О международно-правовых правозащитных вопросах, связанных с бедностью см.: Абашидзе А.Х., Конева А.Е. Состояние нищеты –

явствует уже из заглавия доклада Генерального директора МБТ МОТ – «Инициатива по искоренению бедности: МОТ и Повестка дня на период до 2030 года»³⁶. Доклад состоит из краткого предисловия и четырех глав, из которых две центральные (глава 2 «Национальная заинтересованная ответственность, международная поддержка» и глава 3 «Создание глобальных партнерств») напрямую включают положения, касающиеся миграции.

В главе 1 «МОТ и Повестка дня на период до 2030 года» подчеркивается роль МОТ в достижении Целей устойчивого развития, здесь отмечается, что «Повестка дня на период до 2030 года является актом, который международное сообщество взяло на вооружение, с тем чтобы завершить одну из важнейших миссий, порученных МОТ во время ее образования, – сделать так, чтобы с бедностью было покончено навсегда. В этом заключается всеобщая задача, включенная в повестку дня всех государств-членов» (п. 2 Доклада). Кроме этого, подчеркивается, что «инициатива по искоренению бедности ... была конкретно разработана в качестве инструментального средства, способствующего продолжению начатой работы. Она подкрепляется более тесной сопряженностью конечных результатов в области политики, предусмотренных в Программе и бюджете на 2016-17 годы, с ЦУР, и эта сопряженность может быть усилена в дальнейшем после того, как Административный совет разработает детальный стратегический план МОТ на 2018-21 годы. ... Кроме того, важно, чтобы в полной мере была использована очевидная синергия между инициативой по искоренению бедности и другими инициативами столетия, памятуя об их исключительном значении для Повестки дня на период до 2030 года и их взаимосвязанном характере» (п. 6-7). Подраздел «Партнерства и согласованность действий» называет «конкретные преимущества» МОТ в сравнении с другими элементами международной системы: идея о том, что «достойный труд является не только средством обеспечения, но и конечной целью устойчивого развития» (п. 10), которая за ряд десятилетий предвосхитила и подготовила международное сообщество к принятию ряда принципов ЦУР, а также деятельная приверженность «более тесной функциональной и

содержательной политической согласованности действий международной системы» (п. 11).

Привлечение внимания к эффективной включенности МОТ в дело достижения Целей устойчивого развития чрезвычайно важно применительно к такой комплексной и многогранной проблеме как бедность, в частности, применительно к миграции.

Так, аспект достойного труда (п. 22-24) включает положения о миграции через отсылку к конкретным задачам в рамках Цели 8 устойчивого развития (цель содействия поступательному, всеохватному, экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех), в частности относительно приверженности государств «защищать трудовые права и содействовать обеспечению надежных и безопасных условий работы для всех работников, включая трудящихся-мигрантов, особенно женщин-мигрантов...» (п. 23), а также через «ряд дополнительных задач в рамках ЦУР», включая Цель 10 по сокращению неравенства (п. 24), где упорядоченная, безопасная, законная и ответственная миграция увязывается с сокращением неравенства внутри стран и между ними (Цель 10 и 10с)³⁷.

Особое внимание в докладе уделяется средствам осуществления ЦУР (п. 49-53 доклада), где в части миграции есть существенные проблемы³⁸, хотя в документах по ЦУР «подчеркивается необходимость формирования качественных данных в разбивке, в том числе, по признаку ... миграционного статуса» (п. 65).

Заключение. Миграция, будучи неотъемлемым элементом глобализации, не обходится вниманием ни в одной стратегической программе межгосударственного сотрудничества, из принимаемых в последнее десятилетие. Правозащитный подход к миграции чаще всего фигурирует подобном контексте. Международная организация труда, находящаяся в процессе осмысления ориентиров своей деятельности на предстоящее второе столетие своего существования, также затрагивает вопросы миграции. Внимание МОТ к миграции выражается как в общей повестке дня организации, так и в конкретных инициативах столетия, три из которых были затронуты в представленном материале.

Являясь элементом международной системы, МОТ опирается на свой опыт и мандат в сфере труда, наработки в части достижения социальной

нарушение прав и свобод человека. В: Вестник РУДН: Серия: юридические науки. 2011, №4, с. 129-139.

³⁶ Инициатива по искоренению бедности: МОТ и Повестка дня на период до 2030 года. Доклад I(B) Генерального директора МБТ Международной конференции труда, 105-я сессия, 2016 г. ILC.105/DG/IV.

³⁷ Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Киселева Е.В., Конева А.Е., Круглов Д.А. Достижение Целей устойчивого развития (2016-2030): международно-правовое измерение. В: Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2016, № 1, с. 73.

³⁸ Там же.

справедливости, чтобы внести вклад и в достижение Целей устойчивого развития. Синергия системы ООН в широком смысле и МОТ, в частности, прослеживается во всех рассмотренных инициативах столетия. Миграционная сфера, взятая в аспекте прав человека, должна выигрывать от подобного взаимопроникновения и взаимодействия.

Библиография:

1. Абашидзе А.Х., Конева А.Е. Состояние нищеты – нарушение прав и свобод человека. В: Вестник РУДН: Серия: юридические науки. 2011, №4, с. 129-139.
2. Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Международно-правовые основы защиты прав пожилых людей. В: Успехи геронтологии. 2014, № 2014. Т. 27, № 1, с. 11–17.
3. Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Международно-правовые основы защиты прав инвалидов. В: Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2014. № 1, с. 32-36.
4. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Киселева Е.В., Конева А.Е., Круглов Д.А. Достижение Целей устойчивого развития (2016-2030): международно-правовое измерение. В: Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2016, № 1, с. 65-78.
5. Агаджанян В., Зотова Н. Социальная уязвимость и сексуальные риски женщин-мигрантов из Средней Азии в Москве. В: Демоскоп Weekly: официальный сайт. [On-line]: http://demoscope.ru/weekly/2011/0465/analit02.php#FNR_1 (Дата посещения: 27.12.2016).
6. Алисиевич Е.С. Поощрение и защита уязвимых групп в международном праве: учебное пособие. М.: РУДН, 2012. 431 с.
7. Бекяшев Д.К., Иванов Д.В. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции: монография. М.: Проспект, 2013. 392 с.
8. Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовое сотрудничество государств – участников Содружества Независимых Государств в области трудовой миграции на современном этапе. В: Российский юридический журнал, 2013, № 5.
9. Иванчак А.И. Правовое регулирование труда работников-мигрантов стран ЕАЭС. В: Право и управление. XXI век. 2015, № 3(36), с. 84-91.
10. Кажаяева О.С., Киселева Е.В. Правозащитный подход к миграции и Цели развития тысячелетия. В: Российский юридический журнал. 2015, № 6, с. 131-141.
11. Каса И., Киселева Е.В. Имплементация конвенции о правах инвалидов 2006 года в

Республике Албания. В: Труд и социальные отношения. 2015, № 2, с. 39-51.

12. Киселева Е.В. Гендерные аспекты международно-правовой защиты лиц, перемещенных внутри страны: постановка проблемы. В: Закон и право. 2014, № 12, с. 129-131.

13. Киселева Е.В. Глобальный кодекс ВОЗ по практике международного найма персонала здравоохранения 2010 г.: результаты первого этапа мониторинга. В: Актуальные проблемы современного международного права: материалы XII ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И. П. Блищенко: в 2 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе. Москва, 12-13 апреля 2014 г. Часть II. М.: РУДН, 2015, с. 37-41.

14. Киселева Е.В. Международно-правовое регулирование миграции: история и современность. Монография. М.: РУДН, 2015. 198 с.

15. Киселева Е.В. Международно-правовое регулирование миграции: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РУДН, 2015. 313 с.

16. Локтюхина Н.В. Внутророссийская трудовая миграция: проблемы, направления решения. В: Уровень жизни населения регионов России. 2013, № 6, с. 82-87.

17. Лушников А.М., Лушников М.В. Трудовые права в XXI в.: современное состояние и тенденции развития. М.: Проспект, 2015. 272 с.

18. Международное гуманитарное право: Учебник / Под ред. А.Я.Капустина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2011. 639 с.

19. Таран П. Миграция, глобализация и экономическая жизнеспособность: вызовы и возможности для России и Евразии. В: Российский совет по международным делам. 14 октября 2015 г. [On-line]: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6665#top-content. (Дата посещения: 14.12.2016).

20. Юркина Е.Е. Регулирование правового положения беженцев в Европейском Союзе: социально-политические и правовые аспекты. В: Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. 2007, № 4, с. 75-85.

21. Boehning W.R. A brief account of the ILO and policies on international migration. ILO Century Project, 2008. 39 p.

22. Decent Work for Migrants and Refugees / ILO. 19 September 2016. [On-line]: http://www.ilo.org/global/topics/labour-migration/publications/WCMS_524995/lang-en/index.htm. (Visited on: 19.12.2016). 5 p.

23. The ILO Women at Work Centenary Initiative: Where we are, and where we want to be.

Panel event to mark International Women's Day. ILO Headquarters, Geneva, 7 March 2014.

24. Rodgers G., Lee E., Sweptson L., Daele J. Van. The International Labour Organization and the quest for social justice, 1919-2009. International Labour Office, Geneva 2009. xvi+272 p.

25. Olney Shauna. The future of work depends on the future of women at work. Comment. 21 October 2015. [On-line]: http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_417388/lang--en/index.htm. (Visited on: 14.12.2016).

Bibliography:

1. Abashidze A.H., Koneva A.E. Sostojanie nishhety – narushenie prav i svobod cheloveka. V: Vestnik RUDN: Serija: juridicheskie nauki. 2011, №4, s. 129-139.

2. Abashidze A.H., Malichenko V.S. Mezhdunarodno-pravovye osnovy zashhity prav pozhihlyh ljudej. V: Uspehi gerontologii. 2014, № 2014. T. 27, № 1, s. 11–17.

3. Abashidze A.H., Malichenko V.S. Mezhdunarodno-pravovye osnovy zashhity prav invalidov. V: Mediko-social'naja jekspertiza i rehabilitacija. 2014. № 1, s. 32-36.

4. Abashidze A.H., Solncev A.M., Kiseleva E.V., Koneva A.E., Kruglov D.A. Dostizhenie Celej ustojchivogo razvitija (2016-2030): mezhdunarodno-pravovoe izmerenie. V: Vestnik RUDN. Serija «Juridicheskie nauki». 2016, № 1, s. 65-78.

5. Agadzhanjan V., Zotova N. Social'naja ujazvimost' i seksual'nye riski zhenshin-migrantov iz Srednej Azii v Moskve. V: Demoskop Weekly: oficial'nyj sajt. [On-line]: http://demoscope.ru/weekly/2011/0465/analit02.php#_FNR_1 (Visited on: 27.12.2016).

6. Alisievich E.S. Pooshhrenie i zashhita ujazvimyh grupp v mezhdunarodnom prave: uchebnoe posobie. M.: RUDN, 2012. 431 c.

7. Bekjashev D.K., Ivanov D.V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie vyznuzhdennoj i trudovoj migracii: monografija. M.: Prospekt, 2013. 392 c.

8. Davletgil'deev R.Sh. Mezhdunarodno-pravovoe sotrudnichestvo gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv v oblasti trudovoj migracii na sovremennom jetape. V: Rossijskij juridicheskij zhurnal, 2013, № 5.

9. Ivanchak A.I. Pravovoe regulirovanie truda rabotnikov-migrantov stran EAJeS. V: Pravo i upravlenie. XXI vek. 2015, № 3(36), s. 84-91.

10. Kazhaeva O.S., Kiseleva E.V. Pravozashhitnyj podhod k migracii i Celi razvitija tysjacheletija. V: Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2015, № 6, s. 131-141.

11. Kasa I., Kiseleva E.V. Implementacija konvencii o pravah invalidov 2006 goda v Respublike Albanija. V: Trud i social'nye otnoshenija. 2015, № 2, s. 39-51.

12. Kiseleva E.V. Gendernye aspekty mezhdunarodno-pravovoj zashhity lic, peremeshennyh vnuti strany: postanovka problemy. V: Zakon i pravo. 2014, № 12, s. 129-131.

13. Kiseleva E.V. Global'nyj kodeks VOZ po praktike mezhdunarodnogo najma personala zdavoohranenija 2010 g.: rezul'taty pervogo jetapa monitoringa. V: Aktual'nye

problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava: materialy XII ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj pamjati professora I. P. Blishhenko: v 2 ch. / otv. red. A. H. Abashidze. Moskva, 12-13 aprelja 2014 g. Chast' II. M.: RUDN, 2015, s. 37-41.

14. Kiseleva E.V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie migracii: istorija i sovremennost'. Monografija. M.: RUDN, 2015. 198 c.

15. Kiseleva E.V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie migracii: uchebnoe posobie. 2-e izd., pererab. i dop. M.: RUDN, 2015. 313 c.

16. Loktjuhina N.V. Vnutrirossijskaja trudovaja migracija: problemy, napravlenija reshenija. V: Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii. 2013, № 6, s. 82-87.

17. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Trudovye prava v HHI v.: sovremennoe sostojanie i tendencii razvitija. M.: Prospekt, 2015. 272 c.

18. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo: Uchebnik / Pod red. A.Ja.Kapustina. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izd-vo Jurajt, 2011. 639 c.

19. Taran P. Migracija, globalizacija i jekonomicheskaja zhiznesposobnost': vyzovy i vozmozhnosti dlja Rossii i Evrazii. V: Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. 14 oktjabrja 2015 g. [On-line]: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6665#top-content. (Visited on: 14.12.2016).

20. Jurkina E.E. Regulirovanie pravovogo polozhenija bezhencev v Evropejskom Sojuze: social'no-politicheskie i pravovye aspekty. V: Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: juridicheskie nauki. 2007, № 4, s. 75-85.

21. Boehning W.R. A brief account of the ILO and policies on international migration. ILO Century Project, 2008. 39 p.

22. Decent Work for Migrants and Refugees / ILO. 19 September 2016. [On-line]: http://www.ilo.org/global/topics/labour-migration/publications/WCMS_524995/lang--en/index.htm. (Visited on: 19.12.2016). 5 p.

23. The ILO Women at Work Centenary Initiative: Where we are, and where we want to be. Panel event to mark International Women's Day. ILO Headquarters, Geneva, 7 March 2014.

24. Rodgers G., Lee E., Sweptson L., Daele J. Van. The International Labour Organization and the quest for social justice, 1919-2009. International Labour Office, Geneva 2009. xvi+272 p.

25. Olney Shauna. The future of work depends on the future of women at work. Comment. 21 October 2015. [On-line]: http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_417388/lang--en/index.htm. (Visited on: 14.12.2016).

Copyright©KISELEVA Ekaterina, 2017.

Contacte / Contacts / Контакты:

Российский университет дружбы народов,
117198 Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая,
6.

E-mail: kiseleva_ev@rudn.university



Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2017, Issue 1, Volume 12, Pages 19-29.

ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963

Submitted: 15. 11. 2016 | Accepted: 15.02. 2017 | Published: 30.03. 2017

**DREPT EUROPEAN
EUROPEAN LAW
ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

**RIGHT TO BE FORGOTTEN AS ONE OF KEY PRINCIPLES OF THE EU.
DATA PROTECTION LAW REFORM**

**DREPTUL DE A FI UITAT CA UNUL DINTRE PRINCIPIILE-CHEIE ALE UE.
REFORMA LEGISLATIVĂ PRIVIND PROTECȚIA DATELOR**

**ПРАВО БЫТЬ ЗАБЫТЫМ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПРИНЦИПОВ ЕС.
ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА ЗАЩИТЫ ДАННЫХ**

KOŁODZIEJCZYK Marta* /
KOŁODZIEJCZYK Marta** /
КОЛОДЗИЕЙЧИК Марта

ABSTRACT:

**RIGHT TO BE FORGOTTEN AS ONE OF KEY PRINCIPLES OF THE EU.
DATA PROTECTION LAW REFORM**

On 25 January 2012 the EC proposed a comprehensive reform of the EC's 1995 data protection rules. Although the core principles of the Directive 95/46 were still valid, it could no longer meet the challenges of rapid technological developments and globalization, and as a result required revision. One of those is the right to be forgotten already included in the Directive 95/46/EC that guarantees the individuals the right to request the controller to delete unlawfully processed personal data. However, due to the fact that according to the European Commission it is difficult to enforce this right in the online environment for an individual, some amendments to the current legislative framework were proposed.

This article gives some insight into the EU data protection reform package highlighting a number of main changes in comparison to the current data protection rules, with the special focus given to the right to be forgotten. That is why the text is structured in the following way: 1) privacy and data protection — history and current state of law; 2) reinforcement of the rights of data subjects: a) enhancement of the responsibilities of controllers and processors; b) consent in the EU law; c) right to be forgotten; 5) right to access and right to data portability; 3) protection of personal data by police and criminal justice authorities.

Key words: data subject, data controller, data processor, fundamental rights, right to be forgotten.

JEL Classification: K33, K12, F53

* **KOŁODZIEJCZYK Marta** — Doctor în științe politice, Departamentul Drept și Științe Sociale, Școala Superioară de Finanțe și Drept din Bielsko-Biala (Bielsko-Biala, Polonia). / **KOŁODZIEJCZYK Marta** — PhD in Political Science, Department of Law and Social Sciences, Bielsko-Biala School of Finance and Law (Bielsko-Biala, Poland). / **КОЛОДЗИЕЙЧИК Марта** — Доктор политических наук, Департамент права и социальных наук, Высшая школа финансов и права в Бельско-Бяла (Бельско-Бяла, Польша). E-mail: mkolodziejczyk@wsfip.edu.pl

** My scientific research focuses on EU Law and International Human Rights Law. I am a graduate of the Jagiellonian University Center for European Studies (master degree) and Warsaw University (Phd degree). During my professional career I had the opportunity to conduct my research under supervision of Prof. Adam Daniel Rotfeld at the Polish Institute of International Affairs (Warsaw), Council of the EU (Brussels), René Cassin International Institute for Human Rights (Strasbourg).

REZUMAT:

**DREPTUL DE A FI UITAT CA UNUL DINTRE PRINCIPIILE-CHEIE ALE UE.
REFORMA LEGISLATIVA PRIVIND PROTECȚIA DATELOR**

Pe 25 ianuarie 2012, CE a propus o reformă cuprinzătoare a UE din 1995 privind protecția datelor. Deși principiile de bază ale Directivei 95/46 erau încă valabile, ea nu mai putea face față provocărilor reprezentate de evoluțiile tehnologice rapide și globalizarea, și ca urmare este necesar de revizuire. Unul dintre acestea este dreptul de a fi uitat deja inclus în Directiva 95/46/CE, care garantează persoanelor dreptul de a solicita operatorului de a șterge datele cu caracter personal prelucrate în mod ilegal. Cu toate acestea, datorită faptului că, potrivit Comisiei Europene, este dificil pentru un individual de a pune în aplicare acest drept, în mediul online, au fost propuse unele amendamente la actualul cadru legislativ.

Acest articol oferă unele interpretări a legislației UE privitor la protecția datelor, subliniind o serie de schimbări majore în comparație cu actualele norme de protecție a datelor, cu accent pe dreptul de a fi uitat. De aceea textul este structurat în felul următor: 1) viața privată și protecția datelor — istoria și starea actuală a legii; 2) consolidarea drepturilor persoanelor vizate: a) accesoriu de responsabilități ale operatorilor și procesatorilor; b) consimțământul în dreptul UE; c) dreptul de a fi uitat; 5) dreptul de acces și dreptul la portabilitatea datelor; 3) protecția datelor cu caracter personal de către poliție și de justiția penală.

Cuvinte cheie: persoana vizată, operatorul de date, procesator de date, drepturi fundamentale, dreptul de a fi uitat.

JEL Classification: K33, K12, F53
CZU 342.41:341.171(4)

РЕЗЮМЕ:

**ПРАВО БЫТЬ ЗАБЫТЫМ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПРИНЦИПОВ ЕС.
ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА ЗАЩИТЫ ДАННЫХ**

25 января 2012 г. Европейская Комиссия предложила провести всеобъемлющую реформу относительно защиты данных ЕС от 1995 г. Хотя основные принципы Директивы 95/46 были действительными, они больше не отвечали задачам быстрого технологического развития и глобализации, в связи с чем, должны были быть пересмотрены. Одним из таких принципов является право быть забытым, включенное в Директиву 95/46/ЕС, которое гарантирует лицам право требовать от диспетчера удаления незаконно обработанных персональных данных. Вместе с тем, поскольку, как считает Европейская Комиссия в отношении одного индивида сложно привести в действие это право в онлайн-среде, были предложены некоторые поправки к действующей законодательной базе.

Данная статья отражает ряд интерпретаций законодательства ЕС по защите данных, подчеркивая серию основных изменений в сравнении с существующими правилами защиты данных, причем особое внимание уделяется праву быть забытым. Статья состоит из следующих разделов: 1) конфиденциальность и защита данных — история и современное состояние права; 2) усиление прав субъектов: а) усиление ответственности контролеров и переработчиков; б) согласие в законодательстве ЕС; с) право быть забытым; 5) право на доступ и право на переносимость данных; 3) защита персональных данных полицией и органами уголовного правосудия.

Ключевые слова: данные субъекта, обрабатываемые данные, процессор данных, основные права, право быть забытым.

JEL Classification: K33, K12, F53
УДК 342.41:341.171(4)

Privacy and data protection — history and current state of law

Privacy and data protection as a specific field of law have been elaborated over the last four decades, notably in the context of the Council of

Europe and the European Union, stimulated by the growing impact of information and communication technology. The concept of the 'right to privacy' emerged in international law after the second World War. This was illustrated

in the Article 12 of the Universal Declaration of Human Rights (UN General Assembly, Paris 1948) according to which no one shall be subjected to arbitrary interference with his privacy, family, home or correspondence. This declaratory level of protection became later lawful in Article 8 of the European Convention on Human Rights (Council of Europe, Rome, 1950), according to which everyone has the right to respect for his private and family life, his home and his correspondence, and no interference by a public authority with the exercise of this right is allowed except in accordance with the law and where necessary in a democratic society for certain important and legitimate interests. The above definition has been reflected in the series of judgments, e.g.: *Leander v. Sweden* (26.03.1987); *Kopp v. Switzerland* (25.03.1998); *Amann v. Switzerland* (16.02.2000), issued by the European Court of Human Rights in Strasbourg. However, in about 1970 the Council of Europe came to conclusion that Article 8 ECHR had a number of shortcomings, e.g. the uncertain scope of 'private life', the emphasis on interference by public authorities, as well as lack of a more proactive approach against the possible misuse of personal information by companies or other organizations in the private sector. As a result the Data Protection Convention, also known as Convention 108 (Strasbourg 1981) had been adopted and has been ratified by 44 Member states of the Council of Europe, including all EU Member States. Parties to this convention guarantee every individual, whatever his nationality or residence, respect for his/her rights and fundamental freedoms; in particular right to privacy, with regard to automatic processing of personal data relating to him/her ('data protection'). In addition, the concept of 'personal data' is defined as „any information relating to an identified or identifiable ('data subject'). Hence, 'data protection' is broader than 'privacy protection' because it also concerns other fundamental rights and freedoms, and all kinds of data regardless of their relationship with privacy.

Let us now consider some of the key provisions of the above mentioned Convention; personal data are to be „obtained and processed fairly and lawfully” and „stored for specified and legitimate purposes and not used in a way incompatible with those purposes”. Personal data should also be „adequate, relevant and not

excessive in relation to the purposes for which they are stored”, „accurate and, where necessary, kept up to date”. Other crucial principles expressed in the text of the Convention are: „appropriate security measures”, „additional safeguards for the data subject such as the right to have access to his or her own personal data, the right to obtain rectification or erasure of such data, and the right to remedy if such rights are not respected". To conclude, the Convention's philosophy is not that processing of personal data should always be considered as a breach of privacy, however, in its interests as well as other fundamental freedoms, any processing must always observe certain legal conditions. In this context, the core elements of Article 8 ECHR, such as interference with the right to privacy only on adequate legal basis, and where necessary for a legitimate purpose, have been transferred into a broader context. Furthermore, since 1997 the European Court of Human Rights has ruled in a number of cases that the protection of personal data is of „fundamental importance” for the right to respect of private life under Article 8 ECHR.

Although the Data Protection was put on the agenda of the Council of Europe and, as a result, exposed in the binding Conventions, this intergovernmental organization was less successful in terms of ensuring greater consistency across the EU. Some Member States were late in implementing the Convention, and those who did so arrived at different outcomes, in some cases even imposing restrictions on data flows with other Member States. Concerned that this lack of consistency could hamper the development of internal market involving a circulation of peoples and services, where the processing of personal data was to play an increasingly important role, the European Commission submitted a proposal for a Directive to harmonize the national laws on data protection in the private and most of the public sector. After four years of negotiations the Directive 95/46/EC on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data has been adopted. It specified the basic principles of data protection already included in the Convention 108 of the Council of Europe. In the first place, it required all Member States to protect the fundamental rights and freedoms of natural persons, and in particular the right to privacy with the respect to

processing of personal data, in accordance with the Directive. In this context, the data could be processed only if the data subject has unambiguously given his consent, if processing was necessary for the performance of a contract to which the data subject was party, or for compliance with a legal obligation, for the performance of a government task, in order to protect the vital interests of the data subject, or to protect the legitimate interests pursued by the controller, except where such interests are overridden by the interests of the data subject. Furthermore, the Directive committed the controller to always inform the data subject about the purposes of the processing and other relevant matters in order to guarantee fair processing in respect of the data subject. In case of not fulfilling this condition, the data controller might become liable for committing an offence. Responsibility for compliance with national legislation on data protection belongs to supervisory authorities. Secondly, the Directive applies to the processing of personal data carried out „in the context of the activities of an establishment” of the controller on the territory of an EU Member State. In other words, where the controller is not established in the EU, the applicable law is that of the Member State in which the equipment used for processing is located. Thirdly, according to the Directive personal data may only be transferred to third countries that ensure adequate level of protection.

To conclude, the Directive 95/46/EC required the Member States neither to restrict nor prohibit the free flow of personal data between them for reasons connected with such protection. This provision aimed at achieving an equivalent high level of protection in all Member States and as a result assure a balanced development of the internal market. However, this goal has not been entirely fulfilled due to the fact that the distinctive features of this particular legal act — Directive — allowed Member States fairly broad discretion on its transposition. In this context, it is worth to refer to the Treaties; Article 16 (2) TFUE mandates the European legislators to adopt ‘the rules relating to the protection of individuals with regard to processing of personal data’, without, however, specifying the type of legislative act to be chosen. As a consequence, in line with Article 289(1) TFEU on the ordinary legislative procedure, the rules can be laid down in a regulation, a directive, or a decision. Let us note

that a regulation has general application being at the same time directly applicable (it does not require implementation by EU member states), whereas a directive sets forth the results to be achieved, but leaves the means for achieving them largely up to implementation into national law by the members states. As a consequence, by now the Commission has launched several legal actions for improper implementation of the Directive; in March 2009, the Court of Justice in Luxembourg ruled (case against Germany) that the requirement of ‘complete independence’ for a supervisory authority means that it should be free from any external influence. This has been also recently confirmed and elaborated in a case against Austria. That is why the choice of regulation will according to the European Commission reduce legal fragmentation among member states in respect to different national data protection laws. This will lead e.g. to a net savings for companies of about €2.3 billion a year in terms of administrative burden alone. But even the regulation cannot result in complete harmonization of all legal provisions affecting data protection or totally eliminate the need to amend national laws. This fact may confirm that the type of legal instrument used is not determinative with regard to harmonization; for example it is also possible for a directive to leave little margin for member state implementation (e.g. EU Consumer Rights Directive 2011/83/EU). To conclude, the final proposal contains two legislative instruments that form the core of the data protection reform package: in the first place, the Regulation, setting out the general EU framework for data protection; secondly, the Directive for the police and criminal justice sector which is due to replace Framework Decision 2008/977/JHA which covers the protection of personal data processed by police and judicial authorities in criminal matters.

Another crucial reason for the review of the Directive 95/46/EC has to do with the new institutional framework of the EU. The Lisbon Treaty (December 2009) emphasizes fundamental rights¹; Article 16 provides for comprehensive data protection in all policy areas, regardless of whether it relates to the internal market, law enforcement, or almost any other part of the

¹ Fuster G. The Emergence of Personal Data Protection as a Fundamental Right of the EU. Switzerland: Springer International Publishing, 2014, p. 3-33.

public sector. Not to mention about the separate right to the protection of personal data laid down in Article 8 of the Charter of Fundamental Rights that became legally binding on the EU institutions and national governments with the entry into force of the Treaty of Lisbon².

Reinforcement of the rights of data subjects

The need for reform of current EU data protection legislation can be explained by the rising impact of IT technologies on our lives. Specifically, at the time when the Directive was adopted the Internet barely existed, however, in nowadays reality the data processing is taking place on the web sites, by search engines or social networks. In a recent survey, more than two-thirds of Europeans-72 per cent- expressed their concerns connected to uncontrolled usage of their data personal data by companies on the Internet³. In this context, the European Commission in its official comment focused on such challenges for the protection of personal data in the future as: the astounding capabilities of modern technologies; the increased globalization of data flows; and access to personal data by law enforcement authorities that is greater than ever. That is why the aim of the new legislative acts proposed by the Commission is to strengthen individuals rights by improving the ability to control their data⁴ by clarifying the requirement of consent as one possible ground for lawful processing of personal data as well as reinforcing the rights of individuals to request the controller to delete unlawfully processed personal data (right to be forgotten).

Enhancing the responsibility of controllers and processors

In the first place, it is crucial to define the above terms; as a result, controller is defined as natural or legal person, public authority, organization, agency or any other body which alone or jointly with others determines the purposes and means of the processing of personal data. Secondly, processor, on the other hand, is the natural or legal person, public authority,

agency or any other body which processes personal data on behalf of the controller. Furthermore, as far as the controller's responsibilities are concerned (article 22 of the Regulation) in the framework of data protection reform, the new legislative acts (regulation, directive) focus on controllers' obligation to be able to 'demonstrate' compliance with the Regulation by adoption of internal policies for ensuring such compliance. The effectiveness of such mechanisms must be verifiable either by internal or external data protection specialists or by data protection certification mechanism envisaged under Article 39. In addition, in order to give data subjects greater control over their personal data, the Regulation sets out further obligations for the controller by requiring him to apply the principles of 'data protection by design' and 'data protection by default' (Article 23).

In the first place, data protection by design means that controllers of data – whether companies or public bodies – take a positive approach to protecting privacy, by embedding it into both technology (for example hardware like computer chips or services like social networking platforms) and into their organizational policies (through, for example, the completion of privacy impact assessments). Secondly, privacy by default means that when a user receives a product or service, privacy settings should be as strict as possible, without the user having to change them. In this way, everyone feels comfortable to consciously choose the privacy setting within which he feels most comfortable with. Rather than allowing the service provider making a guess about what he might prefer. In addition, service providers should support their users in this by providing user-friendly methods to change privacy settings. Not to mention about the need for transparency enshrined in data processing practices.

Definition of consent in the EU law

It is worth to mention that the 'consent' is currently defined in Articles 2(h) and 7(a) of Directive 95/46/EC as 'any freely given specific and informed indication' of a data subject's wish to agree to the processing of his personal data. In addition, this agreement must be 'unambiguously' given in order to make the processing of personal data legitimate. However, national laws have transposed this concept quite

² Gutwirth, S. – Leenes R.- de Hert P. (ed.) *Reforming European Data Protection Law*. New York-London: Springer Dordrecht Heidelberg, 2015, p. 3-15.

³ Albrecht Report 2013, p.1-7

⁴ Kosta E. *Consent in European data protection law*. Martinus Nijhoff Publishers. The Hague 2013, p. 261-381.

differently. Consequently national supervisory authorities tend to apply variable interpretations of consent. Furthermore, the meaning of ‘unambiguously’ given consent is interpreted in a differentiated manner: in some member states consent has to be given ‘expressly’ and in some cases even in writing, while other member states also accept some forms of implied consent. As a consequence, valid consent in one member state may not be legally valid in others, therefore creating uncertainty amongst controllers operating in several member states on whether a data processing operation is lawful or not. Hence, in the proposed Regulation the definition of ‘the data subject’s consent’ of Article 4(8) is remedied by adding the criterion ‘explicit’ which allows to avoid the confusing parallelism with ‘unambiguous’. Moreover, where consent is the legal ground for data processing, Article 7 states that the controller must be able to demonstrate that consent has taken place. At the same time, the Regulation reaffirms that the data subject may withdraw his or her consent at any time, bearing in mind that this will only take full legal effect for future processing. Furthermore, consent is excluded in Article 7(4) as a ground for processing in specific cases of significant imbalance between data controller and data subject, for example in the framework of an employment relationship. Similarly, Article 8 sets out further conditions for the lawfulness of consent for processing of personal data of children below the age of 13 years in relation to services offered to them on-line.

In the context of reinforcing the rights of data subject, it is worth to emphasize that the proposed Regulation enhances administrative and judicial remedies when data protection rights are violated. In particular Article 76 (1) enables certain associations, for example consumer protection associations whose statutory aim includes the protection of personal data, to bring actions, on behalf of one or a group of data subjects whose rights may have been violated, to court. Similarly, article 73 (3) of the proposed Regulation provides that these data protection NGOs, in cases of personal data breaches, may address a supervisory authority in any member state in their own right; without obligation to obtain data subject’s authorization to act on his behalf.

As far as the national authorities responsibilities for data protection are concerned,

the proposed Regulation strengthens their potential for initiating legal actions by: a) clarifying the conditions for the establishment and for ensuring the complete independence of supervisory authorities in member states (Articles 46-50); b) providing for fully harmonized provisions for the competences, duties, and powers of the supervisory authorities (Articles 51 to 54); c) and as a result creating legal basis and conditions for an efficient cooperation between supervisory authorities established in EU Member States (Articles 55 to 56); d) introducing the ‘one-stop-shop rule that gives companies operating in more than one member state, a single supervisory authority responsible for monitoring their personal-data processing activities in the EU, rather than force a company to deal with multiple bodies in different countries.

Right to be forgotten

In order to strengthen the level of protection guaranteed to individuals the European Commission published on the January 1, 2012 the Proposal for a Regulation on the Protection of Individuals with Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data („GDPR”), which updates the former Data Protection Directive. Although this legal act gives the individual the right to access, rectify, delete or block their data, unless there are legitimate reasons, provided by law, for preventing this. However, the way in which these rights can be exercised is not harmonised, and therefore exercising them is actually easier in some Member States than in others. As a result, it is difficult, according to the European Commission, for an individual to enforce this right in the on-line environment. Hence, the unified regulation will give all European Union citizens a right to be forgotten online, in other words the right for an individual user to have his or her personal online data removed from the web. It is worth to mention that this legal rule has been officially acknowledged in the judgement *Google Spain SL, Google Inc. v. Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González* (*Google Spain v. AEPD*), issued by the European Court of Justice. The case concerned a reference for a preliminary ruling made by the Spanish High Court to the CJEU, which arose out of a dispute between Google Inc and Google Spain on the one hand, and Mr Costeja González and the

Spanish Data Protection Agency on the other. Let us now dwell on the facts of the above mentioned case; In 2010, Mario Costeja González, a Spanish national, filed a complaint with the Spanish Data Protection Agency („Agencia Española de Protección de Datos”, „AEPD”) against La Vanguardia Ediciones SL, a large publisher of daily news in Spain, as well as Google Spain and Google Inc.⁵ González, the data subject seeking erasure, contended that whenever a Google search of his name was carried out, the top results listed linked the Internet user to two property auction notices for the recovery of social security debts that Mr Costeja González had owed 16 years earlier, which still appeared on La Vanguardia’s website. Furthermore, the applicant claimed that these articles „although truthful, injured his reputation and invaded his privacy.”⁶ That is why, González demanded that the Spanish newspaper erase them because they were no longer relevant, since the proceedings had concluded more than a decade ago⁷. The newspaper publisher refused to erase the articles because the Ministry of Labour and Social Affairs had ordered their publication⁸. Next, the plaintiff demanded that Google remove the link to those stories and thereby eliminate any association to his name. The applicant sought to obtain an order to the effect that the newspaper should alter, delete, or protect this information, and that Google should either delete or conceal the links to those pages. As far as the procedural History of Google Spain v. AEPD is concerned, the Spanish Data Protection Agency (AEPD) ruled that Google was responsible as a data controller for removing results about the plaintiff from its search engine.⁹ After the AEPD’s decision, Google brought action before the Audiencia Nacional, Spain’s highest court, which

referred the case to the Court of Justice of the European Union. As a consequence, on June 25, 2013, Advocate General Niilo Jääskinen issued his advisory opinion, finding that Google had no responsibility to remove any links on its search engine based on a privacy claim¹⁰. He reasoned that suppressing legitimate and legal information already in the public domain would interfere with freedom of expression and undermine the objectivity of information on the Internet¹¹. However, the CJEU rejected the Advocate General’s argument and recognized a broad right to be forgotten under Spain’s implementation of Directive 95/46/EC.¹² The court found, in the first place, that Google, as an indexer of information, was processing personal data and therefore subject to the Directive’s obligations for data controllers (przypis: Google Spain SL, Case C-131/12).

Secondly, the court drew upon Articles 12(b) and 14(a) of the Directive to hold that Google owed a duty to erase information from its search index (Google Spain SL, Case C-131/12). Thirdly, the CJEU rejected Google’s argument that imposing a duty to remove personal data violated the principle of proportionality, and that such removal must be addressed to the publisher of the website because the publisher was responsible for making the information public. Furthermore, court reasoned that search engines make access to this information effortlessly available, because they enable users to obtain information about a data subject by simply typing the subject’s name.¹³ What is more, due to their preeminent role in organizing data, search engines like Google are far more likely to interfere with the data subject’s right to privacy than the original website publisher. (Id. ¶ 87.) Google, on the other hand, argued that the least cost avoider for removing access to the information was the website and not the search engine. Hence, the requirement of a search engine to remove content from its index would take insufficient account of the fundamental rights of publishers of websites, of other internet users and of the operator itself. In the context of the above mentioned judgement of the Court of Justice of the European Union it is

⁵Case C-131/12, Google Spain SL. v. Agencia Española de Protección de Datos (May 13, 2013), [On-line]: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=152065&doclang=EN> (Visited on: 03.01.2017).

⁶ Lee Dave. What Is the „Right To Be Forgotten”? BBC (May 13, 2014). [On-line]: <http://www.bbc.com/news/technology-27394751> (Visited on: 03.01.2017).

⁷Google Spain SL, Case C-131/12, 15.

⁸Opinion of Advocate General Jääskinen ¶ 19, Google Spain SL v. Agencia Española de Protección de Datos (May 13, 2014). (Case C-131/12). [On-line]: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=138782&doclang=E> (Visited on: 03.01.2017).

⁹Google Spain SL, Case C-131/12, 17.

¹⁰Opinion of Advocate General Jääskinen, supra note 87, 138.

¹¹Id. ¶¶ 120–34.

¹²Google Spain SL, Case C-131/12.

¹³Google Spain SL, Case C-131/12, ¶ 80.

worth to mention that the British House of Lords observed that the judgment of the Court is unworkable due to the fact that it does not take into account the effect the ruling will have on smaller search engines which, unlike Google, are unlikely to have the resources to process the thousands of removal requests they are likely to receive. In addition, the House of Lords sub-committee, noted that the expression, ‘right to be forgotten’ is misleading because Information can be made more difficult to access, but it does not just disappear. Furthermore, they argue that it is „wrong in principle’ to leave it to search engines to decide whether or not to delete information, based on ‘vague, ambiguous and unhelpful’ criteria¹⁴.

To conclude, according to the recent judgment (ECJ Ruling C-131/12) of the EU Court of Justice where the information is inaccurate, inadequate, irrelevant or excessive for the purposes of the data processing (§93 of the ruling) individuals have the right — under certain conditions — to ask search engines to remove links with personal information about them. In this vein, in case of giving consent as a child not being aware of risks by envisaged processing, the new law allows this individual to remove any such data which were made public on Internet at that time. At the same time, the Court explicitly clarified that the right to be forgotten is not absolute but will always need to be balanced against other fundamental rights, such as the freedom of expression and of the media (§85 of the ruling). It is also worth to mention that, according to the judgment of the European Union Court of Justice, ‘the right to be forgotten’ cannot amount to a total deletion of history (Joint Cases C-92/09 and C-93/09 Volker and Markus Schecke and Eifert (2010) ECR I-000, §48). Hence, a case-by-case assessment is needed considering the type of information in question, its sensitivity for the individual’s private life and the interest of the public in having access to that information. The role the person requesting the deletion plays in public life might also be relevant. Moreover, the traditional right to erasure (‘right to be forgotten’) expressed in the Regulation is further strengthened in such a way that the controller who has made the personal data public is obliged to inform third parties processing the data that the data subject has

requested the controller to erase any links to, or copies or replications of that personal data. However, appreciating this provision the EDPS recognizes that it may be in some cases a huge effort to inform all third parties who may be processing such data, as there will not always be clear understanding of where the data may have been disseminated. To conclude, „the right to be forgotten and to erasure” are likely to be one of the most controversial provisions of the proposed Regulation. Especially if compared to USA standards of data protection. While in Europe the intellectual roots of the right to be forgotten can be found in French law, which recognizes le droit à l’oubli-or the „right of oblivion” — a right that allows a convicted criminal who served his time and been rehabilitated to object to the publication of the facts of his conviction and incarceration. In America, by contrast, publication of someone’s criminal history is protected by the First Amendment, leading Wikipedia to resist the efforts by two Germans convicted of murdering a famous actor to remove their criminal history from the actor’s Wikipedia page¹⁵.

Right to access and right to data portability

In line with the current state of EU data protection law any person must be able to exercise his right of access to personal data relating to him, so that they can verify the accuracy of the data and the lawfulness of the processing. However, in a reality of the vast amount of personal data being processed in the on-line environment, the easier access to one’s own personal data must be further assured. That is why article 15 of the proposed Regulation adds new elements, such as the controller’s obligation to inform the data subjects about the applied storage period, and of the rights to rectification, to erasure and to lodge a complaint with the competent supervisory authority. Moreover, the Regulation introduces a new right; the data subject’s ‘right to data portability’. Hence, article 18 provides the right to obtain from the controller a copy of the personal data ‘ in a structured and

¹⁴ European Data Protection Supervisor Report 2012, p. 24-25.

¹⁵ Rosen J. The right to be Forgotten, in: 64 STAN. L. REV. ONLINE 88, February 13, 2012, p. 88-92; See also: Michael L. Rustad & Sanna Kulevska, Reconceptualizing the right to be forgotten to enable transatlantic data flow. In: Harvard Journal of Law & Technology Volume. Spring 2015, 28, Number 2, p. 351-416.

commonly used electronic format', allowing for any further use by the data subject, in particular allowing the data subject to transfer this personal data from one automated processing system of the controller to and into another, without being prevented from doing so by the controller.

Territorial scope

Let us now concentrate on the most significant provisions of the proposals for two legislative instruments that form the core of the data protection reform package: in the first place, the Regulation, setting out the general EU framework for data protection; secondly, the Directive for the police and criminal justice sector which is due to replace Framework Decision 2008/977/JHA which covers the protection of personal data processed by police and judicial authorities in criminal matters. Article 3 of the proposed Regulation contains the rules governing its territorial scope. In spite of innovation in this respect there is a lot of continuity which is evidenced in the concept, already reflected in the Directive 95/46, of „the processing of personal data in the context of the activities of an establishment” in the EU as the basic test for determining when the EU data protection law applies (Article 3(1)). However, at the same time, under Article 3(2) of the Regulation, data controllers not established in the EU may become subjects to the EU law when their processing activities are related to „the offering of goods or services” to data subjects residing in the EU, or to the monitoring of the behavior of EU residents. The goal of these changes is to bring more non-EU-based companies offering services over the internet liable for data protection breaches under EU law. On the other hand, the proposed Directive aiming at achieving greater harmonization of EU member states' rules on data protection in the area of police and criminal justice sector applies to domestic processing operations. This is necessary as neither article 8 of the EU Charter of Fundamental Rights nor Article 16 TFEU make a distinction between domestic and cross-border processing operations, but refer to processing activities that fall within the scope of EU law and the free movement of personal data. In addition, both the proposals for the Regulation and for the Directive are addressed to member states only, and therefore do not apply to the processing of personal data by the Union

institutions, bodies, offices, and agencies, that will continue to apply Regulation (EC) No 45/2001.

In the context of the above described proposals for two legislative instruments, regulation and directive, that form the core of the data protection reform package, it is worth to mention the opinion of the European Data Protection Supervisor (EDPS) on the Commission's proposal. In the first place, EDPS welcomed the proposal for Data Protection Regulation as „a huge step forward” towards more effective and consistent protection of personal data across the EU (EDPS, 2012). However, the architecture of the package in itself — a Directive and a Regulation — signals that there might be a problem with its comprehensiveness. The main weakness of the package is that the level of protection in the proposed Directive is substantially lower than in the proposed Regulation.

Ensuring protection of personal data by police and criminal justice authorities

The scope of the draft Directive is similar to the draft Regulation, but there are important differences. In the first place, police and justice are the areas where the use of personal information inevitably has an enormous impact on the lives of private individuals. That is why it is difficult to understand why the Commission, instead of proposing comprehensive legislative framework, has decided to frame the data protection into two separate, unequal in terms of data protection guarantees, legislative acts; namely, the regulation and the directive. Moreover, the choice for a self-standing instrument is regrettable and constitutes a missed opportunity to clarify and ensure the consistent application of rules applicable to situations in which activities of the private sector and of the law enforcement sector interact with each other and borderlines are becoming increasingly blurred. Examples of these situations are the transfer of Passenger Name Record (PNR) data and data on financial transfers to law enforcement authorities. Furthermore, the Directive fails to include important elements regarding the retention of personal data, transparency towards individuals, keeping personal data up to date, and ensuring it is adequate, relevant and not excessive. Similarly the European Data Protection Supervisor regrets in particular that “the Commission does not propose stricter rules for

the transfer of personal data outside the EU; data protection authorities are not given mandatory powers to effectively control the processing of personal data in this area; the possibilities for the police to access data processed in the private sector are not regulated. To conclude, the proposed directive might cause fragmentation in the EU Data Protection System, rather than introducing consistency.

Final remarks

The above described reform constitutes a huge step forward for data protection in Europe, considered by some as „Copernican revolution”. The proposed rules will strengthen the rights of individuals and make controllers more accountable for how they handle personal data. What is more, according to the recent judgement (ECJ Ruling C-131/12) of the EU Court of Justice where the information is inaccurate, inadequate, irrelevant or excessive for the purposes of the data processing (§93 of the ruling) individuals have the right — under certain conditions — to ask search engines to remove links with personal information about them. Furthermore, the role and powers of national supervisory authorities (alone and together) are effectively reinforced. The fact that the proposed Regulation would be directly applicable in the Member States and would liquidate many complexities and inconsistencies stemming from the different implementing laws of the Member States constitutes another advantage. On the other hand, the Directive for data protection in the law enforcement area provides for an inadequate level of protection, by far inferior to the proposed Regulation. Furthermore, the proposed instruments taken together do not fully address factual situations which fall under both policy areas, such as the use of PNR or telecommunication data for law enforcement purposes. An advantage of the proposed Directive is that it covers domestic processing, and thus has a wider scope than the current Framework Decision.

Bibliography:

1. Case C-131/12, Google Spain SL v. Agencia Española de Protección de Datos (May 13, 2013), <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=152065&doclang=EN>. Council

Framework Decision 2008/977/JHA of 27 November 2008. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2008:350:0060:0071:en:PDF> (Visited on: 03.01.2017).

2. Craig Paul, Grinne de Búrca. EU Law: Text, Cases and Materials. Oxford University Press 5th ed. 2011, p. 105-106.

3. Directive (EC) 95/46 of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (1995) OJ L281/31 (‘Directive 95/46/EC’).

4. EDPS Opinion of 7 March 2012. [On-line]: https://secure.edps.europa.eu/EDPSWEB/webdav/site/mySite/shared/Documents/Consultation/Opinions/2012/12-03-07_EDPS_Reform_package_EN.pdf (Visited on: 03.01.2017), p. 24-25

5. EU Consumer Rights Directive. Directive 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2011 on consumer rights, amending Council Directive 93/13/EEC and Directive 1999/44/EC of the European Parliament and the Council and repealing Council Directive 85/577/EEC and Directive 97/7/EC of the European Parliament and of the Council (2011) OJ L304/64.

6. European Union Committee — Second Report EU Data Protection law: a ‘right to be forgotten’? 23 July 2014. [On-line]: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldselect/ldcom/40/4002.htm> (Visited on: 03.01.2017).

7. Fuster G. The Emergence of Personal Data Protection of the EU. Springer International Publishing, 2014. 274 p.

8. Gutwirth S. – Leenes R. de Hert P. (ed.) Reforming European Data Protection Law. Springer Netherlands, 2015. xx + 406 p.

9. Hustinx P. EU Data Protection Law – Current State and Future Perspectives, High Level Conference: „Ethical Dimensions of Data Protection and Privacy”, Center for Ethics, University of Tartu/ Data Protection Inspectorate, Tallin, Estonia, 9 January 2013.

10. Kosta E. Consent in European data protection law. Martinus Nijhoff, 2013. 462 p.

11. Kunert Ch. The European Commission’s Proposed Data Protection Regulation: A Copernican Revolution In European Data Protection Law. In: The Bureau of National Affairs 2012, Inc. (800-372-1033). [On-line]: <http://www.bna.com> (Visited on: 03.01.2017).

12. Michael L. Rustad & Sanna Kulevska. Reconceptualizing the right to be forgotten to enable transatlantic data flow. In: Harvard Journal of Law & Technology. Spring 2015, Volume 28, Number 2, p. 351-416.

13. Opinion of Advocate General Jääskinen ¶ 19, *Google Spain SL v. Agencia Española de Protección de Datos* (May 13, 2014) (Case C-131/12). [On-line]: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=138782&doclang=EN> (Visited on: 03.01.2017).
14. Proposed EU Data Protection Regulation One Year Later: The Albrecht Report. In: *Privacy & Security Law Report*, 12 PVLR 99, 01/21/2013, p. 1-7.
15. Reding v. The European data protection framework for the twenty-first century. In: *International Data Privacy Law*. 2012, Vol. 2, No. 3, p. 119-129.
16. Regulation (EC) No 45/2001 of the European Parliament and of the Council of 18 December 2000 on the protection of individuals with regard to processing of personal data by the

Community institutions and bodies and on the free movement of such data (2001) OJ L 008/1.

17. Rosen J. The right to be Forgotten. In: 64 *Stanford Law Review Online*. 88, February 13, 2012, p. 88-92.

Copyright©KOŁODZIEJCZYK Marta, 2017.

Contacte / Contacts / Контакты:

University of Bielsko-Biala

Willowa 2

43-309 Bielsko-Biala

Poland

Student Support Office

phone.: +48 (33) 8279 436

mkolodziejczyk@ath.bielsko.pl



Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2017, Issue 1, Volume 12, Pages 30-39.

ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963

Submitted: 15. 11. 2016 | Accepted: 15.02. 2017 | Published: 30.03. 2017

**DREPT EUROPEAN
EUROPEAN LAW
ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

PERSPECTIVELE DREPTULUI PENAL AL UNIUNII EUROPENE

THE CRIMINAL LAW' OUTLOOKS IN EUROPEAN UNION

ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

MELNIC Violeta* / MELNIC Violeta / МЕЛЬНИК Виолета

ABSTRACT:

THE CRIMINAL LAW' OUTLOOKS IN EUROPEAN UNION

The aim of this research is a complex approach at the doctrinal and legislative level in order to create the science of EU 'criminal law. The guaranty of a good function of internal market and of a good observance of human rights doesn't lack the national criminal legal frameworks of EU states members by the influence of European Union' rules.

The evolution of criminal politic in the EU institutional and legal frameworks, established two concepts of criminal regulation of the European area: the European criminal law — which is elaborated at the EU level and the European criminal law — which is applicable on the base of European territorial principle.

Thus, the EU criminal regulations can be directly executed by the EU institutions and the EU legislation can influence the criminal systems of the EU member States.

Key-words: European Union, Criminal European Law, Criminal National Law.

JEL Classification: K33, K12, F53

REZUMAT:

PERSPECTIVELE DREPTULUI PENAL AL UNIUNII EUROPENE

Scopul acestui studiu implică abordarea complexă la nivel doctrinar, normativ și jurisprudențial în vederea creării științei dreptului penal al Uniunii Europene. Asigurarea bunei funcționări a pieței interne și respectării drepturilor omului nu lasă lipsită de influența regulilor Uniunii Europene legislațiile penale ale statelor membre ale UE.

Evoluția politicii penale în cadrul instituțional, normativ și jurisprudențial al UE a determinat abordarea a două concepte de reglementare penală a spațiului european: Dreptul european penal, ce reprezintă un drept penal elaborat la nivelul UE și Dreptul penal european, care constituie un drept penal unitar aplicabil pe baza principiului teritorialității europene.

Astfel, Reglementările penale ale UE se pot aplica direct de instituțiile UE și legislația UE poate influența sistemele penale ale statelor membre ale UE.

Cuvinte-cheie: Uniunea Europeană, dreptul penal european, sisteme penale naționale.

* **MELNIC Violeta** — Doctor în drept, conferențiar universitar, Institutul de Relații internaționale din Moldova, Facultatea de Drept (Chișinău, Republica Moldova). / **MELNIC Violeta** — PhD in Law, Associate Professor, Institute of International Relations of Moldova, Faculty of Law (Kishinev, The Republic of Moldova). / **МЕЛЬНИК Виолета** — кандидат юридических наук, доцент, Институт международных отношений Молдовы, факультет Права (Кишинев, Республика Молдова). E-mail: violeta.melnic10@yahoo.com, violeta.melnic.eu@gmail.com

JEL Classification: K33, K12, F53

CZU: 343.2/.7, 341.1

РЕЗЮМЕ:

ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Цель данного исследования состоит в комплексном анализе создания науки уголовного права в Европейском союзе на уровне доктринального, нормативного подхода, а также с позиции юриспруденции. Обеспечение эффективного функционирования внутреннего рынка и соблюдения прав человека не оставляет без влияния правила Европейского союза и уголовное законодательство государств-членов ЕС.

Эволюция уголовной политики в рамках институциональной, нормативной основы, а также с позиции юриспруденции ЕС определили подход двух концепций уголовного регулирования европейского пространства: европейское уголовное право, что представляет собой уголовное право разработанное на уровне ЕС и уголовное право Европы, которое составляет унитарное уголовное право, применяемое на основе принципа территориальности европейских государств.

Таким образом, нормы уголовного права ЕС могут непосредственно применяться учреждениями ЕС, а законодательство ЕС может повлиять на систему уголовного права государств-членов ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, европейское уголовное право, национальная система уголовного права.

JEL Classification: K33, K12, F53

УДК: 343.2/.7, 341.1

Introducere

În domeniul penal competențele Uniunii Europene (UE) revin statelor membre potrivit principiului suveranității naționale, asigurarea bunei funcționări a pieței interne și asigurarea respectării drepturilor omului nu oferă posibilitatea de a lasă lipsite de influență regulilor UE legislațiile penale ale statelor membre. Totuși, există mai multe argumente în vederea edificării unui Drept Penal al UE și anume că infractorii pot profita de diferențele dintre sistemele de drept, în special în cazul când infractorii planifică infracțiuni într-un stat, le comit în alt stat și apoi se refugiază în alt stat. Un alt argument, în favoarea armonizării îl constituie consensul statelor membre de a apăra interesele financiare, lupta contra fraudei și corupției în UE, cu aceeași diligență cu care își apără propriile interese.¹

1. Evoluția Dreptului penal al Uniunii Europene

Europa este mai întâi un spațiu geografic, acela care implică „o intervenție penală la nivel European și justifică includerea în materie penală în inima procesului de apropiere a sistemelor juridice”.

Acest Drept Penal European prezintă o anumită unitate și este mai întâi plasat sub semnul evidenței diversității.

În cazul apropierii legislațiilor penale la nivel european putem vorbi de o bipolaritate a Europei, deoarece este posibil de a distinge schematic două Europe: cea a Consiliului Europei și cea a Uniunii Europene.

Prima Europa este cea a drepturilor omului, noțiune care revine de altfel drepturilor omului, ce revine destul de puțin dreptului penal și presupune o integrare mai strânsă a Consiliului Europei.

Așadar, datorită conceptului de cooperare apare un dublu Spațiu European Judiciar: cel al Consiliului Europei (Marea Europă) și cel al Uniunii Europene la scară mai restrânsă (Mica Europă).

În interiorul Europei, există de asemenea o cooperare între anumite state vecine. Astfel după 1960, există un Comitet Nordic de Drept Penal, organ permanent care cuprinde un reprezentant din fiecare cinci state (Danemarca, Islanda, Norvegia, Finlanda și Suedia) și care are misiunea de a prepara cooperarea în materie penală.

Dreptul Penal al UE este relativ tânăr, în continuă evoluție și care a luat un asalt la finele anilor 90 cu adoptarea Programului Tampere.

¹ Apropierea legislațiilor penale ale statelor din Uniunea Europeană. În: Buletin de informare legislativă. București, 2009, p. 3.

Acest Program a determinat elementele care trebuie să compună Dreptul Penal al UE, atât în planul de cooperare, cât și planul dezvoltării dispozițiilor penale. Dreptul Penal al UE rămâne pentru moment limitat la competențele atribuite de Tratatul privind Funcționarea UE.

În materie penală s-a pus întrebarea dacă UE va parveni să realizeze obiectivele programelor sale referitor la crearea spațiului justiției, libertății și securității.

Actualmente, statele membre ale UE rezistă la anumite tipuri de legislație penală care ar fi comunitară sau fondată pe al treilea pilon. Aplicarea mandatului de arestare și câștigurile care rezultă, nu sunt mascate de carențele celui de al treilea pilon, ce sunt din ce în ce mai vizibile, atât la nivelul elaborării, cât și cel al aplicării.

Legile penale ale statelor membre ale UE rămân intacte atât timp, cât nu se identifică o soluție juridică comună la o problemă comună.

Cercetarea unanimității adesea contribuie la blocaje, soluții mai puțin eficiente și adesea contribuie la scăderea considerabilă a ambiției.

O altă carență importantă este transpunerea defectuoasă a deciziilor-cadru, care nu aduc aceleași consecințe, ca și directiva comunitară.

Întrebarea referitor la viitorul Drept Penal al UE se raportează la baza juridică și cadrul instituțional al evoluției sale.

Dreptul Penal al UE se axează pe cooperarea interguvernamentală (al treilea pilon) și avansează datorită jurisprudenței Curții de Justiție a UE, care afirmă în marile sale decizii (Pupino, decizia-cadru) dreptul UE nu este de o competență comunitară, dar este în interesele integrării europene și poate avea un efect direct în privința dreptului penal național.

Apariția Dreptului Penal al UE, limitat la un ideal de armonizare corespunde la o imperioasă necesitate, care decurge din internaționalizarea criminalității și realizarea obiectivelor UE. Mai precis, această criminalitate este din ce în ce mai dăunătoare, agenții de diverse naționalități acționează în diverse state și se vorbește din ce în ce mai mult de criminalitatea organizată mai ales de traficul de droguri, terorismul, de pe urma cărora au de suferit și minorii. Crima devenind internațională, regională, europeană s-ar conveni ca și dreptul penal să devină european. Este la scara regională ca lupta contra crimei să fie eficace.

În materie penală legislația Uniunii Europene conține anumite prevederi atât în izvoarele primare, cât și cele derivate (*unele de aplicare directă, altele indirectă*).

Tratatul Uniunii Europene conține un titlu întreg, 6, care tratează cooperarea în materie penală.

La prima vedere putem degaja două sisteme ale Dreptului Penal European. În realitate, aceasta trece sub tăcere Cooperarea Polițienească și Judiciară care, este monopolul Consiliului Europei este luat în considerare și de către Uniunea Europeană.

Aceste dispoziții au fost completate de către dispozițiile Tratatului de la Maastricht, intitulat „Dispoziții privind cooperarea polițienească și judiciară în materie penală” (art. 29 și art. 42 din Tratatul Uniunii Europene de la Amsterdam).

Putem considera că drepturile omului sunt posibilitățile ce permit oricărei persoane de a apăra libertatea sa și demnitatea sa, datorită existenței garanțiilor instituționale.

Tratatul privind Comunitatea Europeană în titlu 6 prevede Justiția și Afacerile Interne. Art. K. 1 (art. 29 TUE de la Amsterdam) dispune: „În scopul realizării obiectivelor Uniunii, în special libera circulație a persoanelor și fără prejudiciul competenței Comunității Europene, statele membre consideră domeniile următoare ca chestiuni de interes comun: lupta contra toxicomaniei...5) Lupta contra fraudei de dimensiune internațională...7) Cooperarea judiciară în materie penală...9) Cooperarea polițienească în vederea prevenirii și lupta contra terorismului, traficul ilicit de droguri și alte forme grave de criminalitate internațională.”

Conform noului art. 29 al TUE „obiectivul Uniunii este de a oferi cetățenilor un nivel ridicat de protecție în spațiul libertății, securității și justiției... Acest obiectiv este atins prin prevenirea criminalității, organizate sau alta, și lupta contra acestui fenomen, în special terorismul, traficul ființelor umane și crimele împotriva copiilor, traficul de droguri, traficul de arme, corupția și fraudă” la o cooperare mai strânsă în special între poliție și autoritățile de justiție, grație apropierii regulilor de drept penal. Materia criminalității organizate *lato sensu* este o materie de interes comun.

În Dreptul European nu este o ramură strictă de drept penal, întrucât statele sunt stăpâne de a determina pedepsele (natura și cuantumul) și

procedurile. Am putea concluziona că nu există un Drept Comunitar Penal, dar numai o componentă a Dreptului Penal European. Totuși drepturile penale naționale sunt influențate de către norme comunitare (și se găsesc armonizate între ele).

În primul rând dacă dreptul penal este de competența statelor, Curtea de Justiție a Uniunii Europene (CJUE) se asigură că pedepsele alese nu constituie obstacole indirecte la realizarea obiectivelor tratatelor, ceea ce exprimă efectul negativ al acestora. Astfel, s-a decis că orice sancțiune disproporționată naturii infracțiunii constituie o măsură de efect echivalent unei restricții cantitative interzise. CJUE reamintește că „sistemul de sancțiuni nu vor avea ca efect de a compromite libertățile prevăzute de tratat”, căci „dacă o sancțiunea disproporționată gravității infracțiunii... ea va deveni un obstacol al libertății garantate de către dreptul comunitar”.

Prin acest control al proporționalității, CJUE corijează excesele unui stat și permite o armonizare a drepturilor interne.

În al doilea rând, CJUE înțelege de asemenea că violările dreptului comunitar să fie sancționate în condiții analogice celor care vizează violările normelor de drept național de natură similară, căci trebuie în două cazuri ca sancțiunea să fie efectivă, disuasivă și proporțională.

În al treilea rând, incriminările dreptului intern se fondează pe un text comunitar, ceea ce exprimă efectul pozitiv al acestuia. Mai precis directivele comunitare, pe când sunt incluse în dreptul național și comportând sancțiuni penale, pot să servească la baza condamnărilor penale în cazul violării dispozițiilor. Influența dreptului comunitar este de altfel mai importantă decât în cazul contrarietății între directivă și textul intern, aceasta-i directiva (*sau regulamentul*) care se aplică.

În al patrulea rând, în materie procedurală, CJUE reamintește principiile care se aplică în dreptul intern. Primatul dreptului comunitar asupra legii naționale, chiar posterioare este în general consacrat. Totuși de puține ori în fața Curții s-au ridicat probleme care privesc aplicabilitatea dreptului național de către instituțiile Comunității.²

Două căi se identifică în domeniu penal: fie agravând art. 3 al Tratatului de la Roma (art. 3 TCE Amsterdam) care enumeră domeniile de acțiune a Comunității și care nu vizează dreptul penal pentru moment această cale apărând totuși ca insensibilă, fie jucând pe principiul subsidiarității rezultând din art. 3 B CE (5-2 CE), care decide ar putea fi împrumutate pentru a permite Comunității Europene de a legifera în domeniile afară de competența sa exclusivă, „Comunitatea nu intervine, conform principiului subsidiarității, decât în măsura unde obiectivele de acțiune nu pot să fie realizate în manieră suficientă de către statele membre și pot deci, în funcție de dimensiunile sau de efectele acțiunii vizate, să fie mai bine realizate la nivel comunitar”, această cale apărând mai puțin serioasă.

Dreptul Penal European este plasat sub un semn triplu:

Pluralism mai întâi, ținând cont de prezența legislațiilor naționale și dreptul comunitar, complexitatea în fine pentru că trebuie să fie combinate de logici diferite și să aplice ideea că „dictonul dreptului european trebuie să fie conștient că el trebuie cel puțin posibil să regleze de sus”.

În funcție de rațiunea imperioasă a suveranității, statele nu pot să construiască un drept care să le fie lor comun și pe care să fie de acord să-l facă.

Așadar, Dreptul Penal European are un caracter convențional, căruia trebuie să-i aducem o precizare și anumite limite.

Precizarea presupune distincția între tratate-contracte și tratate-legi.

Primele presupun realizarea unei operațiuni juridice între state (*tratate de comerț sau alianțe*), dar nu creează un drept nou. Cel de al doilea creează reguli de drept și au un conținut normativ. Este evident că tratatele și convențiile europene sunt tratate legi. Distincția nu este pur teoretică, căci exigența reciprocității nu se aplică în aceeași manieră. Dreptul Penal European este un drept convențional în sensul tratatelor-legi scapă regulii de reciprocitate pentru că el „se impune nu titlului de contraparte a drepturilor consimțite de către alte state semnatare, dar în funcție de angajamentele luate în privința persoanelor beneficiare”. Această excluziune a principiului reciprocității este confirmată, pentru că vizează drepturile omului, de către Convenția de la Viena

² Cărăușan M. Unele aspecte privind preeminența dreptului comunitar asupra dreptului național al statelor membre. În: Revista de Drept Public. 2003, nr. 4, p. 24-25.

din 23 mai 1969: art. 60 dispune că necunoașterea de către un stat contractant de „dispoziții privind protecția persoanei umane” nu autorizează alte Părți de a se degaja de obligațiile născute din tratat.

Potrivit profesorului George Antoniu pot fi delimitate 3 metode de influență pozitivă a regulilor de drept ale UE asupra legilor naționale.

Metoda națională ce presupune că UE nu incriminează fapte, nu impune și nu execută ele însele sancțiuni penale, acestea sunt lăsate la latitudinea statelor membre.

Fiecare stat membru al UE are obligația să ducă la îndeplinire obiectivele UE, folosind în acest scop legislația națională, fapt care rezultă din tratatele UE, regulamentele și directivele UE.

A doua metodă se caracterizează prin implicarea mai puternică a prevederilor dreptului UE în cel național. Aceasta se exprimă prin faptul, că Regulamentul sau Directiva descrie infracțiunea și stabilește sancțiunea penale, dar aceasta se aplică și execută pe plan național.

Cea de a treia metodă de influențare a legislațiilor penale a statelor membre UE constă în impunerea de sancțiuni, chiar și de instituțiile UE, în mod direct fără a face apel la legislațiile naționale (ex: concurența).³

2. Principiile Dreptul penal al Uniunii Europene

Dreptul penal al Uniunii Europene are menirea de a apăra ordinea juridică a UE, facilitând colaborarea statelor în lupta criminalității ce afectează interesele Uniunii Europene și a cetățenilor acesteia.

Dreptul penal al Uniunii Europene este diferit de dreptul penal al statelor membre care este specific pentru fiecare stat în parte.

Totuși, influența dreptului european în privința drepturilor penale ale statelor membre se poate consimți în virtutea principiilor generale de drept comunitar.

Principiile ne penale (dar care au investit în câmpurile interne chiar penale), și care au condus, în numele libertăților și politicilor comunitare, în numele principiilor în special proporționalității și ne discriminării și neutralizarea incriminărilor și sancțiunilor interne.⁴

În manieră indirectă mai întâi, acest drept de a pedepsi statele, care a fost atins prin combinarea principiilor pentru majoritatea descoperirilor pentru CJUE (principiul imediat, principiul priorității, principiul efectului direct, interpretării în conformitate cu dreptul comunitar, principiului loialității).

Principiile speciale ale Dreptului Penal sunt următoarele:

Principiul materialității (*materiality principle*), afirmând că nimeni nu poate fi pedepsit dacă voința lui criminală nu apare printr-un comportament material, perceptibil din exterior

Principiul infracțiunii (*principle of the offence*) exprimat prin maxima latină *nullum nullum iniuria sine*, acest principiu prevede că, din moment ce dreptul penal a fost creat pentru a proteja interesele sociale relevante, astfel de comportament ar trebui pedepsit numai în cazul în care are ca rezultat un risc pentru binele juridic protejat.

Principiul culpabilității (*culpability principle*)

Principiul subsidiarității (*subsidiarity principle*)

Principiul pedepsei onorabile (*punishment worthiness principle*) potrivit căruia se aplică pedeapsă corespunzătoare gravității infracțiunii, subiectului infracțiunii și circumstanțelor cauzei.⁵

Principiul aplicabilității imediate, potrivit căruia dreptul comunitar originar și derivat este imediat aplicabil în ordinea juridică internă.

Principiul supremației dreptului comunitar, potrivit căruia normele de drept comunitar au prioritate în raport cu normele de drept național.

Principiul efectului direct în virtutea căruia dispozițiile tratatului și ale altor acte comunitare pot fi invocate de justițiabili în fața jurisdicțiilor naționale și sunt susceptibile de a crea, în mod direct, drepturi și obligații în privința persoanelor fizice și juridice.

Principiul legalității pedepselor se inspiră din tradițiile constituționale ale statelor membre, atunci când trebuie să se determine întinderea responsabilității penale, care rezultă dintr-o lege, în mod special adoptată în vederea implementării unei directive, nu trebuie să se aplice legea penală

³ Antoniu George. Drept penal european. Note de curs. Târgu-Jiu: Ed. Academica, 2005, p. 48-56.

⁴ Collection de l'UMR de droit comparé de Paris (Université de Paris 1 / CNRS - UMR 8103) volume 28, le Droit Pénal de l'Union Européenne au du Traité de

Lisbonne, p. 17. [On-line]: <http://f.hypotheses.org/wp-content/blogs.dir/1421/files/2013/07/Vol-28-bis.pdf> (Vizitat la: 25.09.2016).

⁵ Neagu Norel (Ed.) Tracogna Clara, Avriganu Tudor et. al. Foundations of European Criminal Law. București: Editura C.H. Beck, 2014, p. 117-155.

în manieră extensivă în dezavantajul persoanei urmărite penal. Astfel îi revine jurisdicției naționale să asigure respectarea acestui principiu, când interpretează, în lumina textului și a finalității directivei, dreptul național adoptat în vederea executării acesteia.

În materia penală pot fi invocate următoarele principii:

Principiul proporționalității CJCE a remarcat faptul că „în principiu, legislația penală și regulile de procedură penală sunt probleme pentru care competența că aparține încă statelor membre”.

Principiul aplicării retroactive a pedepsei mai ușoare, care judecătorul național trebuie să îl respecte atunci când aplică dreptul național adoptat pentru a pune în operă dreptul UE.

Principiul protecției private care presupune respectarea dreptului la viața privată, care nu apare ca o prerogativă absolută, dar conține unele restricții, cu respectarea condiției să răspundă efectiv obiectivelor de interes general urmărite de Comunitate și să nu constituie, față de scopul urmărit, o intervenție nemăsurată și de netolerat care să aducă atingere înseși existenței dreptului astfel garantat.

Principiul „non bis in idem” în conformitate cu care „nici o pedeapsă nu poate fi urmărită într-un stat membru pentru aceleași fapte pentru care a fost în mod definitiv judecată într-un alt stat membru”.

Principiul respectării dreptului la apărare este garantat de art. 36 al. 1 al Tratatului CECA.

Principiul prezumției nevinovăției este garantat de art. 6 paragraful 2 Tratatul instituind UE, art. 47 din Carta drepturilor fundamentale, art. 6 din CEDO.

Principiul dreptului la un proces echitabil art. 6 paragraful 1 al CEDO, care vizează o completă egalitate a armelor, care cere procedura litigioasă, considerată în ansamblul său, să ofere acuzatului o ocazie adecvată și suficientă pentru a contesta bănuielile care planează asupra lui.

Principiul „nulla poena sine culpa”.⁶

Principiu este cel al priorității dreptului comunitar asupra dreptului intern, de fapt dreptul european este direct aplicabil în ordinea juridică a statelor membre. CJCE în hotărârea *Costa* din 15 iulie 1964 stipulează pentru prima dată principiu priorității: „Tratatul CE a instituit o ordine juridică proprie, integrată în sistemul juridic al

statelor membre din momentul intrării în vigoare a tratatului și care se impune jurisdicțiilor lor. Această integrare a dreptului în fiecare stat membru de dispoziții, care provin din sursa comunitară și în general termenii și dispozițiile tratatului au imposibilitatea pentru state de a face să prevaleze contra unei ordini juridice acceptate de către ele...o măsură unilaterală ulterioară care nu va ști să îi fie opozabilă. Dreptul comunitar trebuie să se aplice imediat și direct căci fără aceasta, el va fi o scrisoare moartă dacă un stat îl va putea neutraliza printr-o lege ulterioară. Acest drept este superior legii interne, deoarece regulamentele au valoare obligatorie și sunt direct aplicabile în orice stat membru”.

Hotărârea *Costa* adaugă în favoarea priorității dreptului comunitar un argument al unității acestui drept: „forța executorie a dreptului comunitar nu va ști să varieze de la un stat la altul în favoarea legislațiilor interne ulterioare, fără a pune în pericol realizarea scopurilor tratatului”.⁷ Această prioritate a dreptului comunitar asupra dreptului național antrenează două efecte: afectarea normei naționale contrare și obligația pentru judecătorul național de a prefera norma comunitară față de orice dispoziție contrară dreptului național, chiar posterioară. Jurisdicțiile interne consacră de asemenea acest principiu. De aici, rezultă o apropiere a drepturilor penale naționale.

Totuși, obligația judecătorului național de a se raporta la conținutul directivei, atunci când interpretează regulile pertinente din dreptul său național este limitată la principiile generale de drept care fac parte din dreptul comunitar, și mai ales, de principiile securității juridice și al neretroactivității. De altfel, cum a menționat CJCE, o directivă nu poate prin ea însăși și în mod independent de o lege internă adoptată de un stat membru pentru aplicarea sa, să determine sau să agraveze responsabilitatea penală a persoanei, prin încălcarea dispozițiilor sale. *Per a contrario*, un asemenea act comunitar ar putea fi invocat numai în favoarea persoanei, așa cum se întâmplă în cazul împrejurărilor care fac ca fapta să nu constituie infracțiune sau care atenuază responsabilitatea penală. Așadar, un act comunitar derivat nu avea efect direct, în cazul în care prin aplicarea sa și în mod independent de o normă națională de transpunere, se poate ajunge la

⁶ Gheorghe V. Ivan. Principiile de drept comunitar ca izvoare de drept penal. În: RDP, 2009, nr. 1, p. 31-41.

⁷ CJCE în hotărârea *Costa* din 15 iulie 1964.

determinarea sau agravarea răspunderii penale a unei persoane.

3. Cadrul instituțional și normativ al UE în materie penală

Dreptul Penal al Uniunii Europene include clivaje instituționale, un drept care derivă din primul pilon. Dreptul comunitar ar putea deveni un component foarte important al Dreptului Penal al UE a celui de al treilea pilon, în funcție de evoluția cadrului instituțional al pilonilor și jurisprudenței Curții de Justiție a UE.

Evoluția jurisprudenței Curții de Justiție a UE provoacă o evoluție a dispozițiilor cu caracter penal în dreptul comunitar, în ce privește armonizarea sancțiunilor și de asemenea emiterea principiilor generale care influențează în tot sau în parte dreptul penal ce rezultă din al treilea pilon.

Instituțiile UE coordonatoare Eurojust și Rețeaua Judiciară Europeană, care ar putea deveni un actor major în spațiul penal european, nu ca o sursă primară de drept penal, dar ca organe de interpretare și de executare.

Nici Tratatul de la Roma din 1957 și nici Actul unic din 1986 nu conferă autorităților comunitare competența penală și Tratatul de Maastricht din 1992 nu aduce nici o schimbare acestui punct. Ar trebui să recunoaștem că soluția inversă ar fi adus o lovitură foarte dură principiului suveranității. Cum să se admită de fapt că sancțiunile penale pot să fie instituite de către un organ neales prin sufragiu popular (Consiliu) și că aceste sancțiuni să fie aplicate de către un organ nejurisdicțional (Comisia). Este adevărat că art. 29 și 42 al TUE Amsterdam prevede o posibilă comunitarizare (adoptarea unei reguli cu majoritatea) a justiției penale în domeniul terorismului, traficului de droguri și a criminalității organizate, noțiune foarte largă.

Instituind inițial Comunitățile Europene și ulterior UE, statele membre au înțeles să încredințeze o parte a suveranității lor unor organisme suprastatale, renunțând sau transferând o serie de atribute naționale specifice, care nu pot fi redobândite oricum, ci doar în condiții de excepție. În același mod, aceste atribute nu pot fi restituite autorităților statelor membre. Tratatul și reglementările UE constituie un set de reguli care impun în mod direct, adică fără interferențe sau intervenții, obligații asupra și creează drepturi pentru statele membre și pentru persoanele fizice și juridice din cadrul comunității. De aceea, nu de puține ori s-a afirmat că tratatele europene au

stabilit o ordine juridică specifică, lucru confirmat de către CJUE de la Luxemburg.⁸

Prin semnarea la Maastricht la 7 februarie 1992 a Tratatului asupra Uniunii Europene a fost fondat al doilea și al treilea pilon al UE, politică externă și securitate a comunităților, justiție și afaceri interne.

Ulterior, Tratatul de la Nisa din 26 februarie 2001 modifică art. 31 al Tratatului de la Amsterdam referitor la cooperarea judiciară în materie penală (pct. 1) stipulând, că această materie va include:

Tratatul de la Lisabona acordă o competență în domeniul penal instituțiilor comunitare. Prin intrarea în vigoare a Tratatului de la Lisabona, Carta dobândește o valoare coercitivă și își găsește un loc în dreptul comunitar primar. Ca urmare, respectarea drepturilor garantate de Cartă vor putea fi invocate în fața Curții de Justiție, Tribunalului de Primă Instanță, precum și în fața instanțelor naționale ale statelor membre.

Aderarea UE la Convenția Europeană a Drepturilor Omului asigură un nivel dublu de protecție a individului, astfel încât dacă cetățenii Uniunii Europene nu vor fi mulțumiți de soluțiile pronunțate de CJUE în privința drepturilor fundamentale, se vor adresa la CEDO.

Înlesnirea și accelerarea cooperării între ministerele competente și autoritățile judiciare ale statelor membre (inclusiv prin intermediul EUROJUST) privind procedurile de executare a deciziilor.

Asigurarea compatibilității regulilor aplicabile între statele membre, în măsură necesară acestei cooperări, prevenirea conflictelor de jurisdicție între statele membre, adoptarea regulilor minimale privind elementele constitutive ale infracțiunilor și a sancțiunilor aplicabile în domeniile crimei organizate, a terorismului și a traficului ilicit de droguri.

Conform art. 31 pct. 2 în noua redactare, Consiliul va încuraja cooperarea între organele procuraturii, poliției, justiției prin intermediul *Eurojust* și:

permite ca *Eurojust* să contribuie la o mai bună coordonare între autoritățile naționale ale statelor membre, însărcinate cu urmările judiciare; acordă sprijin *Eurojust* pentru investigarea infracțiunilor grave transfrontaliere, în cazul

⁸ Cărăușan M. Unele aspecte privind preeminența dreptului comunitar asupra dreptului național al statelor membre. În: Revista de Drept Public. 2003, nr. 4, p. 11-12.

crimei organizate, ținând seama mai ales, de cele duse la bun sfârșit de Europol,

înlesnește strânsa cooperare între *Eurojust* și *Rețeaua Judiciară Europeană*, în special spre a înlesni executarea comisiilor și punerea în aplicare a cererilor de extrădare.

Tratatul de la Lisabona lărgeste competența instituțiilor comunitare în materie penală având o influență asupra legislațiilor penale naționale prin faptul, că propune ocrotirea valorilor Uniunii Europene prin intermediul legilor penale naționale.

Armonizarea legislațiilor penale ale statelor își are originea în lucrările ONU, documentele Consiliului Europei, care au fost reflectate și în cadrul UE. Potrivit Tratatului de la Lisabona, instituțiile UE au obținut noi competențe în materie penală, fapt care va eficientiza prevenirea și lupta contra criminalității. Astfel, urmează ca prin legi europene sau legi-cadru să se introducă anumite reguli minime cu privire la definirea infracțiunilor împotriva minorilor și a sancțiunilor aplicabile acestora.⁹

După cum s-a afirmat pe bună dreptate în literatura de specialitate „Apropierea și armonizarea legislațiilor penale ale statelor membre au ca scop nu numai să creeze cadrul unui politici comune antiinfracționale, dar și acela de a evita ca unele state membre, prin particularitățile legislațiilor lor penale, să devină locuri de refugiu pentru elemente criminale”.¹⁰

Nu este nici o contradicție în faptul că statul și-a conservat competențele lor în materie penală și că el nu o poate exercita decât respectând dreptul comunitar.¹¹ O asemenea afirmare presupune că materia penală după natura sa își rezervă suveranitatea.

Așadar, în viziunea unor autori poate fi constituit un drept penal european format dintr-un ansamblu de norme penale folosite în lupta cu criminalitatea și în special împotriva crimei transnaționale. În acest context, a apărut întrebarea dacă dreptul penal corespunde unei necesități, invocându-se mai multe obstacole:

Un prim impediment ar fi că înfăptuirea justiției este un atribut indispensabil al suveranității statului și nu poate fi realizată decât la nivel național;

Un al doilea ține de specificul național în special al procedurilor penale.

În această ordine de idei, este important de menționat că în Europa există două sisteme de drept continental și *common law*. Deși diferențele juridice între cele două sisteme se pot estompa, totuși diferențele juridice, sociologice, culturale se mai opun în acest sens.¹²

Un alt obstacol ar fi că Codurile penale din statele Uniunii Europene conțin reglementări diferite datorită particularităților naționale ale dreptului penal.¹³

Instituțiile Uniunii Europene nu ar trebui să intervină în activitatea internă a statelor membre, decât în măsura în care obiectivele UE nu ar putea fi realizate de aceste state într-o manieră satisfăcătoare și, chiar mai bine la nivel comunitar datorită dimensiunilor sau efectelor acțiunilor proiectate (principiul subsidiarității).

Statele membre ale UE dispun de reglementări proprii de drept penal și unificarea legislativă penală la nivel european nu poate fi realizată, deși aceasta este necesară din cerințele obiective ale luptei contra criminalității. De regulă, UE nu beneficiază de prerogativa elaborării de acte normative cu caracter penal, adică să incrimineze faptele care aduc atingere ordinii juridice a UE trebuie să se regăsească în Codurile penale ale statelor membre UE. În pofida acestora, există unele reglementări cu caracter penal ale instituțiilor UE, acestea stând la baza formării dreptului penal european.

Astfel, Tratatul UE a stabilit direcții de acțiune și forme de colaborare între state în combaterea crimei organizate transnaționale, elaborând regulamente, directive, decizii care au o influență în armonizarea legislațiilor naționale și în dezvoltarea între state pentru combaterea eficientă a unor infracțiuni grave care au efecte negative pentru întreaga comunitate: trafic de droguri, trafic de persoane, fapte de corupție, terorism, trafic de arme.

⁹ Predescu O., Udrioiu M. Convenția europeană a drepturilor omului și dreptul penal român. București: Ed. Lumina Lex, 2006, p. 47.

¹⁰ Antoniu G. Implicații penale ale Constituției Europene. În: Revista de drept penal. 2005, nr. 3, p. 18.

¹¹ CJCE, cazul 203/80, 11 noiembrie 1980, Casati, cazul 186/87, 2 februarie 1989, Cowan, cazul C-274/96, 24 noiembrie 1998, Bickel.

¹² Păvăleanu V. Cooperarea judiciară în materie penală în cadrul Uniunii Europene. În: Revista de Drept Penal. 2009, nr. 3, p. 28.

¹³ Basarab M. Partea generală a Codului penal român într-o perspectivă europeană. În: RDP. 2004, nr. 1, p. 25.

În cazul când, în care există contradicții între directivele UE și dreptul intern, urmează să se aplice directiva, care va influența astfel dreptul penal național, în procesul de armonizare.¹⁴

În situația în care apropierea actelor cu putere de lege și a normelor administrative ale statelor membre în materie penală se dovedește indispensabilă pentru a asigura aplicarea eficientă a unei politici într-un domeniu care a făcut obiectul unor măsuri de armonizare se pot stabili norme minime referitoare la definirea infracțiunilor și a sancțiunilor în domeniul drepturilor minorilor.

În fine, Parlamentul European și Consiliul, pot stabili măsuri pentru a încuraja și sprijini acțiunea statelor membre în domeniul prevenirii criminalității, excluzând orice armonizare a actelor cu putere de lege și a normelor administrative a statelor membre.¹⁵

1. Din moment ce statul membru a acceptat competența CJCE pentru a statua în privința validității și interpretării actelor vizate de art. 35 al TUE, aceasta este competentă de a răspunde chestiunii prejudiciale puse de către un judecător însărcinat cu anchete preliminare. Acționând în cadrul procedurii penale, acest judecător intervine de fapt în exercițiul unei funcții jurisdicționale, astfel că el este considerat ca o jurisdicție, în sensul acestui articol.

2. În virtutea art.46 lit. b) din TUE regimul prevăzut la art.234 CE are vocația de a se aplica și art. 35 TUE, sub rezerva condițiilor prevăzute la această din urmă dispoziție. Pornind de la art. 234 CE, art. 35 TUE subordonează sesizarea Curții cu titlu prejudicial cu condiția, că jurisdicția națională estimează că o decizie în privința aceasta este necesară pentru a emite o hotărâre, întrucât jurisprudența Curții privind acceptarea chestiunilor prejudiciale invocate, conform art. 234 CE este, în principiu, transpus cererilor referitoare la deciziile prejudiciale prezentate Curții în virtutea art. 35 al TUE.

3. Este dificil pentru UE de a îndeplini eficace misiunea sa dacă principiul cooperării loiale, care implică în special că statele membre iau toate măsurile generale sau particulare proprii de a asigura executarea obligațiilor conform Dreptului Uniunii Europene nu se impune în mod egal în cadru cooperării polițienesci și judiciare în materie

penală, figurând în titlu VI al Tratatului UE, care este de altfel întreg fondat pe cooperarea între statele membre și instituții.

4. Caracterul constrâns al Deciziei-cadru pe temeiul titlului VI al TUE, ce consacră cooperarea polițienească și judiciară în materie penală, este formulat în termeni identici celor din art. 249 al. III CE, în ce privește directivele. Se antrenează în funcție de autoritățile naționale, o obligație de interpretare în conformitate cu dreptul național. Astfel, aplicând dreptul intern, jurisdicția națională cheamă la interpretare acestuia este ținută de a face în toată măsura posibilă a textului și finalității deciziei-cadru cu scopul de a atinge rezultatul vizat de acesta și de a se conforma astfel art. 34, paragraful 2 lit. b) TUE. Obligația judecătorului național este de a se referi la conținutul deciziei-cadru în timp ce interpretează reguli pertinente în dreptul său național găsește, totodată, limitele sale în principiile generale de drept, și în particular, în cele ale securității juridice și non-retroactivității. Aceste principii se opun în special la ceea ce obligația poate să contribuie la determinarea sau agravarea pe baza deciziei-cadru și independent de o lege luată pentru punere în aplicare a acesteia, răspunderea penală a acestora care acționează în infracțiune conform acestor dispoziții. În același timp, principiul de interpretare conformă nu poate să servească ca fundament la o interpretare *contra legem* a dreptului național. Acest principiu cere, de altfel, ca jurisdicția națională să ia în considerație ansamblu dreptului național pentru a aprecia în care măsură acesta poate primi o aplicare astfel ca să nu ajungă la un rezultat contrar celui vizat de decizia-cadru.

CJCE a răspuns astfel:

Conform art. 34 paragraful 2, pct. b, UE și obligația de loialitate în privința UE, orice decizie-cadru obligă jurisdicțiile naționale chemate să interpreteze dreptul național se are în vedere dispozițiile anterioare sau posterioare deciziei-cadru, de a le face în toată măsura posibilului la lumina textului și finalității deciziei-cadru pentru a atinge rezultatul vizat de acestea.

Se convine de a interpreta art. 2, paragraf 2, 3, și 8, paragraful 4 al deciziei — cadru 2001/220/JAI al Consiliului din 15 martie 2001, în sensul că se poate în funcție de circumstanțele particulare de speță, să întemeieze o obligație pentru jurisdicțiile naționale de a urma o

¹⁴ Paraschiv G. Considerații asupra Dreptului Penal al Uniunii Europene. În: RDP. 2009, nr. 1, p. 48-49.

¹⁵ Păvăleanu V. *Op. cit.*, p. 30.

procedură de administrare anticipată adaptate intereselor copilului, cu condiția că această procedură să fie conformă principiilor fundamentale a ordinii juridice în cauză, care cuprind drepturile fundamentale ale UE.¹⁶

Concluzii

Crearea și consolidarea Dreptului Penal al UE este influențată de dreptul național al statelor membre atât în aspectele de drept material (traficul de droguri, crimele cibernetice, traficul de ființe umane, crimele organizate, pornografia infantilă) cât și prin elemente de drept procedural penal (stabilirea criteriilor minime pentru dreptul de interpretare și traducere, dreptul la informare și de a dispune de un apărător în procesele penale), precum și de cooperare judiciară în materie penală (mandatul de arest european, recunoașterea și punerea în executare a hotărârilor penale străine).

Dreptul Penal al UE influențează drepturile penale naționale prin armonizarea în baza Tratatelor Uniunii Europene și Funcționării Uniunii Europene prin actele de drept derivat. Aceste acte facilitează cooperarea transnațională prin reducerea procedurilor, reducerea timpului pentru recunoașterea și punerea în executare a sentințelor penale.

În acest context, se impune delimitarea unei ramuri de distincte de Drept Penal al UE care să reglementeze principiile Dreptului Penal al UE, metodele de aplicare al acestuia, cadrul normativ, instituțional și jurisdicțional atât la nivelul UE cât și al statelor membre.

Bibliografie:

1. Antoniu G. Drept penal european. Note de curs. Târgu-Jiu: Ed. Academica, 2005.
2. Antoniu G. Implicații penale ale Constituției Europene. În: Revista de drept penal. 2005, nr. 3.
3. Apropierea legislațiilor penale ale statelor din Uniunea Europeană. În: Buletin de informare legislativă. București, 2009.
4. Basarab M. Partea generală a Codului penal român într-o perspectivă europeană. În: RDP. 2004, nr. 1.
5. Cărăușan M. Unele aspecte privind preeminența dreptului comunitar asupra dreptului național al statelor membre. În: Revista de Drept Public. 2003, nr. 4.

6. Cărăușan M. Unele aspecte privind preeminența dreptului comunitar asupra dreptului național al statelor membre. În: Revista de Drept Public. 2003, nr. 4.

7. CJCE în hotărârea Costa din 15 iulie 1964.

8. CJCE, cazul 203/80, 11 noiembrie 1980, Casati, cazul 186/87, 2 februarie 1989, Cowan, cazul C-274/96, 24 noiembrie 1998, Bickel.

9. Collection de l'UMR de droit comparé de Paris (Université de Paris 1 / CNRS - UMR 8103) volume 28, le Droit Pénal de l'Union Européenne au du Traité de Lisbonne, p.17. [On-line]: <http://f.hypotheses.org/wp-content/blogs.dir/1421/files/2013/07/Vol-28-bis.pdf> (Vizitat la: 25.09.2016).

10. Gheorghe V. Ivan. Principiile de drept comunitar ca izvoare de drept penal. În: RDP. 2009, nr. 1, p. 31-41.

11. Hotărârea C-105/03 procedura penală contra Maria Pupino.

12. Neagu Norel (Ed.) Tracogna Clara, Avriganu Tudor et. al. Foundations of European Criminal Law. București: Editura C.H. Beck, 2014. xxii + 281 p.

13. Paraschiv G. Considerații asupra Dreptului Penal al Uniunii Europene. În: RDP. 2009, nr. 1.

14. Păvăleanu V. Cooperarea judiciară în materie penală în cadrul Uniunii Europene. În: Revista de Drept Penal. 2009, nr. 3.

15. Predescu O., Udriou M. Convenția europeană a drepturilor omului și dreptul penal român. București: Ed. Lumina Lex, 2006. 1050 p.


Copyright©MELNIC Violeta, 2017.

Contacts / Contacte / Контакты:

Institutul de Relații Internaționale din Moldova,
Facultatea de Drept,
MD 2012, Chișinău, Republica Moldova,
str. Pușkin, 54.

Email: violeta.melnic10@yahoo.com,
violeta.melnic.eu@gmail.com

¹⁶ Hotărârea C-105/03 procedura penală contra Maria Pupino.

	<p>Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений</p> <p>2017, Issue 1, Volume 12, Pages 40-44. ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963 Submitted: 15. 11. 2016 Accepted: 15.02. 2017 Published: 30.03. 2017</p>
---	---

**RELAȚII INTERNAȚIONALE
INTERNATIONAL RELATIONS
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

ENERGETICS: OLD PROBLEMS OF CURRENT CONFIGURATION*

ЭНЕРГЕТИКА: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КОНФИГУРАЦИИ

ENERGETICA: PROBLEME VECHI DE CONFIGURARE CURENTĂ

KINDIBALYK Olyana** / CHINDÎBALIUC Oleana / КИНДЫБАЛЮК Оляна

ABSTRACT:

ENERGETICS: OLD PROBLEMS OF CURRENT CONFIGURATION

Energy resources have found their niche in the global processes, including relations between states. When the global system has become more vulnerable as it is now, the role of energy resources began to be felt even more. Modern European energy security is facing a serious challenge. An open confrontation between the West and Russia does not pass without leaving a trace. Moreover, this leads to certain difficulties, which are intricate to overcome.

In turn, the US attitude to the Russian-European Co-operate in the energy sector is expressed through a complex set of reasons of political and economic nature. In fact, at the moment Europe can not find an alternative to Russian gas pipeline. Therefore it is strongly tied to it. Europe still faces the challenge of diversifying suppliers.

Key words: energy security, LNG, oil, gas.

JEL Classification: F29, K33

* Articolul a fost perfectat în cadrul Proiectului instituțional 15.817.06.10F al ICJP al AȘM „Redimensionarea politicii externe și interne a Republicii Moldova din perspectiva evoluției proceselor integraționiste și modificărilor geopolitice a sistemului internațional”. / Статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта Института юридических и политических исследований АН Молдовы 15.817.06.10F «Переосмысление внешней и внутренней политики Республики Молдова с перспективы эволюции интеграционных процессов и геополитических изменений международной системы». / The article is made within the framework of a Research project of the Institute of Legal and Political Studies of the Academy of Sciences of Moldova 15.817.06.10F „Rethinking foreign and domestic policy of the Republic of Moldova from the perspective of the evolution of the integration process and the geopolitical changes in the international system”.

** **CHINDÎBALIUC Oleana** — Doctor în științe politice, conferențiar universitar, cercetător științific, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM; Șef Catedră Politică Mondială și Relații Internaționale a Universității de Studii Europene din Moldova (Chișinău, Republica Moldova). / **KINDIBALYK Olyana** — PhD in political science, Associate Professor, Scientific fellow, Institute of Legal and Political Research of ASM; Head of the Department of World Politics and International Relations at the University of European Studies of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova). / **КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна** — Кандидат политических наук, доцент, научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы; Заведующая кафедрой мировой политики и международных отношений Европейского университета Молдовы (Кишинев, Республика Молдова). E-mail: olyana.kindibalyk@gmail.com

РЕЗЮМЕ:

ЭНЕРГЕТИКА: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КОНФИГУРАЦИИ

Энергетические ресурсы нашли свою нишу в глобальных процессах, включая взаимоотношения между государствами. Когда глобальная система стала более уязвимой, как сейчас, роль энергетических ресурсов стал ощущаться еще больше. Современная Европейская энергетическая безопасность-это серьезная проблема. Открытое противостояние между Западом и Россией не прошли бесследно. Кроме того, это наводит на определенные трудности, которые сложно преодолеть.

В свою очередь, отношение США к российско-европейскому сотрудничеству в энергетической сфере выражается через сложный комплекс причин политического и экономического характера. На самом деле, на данный момент Европа не сможет найти альтернативы российскому газопроводу. Поэтому он сильно привязан к ней. Европа по-прежнему сталкивается с проблемой диверсификации поставщиков.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, СПГ, нефть, газ.

JEL Classification: F29, K33

УДК: 327.39

REZUMAT:

ENERGETICA: PROBLEME VECHI DE CONFIGURARE CURENTĂ

Resursele de energie au gasit nișa sa în procesele globale, inclusiv în relațiile dintre state. Atunci când sistemul global a devenit mai vulnerabil, cum este acum, rolul resurselor energetice a început să fie simțit chiar mai mult. Securitatea energetică Europeană modernă se confruntă cu o provocare serioasă. O confruntare deschisă între Occident și Rusia nu trece fără să lase urme. Mai mult decât atât, acest lucru duce la anumite dificultăți, care sunt complicate pentru a fi depășite.

La rândul său, atitudinea SUA față de cooperarea ruso-europeană în sectorul energetic este exprimată printr-un set complex de motive politice și economice. De fapt, la moment, Europa nu poate găsi o alternativă la conducta de gaz rusesc. Prin urmare, este puternic legată de ea. Europa se confruntă cu provocarea de diversificare a furnizorilor.

Cuvinte cheie: securitate energetică, GNL, petrol, gaze.

JEL Classification: F29, K33

УДК: 327.39

It would be great omission thinking about the issue of energy security, based exclusively on the economic, political or technical imperatives, bypassing the geopolitical factor. In purely practical terms, energy security has always been state-centric understanding, and the hydrocarbon factor was the focus of this interpretation. At the same time, regardless of the political regime of the state, because it does not play a primary role. The geopolitics has a pragmatic meaning, since the implementation of the energy strategy of the largest net exporter countries does not make sense in isolation, but only through access to foreign markets and control.

The energy factor has always attached special tone to international politics, at times even disturbing the established balance of forces. The process of transformation of modern system of

international relations is difficult and controversial. Moreover, this process is characterized by unpredictability and uncertainty. Paradoxically, but the unpredictability and uncertainty give us the impression that they harmoniously complement each other. Although the experience of existence of different international systems, which is unthinkable without a policy of force, has had to lead to another conclusion. However, when the policy becomes less predictable and uncertain in areas of geopolitical importance, the world's attention to the energy problem is amplified even more.

Meanwhile, the current world processes „report” us that the modern world-system is moving towards a new model of the world, when its existence does not depend on one state, as it was during the existence of a unipolar world, but

on several actors of world politics. The modern world system has accumulated a very large number of problems that must be solved together.

In fact, the world is feeling the processes of geopolitical transformations, when the balance of geopolitical forces is changing, and it affects different sectors of political interaction. The energy issue has never been devoid of political content. Sometimes it seems that it is a shadow of Energy.

However, energy policy is inconceivable without political touch. But nonetheless, the policy can steer bilateral relations that were once cornered. Sometimes it should be commended. The resumption of dialogue on the construction of „Turkish stream” in this case is a good example.

First of all I would like to note that oil and gas will remain the main energy source in the world for many decades. Despite the great advances in the field of alternative energy sources, they are not able to provide an alternative to traditional energy sources.

Meanwhile gas as a commodity is increasingly moving towards to be turning into a commodity, like oil. It refers primarily to the delivery aspect. Advances in the development of LNG partly confirm this thesis. Today, the share of LNG in international gas trade is one-third. It should be noted that the LNG is more expensive than pipeline gas, so the demand for LNG is good when traditional suppliers cannot provide the required volumes.

From a position of geo-energetics a contemporary model of world system is facing serious challenges. They are largely determined by the difference in the interests of Russia, the USA, China, and the European Union in their approach to energy security. This once again points to the fact that each country that is thinking about securing its energy needs is guided solely by national interests. The discrepancies between the positions of Moscow and Brussels have a negative impact on the energy security of both sides. „Gazprom” needs to increase the share of Russian gas in the European market, and this presence must be as stable. Meanwhile, domestic production of gas in Europe is falling, and the need for imports is growing.

However, presently we observe the following — the European market is dumped for LNG suppliers, i.e. prices for the suppliers here are too low. But the prospect itself to enter to this market

is inviting. At the moment there is more profitable to supply LNG to other countries, including South America. All appearances, it will continue to grow. Its main competitor is LNG.

Indeed, in 2015, Gazprom supplied 158.6 billion cubic meters of gas to Europe having increased its market share to 31%.¹ By the way it captured 33.5% of the European market in 2016.² Let us assume with the fact that although the statistics is a stubborn fact, but nevertheless, this figure stubbornly fixes certain indicators, which can be compared by making some conclusions. Firstly, the share of Russian gas is increasing. Secondly, the one hand, EU states fear the excessive presence of Russian natural gas at the European market and there is some rational sense, on the other — in spite of the diversification of supply, Europe needs Russian gas. In respect that the supply of gas from the North Sea is falling, demand for Russian gas, particularly in North-Western Europe will continue to grow. Diversification is always a question of flexibility.

Russia and the EU have many reasons to develop joint cooperation in gas sphere. First of all it refers to the alternative energy transit routes, as well as the Ukrainian factor that significantly declared itself in 2009. In general, the „Gazprom” is palpably moving toward a full crawl of Ukraine. This movement includes two alternative schemes: the first is directed to the north („Nord Stream – 2”), the second — to the south („Turkish Stream”). In turn, Europe is trying to save the transit status of Ukraine.

Indeed „Nord Stream-2” gas pipeline is planned to be commissioned at the turn of 2019. The pipeline will pass through the Baltic Sea. It will provide an opportunity to increase the capacity of the first „Nord Stream” which is the shortest route, which connects the vast reserves of natural gas of Russia with energy markets of the European Union countries.

Meanwhile, the „Turkish Stream” has become an incessant deluge of energy agenda. The format

¹ Report: Gazprom seeks 33% share on European gas market in 2016. [On-line]: <http://www.lprime.biz/news/0/%7BB34697CB-D1BD-4E60-8CA4-BA79DD77506F%7D.uif> (Visited on: 01.02.2017).

² Records of Gazprom showed the fear of Europe the Ukrainian transit. [On-line]: Available online: <http://the-newspapers.com/2016/12/29/records-of-gazprom-showed-the-fear-of-europe-the-ukrainian-transit> (Visited on: 01.02.2017).

has changed several times. from the deterioration of relations between Russia and Turkey up to the number of pipes. The current format is different from that which was in the autumn of 2014. The structure of this pipeline consists of two, instead of four gas pipeline. They must be built by December 2019. They will pass through the Black Sea. The first line will deliver gas directly to the Turkish market, but the second to Europe, bypassing transit countries — Ukraine, the Republic of Moldova, Bulgaria and Romania. If the European side can not give assurances over gas supply from the second pipe, the Russian Federation may waive its construction. Constant point in this whole scheme is one — Russia is interested in the laying of trans-Black Sea gas pipeline. Therefore, the real question remains about the possibility of building of „Southern Turkish Stream”, as a possible alternative for the delivery of gas to neighboring countries. According to this scheme, the pipe will go to Bulgaria, than to Greece, i.e. Balkan countries. But the experience of relations with Turkey shows that Turkey is an intricate partner. Moreover, it is a political unstable in the context of the gas relations, despite the fact that Turkey is a second Russian gas consumer after Germany. Therefore, there is no guarantee that the emergence of new disputes with Turkey will not lead to the suspension of the project. But there is reason to believe that the situation around the project will be injected from the outside in order to try to stop the construction of this project.

Furthermore, an alarming scenario is included here! There is a question about the status of transit countries. While they are not deprived of it. Transit status helps to get revenue, as well as to supply the country with gas. In addition, the issue of transit is also a matter of policy, when transit State can exercise its own voice in the energy agenda. However, it is too early to talk about the complete failure. But the political and even geopolitical effect may play its own role!

Furthermore it should be noted the presence of the American factor in the energy market in Europe. In a broader context, it is critical for Washington to oust Russia from the European energy market in order to continue to have access to the mechanisms of the formation and control of natural gas prices. From this position, a set of classical measures to destabilize the situation in the gas market begins to function. For example,

the failure of negotiations on gas supplies between Ukraine, Russia and Europe, the pressure on the countries involved in the implementation of energy projects, sanctions, etc.

Meanwhile, a motivated figure noticeably starts to be brought into operation. It is not excluded that energy agenda will be shocked by following treatment in the future: let the American gas is more expensive, but it is politically „correct”. Moreover, such an approach has already declared itself. It was with Qatari gas and Lithuania as well as Poland.³ These countries have already signed contracts with Qatar. In fact, the raw material price was two times higher than the price for Russian gas. Perhaps this is the fee for diversification.

In fact, it is quite possible to think about the possibilities of Iran in the energy market. But the trick is that Iran has very little chance to bring its gas to the European market in the coming years. In fact, this state can not seriously affect the European gas market. There is a whole package of the reasons which prevent it. Firstly, that Iran could export its gas to the European market, it is necessary that the sanctions were lifted. However, in the real sense, we can only talk about their mitigation. Secondly, today Iran has no free volumes of gas, which the state could deliver to Europe. Despite the fact that the internal gas production is growing, it is still used for internal purposes. However Iran has huge gas reserves, huge investments needed for their development. It amounts from 50 to 80 billion dollars, as well as new technology. However, Iran is not able to get them in the near future. In such circumstances, even the theoretical possibility of significant volumes of Iranian gas, which can be delivered to Europe, is not visible.

In essence, it will be difficult for Europe to give up on Russian oil and gas. In terms of oil use, it should be noted that most of the refineries in Europe have traditionally operated using the Russian Urals oil. In order to refocus their operations on the oil of another sort, it is necessary to involve considerable investment, which Europe does not have at the moment.

The complexity of the situation lies in the fact that the external energy policy of Europe is under pressure of such actors as: the Russian Federation,

³ Harper Jo. Poland to quit Russian gas, but what next? [On-line]: <http://www.financialobserver.eu/poland/poland-to-quit-russian-gas-but-what-next/> (Visited on: 01.02.2017).

the United States, a variety of extra-regional, supranational structures, TNCs, etc. It is a risk factor for the security of the Union. On the one hand it depends on energy supplies from the Russian Federation; on the other hand, Washington is also pursuing its strategic interests. In our opinion, the USA eager to ensure that the energy trade would be carried out in US currency.

References:

1. Diffield John S. Fuels paradise: seeking energy security in Europe, Japan, and the United States. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. 384 p.
2. Harper Jo. Poland to quit Russian gas, but what next? [On-line]: <http://www.financialobserver.eu/poland/poland-to-quit-russian-gas-but-what-next/> (Visited on: 01.02.2017).
3. Records of Gazprom showed the fear of Europe the Ukrainian transit. [On-line]: <http://the-newspapers.com/2016/12/29/records-of-gazprom-showed-the-fear-of-europe-the-ukrainian-transit> (Visited on: 01.02.2017).

4. Report: Gazprom seeks 33% share on European gas market in 2016. [On-line]: <http://www.1prime.biz/news/0/%7BB34697CB-D1BD-4E60-8CA4-BA79DD77506F%7D.uif> (Visited on: 01.02.2017).

5. Sadeghinia Mahboubeh F. Security arrangements in the Persian Gulf: with special reference to Iran's foreign policy. Reading, UK: Ithaca Press, 2011. xi + 288 p.


6. Sovacool Benjamin K., Cooper Christopher. The governance of energy megaprojects: politics, hubris and energy security. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 2013. viii + 251 p.

Copyright©CHINDÎBALIUC Oleana, 2017.

Contacte / Contacts / Контакты:

Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM
Bd. Ștefan cel Mare, 1,
MD-2001, Chișinău, Republica Moldova.

E-mail: olyana.kindibalyk@gmail.com

 <p>REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE Chișinău, Republica Moldova</p>	<p>Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений</p> <p>2017, Issue 1, Volume 12, Pages 45-50. ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963 Submitted: 15. 11. 2016 Accepted: 15.02. 2017 Published: 30.03. 2017</p>
---	---

**RELAȚII INTERNAȚIONALE
INTERNATIONAL RELATIONS
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

ENERGY PARADIGM OF THE BLACK SEA REGION

**ПАРАДИГМА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА**

PARADIGMA ENERGETICĂ ÎN REGIUNEA MĂRII NEGRE

DYULGEROVA Nina* / DYULGEROVA Nina / ДЮЛГЕРОВА Нина

**ABSTRACT:
ENERGY PARADIGM OF THE BLACK SEA REGION**

The world has been actively transformed, passing through different political, diplomatic and military formats. Configurations have been changing but the main players remain in the field of the energy strategic confrontation. These processes, however, determine the terminological diversity, allowing a better reference for the changes occurring in the regional and global space. It is an undeniable fact that the economic globalization is accompanied by political fragmentation. The interests of the transnational corporations are increasingly and categorically overcoming the weak protection of the national governments.

Keywords: *energy, energy paradigm, Black Sea region, energy corridors, transnational corporations, pipelines, interests, Europe, Eurasia, Middle East.*

JEL Classification: F29, K33

**РЕЗЮМЕ:
ПАРАДИГМА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА**

Мир активно трансформируется, проходя через разные политические, дипломатические и военные форматы. Конфигурации меняются, но основные игроки останутся в области стратегического энергетического противостояния. Эти процессы определяют терминологическое разнообразие, что позволяет лучше ссылаться на изменения, происходящие в региональном и глобальном пространстве. Это неоспоримый факт, что экономическая глобализация сопровождается политической раздробленностью. Интересы транснациональных корпораций все чаще и категорически преодолевают слабую защиту национальных правительств.

Ключевые слова: *энергетика, энергетическая парадигма, Черноморский регион, энергетические коридоры, транснациональные корпорации, трубопроводы, интересы, Европа, Евразия, Ближний Восток.*

* **DYULGEROVA Nina** — Profesor universitar, doctor habilitat în economie, doctor în istorie, Departamentul Drept Internațional și Relații Internaționale, Facultatea de Istorie și Drept, Universitatea de Sud-Vest „Neofit Rilski” (Blagoevgrad, Bulgaria). / **DYULGEROVA Nina** — Professor, Dr. Ec. Sc., PhD in History, International Law and International Relations Department, Faculty of Law and History, South-West University „Neofit Rilski” (Blagoevgrad, Bulgaria). / **ДЮЛГЕРОВА Нина** — Професор, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, Департамент международного права и международных отношений, Юридический и исторический факультет Юго-Западного университета «Неофит Рилски» (Благоевград, Болгария). E-mail: nina_d56@yahoo.com

JEL Classification: F29, K33

УДК: 327.39

REZUMAT:

PARADIGMA ENERGETICĂ ÎN REGIUNEA MĂRII NEGRE

Lumea se transformă în mod activ, trecând prin diferite formate politice, diplomatice și militare. Configurațiile au fost și sunt în schimbare, dar principalii actori rămân în domeniul confruntării energetice strategice. Aceste procese, însă, determina diversitatea terminologică, permițând o mai bună referință pentru schimbările care au loc în regiune și în spațiul global. Este un fapt de neîgăduit că globalizarea economică este însoțită de fragmentarea politică. Interesele corporațiilor transnaționale din ce în ce mai des și mai categoric depășesc protecția slabă a guvernelor naționale.

Cuvinte cheie: energie, paradigmă energetică, regiunea Mării Negre, coridoare energetice, corporații transnaționale, conducte, interese, Europa, Eurasia, Orientul Mijlociu.

JEL Classification: F29, K33

CZU: 327.39

The world has been actively transformed, passing through different political, diplomatic and military formats. Configurations have been changing but the main players remain in the field of the energy strategic confrontation. The bipolar confrontation is gone now. It has highlighted the tendencies in every area of the social development. In 21st century, especially after the „Arab Spring”, the dynamics have strengthened, increasing the speed of restructuring the international stratification.

These processes, however, determine the terminological diversity, allowing a better reference for the changes occurring in the regional and global space. It is an undeniable fact that the economic globalization is accompanied by political fragmentation. The interests of the transnational corporations are increasingly and categorically overcoming the weak protection of the national governments. This process is consistently manifested in the energy sector, which makes it possible not to outline the geopolitical, but the geoenergy borders. They are much more mobile and strategically justified.

The term „paradigm” gives a clear vision for the energy pattern that emerges in the Black Sea Region. The concept „zone” is not chosen randomly. Given the increasing political instability, economic turmoil and social unrest, it helps to make an analogue with the „buffer” zone (or the so called frontier since 19th century), which allows the analysis of the processes in a large geographical perimeter where these trends have a sustainable, multivector character.

* * *

Energy issues in the Black Sea area unite/divide political entities in Europe, Eurasia and the Middle East. The growing energy needs of European societies create better conditions for corporate alliances that, through political and diplomatic actions of regional and global actors, fill the energy paradigm in the Black Sea Region with dynamic content.

The battle is focused on projects for transiting conventional raw materials (oil and gas) and expanding the usage of renewable and alternative sources. And while the last two kinds can be seen as a part of the local solution of energy needs, the struggle in the gas sector and in the construction of nuclear power is becoming a major geopolitical corrective.

For almost a decade in the Black Sea Region, the political and diplomatic energy has been concentrated in „for” and „against” projects for constructing the gas pipeline „South Stream” and „Belene” Nuclear Power Plant. This process runs in parallel with the tolerated by EU and USA project on „Nabucco” pipeline. The political aspect of both projects is strongly manifested in Bulgaria, helping to escalate the political confrontation. The trends in this direction are intensified after the attempts of the American company „Chevron” to obtain a license for shale gas studies in Northeastern Bulgaria.

This policy is a part of the so called American shale diplomacy through which Washington is included in the energy race in Europe. The unsuccessful attempts in Poland, the prohibition

of using shale technology in France and Bulgaria, but Romania as well, which has given up, are a part of the battle for energy, meaning political influence. In European institutions there are also intensive negotiations that have been held. A result of them is two resolutions of the European Parliament since the autumn of 2012 and the strong support of the European Commission President Jose Manuel Barroso. According to him, by the end of 2013 the European Union has to prepare a draft regulation on shale gas yield that would allow the „safe and secure shale gas produce in Europe”.

The political support for using the shale technology is an element of the resistance of Brussels against the rising Russian energy dependency. The very limited flow of conventional raw materials from the Arab world as well as the absence of still a real alternative to the Russian transport energy system compels the European Commission to look for different ways of eliminating the monopoly of „Gazprom” in Europe. These measures include the banking crisis in the „offshore paradise” for Russian oligarchs – Cyprus, periodic searches in the offices of „Gazprom” in the European Union, unsuccessful attempts on legal regulation of bilateral relations of EU member states with Russia, etc.

In 2012-2013 the emphasis in the gas sphere is placed on finalizing the two competing projects for pipelines „South Stream” and the modified “Nabucco”.

„Nabucco” project underwent major adjustments since it was restructured into two tracks – „Nabucco – West”, (through Bulgaria) and “Trans Adriatic Pipeline” (TAP, through Greece, Albania towards Italy). With a reduced capacity but ambitious aims, the consortium „Shah Deniz 2” on June 28, 2013 announced that it began the construction of TAP, which eliminates Bulgaria from the transformed „Nabucco” project. This decision has a strategic importance as it creates good conditions for gas diversification, increasing Europe’s capacity to solve its energy needs. Since the beginning of June 2013 the Azerbaijani COSAR, which holds 10 % of „Shah Deniz 2”, has made a strategic move by the purchase of the subsidiary company – the operator of the Greek gas network DESFA. The hopes Brussels has regarding this project are based on the fact that in the coming years the

development of the open gas fields around Israel and Cyprus in the Mediterranean will be able to increase the capacity of the otherwise slim volume (10 billion cubic meters of gas) TAP.

The energy race in the diversification area continues through the escalation of paces for constructing the „South Stream” pipeline. Regardless of the political support „Nabucco” project receives by the European Commission, the presence of the shareholding company of “South Stream”, of the Italian concern ENI, the German Wintershall and the French EdF, except for the Russian “Gazprom”, are a serious European guarantee at corporate level.

The last day of October 2013 was the day when the official start of the pipeline „South Stream” on Bulgarian territory took place. This coincided with a number of political events in the Black Sea area, which outlines the geoenergy parameters in the region. The presidential elections in Georgia put an end to the era of „Saakashvili”, which ended the period of the so called „Color Revolutions” in the post-Soviet space. The Georgian elections were preceded by the choice of Viktor Yanukovich for a President of Ukraine in 2010 as well as the completion of the „Tulip Revolution” in Kyrgyzstan in 2010-2011, changing the political status of the state into a parliamentary republic.

In the fall of 2013 energy projections determine the strengthening of the political activity in the Black Sea Region.

The intensive construction of the gas pipeline „South Stream” coincided with the summit in Vilnius at the end of November 2013 where it was expected from the countries of the “Eastern Partnership” to sign documents for European association. Only Moldova and Georgia signed them. Ukraine found itself in the center of the battle between Russia and EU. The choice between European Association and the Customs Union made Kiev face a very hard choice. The decision of the Ukrainian government to abandon association with EU caused a strong wave of unrest in the country. The geostrategic positioning of Ukraine turns it into an important segment of the Black Sea energy zone. The energy, political and financial dependence on the former principal Russia predestines its stay in a Russian orbit. The status quo is unlikely to be changed by the enhanced political actions, visits and declarations

from representatives of the European Commission, European parties or USA.

Ukraine and Moldova are an essential part of the energy system, supplying Europe with Russian gas and oil. The political energy project „South Stream” seriously harms both countries. Regarding the absence of a real alternative to Russian transmission system in the near future, there is a high probability for the new gas pipeline not to eliminate the existing transit routes up to now. The onset of winter is also a serious argument for maintaining the constructive and pragmatic dialogue among Moscow, Kiev and Brussels.

A main competitor of Ukraine in the gas transit on the new route is Bulgaria. The subsequent events after the official launch of „South Stream” prove that there is an agreement reached between Moscow and Washington regarding the Bulgarian energy space. The social tension marked by rallies, demonstrations and student “occupation” is gradually fading. Updating the topic on constructing the seventh nuclear reactor in NPP „Kozloduy” can be considered as a strong evidence in this direction after the visit of the Minister of Economy and Energy Dimitar Stoynev in USA. The public space is again filled with political demagoguery and passions. It is a fact that the issue of nuclear power station or reactor on the territory of Bulgaria continues to be relevant. The Bulgarian society flashes back to months earlier when the political position of Sofia in the energy sphere is marked by discord, enthusiasm and impermanence. The state is again facing another challenge to maneuver among global actors but in much harsher conditions. The refugee wave sweeping the country turns Bulgaria into a part of the processes of „Arab Spring”.

The economic and social destabilization of Bulgaria can be perceived as a part of a strategic plan, oriented towards weakening the external borders of EU. The refusal of powerful countries to escalate the Syrian problem as well as the intensive development of the Kurdish issue put Turkey and Israel into a very delicate situation. The problems have been increasing since the agreement reached on 25 November 2013 on Iran’s nuclear program between Tehran and „the six”. A part of the agreement says that the country should not enrich anymore uranium to levels above 5 % for a period of six months and the

technical tools that allow such enrichment should be destroyed. The blast of comments, analyses and forecasts give a reason to search new parameters of energy, which means political restructuring in the Black Sea as well as in the Black Sea – Caspian Basin.

In this situation Turkey can no longer control or direct processes in the Arab world. Moreover, Ankara is forced to comply with the new circumstances, which motivates it to seek possibilities and ways to destabilize its neighbors. This is a real chance to overcome internal collisions and to survive. The instability that exists on its Southern borders with Syria and Iraq is a serious argument in creating favorable conditions for the reorientation of the refugee wave towards the Bulgarian borders. It is not accidental that this process is enhanced in October when there are intensive negotiations on the Syrian case as well as Iran’s nuclear program.

Israel is also dissatisfied by the diplomatic negotiations as well as the political ones that are detrimental to its interests. The anti-Iranian position of Tel Aviv is subsequently and unyieldingly upheld by Prime Minister Benjamin Netanyahu. He is the only one who has described the agreement reached between Iran and the six as „a historical mistake”. Restricting the US embargo against Iran creates favorable conditions for its restoration as a serious regional power. Legitimate are the concerns of Tel Aviv related to the recovered opportunities of Tehran to influence the processes in the Middle East, especially in the Israeli-Palestinian dialogue.

The hot autumn of 2013 has not only rearranged the geopolitical layers in the Black Sea Region and the Middle East, but it has also turned the time back. Again, with great interest, speeches and talks have been monitored and analyzed at different levels among representatives of Moscow and Washington on hot topics about Syria and Iran. In September 2013, when this intensive, completely duplex dialogue started, there was a tendency that vividly highlighted the differences in the behavior of institutional representatives of the two countries. The formulation of the American position on military strikes against the government of Bashar al-Assad showed lack of political consolidation. The discord in the statements of various representatives of the American administration proved that they were a political transmission of corporate interests and

Arab pressure. This process with a varying degree of intensity has been current until today. During the complex and dynamic dialogue with Washington and the rest of the states on the Syrian case and the Iranian nuclear program, Moscow is consistent and purposeful in its policy oriented towards regulating the Syrian and Iranian problem in a beneficial direction. During the two months of intensive negotiations an interesting aspect stands out, which differentiates the motivational element in the behavior of the American and Russian politicians and diplomats. Representatives of Washington are a political transmission of the American transnational corporations while in Russia Kremlin is the center of economic interests that receive specific policy forms and positions. This also explains the concentrated and subsequent policy of Moscow and the behavior of Washington that is quite insecure and dependent on external factors (mostly Saudi Arabia) as well as corporate interests.

The positions and actions of the rest of the participants in the political and diplomatic dialogue on Syria and Iran remain in the background. The active role of Saudi Arabia that is strongly and categorically imposing its will in solving the Middle East problems cannot be eliminated. It is a fact the Riyadh was the basis of carrying out military strikes against Syria at the end of August 2013 through exerting a considerable pressure on Washington. The unsuccessful attempts of USA to implement this plan once again prove the increasingly diminishing role of Washington as a consolidating factor in solving issues of national and international security. This is another proof of the ever-growing trend towards the regionalization of problems, which eliminates the danger of a global conflict. The regional problematic zones now have different dimensions as the destabilizing factor in its multilayered forms does not recognize geographical boundaries. The processes in the Black Sea Region show that the intensity of the growing uncertainty and instability is proportional to corporate contracts in the energy sector. The inclusion of one or another state in this area is directly proportional to its presence in the energy projections for production and transit of still only conventional raw materials (oil and gas).

* * *

The energy paradigm in the Black Sea Region is much more political in its character. The unrealized projects still serve as evidence. They accumulate funds but they have not been implemented yet. The events in the recent years have proven that the political parameters of the energy projections in the Black Sea Region have a faster action. The political format of economic dimensions has become increasingly important in the existing through the centuries dichotomy economics – politics. The corporate struggle manifests itself notably in the political form of negotiations, declarations and decisions in the „plurality of sovereignties”. The opportunities for maintaining a state or national interest are getting more and more restricting. Energy battles of transnational corporations continue. The Black Sea area is a kind of a standard for concentrated energy dynamics with mobile political configurations, transiting long-term strategies of corporate interests.

Bibliography:

1. Dyulgerova N. Borders in the Caucasus. Geopolitical and International Law: A Discourse. Sofia: «Paradigma», 2008.
2. Dyulgerova N. Caucasian gambit (vectors security and energy). Sofia. 2009. 228 p.
3. Dyulgerova N. Zones of Security in the Black Sea Region. [On-line]: <http://www.viaevasia.com/en/articles/international-relations/> (Visited on: 12.11.2016).
4. Europe's failure on Ukraine: Three lessons. 27.11.2013. [On-line]: <http://euobserver.com/opinion/122226/> (Visited on: 12.11.2016).
5. Iran agrees to curb nuclear activity at Geneva talks. 24 November 2013 Last updated at 16:26 GMT. [On-line]: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-25074729/> (Visited on: 12.11.2016).
6. TAU Analysts: No Israeli Strike on Iran for 6 Months. [On-line]: <http://www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/174449#UpYbPifvm9g/> (Visited on: 12.11.2016).
7. We need an honest debate on shale gas. 21.11.11. [On-line]: <http://euobserver.com/opinion/114338/> (Visited on: 12.11.2016).
8. Евроассоциация Украины поможет России. Российский эксперт. 04.10.2013. [On-line]: http://news.liga.net/news/politics/906539-evroassotsiatsiya_ukrainy_pomozhet_rossii_rossiyskiy_ekspert.htm/ / Evroassociacija Ukrainy pomozhet

Rossii. Rossijskij jekspert. 04.10.2013. [On-line]: http://news.liga.net/news/politics/906539-evroassotsiatsiya_ukrainy_pomozhet_rossii_rossiyskiy_ekspert.htm (Visited 12.11.2016).

9. Путин: и льготного режима для украинских товаров после евроассоциации больше не будет. 25.10.2013. On-line]:

<http://odnarodyna.com.ua/content/putin-i-lgotnogo-rezhima-dlya-ukrainskih-tovarov-posle-evroassociacii-bolshe-ne-budet> / Putin: i l'gotnogo rezhima dlja ukrainskih tovarov posle evroassociacii bol'she ne budet. 25.10.2013. On-line]: <http://odnarodyna.com.ua/content/putin-i-lgotnogo-rezhima-dlya-ukrainskih-tovarov-posle-evroassociacii-bolshe-ne-budet> (Visited on: 12.11.2016).

10. Турция и Иран призвали к прекращению огня в Сирии до начала «Женева-2». [On-line]: <http://news.yandex.ru/yandsearch?cl4url=http%3A%2F%2Frussian.rt.com%2Farticle%2F18931&lr=213&lang=ru> (Visited on: 12.11.2016). / Turcija i Iran prizvali k prekrashheniju ognja v Sirii do nachala «Zhenevy-

2». [On-line]: <http://news.yandex.ru/yandsearch?cl4url=http%3A%2F%2Frussian.rt.com%2Farticle%2F18931&lr=213&lang=ru> (Visited on: 12.11.2016).

11. [On-line]:

http://news2000.com.ua/news/sobytija/v-mire/238042/Putin_i_Janukovich_zavtra_obsudjat_evroassociaciju_Ukrainy. On-line]:


<http://news2000.com.ua/news/sobytija/v-mire/238042> (Visited on: 12.11.2016).

Copyright©DYULGEROVA Nina, 2017.

Contacts / Contacte / Контакты:

Югозападен университет
ул. «Иван Михайлов» бб,
2700 Благоевград, България

Email: nina_d56@yahoo.com, nina_d6@swu.bg

	Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений 2017, Issue 1, Volume 12, Pages 51-74. ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963 Submitted: 15. 11. 2016 Accepted: 15.02. 2017 Published: 30.03. 2017
---	--

**RELAȚII INTERNAȚIONALE
INTERNATIONAL RELATIONS
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

**ТРУДНЫЙ ПУТЬ РОССИИ И ЯПОНИИ К МИРНОМУ ДОГОВОРУ
THE DIFFICULT PATH OF RUSSIA AND JAPAN TO THE PEACE AGREEMENT
CALEA DIFICILĂ A RUSIEI ȘI JAPONIEI PRIVIND ACORDUL DE PACE**

ЕВСЕЕВ Владимир* / EVSEEV Vladimir / EVSEEV Vladimir
ХАРИТОНОВА Дарья** / KHARITONOV Daria / HARITONOV Daria

**ABSTRACT:
THE DIFFICULT PATH OF RUSSIA AND JAPAN TO THE PEACE AGREEMENT**

The article analyzes the dynamics of Russian-Japanese relations in recent years and the efforts of the parties reaching agreement on the disputed Northern territories.

The authors give a brief characterization of the territorial dispute between Russia and Japan, analyses the impact of the China factor in modern Russian-Japanese relations and also examine other causes of Russo-Japanese rapprochement, including the prospects for economic development of the Russian Far East.

Special attention is paid to the political dialogue between Moscow and Tokyo in 2016 as well as the visit of Vladimir Putin to Japan.

Key words: Russia, Japan, the Kuril Islands, the „Northern” territory, a Peace Treaty.

JEL Classification: F29, K33

**REZUMAT:
CALEA DIFICILĂ A RUSIEI ȘI JAPONIEI SPRE ACORDUL DE PACE**

În articol este analizată dinamica relațiilor ruso-japoneze în ultimii ani și eforturile părților în realizarea unei înțelegeri cu privire la controversatele teritorii „de nord”.

Autorii oferă o scurtă caracterizare disputei teritoriale dintre Rusia și Japonia, analizează influența factorului chinez asupra relațiilor moderne ruso-japoneze și, de asemenea, studiază alte motive ruso-japoneze de coeziune, inclusiv perspectivele de dezvoltare economică a Extremului Orient Rus.

O atenție deosebită în articolul se acordă dialogului politic între Moscova și Tokyo pe parcursul anului 2016, și, de asemenea, vizitei lui Vladimir Putin în Japonia.

* **EVSEEV Vladimir** — Doctor în științe tehnice, Expert militar, Vicedirector al Institutului Statelor CSI (Moscova, Federația Rusă). / **EVSEEV Vladimir** — Ph.D in Technical Science, Military expert, Deputy Director of the Institute of CIS Countries (Moscow, The Russian Federation). / **ЕВСЕЕВ Владимир Валерьевич** — Кандидат технических наук, военный эксперт, заместитель директора Института стран СНГ (Москва, Российская Федерация). **E-mail:** vlad.evseev@gmail.com

** **HARITONOV Daria** — Cercetător științific, Departamentul de integrare eurasiatică și dezvoltare SCO de la Institutul Statelor CSI (Moscova, Federația Rusă). / **KHARITONOV Daria** — Researcher at the Department of Eurasian integration and the development of the SCO of the Institute of CIS Countries (Moscow, The Russian Federation). / **ХАРИТОНОВА Дарья Викторовна** — Научный сотрудник Отдела евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ (Москва, Российская Федерация). **E-mail:** dariah09@gmail.com

Cuvinte cheie: Rusia, Japonia, insulele Curile, teritorii „de nord”, tratatul de pace.

JEL Classification: F29, K33

CZU: 327.39

РЕЗЮМЕ:

ТРУДНЫЙ ПУТЬ РОССИИ И ЯПОНИИ К МИРНОМУ ДОГОВОРУ

В статье анализируется динамика российско-японских отношений на протяжении последних лет и усилия сторон по достижению договоренности по спорным «северным» территориям.

Авторы дают краткую характеристику территориального спора между Россией и Японией, анализируют влияние китайского фактора в современных российско-японских отношениях а также исследуют другие причины российско-японского сближения, в том числе перспективы экономического развития российского Дальнего Востока.

Особое внимание в статье уделяется политическому диалогу Москвы и Токио в 2016 году а также визиту Владимира Путина в Японию.

Ключевые слова: Россия, Япония, Курильские острова, «северные» территории, мирный договор.

JEL Classification: F29, K33

УДК: 327.39

В 2016 г. состояние российско-японских отношений ярко проявилось в высокой динамике межгосударственных политических контактов. Но столь успешными они были не всегда. В прошлом два восточных соседа воспринимали друг друга с вражеских позиций, что повлияло на массовое сознание населения и политической элиты Страны восходящего солнца. При этом принципиальное значение для Японии имеет политическая позиция по вопросу принадлежности так называемых «северных» территорий. Так, японский эксперт К. Иокибэ отмечает, что японское правительство может проявить некоторую гибкость при определении последовательности возвращения спорных территорий, но оно не может согласиться на возвращение только двух вместо четырех островов¹.

В свою очередь перед началом Восточно-экономического форума (ВЭФ) в сентябре 2016 г. президент России В. Путин, заявил американскому агентству «Bloomberg», что «Россия не торгует территориями». Тем не менее, под руководством премьер-министра Японии С. Абэ и президента России В.

Путина в среднесрочной перспективе возможны некоторые положительные сдвиги по вопросу совместного развития не только «спорных» территорий, но и Дальнего Востока России.

Краткая история территориального спора

Как показывает история, статус четырех южнокурильских островов Итурупа, Кунашира, Шикотана и группы островов Хамобаи связан с советско-американским геополитическим противостоянием во время и после Второй мировой войны*. Непосредственно до опубликования 11 февраля 1946 г. секретной части Ялтинского соглашения в соответствии с приказом №677 (т.н. SCAPIN-677) главнокомандующего союзными оккупационными войсками, из списка «областей, принадлежащих Японии» были исключены «Курильские острова, острова группы Хамобаи и остров Шикотан»².

* В июле 1945 г. руководители Великобритании, США и Китая на Потсдамской конференции решили, что Курильские острова за исключением четырех северных островов архипелага будут оккупированы США, но руководство СССР настаивало на Ялтинском соглашении от февраля 1945 г., которое предусматривало оккупацию всего архипелага. Президент США Г. Трумэн поддержал просьбу СССР и в Общий приказ №1 были внесены поправки.

² Иокибэ К. Указ. Соч., с. 19.

¹ Иокибэ К. Япония и Россия: трактовка истории и территориальная проблема. В: Проект «Экспертный диалог по проблемам российско-японских отношений». Рабочие материалы. Московский Центр Карнеги. М., 2016, с. 1-27.

Далее СССР включил их в состав Хабаровского края.

После того, как японское правительство узнало о секретной части Ялтинского соглашения, оно планировало добиться возвращения только островов Шикотан и Хамобай. Отметим, что данным островам был де-факто придан статус территории СССР, а согласно ст. 8 Сан-Францисского мирного договора от 8 сентября 1951 г. в отношении между партнерами СССР по Ялтинскому соглашению – даже статус де-юре³.

Тем не менее, под давлением со стороны США Япония была вынуждена согласиться с территориальными потерями. Этому обстоятельству способствовало несколько предшествующих политических событий. Во-первых, по итогам договоренностей Московской конференции министров иностранных дел, которая состоялась в декабре 1945 г. между СССР и США, Токио попал в сферу влияния Вашингтона. Одновременно Советский Союз получил контроль над Восточной Европой. Во-вторых, на переговорах об условиях мира и прекращения оккупации Японии, Запад фактически проигнорировал мнение СССР.

Сан-Францисский мирный договор оказался более выгодным для Японии, чем его более ранние проекты. Он означал отказ Японии от Курильских островов. Тем не менее, в соответствии со ст. 26 данного договора Япония могла заключить с СССР или другими участниками войны мирный договор, по условиям которого она отказывалась от всех прав, правооснований и претензий на Южный Сахалин с прилегающими островами, отторгнутыми Японией от России по Портсмутскому мирному договору 1905 г., без указания суверена⁴. По истечении срока его действия Япония на основе нового мирного договора с СССР могла попытаться интерпретировать перечень островов, от которых она отказалась, не включая в их состав Кунашира, Итурупа, Шикотана и Хамобай. Подчеркнем, что далее

Япония применила на практике определение Курил не в специальном, а обычном значении, которое соответствует в основном смыслу ст. 2 этого договора, а также Потсдамской декларации и Ялтинскому соглашению. Однако потом она изменила в одностороннем порядке свое правовое поведение, прекратив для себя действие этой статьи договора.

Во время международной конференции по подписанию Сан-Францисского мирного договора премьер-министр Японии С. Ёсида в своей речи по случаю подписания этого договора заявил, что группа островов Хамобай и остров Шикотан не входят в состав Курильской гряды и относятся к острову Хоккайдо (Япония). Кроме этого, в договоре не было обозначено в чью именно пользу Япония отказывается от Курильских островов, поэтому у японской стороны появилось право вести переговоры с СССР о возвращении этих островов.

В том же году Сенат США постановил, что Сан-Францисский мирный договор не включает условия секретного соглашения, которое выгодно СССР. Вследствие этого Представитель Советского Союза не стал подписывать Сан-Францисский мирный договор, который не предусматривал его суверенитет над четырьмя островами. По этому поводу заведующий договорным департаментом МИД Японии Н. Кумао признал отказ от Курильских островов, включая Кунашир и Итуруп. Но это не помешало впоследствии МИД Японии ввести в оборот понятие «северные территории»⁵.

Одновременно США заключили с Японией договор о предоставлении ей гарантий безопасности. Он был подписан вместе с Сан-Францисским мирным договором и вступил в силу 28 апреля 1952 г. Согласно этому договору Япония предоставила США право на размещение наземных, воздушных и морских сил в собственной стране и вблизи нее (ст. 1). Эти силы могли быть использованы не только для поддержания международного мира и безопасности на Дальнем Востоке, но и для подавления беспорядков внутри Японии.

³ Черевко К.Е. О возможности окончательного урегулирования территориального спора между РФ и Японией. [On-line]: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=342&Itemid=59. (Дата посещения: 05.02.2017).

⁴ Там же.

⁵ Премьер Абэ не стремится вернуть «северные территории». [On-line]: <http://inosmi.ru/overview/20170124/238589350.html> (Дата посещения: 05.02.2017).

Стороны заключили также Административное соглашение, которое предусматривало условия размещения американских войск на территории Японии. Отметим, что при заключении соглашения по безопасности с Токио в 1952 г. Вашингтон в односторонним актом объявил о роспуске Дальневосточной комиссии и Союзного совета для Японии*. Со временем Административное соглашение было заменено Договором о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией (1960 г.). Его содержание было более равноправным по отношению к Японии и не допускало вмешательства военных США во внутреннюю политику этой страны.

Некоторый прогресс в советско-японских переговорах по урегулированию проблемы «северных» территорий произошел в 1954-1956 гг. Так, в конце 1954 г. премьер-министр Японии И. Хатояма предложил правительству СССР передать после заключения мирного договора остров Шикотан и группу островов Хамобай. Тем не менее, в 1955 г. в рамках лондонского переговорного процесса по советско-японскому мирному договору представители Токио заявили, что Южный Сахалин и Курильские острова не являются территорией СССР, так как, несмотря на отказ от них Японии, их переход во владение Советского Союза не был обусловлен Сан-Францисским мирным договором. Только в ходе длительных консультаций в Токио согласились ограничиться своими претензиями к Москве островами Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хамобай. По мнению японской стороны, с юридической точки зрения они не входят в состав территорий, упомянутых Каирской декларацией союзников 1943 г., как захваченных Японией «при помощи силы в результате алчности». И это, как отмечает российский эксперт К. Черевко⁶, несмотря на то, что она [Япония] приняла положение этой декларации о

наказании за ее агрессию на Тихом океане, под которой понимается захват этих островов вооруженными отрядами на рубеже XVIII и XIX вв.

Отметим, что премьер-министр Японии И. Хатояма, выступая в этом же году на 22-й сессии парламента страны, заявил: «Ялтинское соглашение было, по существу, признано в Сан-Францисском мирном договоре, по которому мы отказались от этих территорий [Южный Сахалин и Курилы] правда в том виде, как они были определены главнокомандующим оккупационными силами генералом Дугласом Макартуром в 1946 г., то есть без Шикотана и Хамобай». А мэр г. Нэмуру, в который эмигрировали жители Итурупа, Кунашира, Шикотана и Хамобай, И. Андо призвал командующего оккупационными войсками в Японии Д. Макаурта освободить указанные острова от советских войск, однако этот призыв не был поддержан в рамках всей страны⁷.

В феврале 1956 г. в национальном парламенте выступил представитель МИД Японии К. Куросита. Он относил Южные Курилы к о. Хоккайдо, ссылаясь на текст Санкт-Петербургского русско-японского договора (1875 г.)⁸. При этом утверждал, что по Сан-Францисскому мирному договору Япония оставила за собой Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хамобай как свои северные территории. Помимо этого, в процессе советско-японских переговоров выяснилось, что консервативные силы политической элиты Японии объединились в Либерально-демократическую партию и смогли оказать давление на правительство И. Хатоямы в пользу возвращения также островов Кунашир и Итуруп**.

⁷ Премьер Абэ не стремится вернуть «северные территории» [On-line]: <http://inosmi.ru/overview/20170124/238589350.html> (Дата посещения: 05.02.2017).

⁸ Черевко К.Е. Указ. Соч.

** 20 марта 1956 г. глава договорного департамента МИД Японии Т. Симода впервые заявил, что «северные территории» включают в себя не два, а четыре острова. Однако уже в августе 1956 г. министр иностранных дел Японии М. Сигэмицу, который изначально занимал жесткую позицию в отношении СССР, предложил пойти на компромисс и согласиться на возвращение двух островов Шикотана и Хамобай, но правительство ответило отказом.

* Дальневосточная комиссия была создана для выработки согласованных решений с целью обеспечения выполнения Японией ее обязательств по условиям капитуляции от 2 сентября 1945 г. Она включала представителей Австралии, Великобритании, Индии, Китая, СССР, США, Франции и др. государств.

⁶ Черевко К.Е. Указ. Соч.

В августе 1956 г. в Москве прошел еще один раунд советско-японских переговоров. Тогда министр иностранных дел Японии М. Сигэмицу согласился на то, чтобы в советско-японском мирном договоре повторить формулировку Сан-Францисского мирного договора. Это подразумевало отказ Японии от Южного Сахалина и Курил с сохранением только Хамобай и Шикотана, рассчитывая на успешные переговоры о Кунашире и Итуруп в будущем⁹. Но переговоры оказались безрезультатными из-за возражений правительства Японии. Этому способствовало и то обстоятельство, что 19 августа 1956 г. государственный секретарь США Д. Даллес заявил министру иностранных дел Японии М. Сигэмицу: «...если Япония откажется от требования передачи четырех островов, то США не смогут гарантировать ей потенциального суверенитета над островом Окинава»^{*}. И это не было случайным, он был обеспокоен сближением между Советским Союзом и Японией.

В этом же году администрация президента США Эйзенхауэра заявила, что секретный пакт Ялтинского соглашения от 11 февраля 1946 г. недействителен. При этом позиция Великобритании по данному вопросу осталась нейтральной. Но ее политическое руководство отмечало, что секретную часть соглашения подписали только США и СССР.

В сентябре 1956 г. государственный департамент США издал в отношении Японии меморандум, который ссылался на Сан-Францисский мирный договор. В связи с советско-японскими переговорами о заключении мирного договора там обращалось внимание на то, что «Япония не имеет права передавать суверенитет над своими территориями от которых она отказалась». Хотя в Токио полагали, что согласно ст. 26 этого договора Япония приобрела такое право через три года после его заключения в 1951 г.

Государственный департамент США сделал акцент также на том, что острова «Итуруп и Кунашир (вместе с островами Хамобай и Шикотан являются частью префектуры Хоккайдо) и всегда были частью

Японии». В связи с этим ключевым для заключения мирного договора между Россией и Японией стал вопрос юридического толкования понятия «Курильские острова» согласно ст. 2 Сан-Францисского мирного договора. Так в Токио считают, что острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хамобай не входят в понятие «Курильские острова». Это находило полную поддержку в Вашингтоне. Следовательно, позиция Японии по рассматриваемому территориальному спору во многом зависела от США.

Следует заметить, что согласно ст. 9 Совместной декларации от 19 октября 1956 г. «...Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хамобай и острова Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией». Таким образом, в Совместной декларации ничего не сказано о Кунашире и Итуруп и применяется слово «передача», а не «возврат». Тем не менее, националистическая риторика по вопросу «северных территорий» стала неотъемлемой частью внешнеполитического курса Японии. Как отмечает российский эксперт Д. Стрельцов, в официальных документах Москва именовалась потенциальным военным противником Токио, в то время как к США у Японии не было серьезных претензий. Они (американцы) заложили основы послевоенной политической, экономической системы страны, послужившей залогом ее будущего экономического успеха и процветания¹⁰.

Все это происходит на фоне того, что российская политика постсоветского периода в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) развивается практически с чистого листа. Все территориальные споры, за исключением неразрешенного конфликта с Японией по поводу принадлежности островов Южно-

⁹ Черевко К.Е. Указ. Соч.

^{*} Остров Окинава в тот момент находился под американской оккупацией.

¹⁰ Стрельцов Д.В. Вопросы исторического прошлого в российско-японских отношениях. В: Проект «Экспертный диалог по проблемам российско-японских отношений». Рабочие материалы. Московский Центр Карнеги. М., 2016, с. 16.

Курильской гряды у России решены. И учитывая, в том числе динамичные российско-японские контакты на высшем уровне, вопрос о военном решении территориальных претензий к России на повестке дня у руководства Японии не стоит.

В марте 2012 г. президент России В. Путин предложил японскому руководству обсудить данный вопрос в соответствии с принципом «хикиваке», то есть «ничьей», по которому выигрывают обе стороны. Но японский дипломат К. Того считает, что Россия и Япония упустили возможность найти решение по данной проблеме в соотношении с принципом «ничьей». При этом политик убежден в том, что страны должны смотреть в будущее и быть готовы возобновить переговоры по принципу «хикиваке».

Следует заметить, что эксперты находят ответ на разрешение территориального спора в формуле «два+альфа». Согласно этого подхода, Россия передаст контроль над островами Хамобаи и Шикотан Японии, как это предусмотрено Совместной декларацией от 19 октября 1956 г. Под «альфой» же понимается создание специальной совместной экономической зоны на островах Кунашир и Итуруп с особым правовым статусом, приемлемым для обеих сторон. По мнению известного российского эксперта Д. Стрельцова, Япония рассчитывает на уступки со стороны России, которая заинтересована в развитии с ней экономических отношений. При этом для решения территориальной проблемы необходима воля не только политических лидеров наших стран, но и поддержка со стороны местного населения¹¹.

На втором сроке руководства страной премьер-министр Японии С. Абэ как политик, который руководствуется принципом *real politic*, поставил целью своей внешней политики решение территориального спора с Россией. Во время официального визита С. Абэ в Москву в апреле 2013 г. стороны договорились об ускорении выработки взаимоприемлемых вариантов решения проблемы мирного договора и возобновлении консультаций в формате «2+2» с участием

министров иностранных дел и министров обороны государств.

Тем не менее, как отмечает российский эксперт В. Кистанов, мирный договор между нашими странами вряд ли будет подписан без решения территориальной проблемы¹². Ввиду изменения геополитической обстановки и вхождения Крыма в состав Российской Федерации это пока невозможно. Но в 2017 г. двусторонний диалог вновь будет возобновлен в позитивном сценарии в связи с состоявшимся в декабре прошлого года историческим визитом президента России В. Путина в Японию и продолжающейся интенсификацией контактов между руководством наших стран.

Заметим, что для сознания российского населения передача островов равносильна предательству памяти солдатам, павшим в бою за эту территорию. Тогда как тезис о возврате «северных территорий» помогает в политических кампаниях партий, которые получают электоральную поддержку избирателей в период выборов в Японии. В связи с этим эксперты отмечают высокую активность групп давления (лоббистов) во внутреннем политическом процессе Токио, которые не заинтересованы в урегулировании проблемы «северных территорий». Следовательно, политические элиты Страны восходящего солнца остаются заложниками общественных настроений, которым свойственна националистическая риторика.

Российские же эксперты сходятся во мнении, что территориальный спор с Россией является внутренним ресурсом политического капитала японских политиков, а не серьезной проблемой международного характера. Поэтому прогресс в деле урегулирования территориального спора возможен у будущих поколений японских политиков, для которых, по мнению эксперта К. Иокибэ, проблема «северных территорий» не будет определяющей во внутренней политике.

Китайский фактор в современных российско-японских отношениях

В «Голубой книге по дипломатии» (2015 г.) зафиксировано: «На фоне меняющейся

¹¹ Streltsov D. Russo-Japanese Relations: A Skeptical View / Russia and Japan. Looking together into the future. Vladivostok: FEPU, 2016, p. 28.

¹² Кистанов В.О. «Территориальная дипломатия» как фокус внешней политики Абэ. В: Сборник статей «Япония в поисках новой глобальной роли» атей. М.: Вост. лит., 2014, с. 69.

обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе развитие отношений с Россией как партнером в регионе является выгодным для Японии». Интересы Москвы и Токио в некоторой степени совпадают ввиду усиления роли Китая в Северо-Восточной Азии (СВА), а также возможного противостояния Пекина и Вашингтона. По мнению российского эксперта А. Панова, для Японии опасны оба радикальных сценария развития отношений Китая и США: прямая конфронтация или, наоборот, союз двух глобальных держав в обход Японии¹³. В связи с этим премьер-министр С. Абэ старается проводить собственную политику, насколько это возможно в контексте военного союза с США. Одним из путей реализации указанного курса стало сближение Японии с Россией. Дело в том, что Токио не совсем уверен в Вашингтоне особенно после прихода в Белый Дом президента Д. Трампа. В частности, уже 23 января 2017 г. Д. Трамп подписал указ о выходе из Транстихоокеанского партнерства (ТТП), что предусматривало снижение тарифных барьеров и урегулирование внутренних правил для стран-участниц в различных областях (трудовое право, экология, интеллектуальная собственность).

При этом президент США Д. Трамп отметил, что вместо этого договора он собирается заключить более выгодные двухсторонние торговые соглашения со странами АТР. Исходя из этого можно предположить, что новое руководство США не собирается идти на дальнейшую конфронтацию с Китаем. Тогда как предыдущая администрация Обамы рассматривала это соглашение как одну из главных мер в экономическом противостоянии с Пекином.

Несмотря на отказ Вашингтона от ТТП, японский лидер намерен искать пути взаимодействия с США в вопросах внешней торговли. Отмечая важность смены власти в США, японский премьер С. Абэ прибудет в Вашингтон с официальным визитом в начале

февраля 2017 г.¹⁴ На повестке дня между союзниками стоит широкий круг внешнеполитических вопросов, в частности военная поддержка Японии со стороны США, а также обсуждение проблемы ТТП. Эта встреча призвана укрепить союзнические отношения между странами и провести так называемую «сверку часов» по многим международным аспектам. В частности, С. Абэ необходимо прояснить какого курса будет придерживаться Вашингтон по отношению к Москве.

По мнению российского исследователя Е. Василюка, японские дипломаты ещё в 2007 г. обсуждали возможность создания альянса с Москвой вопреки сохранившемуся фактору территориального спора¹⁵. Со стороны японского истеблишмента, крайне важно было предотвратить появление сильного антияпонского партнерства между Россией и Китаем, а также добиться прорыва по вопросу восстановления диалога по территориальному спору между Японией и РФ. Ставка на Москву, по мнению Токио, является оправданной, так как Россия проводит политику невмешательства в споры и возможные конфликты в регионе и выступает нейтральной стороной, которая имеет собственную заинтересованность в обеспечении региональной безопасности.

Отметим, что в последние годы усилилась конфронтация между Японией и Китаем по поводу суверенитета над островами Сэнкаку (кит. Дяоюйдао)* в Восточно-Китайском море. Пекин направляет туда патрульные морские суда и самолеты, принадлежащие, как утверждается, океанографическому и рыболовному ведомствам, а иногда даже вторгается в японские территориальные воды вблизи спорной территории, показывая, что имеет право их контролировать. По мнению российского эксперта В. Кистанова, за данным конфликтом стоят, прежде всего, экономические и стратегические интересы обеих государств. Владение островами позволяет контролировать значительные

¹³ Василюк Е.А. Некоторые аспекты сотрудничества РФ и Японии в решении глобальных проблем и обеспечении безопасности в АТР. В: Власть. 2015, №10, с. 219.

¹⁴ Синдзо Абэ в феврале посетит Вашингтон. [On-line]: <http://izvestia.ru/news/659769#ixzz4WmhsYm8v> (Дата посещения: 05.02.2017).

¹⁵ Василюк Е.А. Указ. Соч., с. 220.

* В сентябре 2012 г. правительство Японии выкупило острова у частного владельца.

запасы энергоресурсов, морепродуктов, а также важнейшие торговые морские пути¹⁶. Данные факторы способствуют превращению Китая в морскую державу. Примечательно, что вместе с визитом С. Абэ в Вашингтон в начале февраля 2017 г., в это же время Токио посетит новый министр обороны США Дж. Мэттис. Он намерен обсудить активность Китая в Южно-Китайском море, ситуацию на Корейском полуострове и проблему передислокации авиабазы корпуса морской пехоты США «Футэмма»¹⁷.

Другие причины российско-японского сближения

Россия рассматривает АТР как стратегический с точки зрения развития экономических и политических связей во внешнеполитическом развороте на Восток после геополитической изоляции со стороны Запада. По мнению японского эксперта Ц. Акаха баланс сил в Восточной Азии существенно изменился в результате относительного уменьшения влияния в регионе США, впечатляющего подъема Китая в течение последних 20 лет и стагнации экономики Японии¹⁸. России важно уделять особое внимание формированию стратегий внешней политики по отношению к государствам АТР и нахождению баланса между ними. Центральную роль в стратегиях внешней политики России, отводится формированию диверсифицированных устойчивых отношений Москвы и Токио, во избежание тотальной зависимости и монополизации рынка российского Дальнего Востока от Китая¹⁹. С одной стороны, у РФ существуют опасения, что КНР как новая сверхдержава XXI в. попытается использовать северного соседа только лишь в качестве сырьевого придатка. С другой стороны –

Япония нуждается в переносе инвестиций и желательно не в Китай, чтобы таким образом решить проблему подъема национальной экономики.

Как считает эксперт Д. Стрельцов, России необходимы хорошие отношения с Японией как одной из ключевых стран СВА для углубления экономической и политической интеграции в АТР²⁰. В связи с этим стратегия внешней политики РФ на восточном направлении должна обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие Дальнего Востока России при участии экономических лидеров стран АТР. Отметим, что помимо экономической составляющей в интенсификации российско-японских контактов Токио придает значение неблагоприятным для него геополитическим условиям в контексте отношений между Москвой и Вашингтоном*. После прихода к власти в США Республиканской партии, между странами может начаться процесс некоторой нормализации межгосударственных отношений. По мнению российского эксперта В. Кистанова «в Токио опасаются, что нормализация российско-американских отношений может повлиять на взаимодействие РФ и Японии. Японцы считают, что Москва идет навстречу пожеланиям Абэ по вопросу Курил для того, чтобы прорвать антироссийский фронт на международной арене. А если отношения с США у России улучшатся, то у Путина пропадет стимул вести дальнейшие переговоры с Токио. Но как на самом деле будет развиваться ситуация, пока не ясно»²¹.

Российский эксперт В. Кашин отмечает, что в целом при падении в 2015 г. российского внешнего товарооборота США, Китай и Япония увеличили свой вес в

¹⁶ Кистанов В.О. Указ. Соч., с. 56.

¹⁷ Kyodo: министр обороны США посетит Японию и Южную Корею в феврале [On-line]: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3969188> (Дата посещения: 05.02.2017).

¹⁸ Akaha T. Russia and Japan: From Distant Neighbors to Future Partners / Russia and Japan. Looking together into the future. Vladivostok: FEFU, 2016, p. 11.

¹⁹ Кашин В. Российский подход к проблемам региональной безопасности в АТР. В: Проект «Экспертный диалог по проблемам российско-японских отношений». Рабочие материалы. Московский Центр Карнеги. М., 2016, с. 15.

²⁰ Streltsov D. Указ. Соч., с. 25.

* В 2016 г. на о. Магуа (Курильские о-ва) было принято решение о строительстве новой российской военной базы, которая в регионе будет иметь важное военное значение. В частности, на ней планируется разместить аэродром для дальних бомбардировщиков Ту-22М3, способных нести крылатые ракеты дальнего радиуса действия.

²¹ Токийский экспресс: зачем Синдзо Абэ спешит в Вашингтон и Москву. [On-line]: <https://russian.rt.com/world/article/352389-abe-putin-tramp>. (Дата посещения: 05.02.2017).

российской торговле²². Несмотря на это, российско-японские отношения являются довольно скромными по объему товарооборота и взаимного проникновения в экономики двух стран. Отметим, что в 2015 г. двухсторонняя торговля между нашими странами упала до 20,9 млрд долл. Основу экспорта России в Японию составляет минеральное топливо и металлы, а в импорте России из Японии преобладают готовые технически сложные изделия (средства транспорта, общее машиностроение и электротехника). По мнению российского эксперта И. Тимониной торговля между государствами продолжает развиваться в рамках модели «сырье в обмен на технику»²³.

Исследователи констатируют также факт того, что экономические отношения между нашими государствами не являются взаимно дополняющими и имеют низкий уровень взаимозависимости. Так, Россия не входит в систему отраслевого разделения труда и не интегрирована в логистические и технологические цепочки производства в Восточной Азии. В таких условиях весь российский экспорт в Японию может быть заменен другими поставщиками, а инвестиционное сотрудничество остается незначительным²⁴. Отметим, что для Страны восходящего солнца одним из приоритетных направлений инвестирования является африканский континент, где также наблюдается японо-китайское соперничество за ресурсы, вплоть до оказания политического и военного давления на сопредельные государства.

Деятельность Правительства РФ по развитию Дальнего Востока

Несомненно, что помимо Африки для Китая и Японии существенный интерес представляют макрорегионы Российской Федерации: Восточная Сибирь и Дальний Восток. Последний пока нельзя отнести к динамично развивающимся регионам России, несмотря на реализацию государственных программ по социально-экономическому развитию. В 2011 г. по инициативе президента

и председателя Правительства РФ был создан «Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона» с целью поиска и реализации инфраструктурных проектов на российском Дальнем Востоке, способных привлечь российских и зарубежных инвесторов²⁵.

В 2012 г. в качестве административного института, способствующего развитию и превращению Дальнего Востока из депрессивного региона в передовой, стало создание Министерства по развитию Дальнего Востока («Минвостокразвития»). За относительно короткое время работы оно смог привлечь 1 млрд 137 млн руб. инвестиций и создало на Дальнем Востоке 66 тыс. новых рабочих мест.

В качестве наиболее эффективного механизма реализации стратегии социально-экономического развития российского Дальнего Востока стало создание так называемых территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР)*. В настоящее время на Дальнем Востоке создано тринадцать территорий опережающего развития: «Надеждинская», «Комсомольск», «Приамурская», «Белогорск», «Амуро-Хинганская», «Хабаровск», «Михайловский», «Кангалассы», «Камчатка», «Большой Камень», «Беринговский», «Южная» и «Горный воздух» с десятками заключенных соглашений, которые ориентированы на создание ещё около 30 тыс. рабочих мест²⁶. Несколько из указанных ТОР начали работать со второй половины 2015 г. Помимо этого, до конца 2016 г. года планировалось создание еще двух ТОР: «Курилы» и «Свободненская».

Российские эксперты отмечают, что создание ТОР это правильное административное решение со стороны

²⁵ Петрунина Ж.В. Иностранные инвестиции в Хабаровском крае: перспективы и возможности. В: Азия и Африка сегодня. М., 2016, №7, с. 60.

* Важное условие работы ТОР — это создание их при условии собранного пакета заявок от потенциальных инвесторов и наличие развитой инфраструктуры. Это главное отличие от особых экономических зон (ОЭЗ), где мог ни зарегистрироваться ни один резидент.

²⁶ Линдт М. Как приблизить Дальний Восток. [Он-лайн]: <http://expert.ru/expert/2016/35/kak-priblizhit-dalnij-vostok/>. (Дата посещения: 05.02.2017).

²² Кашин В. Указ. Соч., с. 15.

²³ Тимонина И.Л. Россия-Япония: реальный потенциал взаимодействия. В: Японские исследования. 2016, №1, с. 22.

²⁴ Streltsov D. Указ. Соч., с. 30.

руководства государства. С учетом огромной территории равномерное развитие региона не может быть реализовано в силу ограниченности бюджетных средств. Поэтому отдельные территориальные образования должны работать под конкретные проекты, которые смогут стать драйверами роста экономики всего Дальневосточного региона. Необходимым условием работы ТОР и реализации добывающих и ряда других проектов является строительство инфраструктуры и транспортных коридоров, как российских, так и иностранных для создания удобной системы путей в СВА*. В рамках развития российско-японских экономических отношений рассматривается проект продления Транссибирской магистрали до самого северного японского острова Хоккайдо, также изучается программа комплексной модернизации участка железной дороги между Казанью и Владивостоком с целью повышения скорости перевозок людей и грузов²⁷.

Помимо ТОР в регионе Дальнего Востока начал действовать режим Свободного порта Владивосток, который включает 16 районов Приморья, в том числе морские порты Посыет, Зарубино, Владивосток, Находка, Восточный и Преображение. В рамках этого режима общий объем инвестиций составил 165 млрд руб.

В июле 2016 г. президент России В. Путин подписал указ, который предусматривает распространение режима Свободного порта Владивосток на Хабаровский край – Свободный порт Ванино, Сахалинскую область – Свободный порт Корсаков и Камчатский край – Свободный порт Петропавловск-Камчатский и Чукотский автономный округ – Свободный порт Певек. Однако такая мера может оказаться недостаточно привлекательной для иностранных инвесторов, поэтому нужна комплексная политика государства по

увеличению инвестиционной привлекательности Дальнего Востока.

Отметим, что на приморских объектах Дальнего Востока помимо развития транспортной и логистической инфраструктуры государство делает ставку на туризм. Для этого там создаются свободные игорные зоны по примеру китайского Макао или американского Лас-Вегаса.

Другой административной мерой по стимулированию социально-экономического развития Дальнего Востока стала раздача «дальневосточного гектара» гражданам России при условии обработки земли в течение пяти лет^{**}. Это решение является инструментом по удержанию населения на Дальнем Востоке и притоку туда новых жителей. Однако «дальневосточный гектар» все еще не пользуется популярностью ни у местных жителей, ни у граждан из других федеральных округов России. В связи с этим предполагается, что закон будет доработан в Минвостокразвитии для предоставления «дальневосточного гектара» несовершеннолетним гражданам России. Указанная мера позволит привлекать молодые семьи с детьми для активного включения в социально-экономическую жизнь субъектов Дальневосточного региона.

Вместе с тем, для переселения на Дальний Восток жителей других регионов России существует несколько препятствий. Так, в рассматриваемом регионе сельскохозяйственные угодья относятся к рискованному землевладению. Кроме того, по заявлению Полномочного представителя президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе Ю. Трутнева, региональные чиновники оставили лучшие земли «для себя», что подтверждает факт их высокой коррумпированности и неэффективности системы регионального государственного управления²⁸.

* Например, строительство российско-китайского железнодорожного моста в Китай из Еврейской автономной области через р. Амур.

²⁷ В Японии изучают проект продления Транссиба до острова Хоккайдо. [On-line]: <http://tass.ru/ekonomika/3672367>. (Дата посещения: 05.02.2017).

^{**} В XIX в. с помощью раздачи земли привлекали крестьян из центральных регионов России для заселения Дальнего Востока. Причем в царской России выдавали не менее 17 га на каждого мужчину в семье, тогда как на европейской части страны было всего 2,6 десятины. А в Уссурийском казачьем войске полагалась земля в размере 32 га на каждого мужчину старше 17 лет.

²⁸ Оратай В. Зачем раздают дальневосточные гектары. [On-line]: <http://expert.ru/expert/2016/35/zachem>

Перспективы экономического развития российского Дальнего Востока

Важной особенностью экономического развития российского Дальнего Востока, является его ориентация на рынки сбыта стран АТР, которые на протяжении последних тридцати лет активно наращивают свой экономический потенциал. Лидером бурного экономического развития стран АТР выступает Китай, многоплановый стратегический партнер России в СВА. Однако существует несколько негативных факторов для сотрудничества Москвы и Пекина. Во-первых, китайские инвестиции в экономику региона остаются незначительными, так как территория Дальнего Востока слабо заселена и рассматривается в КНР исключительно как сырьевая база и рынок сбыта товаров, преимущественно невысокого качества²⁹. Во-вторых, китайский бизнес значительно сужает возможности развития дальневосточной экономики, что при изменении внешнеполитической ситуации может привести к неблагоприятным последствиям. Как следствие, Япония могла бы стать не менее значимым партнером для России на Дальнем Востоке, чем Китай. И укрепление российско-японского экономического сотрудничества будет способствовать решению политических проблем между нашими странами.

Эксперты также отмечают, что Дальневосточный регион (ДВР) представляет собой самый перспективный сегмент для развития сельского хозяйства с выходом на рынки АТР. Но он еще не освоен. Помимо этого, в регионе существует огромный незанятый рынок с вполне платежеспособным населением и Китай как нуждающийся в экологически чистой сельскохозяйственной продукции. Причем китайцы работают на Дальнем Востоке в основном нелегально, имеют незаконную, то есть «серую» аренду, и крайне небрежно относятся к использованию земли.

Полномочный представитель президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе Ю. Трутнев отмечает,

razdayut-dalnevostochnyie-gektaryi/ (Дата посещения: 05.02.2017).

²⁹ Петрунина Ж.В. Указ. Соч., с. 63.

что земельные участки, которые находятся в «серой» аренде значатся как свободные, но местные власти их никому не отдают. При этом российские бизнесмены не против работы в регионе граждан КНР, но требуют работы граждан этой страны на легальных условиях. А по заявлению секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Н. Патрушева, регионам ДВР необходимо усилить контроль над безопасностью пищевых продуктов и ценообразованием, а также обеспечить сельскохозяйственные предприятия квалифицированными кадрами³⁰.

Из стран СВА по импорту продовольствия Япония занимает второе место после Китая. В частности, она импортирует ежегодно 20 млн тонн кукурузы. В 2016 г. с учетом реализации российских ТОО и предприятий, ориентированных на сельское хозяйство в Приморье было произведено всего 200 тыс. тонн кукурузы³¹. Конечно для экспорта можно было бы производить и больше, но на Дальнем Востоке мало земельных ресурсов для выращивания больших объемов этого вида сельскохозяйственной продукции. Хотя в перспективе регион может стать экспортером агрокультуры, в том числе и в Японию за счет более рационального использования земель и их эффективного управления.

Однако Япония является более проблематичным партнером в плане экспорта сельскохозяйственной продукции, чем, например, Китай. Дело в том, что некоторые рынки этой страны закрыты для России по политическим причинам. Так, продовольственное зерно в Японию могут экспортировать только страны, которые являются военно-политическими союзниками страны: Австралия, Канада и США. Поэтому кукуруза, которая относится к классу фуражного зерна, теоретически небольшими партиями могла бы экспортироваться из

³⁰ Оратай В. Накормить себя и отдать Китаю лишнее. [On-line]: <http://expert.ru/expert/2016/35/zachem-razdayut-dalnevostochnyie-gektaryi/>. (Дата посещения: 05.02.2017).

³¹ Калянина Л. Миру нужны хорошие продукты, а Россия – хорошее место для их производства [On-line]: <http://expert.ru/expert/2016/35/miru-nuzhnyi-produktyi-a-rossiya--horoshee-mesto-dlya-ih-proizvodstva/> (Дата посещения: 05.02.2017).

России в Японию. Но стоит учитывать, что весомым конкурентом по импорту сельскохозяйственной продукции из России является Китай. В частности, он стал импортером мяса (в отличие от Вьетнама, куда поставляется российская свинина, в Китае ее пока нет), сахара, соевого и подсолнечного масла, маргарина, воды и кондитерских изделий. При этом китайский рынок для России является приоритетным. А с 1 июля 2016 г. Пекин снял запрет на поставки из России говядины, мяса птицы и субпродуктов. Следовательно, был сделан еще один шаг на пути увеличения экспорта продукции из России в Китай.

Забегая вперед, необходимо отметить, что перед визитом президента России В. Путина в Японию были разрешены поставки из России на японский продовольственный рынок готовой продукции из мяса парнокопытных, прошедшей термическую обработку для двух российских предприятий: ООО «Мираторг-Запад» (дочерняя компания «Мираторг») и дальневосточной компании ООО «Ратимир»³².

Очевидно, что Япония может стать одним из ключевых партнеров в развитии ДВР. Подтверждением этого служит то, что на встрече в г. Сочи в мае 2016 г. премьер-министр С. Абэ предложил президенту России В. Путину восемь областей для инвестиций: энергетика, транспорт, сельское хозяйство, технологии, здравоохранение, городская инфраструктура, культура, малый и средний бизнес. Одновременно российская сторона представила японским инвесторам 29 проектов общим объемом 16 млрд долл³³. Причем наилучшие возможности для осуществления японских капиталовложений в Дальневосточном регионе могут быть реализованы в таких сферах, как энергетика, инфраструктура (в том числе сотрудничество по Северному морскому пути), сельское хозяйство, включая сдачу в аренду земель в Амурской области для выращивания сои,

овощей, фруктов при помощи японских технологий и инвестиций.

Хорошие перспективы имеют проекты, основанные на использовании японских технологий при жилищном строительстве (проектирование так называемых *smartcity*, сочетающие высокие технологии и требования по безопасности городской среды), в области IT-технологий, исследования космоса и ряде других областей, по которым уже ведутся переговоры между компетентными государственными органами России и Японии³⁴. Так, в ТОР «Камчатка» планируется создание мощного рыбного кластера с помощью японских технологий замораживания рыбной продукции и дальневосточного краба до -70°C . Они могли бы обеспечить более эффективное хранение, переработку и реализацию морепродуктов. Вполне мог бы пригодиться и японский опыт организации аукционной торговли. Эти меры могут помочь оптимизировать рыбное хозяйство в приморских субъектах ДВР. Для этого с российской стороны предпринимаются меры в виде пониженных тарифов страховых взносов в течение 10 лет для резидентов территорий опережающего развития³⁵. И это лишь подтверждает, что потенциал российско-японского сотрудничества гораздо выше нынешнего уровня такого взаимодействия.

К перспективным направлениям российско-японского сотрудничества также можно отнести сферу здравоохранения. В частности, японская корпорация «Мицуи» планирует инвестировать в российскую высокотехнологичную фармацевтическую компанию «Р-Фарм». Она рассматривает вариант покупки 10% акций «Р-Фарм» на сумму порядка 100 млн долл³⁶. Японская

³⁴ Тимонина И.Л. Россия-Япония: реальный потенциал взаимодействия. В: Японские исследования. 2016, №1, с. 28.

³⁵ Госдума предложила продлить действие льготной ставки страховых взносов для инвесторов ТОР и Свободного порта Владивосток. [On-line]: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4970 (Дата посещения: 05.02.2017).

³⁶ Mitsui намерена купить 10% акций российской «Р-Фарм» за \$100 млн. [On-line]: <http://tass.ru/ekonomika/3728068>. (Дата посещения: 05.02.2017).

³² «Мираторг» получил разрешение поставки мяса в Японию. [On-line]: <http://tass.ru/ekonomika/3877379> (Дата посещения: 05.02.2017).

³³ Санкциям назло: что стоит за сближением Москвы и Токио. [On-line]: https://lenta.ru/articles/2016/05/26/economic_relations/. (Дата посещения: 05.02.2017).

компания также проявила интерес к приобретению пакета акций «РусГидро» и получила соответствующее разрешение от российской стороны. Кроме того, эта компания хотела бы расширить поставки углеводородов с проектов о. Сахалин. Проявлен интерес и к финансированию и строительству третьей очереди СПГ-завода «Сахалин-2».

На Восточном экономическом форуме (2016 г.) генеральный директор «Мицуи» Х. Мэгуро заявил, что инвестиции его компании в расширение «Сахалина-2» составят более 1 млрд долл. Он отметил, что компания также интересуется проектом «Сахалин-3», но объем инвестиций пока неясен. Следовательно, расширение экономического сотрудничества России с Японией имеет место почти по всем направлениям топливно-энергетического комплекса России.

В свою очередь Япония рассматривает Дальний Восток как перспективный регион для инвестиционных вложений. Но, как и большинство инвесторов из других азиатских стран, японский бизнес задействован в сырьевом секторе дальневосточной экономики России. Привлекательной отраслью для японских инвесторов является российская нефтегазовая промышленность, где реализуются масштабные проекты с участием японских компаний*. После аварии на АЭС «Фукусима-1» страна ограничила использование атомной энергии для генерации электричества, поэтому очень заинтересована в диверсификации источников поставок углеводородного сырья в интересах обеспечения энергетической безопасности страны. Поэтому значительный поток всех японских инвестиций в Россию направлен в нефтегазовую компанию «Сахалин Энерджи».

Следует заметить, что в последнее время нарастают поставки из России СПГ в Японию и расширяется участие компаний и японских банков в возведении второй очереди проекта «Ямал СПГ»**. В таких условиях

сотрудничество России с Японией представляет собой одно из перспективных направлений ее восточной политики по диверсификации поставок энергетического сырья, где основным потребителем становится Китай. Но это не помешало Минвостокразвитию за последние два года в рамках интенсификации контактов между лидерами России и Японии активизировать сотрудничество, в том числе с такими крупными японскими инвестиционно-торговыми корпорациями, как «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Соджицу», «Иточу», «Марубени» и «Тойота»³⁷. С японской стороны интерес проявлен к газопроводам «Сила Сибири» и «Сахалин-Хабаровск-Владивосток», а также компаниями «Мицуи» и «Мицубиси» к заводу СПГ на о. Сахалин.

В ТОР в Хабаровском крае компания «Соджицу» предложила проект по созданию нового международного терминала в г. Хабаровске. Этот проект предполагает возведение современного пассажирского терминала площадью 54 тыс. кв. м с пропускной способностью до 4,5 млн пассажиров в год. Его планируют сдать в эксплуатацию в 2019 г. В результате, хабаровский аэропорт может стать региональным ключевым аэропортом на Дальнем Востоке России. Это приведет к увеличению не только объемов грузовых и пассажирских перевозок, но и будет способствовать развитию экономики края. Другое направление двустороннего сотрудничества связано с ТОР «Комсомольск» в Хабаровском крае. Там, в частности, строится завод по производству лущеного шпона. При этом инвестором является ООО «Амурская лесопромышленная компания», которая в свою очередь является ведущей деревообрабатывающей компанией холдинга RFP-grup***.

Другим совместным проектом в ТОР «Хабаровск» стала «зеленая фабрика» по

* В проекте «Сахалин-1» доля Японии составляет 30,0%, а «Сахалин-2» — 22,5%. При этом предполагается поставка $\frac{3}{4}$ сжиженного природного газа в Японию. При этом инвестиции Японского банка по международному сотрудничеству (JBIC) в проект «Ямал СПГ» составили 200 млн евро.

** Речь идет о проекте по строительству завода по сжижению природного газа «Арктик СПГ-2» на

полуострове Гыдан, в котором могут принять участие японские инвесторы.

³⁷ Петрунина Ж.В. Указ. Соч., с. 63.

*** RFP-grup — это совместный холдинг ОАО «Дальлеспром» и Российско-Китайского инвестиционного фонда. Объем инвестиций в строительство завода по производству лущеного шпона в ТОР «Комсомольск» составит 4 млрд 770 млн руб.

производству салатов, пряных трав и другой зелени по технологиям японской компании Mirai³⁸. Помимо этого в ТОР «Белогорск» открыт небольшой завод по производству хлебобулочных изделий «Белхлеб».

Еще одним примером японского участия в ТОР на Дальнем Востоке служит деятельность японской компании JGC Corporation. В 2015 г. на ВЭФ она выступила с проектом строительства тепличного комплекса для круглогодичного выращивания томатов и огурцов на площадке «Ракитное» в ТОР «Хабаровск»* с использованием передовых аграрных японских технологий. В начале 2016 г. завершилось строительство этого производства объемом до 1 тыс. тонн огурцов и помидоров в год. При этом следует учитывать, что годовая потребность Хабаровского края в овощах составляет 160 тыс. тонн в год и большая часть их вывозится из Китая. Указанная компания в дальнейшем готова расширять инвестиции в другие сельскохозяйственные проекты на Дальнем Востоке. Так, на ВЭФ в 2016 г. она проявила желание участвовать в тендере на строительство крупного газоперерабатывающего завода на р. Амур³⁹.

Все это указывает на то, что интерес японских компаний в сфере сельского хозяйства менее значителен, чем китайских компаний и в большей степени ориентирован на поставку энергоносителей из разных субъектов Дальнего Востока. В частности, японская компания Marubeni прорабатывает ряд проектов на Дальнем Востоке от угледобычи с российской компанией «Колмар»**, до строительства зерновых терминалов и увеличению поставок сельхозпродукции в Японию. Также у компании имеется интерес к природным

ресурсам Южной Якутии. Как следствие, 29 декабря 2016 г. Правительство Российской Федерации подписало постановление о создании ТОР «Южная Якутия»⁴⁰.

Еще одной площадкой для привлечения инвестиций стало ежегодное проведение ВЭФ на о. Русский. Последний форум проходил 2-3 сентября 2016 г. и принял 3,5 тыс. делегатов из 56 стран. На нем было подписано более 200 соглашений на сумму 1,76 трлн руб. При этом только Приморский край заключил 59 инвестиционных контрактов на 200 млрд руб., что в два раза больше, чем в год ранее. В 2018 г. в Приморье планируется создать новое производство двигателей Mazda. Оно будет выпускать двигатели Mazda SkyActiv-G на экспорт, а также обновленные модели Mazda 6 и Mazda CX-5***.

Одной из самых значительных на указанном форуме была японская делегация, в состав которой входила широкая группа членов советов директоров таких корпораций как Mitsui&Co., Iida Group Holdings, Fujitsu, SoftBank, Marubeni Corporation, бизнес ассоциации страны Keidanren. Исходя из этого можно говорить об определенном успехе в укреплении российско-японских отношений в рамках разделения политических и экономических вопросов. Так, в рамках ВЭФ-2016 с Японией были заключены соглашения по 20 проектам на общую сумму 82,86 млрд руб., что примерно составляет 1,3 млрд долл.

Отметим, что в рамках ВЭФ-2016 губернатор японской префектуры Хоккайдо Х. Такахаси предложила план развития сотрудничества с Россией из 5 пунктов, который соответствует 8 пунктам С. Абэ. Он предусматривает такие сферы взаимодействия как безопасность и надежность пищевых продуктов, здоровье и долголетие; обеспечение комфортной жизни в холодных регионах; охрана природной среды; местное производство и потребление энергоресурсов;

³⁸ Оратай В. Накормить себя ... Указ. Соч.

* Фактический объем инвестиций японской компании в ТОР «Хабаровск» в интересах ООО «Джей Джи Си Эвергрин» составляет 500 млн руб., общий объем — 2,5 млрд руб.

³⁹ JGC намерена участвовать в тендере на строительство газоперерабатывающего завода на Амуре [On-line]: <http://tass.ru/ekonomika/3586653>. (Дата посещения: 01.02.2017).

** «Сибирская угольная энергетическая компания» (СУЭК) уже поставляет уголь в Японию в размере более 6 млн тонн в год и в дальнейшем намерена увеличить поставки.

⁴⁰ Правительство утвердило создание ТОР «Южная Якутия». [On-line]: <http://www.vestifinance.ru/articles/79523> (Дата посещения: 01.02.2017).

*** Также будет локализован и ряд технологических операций по обработке базовых компонентов двигателей. Инвестиции в проект превысили 2 млрд руб., ориентировочно будет собираться 50 тыс. двигателей в год и будет создано 600 новых рабочих мест.

открытие новых воздушных маршрутов⁴¹. Так, в январе 2017 г. начались российско-японские переговоры по авиарейсам, которые предоставят жителям «северных территорий» возможность посещать свою родину.

Руководство северной префектуры Японии также ориентировано на сотрудничество с Россией в сфере обеспечения поставок энергетических источников, развития логистики, здравоохранения и обеспечения экологической безопасности. В частности, предполагалось, что до конца 2016 г. будет запущен проект по улучшению медицинского обслуживания на Дальнем Востоке, который завершится строительством больницы, оснащенной высокотехнологичным японским оборудованием⁴². Перед российскими и японскими чиновниками поставлена задача по созданию базы для принятия Японией пациентов с российских регионов Дальнего Востока. Причем в области медицины Япония готова предоставить ряд технологий, снижающих нагрузку на пациентов во время проведения операций. Кроме того, Токио планирует разрешить японским врачам лечить пациентов в России.

Нужно обратить внимание, что на предыдущем ВЭФ в сентябре 2015 г. президент России В. Путин заявил о стремлении его страны создать энергомост, который соединит российскую территорию с АТР⁴³. Под таким энергомостом следует понимать не только поставки энергии по электрическому кабелю и возможное строительство подводного газопровода с острова Сахалин в Японию.

На форуме ВЭФ-2016 японской делегацией была поддержана инициатива президента России В. Путина о создании энергомоста Сахалин-Хоккайдо. В настоящее время идет проработка этого проекта между японской компанией SoftBank и российской компанией

ПАО «Россети». С японской точки зрения, наиболее перспективным является маршрут из Приморья на о. Хонсю, а не на о. Хоккайдо. Причем на первом этапе ожидается строительство подводного кабеля с учреждением совместной японо-русской компании при финансовой поддержке Японского банка для международного сотрудничества (JBIC).

По мнению бывшего японского законодателя М. Сузуки, налаживание отношений между Россией и Японией исходит из соображений энергетической безопасности, то есть стабильных поставок энергоносителей. При этом предполагается поставка электроэнергии с территории РФ в Японию в объемах до 2 ГВт с перспективой ее увеличения до 5 ГВт. Причем это будут поставки так называемой чистой электроэнергии, то есть вырабатываемой на гидроэлектростанциях и электроэнергии от возобновляемых источников энергии. При этом учитывается, что Япония готова внести изменения в свое законодательство для реализации указанного энергомоста из России. Пока же в Японии существует запрет на импорт электроэнергии.

Положительным примером российско-японского финансового взаимодействия является соглашение между Японским банком для международного сотрудничества JBIC и российским Агентством Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта. Это предполагает создание российско-японской платформы для привлечения японского бизнеса в ТОРы и Свободный порт Владивосток. Помимо этого, между министерством сельского хозяйства Японии и Минвостокразвитием были проработаны 18 направлений взаимодействия, которые были представлены лидерам наших стран во время декабрьского визита президента Владимира Путина в Японию. В частности, с японской стороны было предложено создать агропромышленную платформу для привлечения инвестиций в сельскохозяйственный сектор экономики Дальнего Востока, а российская сторона инициировала создание совместного фонда в сфере морских ресурсов. Этому способствует то обстоятельство, что в октябре 2016 г. российская и японская сторона договорились

⁴¹ Губернатор Хоккайдо предложила план развития отношений с РФ из пяти пунктов. [On-line]: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3586267>. (Дата посещения: 01.02.2017).

⁴² СМИ узнали о решении Японии помогать России вопреки спору о Курилах. [On-line]: <http://www.rbc.ru/politics/30/08/2016/57c514e49a794741ea88986a>. (Дата посещения: 03.02.2017).

⁴³ Тимонина И.Л. Россия-Япония: реальный потенциал взаимодействия. В: Японские исследования. 2016, №1, с. 26.

о создании совместной рабочей группы по экономическому сотрудничеству.

В целом японская делегация на ВЭФ-2016 г. приезжала «налаживать мосты». В связи с этим отметим, что общая сумма японских инвестиций по плану из восьми пунктов премьер-министра С. Абэ в развитие Дальнего Востока оценивается примерно в 10 млрд долл. В первую очередь речь идет о проектах в области развития инфраструктуры Восточной Сибири («Южная Якутия») и Дальнего Востока. Возможны также японские инвестиции в модернизацию портовой инфраструктуры, разработку месторождений, а также в сферы, связанные с повышением уровня жизни. Однако дальнейшая активная инвестиционная деятельность сталкивается с политическими проблемами принадлежности «северных территорий». С другой стороны, российский эксперт А. Габуев подчеркивает, что Япония значительно лидирует по количеству знаковых проектов в экономику России. В частности, на Дальний Восток, в отличие от Китая, который никогда не был крупным инвестором в этом регионе и в основном был ориентирован на мелкий и средний бизнес в сельское хозяйство, лесопереработку и строительство⁴⁴.

Важным направлением сотрудничества Москвы и Токио могло бы стать развитие с помощью японских инвестиций Северного морского пути, который для России является стратегически важным в регионе АТР. Для Японии Северный морской путь представляет интерес по ряду геостратегических причин. Во-первых, он соединяет Японию с Европой по маршруту, который на 40% короче, чем альтернативный путь через Суэцкий канал. Во-вторых, альтернативный путь связан с рисками безопасности прохода судов через Южно-Китайское море, где в последние годы периодически обостряется международная обстановка из-за территориальных споров по вопросу принадлежности Парассельских островов и архипелага Спратли, а также через Малаккский пролив и некоторые другие места, где существует проблема морского пиратства.

⁴⁴ Мирзаян Г. Азиаты не делают резких движений. [On-line]: // <http://expert.ru/expert/2016/35/aziatyi-ne-delayut-rezkih-dvizhenij/>. (Дата посещения: 07.02.2017).

В-третьих, Страна восходящего солнца относится к Арктике и Северному Ледовитому океану как к общечеловеческому достоянию, которое нуждается в защите и сбережении⁴⁵. В связи с этим эксперты отмечают, что особое внимание Японии к Арктике обусловлено не только соображениями национальной безопасности, но и пристальным вниманием к этому региону со стороны Китая. Причем последний пытается закрепиться в арктическом регионе в качестве особого стратегического партнера РФ.

Экономические интересы Японии в Арктике касаются двух основных направлений: освоения Северного морского пути* и разработки природных ресурсов арктического бассейна – углеводородов и морских биоресурсов. При этом следует учитывать, что в июне 2015 г. состоялось совещание с участием японских деловых кругов, на котором обсуждалась информация о намерении Москвы ввести с 2020 г. ограничения на использование зарубежных судов для транспортировки газа и нефти с российских шельфовых месторождений. По итогам совещания было решено оказать давление на руководство России с целью отказа от введения указанных ограничений⁴⁶.

В свою очередь японские морские компании сталкиваются с рядом проблем. Эксперт Д. Стрельцов отмечает, что японцы недовольны транзитными тарифами, которые делают поставки по Северному морскому пути недостаточно привлекательными. Помимо этого, японским судоходным компаниям невыгодно содержать суда ледового класса из-за короткого сезона навигации. Использование Северного морского пути также осложняется нестабильностью погодных условий, неудовлетворительным состоянием служб метеорологического оповещения и недостатком информации о миграции льдов⁴⁷. Тем не менее, японский научно-технический

⁴⁵ Стрельцов Д.В. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. Доклад № 26/2016. М.: НП РСМД, 2016, с. 38.

* В декабре 2012 г. российский танкер «Обь» впервые доставил в Японию СПГ из Норвегии по Северному морскому пути.

⁴⁶ Стрельцов Д.В. Указ. Соч., с. 45.

⁴⁷ Там же.

потенциал мог бы быть задействован в создании системы слежения за миграцией льдов, налаживании системы миграционного оповещения и использовании информации, поступающей с японских метеорологических спутников.

Еще одна проблема заключается в том, что Токио не утраивает состояние российских портов, гаваней и других объектов инфраструктуры морских перевозок по Северному морскому пути, а также определенные ограничения, связанные с обслуживанием крупнотоннажных кораблей восточнее г. Мурманска. Как следствие, по мнению японских компаний, с технологической точки зрения Арктика не готова к безопасной и надежной навигации. Но даже в таких условиях японская компания Mitsui OSK в рамках проекта «Ямал СПГ» намерена в 2017 г. перевозить сжиженный природный газ по Северному морскому пути из Европы в Японию*.

Однако окончательное решение по использованию Северного морского пути Япония будет принимать с учетом позиции российской стороны. Причем, как считают в Токио, установленные Россией нормы и правила должны соответствовать Конвенции ООН по морскому праву. С геополитической точки зрения некоторые японские эксперты рассматривают Северный морской путь как маршрут из Японии в Европу вдоль Курильских островов. Поэтому для достижения положительного формата взаимодействия Японии в проекте Северный морской путь необходимо решить территориальный спор между странами вокруг Курильских островов.

С геостратегической точки зрения, в среднесрочной перспективе Япония могла бы стать покупателем арктического природного газа и участвовать в освоении нефтегазовых месторождений. Причем японские технологии востребованы в строительстве промышленных объектов в экстремальных условиях и при высокой сейсмической активности. В частности, это касается поставок в РФ буровых платформ и других видов оборудования. Но проблема

заключается в том, что они попали под действие западных антироссийских экономических санкций и в ближайшей перспективе это вряд ли осуществимо. Тем не менее, Япония с помощью России могла бы укрепить собственную энергетическую безопасность, что является одним из важнейших элементов внешней политики страны.

Политический диалог Москвы и Токио в 2016 году

Первым серьезным шагом в направлении развития российско-японских отношений стала неформальная встреча лидеров России и Японии, которая состоялась 6 мая 2016 г. в Сочи. Тогда в конструктивном ключе удалось обсудить проблему мирного договора и решения территориального вопроса на основе предложенного японской стороной нового подхода, свободного от «идей прошлого». Более того, премьер-министр С. Абэ предложил российской стороне план из восьми пунктов по двустороннему экономическому развитию с целью освоения энергоресурсов, укрепления средних и малых предприятий, развития транспортной и портовой инфраструктуры российского Дальнего Востока, строительства «умных городов», создания современных медицинских центров, а также реализации проектов в области сельского хозяйства и взаимных гуманитарных обменов. Со своей стороны, Россия обещала упростить правила в рыбной промышленности и существенно снизить на Дальнем Востоке стоимость электроэнергии. Помимо этого, стороны договорились упростить визовый режим и восстановить регулярные встречи в формате «2+2».

По данным некоторых японских источников, на сочинской встрече в мае 2016 г. премьер-министр С. Абэ предложил президенту России В. Путину несколько вариантов политического урегулирования проблемы «северных территорий». Но в официальных заявлениях дипломатического ведомства данная позиция опровергается. В частности, японская сторона добивалась подписания соглашения, расширяющего возможность безвизовых поездок на Южные

* По некоторым данным с 2018 г. будет налажено регулярное морское сообщение Северному морскому пути.

Курилы для граждан Японии⁴⁸. И это могло способствовать ведению там в будущем совместной экономической деятельности. Японцы также предложили вариант с совместным управлением островами Южных Курил в качестве шага к окончательному разрешению территориального вопроса в отношениях двух стран. Достоинство этого подхода состоит в том, что договаривающиеся стороны могут не отказываться от своих принципиальных позиций в отношении суверенитета на этих территориях.

В Токио рассматривают и другие варианты разрешения территориального спора. Первый из них предполагает, что Россия передает Японии острова Шикотан и Хабомаи, а на Кунашире и Итуруп создается система совместного управления. Второй вариант исходит из того, что на Шикотане, Хабомаи и Кунашире создается система совместного управления. При этом Итуруп полностью остается под российским контролем. Токио не исключает и создание системы совместного администрирования на всех островах Южных Курил в качестве промежуточного шага к окончательному пограничному размежеванию. Совместное управление островами, сопровождающееся режимом беспрепятственных поездок и свободной экономической деятельности на Южных Курилах призвано ускорить переговоры об окончательном заключении мирного договора между Москвой и Токио.

В Токио предполагают, что японцы получают право посещать и беспрепятственно селиться на южнокурильских островах, оставаясь при этом в рамках японского законодательства. При этом нужно решить немало трудных проблем, включая права полиции и суда, механизмы разрешения хозяйственных споров. Помимо этого нужно определиться в отношении двух немаловажных аспектов:

а) будут ли распространяться на район совместного управления положения «Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией» (1960 г.), в рамках которого

⁴⁸ СМИ: Япония хочет договориться о возможности безвизовых поездок на Курилы. [On-line]:

<http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3688180>.

(Дата посещения: 08.02.2017).

Соединенные Штаты взяли обязательства по обороне Японии;

б) как к такому повороту событий отнесется японская общественность.

В отношении реализации восьми пунктов экономического развития перед началом ВЭФ-2016 премьер-министр С. Абэ предпринял несколько важных шагов для потепления отношений между Токио и Москвой. Во-первых, он создал новое министерство по вопросам экономического сотрудничества с Россией во главе с министром экономики, торговли и промышленности Японии Х. Сэко. Во-вторых, назначил своего брата Н. Киши государственным министром иностранных дел, отвечающим за отношения с Россией. В-третьих, запустил в СМИ информацию от готовности участвовать в крупных российских экономических проектах, несмотря на нерешенность вопроса в отношении «северных территорий».

Короткая встреча в Перу на саммите АТЭС в ноябре 2016 г. лидеров России и Японии не привела к прорыву в разрешении территориального спора. Как тогда отметил премьер-министр С. Абэ, «крайне непросто сделать большой шаг». И, несмотря на некоторые японские инициативы, Москва с осторожностью относится к таким предложениям и укрепляет безопасность собственных границ. Так, в ноябре 2016 г. в Минобороны России сообщили о размещении на о. Итуруп береговых ракетных комплексов «Бастион»* и подобных систем «Бал» на о. Кунашир. Указанные подразделения входят в состав сформированной в 2014 г. 72 береговой ракетной бригады. В связи с этим военный историк Д. Болтенков отмечает, что во времена СССР на Курильских островах постоянно находились береговые ракетные дивизионы⁴⁹. Они были оснащены

* Береговой ракетный комплекс (БРК) «Бастион» включает восемь пусковых установок (ПУ), установленных на автомобили высокой проходимости МЗКТ-7930. Каждая ПУ перевозит две готовые к немедленному старту сверхзвуковые ракеты «Оникс» («Яхонт»), способные поражать вражеские корабли и наземные цели на дальности 300-500 км. Причем ПУ БРК «Бал» наносит удар не двумя, а восемью ракетами Х-35.

⁴⁹ Минобороны разместило на Курилах сверхзвуковые «Бастионы». [On-line]:

противокорабельными комплексами «Редут» и «Рубеж» и базировались на островах Симушир и Итуруп.

В целом, Москва рассматривает укрепление российской границы как приоритетную задачу по обеспечению безопасности государства. При этом отмечается, что на близлежащей японской территории размещены четыре эсминца, оснащенных системой управления ракетного оружия «Иджис» с противоракетами SM-3. Это дает реалистичное представление обеих сторон о предпринимаемых мерах по укреплению национальной безопасности в рамках проблемы «северных территорий».

Исторический визит Владимира Путина в Японию

Логичным завершением интенсивных контактов между политическими лидерами наших стран стал исторический визит президента России В. Путина в Японию, который состоялся 15-16 декабря 2016 г. Ранее, начиная с 2014 г., под воздействием внешних и внутренних факторов такой визит неоднократно откладывался.

Накануне указанного визита в Японию президент России В. Путин дал интервью ведущим японским СМИ⁵⁰. Он отметил, что у России нет никаких территориальных проблем с Японией. Тем не менее, у японской стороны сохранились некоторые иллюзии в отношении возврата «северных территорий». А для премьер-министра С. Абэ попытка разрешения с Россией многолетнего территориального спора стала одним из векторов внешней политики, нацеленной на заключение соответствующего мирного договора. И это в условиях серьезной зависимости Токио от Вашингтона в рамках Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности. А также введения против России западных политических и финансово-экономических санкций, ее исключения из состава «Большой двадцатки» и предпринятой Западом попытки по внешнеполитической изоляции Москвы.

<http://sakhalinmedia.ru/news/550304/> (Дата посещения: 04.02.2017).

⁵⁰ Интервью Владимира Путина телекомпании «Ниппон» и газете «Йомиури». [On-line]: <http://kremlin.ru/events/president/news/53455>. (Дата посещения: 03.02.2017).

Декабрьский визит президента России В. Путина в Японию, начался в г. Нагато (префектуре Ямагути) – родном городе премьер-министра С. Абэ. И уже в ходе личной встречи лидеры государств договорились продвигать программу совместной экономической деятельности в таких сферах как рыболовство, марикультура, туризм, медицина и экология на спорных южнокурильских островах. Для этого планируется там создать особую систему администрирования на основе нового международного договора.

Второй день визита В. Путина прошел в Токио в форме «Российско-японского форума деловых кругов». На пленарном заседании Форума выступил президент В. Путин, который констатировал, что правительства России и Японии настроены на максимальную поддержку двусторонних предпринимательских инициатив путем облегчения налогового и трудового законодательства. Он также призвал японские компании обратить внимание не только на 13 территорий опережающего развития и действие свободного порта Владивосток, но и на Евразийский экономический союз. Вопрос о создании с последним зоны свободной торговли сейчас в Японии обсуждается.

На форуме были подписаны 80 документов, включая 12 межведомственного характера и 68 коммерческих, на общую сумму 2,54 млрд долл. При этом, как отмечает российский эксперт А. Габуев, состоялось заключение соглашений с российскими компаниями, которые находятся под американскими санкциями⁵¹. В частности, было решено создать Российско-японский инвестиционный фонд с капиталом в 1 млрд долл. В качестве соинвесторов выступили Российский фонд прямых инвестиций и Японский банк международного сотрудничества (JBIC). А также между ОАО «Ямал СПГ» и JBIC были подписаны договор о предоставлении кредита на 200 млн евро и меморандум о взаимопонимании.

Конечно, визит В. Путина в Японию не привел к качественному прорыву в

⁵¹ Габуев А. Вернуть нельзя сотрудничать: чем важны новые договоренности России и Японии [On-line]: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=66491>. (Дата посещения: 03.02.2017).

разрешении проблемы «северных территорий». В тоже время стороны подтвердили свою готовность к подписанию мирного договора и поиску взаимоприемлемого компромисса по существующей территориальной проблеме на основе совместной экономической деятельности на всех островах Южнокурильской гряды (ранее разговор шел только о Хамобаи и Шикотан). По мнению японского эксперта А. Ивасита, ошибка премьера С. Абэ заключалась в следующем: он считал, что два острова (Хамобаи и Шикотан) находятся под японским суверенитетом и это не ограничено никакими условиями. Лидер оппозиционной Демократической партии Р. Мурата посчитала, что «это не хикивакэ, а однозначное поражение» на фоне той PR-кампании, которая сопровождалась на протяжении всего года под лозунгом возврата «северных территорий». Отмечается также, что коренные жители японских островов испытывают крайнее разочарование от поиска приемлемого обеим сторонам варианта разрешения территориальной проблемы.

Тем не менее, премьер-министр С. Абэ намерен добиться прогресса в переговорах по заключению мирного договора с Москвой. В начале 2017 г. он заменит дипломатов, которые отвечают за переговоры с Россией. Такая замена включает спецпредставителя по контактам с Москвой Т. Харада, директора Департамента Европы и главы входящего в это подразделение Российского отдела⁵². В связи с этим российский эксперт А. Панов считает, что премьер-министр С. Абэ обладает стратегическим видением и понимает, что страна должна стать более самостоятельной, а для этого нужны прочные отношения с Россией. Все это должно способствовать активизации политического переговорного процесса с Российской Федерацией.

Относительно реализации восьми пунктов экономического развития Дальнего Востока и обсуждения совместной хозяйственной деятельности на островах южнокурильской

гряды важным шагом стал состоявшийся 11-12 января 2017 г. визит в Москву министра экономики, торговли и промышленности Японии Х. Сэко. В рамках этого визита японская сторона не только согласовала взаимные действия по реализации вышеуказанных экономических проектов, но и ознакомилась с новыми направлениями двустороннего сотрудничества. Помимо этого было решено, что Япония выступит в качестве страны-партнера при проведении 10-13 июля 2017 г. в Екатеринбурге международной промышленной выставки «Иннопром».

Таким образом, во время исторического визита В. Путина в Японию, состоявшегося в декабре 2016 г., был создан позитивный фон для дальнейшего развития российско-японских отношений в сфере политики и экономики, что в перспективе допускает возможность ограниченного военного сотрудничества между нашими странами. И этот эффект еще более усилится после открытия в этом году «Русских сезонов в Японии», а в 2018 г. – перекрестных годов РФ и Японии. В результате японцы все более позитивно относятся к строительству одного железнодорожного моста с материка на о. Сахалин, а другого – с Сахалина на о. Хоккайдо. Реализация этого проекта позволит серьезно загрузить Транссибирскую и Байкало-Амурскую железнодорожные магистрали контейнерными грузами из Японии.

Относительно урегулирования политических вопросов и территориальных претензий Японии к России существует народная притча. Смысл ее заключается в том, что «можно восхищаться медведем, но его нельзя обнимать, потому что он раздавит вас. Нужно быть с медведем в хороших отношениях, но нельзя без надобности заходить на его территорию». Тем не менее, С. Абэ как мудрый политик пытается построить некую систему балансирования между стратегическими национальными интересами Японии с акцентом на союзнические обязательства с США и внутренней политической риторикой на возвращение «северных территорий». Для решения политических проблем с Россией С. Абэ может остаться у власти на третий срок, так как Либерально-демократическая партия

⁵² Япония заменит отвечающих за переговоры с Россией дипломатов. [On-line]: <http://www.vz.ru/news/2017/1/25/854852.html> (Дата посещения: 03.02.2017).

Японии изменила партийный устав. Окончательное решение по этому вопросу должно быть закреплено на партийном съезде в марте 2017 г.

Несмотря на высокую политическую активность между лидерами наших стран, японские бизнесмены больше присматриваются к инвестиционным проектам на российском Дальнем Востоке и не спешат вкладывать серьезные финансовые средства, учитывая, как они полагают, непредсказуемую политику Правительства РФ и бюрократические проволочки со стороны российских властей. Для Токио крайне важным остается обеспечение энергетической безопасности, а для Москвы – экономическое развитие субъектов Дальнего Востока. Как полагает японский лидер, в перспективе экономики наших стран должны стать взаимодополняемыми. Об этом свидетельствуют кадровые назначения в японском правительстве, говорящие о большом потенциале двустороннего сотрудничества между государствами. Однако, по мнению президента Sasakawa Peace Foundation И. Тонака, самое важное в отношениях между нашими странами это не бизнес, а политика. Дело в том, что в Стране восходящего солнца нет влиятельных кругов, которые были бы заинтересованы в сохранении хороших отношений с Россией. При этом стоит учитывать, что японский бизнес зависим от государства.

Следует также учитывать те позитивные изменения, которые должны произойти в 2017 г. во внешней политике России. Во-первых, РФ будет постепенно выходить из режима западной изоляции. Так, министр иностранных дел Италии А. Альфано не исключил, что формат «Большой восьмерки» с участием России может быть восстановлен уже к саммиту 25-27 мая 2017 г. в итальянской Таормине. Во-вторых, Москва успешно выполняет свои задачи по урегулированию сирийского кризиса и выступает активным инициатором процесса политического урегулирования в этой стране. И это существенно повышает ее международный авторитет.

В-третьих, экономика РФ постепенно выходит из кризиса. Для ускорения этого процесса Москве нужны не только

значительные инвестиции и современные технологии, но и настойчивое стремление развитых государств к политическому и экономическому сотрудничеству с нашей страной. И одним из перспективных государств в Северо-Восточной Азии для такого сотрудничества в прошлом году стала Япония. В связи с этим политическое руководство России возлагает определенные надежды на деятельность японских компаний, в первую очередь с целью развития российского Дальнего Востока. Надеемся, что, тот политический успех, закрепленный в 2016 г. рядом соглашений и меморандумов о сотрудничестве, будет выражен экономическими достижениями в наступившем 2017 г. Возможно, что встречи на высшем уровне и политический успех лидеров стран в ближайшем будущем позволит не только качественно улучшить двусторонние отношения, но постепенно приступить к разрешению проблемы «северных территорий».

Список литературы:

1. «Мираторг» получил разрешение поставки мяса в Японию. [On-line]: <http://tass.ru/ekonomika/3877379> (Дата посещения: 05.02.2017).
2. Akaha T. Russia and Japan: From Distant Neighbors to Future Partners / Russia and Japan. Looking together into the future. Vladivostok: FEPU, 2016. 128 с. <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3688180>. (Дата посещения: 08.02.2017).
3. JGC намерена участвовать в тендере на строительство газоперерабатывающего завода на Амуре [On-line]: <http://tass.ru/ekonomika/3586653>. (Дата посещения: 01.02.2017).
4. Kyodo: министр обороны США посетит Японию и Южную Корею в феврале [On-line]: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3969188> (Дата посещения: 05.02.2017).
5. Mitsui намерена купить 10% акций российской «Р-Фарм» за \$100 млн. [On-line]: <http://tass.ru/ekonomika/3728068>. (Дата посещения: 05.02.2017).
6. Streltsov D. Russo-Japanese Relations: A Skeptical View / Russia and Japan. Looking together into the future. Vladivostok: FEPU, 2016.
7. В Японии изучают проект продления Транссиба до острова Хоккайдо. [On-line]: <http://tass.ru/ekonomika/3672367>. (Дата посещения: 05.02.2017).

8. Василюк Е.А. Некоторые аспекты сотрудничества РФ и Японии в решении глобальных проблем и обеспечении безопасности в АТР. В: Власть. 2015, №10, с. 218-223.
9. Госдума предложила продлить действие льготной ставки страховых взносов для инвесторов ТОР и Свободного порта Владивосток. [On-line]: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4970 (Дата посещения: 05.02.2017).
10. Губернатор Хоккайдо предложила план развития отношений с РФ из пяти пунктов. [On-line]: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3586267>. (Дата посещения: 01.02.2017).
11. Иокибэ К. Япония и Россия: трактовка истории и территориальная проблема. В: Проект «Экспертный диалог по проблемам российско-японских отношений». Рабочие материалы. Московский Центр Карнеги. М., 2016, с. 1-27.
12. Калянина Л. Миру нужны хорошие продукты, а Россия – хорошее место для их производства [On-line]: <http://expert.ru/expert/2016/35/miru-nuzhnyi-produktyi-a-rossiya--horoshee-mesto-dlya-ih-proizvodstva/> (Дата посещения: 05.02.2017).
13. Кашин В. Российский подход к проблемам региональной безопасности в АТР. В: Проект «Экспертный диалог по проблемам российско-японских отношений». Рабочие материалы. Московский Центр Карнеги. М., 2016.
14. Кистанов В.О. «Территориальная дипломатия» как фокус внешней политики Абэ. В: Сборник статей «Япония в поисках новой глобальной роли» атей. М.: Вост. лит., 2014, с. 53-71.
15. Линдт М. Как приблизить Дальний Восток. [On-line]: <http://expert.ru/expert/2016/35/kak-priblizit-dalnij-vostok/>. (Дата посещения: 05.02.2017).
16. Мирзаян Г. Азиаты не делают резких движений. [On-line]: <http://expert.ru/expert/2016/35/aziatyi-ne-delayut-rezkih-dvizhenij/>. (Дата посещения: 07.02.2017).
17. Оратай В. Зачем раздают дальневосточные гектары. [On-line]: <http://expert.ru/expert/2016/35/zachem-razdayut-dalnevostochnye-gektaryi/> (Дата посещения: 05.02.2017).
18. Оратай В. Накормить себя и отдать Китаю лишнее. [On-line]: <http://expert.ru/expert/2016/35/zachem-razdayut-dalnevostochnye-gektaryi/>. (Дата посещения: 05.02.2017).
19. Петрунина Ж.В. Иностранные инвестиции в Хабаровском крае: перспективы и возможности. В: Азия и Африка сегодня. М., 2016, №7, с. 60-64.
20. Правительство утвердило создание ТОР «Южная Якутия». [On-line]: <http://www.vestifinance.ru/articles/79523> (Дата посещения: 01.02.2017).
21. Премьер Абэ не стремится вернуть «северные территории». [On-line]: <http://inosmi.ru/overview/20170124/238589350.html> (Дата посещения: 05.02.2017).
22. Санкциям назло: что стоит за сближением Москвы и Токио. [On-line]: https://lenta.ru/articles/2016/05/26/economic_relations/ (Дата посещения: 05.02.2017).
23. Синдзо Абэ в феврале посетит Вашингтон. [On-line]: <http://izvestia.ru/news/659769#ixzz4WmhsYm8v> (Дата посещения: 05.02.2017).
24. СМИ узнали о решении Японии помочь России вопреки спору о Курилах. [On-line]: <http://www.rbc.ru/politics/30/08/2016/57c514e49a794741ea88986a>. (Дата посещения: 03.02.2017).
25. СМИ: Япония хочет договориться о возможности безвизовых поездок на Курилы. [On-line]:
26. Стрельцов Д.В. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. Доклад № 26/2016. М.: НП РСМД, 2016. 56 с.
27. Стрельцов Д.В. Вопросы исторического прошлого в российско-японских отношениях. В: Проект «Экспертный диалог по проблемам российско-японских отношений». Рабочие материалы. Московский Центр Карнеги. М., 2016. 34 с.
28. Тимонина И.Л. Россия-Япония: реальный потенциал взаимодействия. В: Японские исследования. 2016, №1, с. 20-31.
29. Токийский экспресс: зачем Синдзо Абэ спешит в Вашингтон и Москву. [On-line]: <https://russian.rt.com/world/article/352389-abe-putin-tramp>. (Дата посещения: 05.02.2017).
30. Черевко К.Е. О возможности окончательного урегулирования территориального спора между РФ и Японией. [On-line]: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=342&Itemid=59. (Дата посещения: 05.02.2017).
31. Минобороны разместило на Курилах сверхзвуковые «Бастионы». [On-line]: <http://sakhalinmedia.ru/news/550304/> (Дата посещения: 04.02.2017).
32. Интервью Владимира Путина телекомпании «Ниппон» и газете «Йомиури». [On-line]: <http://kremlin.ru/events/president/news/53455>. (Дата посещения: 03.02.2017).
33. Габуев А. Вернуть нельзя сотрудничать: чем важны новые договоренности России и Японии [On-line]:

<http://carnegie.ru/commentary/?fa=66491>. (Дата посещения: 03.02.2017).

34. Япония заменит отвечающих за переговоры с Россией дипломатов. [On-line]: <http://www.vz.ru/news/2017/1/25/854852.html> (Дата посещения: 03.02.2017).

Bibliography:

1. «Miratorg» poluchil razreshenie postavki mjasa v Japoniju. [On-line]: <http://tass.ru/ekonomika/3877379> (Visited on: 05.02.2017).

2. Akaha T. Russia and Japan: From Distant Neighbors to Future Partners / Russia and Japan. Looking together into the future. Vladivostok: FEFU, 2016. 128 s.

<http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3688180>. (Visited on: 08.02.2017).

3. JGC namerena uchastvovat' v tendere na stroitel'stvo gazopererabatyvajushhego zavoda na Amure [On-line]: <http://tass.ru/ekonomika/3586653>. (Visited on: 01.02.2017).

4. Kyodo: ministr oborony SShA posetit Japoniju i Juzhnuju Koreju v fevrale [On-line]: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3969188> (Visited on: 05.02.2017).

5. Mitsui namerena kupit' 10% akcij rossijskoj «R-Farm» za \$100 mln. [On-line]: <http://tass.ru/ekonomika/3728068>. (Visited on: 05.02.2017).

6. Streltsov D. Russo-Japanese Relations: A Skeptical View / Russia and Japan. Looking together into the future. Vladivostok: FEFU, 2016.

7. V Japonii izuchajut proekt prodlenija Transsiba do ostrova Hokkajdo. [On-line]: <http://tass.ru/ekonomika/3672367>. (Visited on: 05.02.2017).

8. Vasiljuk E.A. Nekotorye aspekty sotrudnichestva RF i Japonii v reshenii global'nyh problem i obespechenii bezopasnosti v ATR. V: Vlast'. 2015, №10, s. 218-223.

9. Gosduma predlozhila prodlit' dejstvie l'gotnoj stavki strahovyh vznosov dlja investorov TOR i Svobodnogo porta Vladivostok. [On-line]: http://www.minvostokrazvitiya.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4970 (Visited on: 05.02.2017).

10. Gubernator Hokkajdo predlozhila plan razvitiya otnoshenij s RF iz pjati punktov. [On-line]: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3586267>. (Visited on: 01.02.2017).

11. Iokibje K. Japonija i Rossija: traktovka istorii i territorial'naja problema. V: Proekt «Jekspertnyj dialog po problemam rossijsko-japonskih otnoshenij». Rabochie materialy. Moskovskij Centr Karnegi. M., 2016, s. 1-27.

12. Kaljanina L. Miru nuzhny horoshie produkty, a Rossija – horoshee mesto dlja ih proizvodstva [On-line]: <http://expert.ru/expert/2016/35/miru-nuzhny-produktyi-a-rossiya---horoshee-mesto-dlja-ih-proizvodstva/> (Visited on: 05.02.2017).

13. Kashin V. Rossijskij podhod k problemam regional'noj bezopasnosti v ATR. B: Proekt «Jekspertnyj dialog po problemam rossijsko-japonskih otnoshenij». Rabochie materialy. Moskovskij Centr Karnegi. M., 2016.

14. Kistanov V.O. «Territorial'naja diplomatija» kak fokus vneshnej politiki Abje. B: Sbornik statej «Japonija v poiskah novej global'noj roli»atej. M.: Vost. lit., 2014, s. 53-71.

15. Lindt M. Kak priblizit' Dal'nij Vostok. [On-line]: <http://expert.ru/expert/2016/35/kak-priblizit-dalnij-vostok/>. (Visited on: 05.02.2017).

16. Mirzajan G. Aziaty ne delajut rezkih dvizhenij. [On-line]: <http://expert.ru/expert/2016/35/aziaty-ne-delayut-rezkih-dvizhenij/>. (Visited on: 07.02.2017).

17. Orataj V. Zachem razdajut dal'nevostochnye gekтары. [On-line]: <http://expert.ru/expert/2016/35/zachem-razdayut-dalnevostochnye-gektary/> (Visited on: 05.02.2017).

18. Orataj V. Nakormit' sebja i otdat' Kitaju lishnee. [On-line]: <http://expert.ru/expert/2016/35/zachem-razdayut-dalnevostochnye-gektary/>. (Visited on: 05.02.2017).

19. Petrunina Zh.V. Inostrannye investicii v Habarovskom krae: perspektivy i vozmozhnosti. B: Azija i Afrika segodnja. M., 2016, №7, c. 60-64.

20. Pravitel'stvo utverdilo sozdanie TOR «Juzhnaja Jakutija». [On-line]: <http://www.vestifinance.ru/articles/79523> (Visited on: 01.02.2017).

21. Prem'er Abje ne stremitsja vernut' «severnye territorii». [On-line]: <http://inosmi.ru/overview/20170124/238589350.html> (Visited on: 05.02.2017).

22. Sankcijam nazlo: chto stoit za sblizheniem Moskvy i Tokio. [On-line]: https://lenta.ru/articles/2016/05/26/economic_relations/. (Visited on: 05.02.2017).

23. Sindzo Abje v fevrale posetit Vashington. [On-line]: <http://izvestia.ru/news/659769#ixzz4WmhsYm8v> (Visited on: 05.02.2017).

24. SMI uznali o reshenii Japonii pomogat' Rossii vopreki sporu o Kurilah. [On-line]: <http://www.rbc.ru/politics/30/08/2016/57c514e49a794741ea88986a>. (Visited on: 03.02.2017).

25. SMI: Japonija hochet dogovorit'sja o vozmozhnosti bezvizovyh poezdok na Kurily. [On-line]:


26. Strel'cov D.V. Aziatskie igroki v Arktike: interesy, vozmozhnosti, perspektivy. Doklad № 26/2016. M.: NP RSMD, 2016. 56 s.
27. Strel'cov D.V. Voprosy istoricheskogo proshlogo v rossijsko-japonskih otnoshenijah. B: Proekt «Jekspertnyj dialog po problemam rossijsko-japonskih otnoshenij». Rabochie materialy. Moskovskij Centr Karnegi. M., 2016. 34 s.
28. Timonina I.L. Rossija-Japonija: real'nyj potencial vzaimodejstvija. B: Japonskie issledovanija. 2016, №1, s. 20-31.
29. Tokijskij jekspres: zachem Sindzo Abje speshit v Vashington i Moskvu. [On-line]: <https://russian.rt.com/world/article/352389-abe-putin-trump>. (Visited on: 05.02.2017).
30. Cherevko K.E. O vozmozhnosti okonchatel'nogo uregulirovanija territorial'nogo spora mezhdu RF i Japoniej. [On-line]: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=342&Itemid=59. (Visited on: 05.02.2017).
31. Minoborony razmestilo na Kurilah sverhzvukovye «Bastiony». [On-line]: <http://sakhalinmedia.ru/news/550304/> (Visited on: 04.02.2017).
32. Interv'ju Vladimira Putina telekompanii «Nippon» i gazete «Iomiuri». [On-line]: <http://kremlin.ru/events/president/news/53455>. (Visited on: 03.02.2017).
33. Gabuev A. Vernut' nel'zja sotrudnicat': chem vazhny novye dogovorennosti Rossii i Japonii [On-line]: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=66491>. (Visited on: 03.02.2017).
34. Japonija zamenit otvechajushhih za peregovory s Rossiej diplomatov. [On-line]: <http://www.vz.ru/news/2017/1/25/854852.html> (Visited on: 03.02.2017).

Copyright©EVSEEV Vladimir,
KHARITONOV Daria, 2016.

Contacte / Contacts / Контакты:

119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10,
стр. 3, (Старомонетный пер., д. 10).

E-mail: vlad.evseev@gmail.com,
dariahhar09@gmail.com

 <p>REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE Chișinău, Republica Moldova</p>	<p>Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений</p> <p>2017, Issue 1, Volume 12, Pages 75-85. ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963 Submitted: 15. 11. 2016 Accepted: 15.02. 2017 Published: 30.03. 2017</p>
---	---

**TRIBUNA TÎNĂRULUI CERCETĂTOR
THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**RUSSIA`S POWER MECHANISM AND THE LEGACY OF EMPIRE.
FROZEN CONFLICTS IN THE CAUCASUS**

**MECANISMUL DE PUTERE A RUSIEI ȘI MOȘTENIREA IMPERIULUI.
CONFLICTELE ÎNGHEȚATE DIN CAUCAZ**

**МЕХАНИЗМ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ И НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИИ.
ЗАМОРОЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ НА КAVKAZE**

CHELARU Valeria* / CHELARU Valeria / КЕЛАРУ Валерия

ABSTRACT:

**RUSSIA`S POWER MECHANISM AND THE LEGACY OF EMPIRE.
FROZEN CONFLICTS IN THE CAUCASUS**

Due to the recent events in Crimea, the frozen conflicts in the Caucasus have become an undeniable barometer of Russia`s policy in the former Soviet space. Among scholars heated debate has developed concerning concepts such as soft power, hard power or neo-imperialism.

This paper considers the frozen conflicts in the Caucasus in order to stress the interdependence between Russia`s power mechanism and the post-Soviet, ethno-territorial disputes in the region. While analysing Russia`s approaches to the concept of soft power, the linkage between the latter and the legacy of the former empire will be discussed. I argue that in pursuing its national interest, based on the Soviet legacy, Russia`s power mechanism and frozen conflicts in the Caucasus grow politically interdependent.

Finally, as most analysts stress the lack of Moscow`s ideology related to its soft power particularly, I argue that Russia`s power in the post-Soviet conflict areas adapts itself to local particularities.

Key-words: frozen conflicts, soft power, carrot and stick approach, the Caucasus, imperial legacy.

JEL Classification: F29, K33

REZUMAT:

**MECANISMUL DE PUTERE A RUSIEI ȘI MOȘTENIREA IMPERIULUI.
CONFLICTELE ÎNGHEȚATE DIN CAUCAZ**

Din cauza evenimentelor recente din Crimeea, conflictele înghețate din Caucaz au devenit un barometru incontestabil al politicii Rusiei în fostul spațiu Sovietic. Concepte precum soft power, hard power sau neo-imperialism au provocat dezbateri aprinse în rândul cercetătorilor.

Această lucrare tratează conflictele înghețate din Caucaz pentru a scoate în evidență interdependența dintre mecanismul de putere a Rusiei și disputele etno-teritoriale, post-Sovietice din această regiune. Analizând perspectiva Rusiei asupra conceptului de soft power, va fi discutată legătura dintre acest termen și moștenirea

* **CHELARU Valeria** – Doctorand, Școala doctorală de Relații internaționale și Studii de Securitate a Universității Babeș-Bolyai (Cluj-Napoca, România). / **CHELARU Valeria** – PhD student, Doctoral School of International Relations and Security Studies at Babeș-Bolyai University (Cluj-Napoca, Romania). / **КЕЛАРУ Валерия** – Аспирант, Докторская школа по международным отношениям и исследованиям в области безопасности Бабеш-Бойяи университета (Клуж-Напока, Румыния). **E-mail:** valeria.a.chelaru@gmail.com

fostului imperiu. Voi argumenta că în urmărirea interesului ei național, bazat pe moștenirea Sovietică, mecanismul de putere a Rusiei și conflictele înghețate din Caucaz devin politic interdependente.

În cele din urmă, deoarece majoritatea analiștilor subliniază lipsa ideologiei Moscovei mai ales în ceea ce privește noțiunea de soft power, voi demonstra că puterea Rusiei în zonele conflictelor post-Sovietice este adaptată particularităților locale.

Cuvinte-cheie: *conflicte înghețate, soft power, politica de stimulente și constrângeri, Caucaz, moștenire imperială.*

JEL Classification: F29, K33

CZU: 327.39, 341.222.6

РЕЗЮМЕ:

**МЕХАНИЗМ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ И НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИИ.
ЗАМОРОЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ НА КАВКАЗЕ**

В связи с последними событиями в Крыму, замороженные конфликты на Кавказе стали неоспоримым показателем политики России на постсоветском пространстве. Среди ученых ведутся ожесточенные споры, касающиеся таких понятий, как мягкая сила, жесткая сила или нео-империализма.

В данной статье рассматривается замороженных конфликтов на Кавказе для того, чтобы подчеркнуть взаимозависимость между механизмом власти РФ и постсоветских, этно-территориальных споров в регионе. Анализируя подходы России к концепции «мягкой силы», связь между последними и наследие бывшей империи будет обсуждаться. Я утверждаю, что следовать своим национальным интересам, на основе Советского наследия, механизм российской власти и «замороженные» конфликты на Кавказе растут политически взаимозависимыми.

Наконец, как большинство аналитиков подчеркивают отсутствие идеологии Москвы, связанные с ее «мягкой силы» в частности, я утверждаю, что власть России в постсоветский зонах конфликтов адаптируется к местным особенностям.

Ключевые слова: *«замороженные» конфликты, «мягкая сила», кнута и пряника, на Кавказе, имперское наследие.*

JEL Classification: F29, K33

УДК: 327.39, 341.222.6

Debates on Russia's soft power are still highly controversial as many analysts point out the lack of any articulate Russian ideology concerning the issue. As Nicolas Gvosdev confessed, when announcing he was going to tackle the matter in New-York, his colleagues asked in surprise whether Russia had a soft power which could be reflected upon.¹ Moreover, considering the sharp swift in Russia's global affairs starting with Vladimir Putin's leadership, rapprochement with the West, particularly with the United States, has diminished to the detriment of Putin's authoritative and consolidative process of strengthening the Russian state. In such context,

the concept of Russia's soft power tends to be perceived as a state-centric approach which emphasises the glorious historical past of the country, rather than a Russian culture in whose fabric political dissent from the official policies is conspicuously present.² Not to mention that in the light of the Crimean crisis, Russia's soft power is regarded even more as a neo-imperialistic tool of disseminating post-Soviet propaganda and targeting the *compatriots*.

In this article, I examine Russia's power mechanisms in relation with the frozen conflicts in the Caucasus. The term soft power will be

¹ Gutkin Mikhail, Gusev Sergey. Есть ли у России «мягкая сила»? [On-line]: <http://www.golos-ameriki.ru/content/russia-soft-power/2969349.html>, (Visited on: 24.02.2016).

² Kornilov Alexandre, Makarychev Andrey. Russia's soft power in the South Caucasus. Discourses, communication, hegemony. In: Agadjanian Alexander, Jödicke Ansgar and van der Zweerde Evert. Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus. London: Routledge, 2015, p. 242-243.

analysed in conjunction with Moscow's strategies perceived as „charismatic” in accordance with the Soviet legacy. As soft power concept in its operational sense is widely seen „as an ideational form of power [...] reproduced by institutional and material practices”³, by Soviet legacy I refer to a set of common values such as shared history and culture, institutional context, larger economy and access to energy resources, and not ultimately, power authority derived from these values. Moreover, by „frozen conflicts” I do not solely refer to the internationally unrecognized post-Soviet territories – the variously called *de facto states*, *quasi-states*, *pseudo-states* or *separatist states*, - but rather to the latent ethno-territorial conflicts which erupted in the ex-Soviet region of the Caucasus in the wake of the Soviet Union's dismemberment and due to their impact on the political situation in the region, lead to a centre-periphery political interdependence, and thus facilitate to closer analyse Moscow's power mechanisms in the so-called *near abroad*.

The paper proceeds in four sections. The first section reviews the term of power as formulated by Joseph Nye and seeks to identify the pattern of Russian perception of the term. In this section, it is discussed on one hand the way that Russia formulates the concept of soft power, while on the other hand, the main assessments of the issue by various analysts will be presented. The next parts of the paper examine the Northeastern Caucasus, South Ossetia, and Abkhazia as case studies of Russia exerting its power in line with the specificities of the conflicts. I find that in the Northeastern Caucasus Russia's power mechanism is largely shaped by Putin's struggle to preserve the cohesion of the federation. As frozen conflicts in this area are closely related with terrorism and religious fundamentalism, Moscow's power strategies are massively remodelled and adjusted to maintain an allegedly stable situation. Further, I demonstrate that Moscow's soft power in South Ossetia and Abkhazia is particularly derived from the Soviet precedence of privilege and political favouritism, currently exacerbated by deadlock in the conflict resolutions. Accordingly, the Soviet legacy produces the legitimacy which Russia has acquired as a guarantor of independence, security

and stability of the two regions. Finally, I conclude that the strategies of implementing soft power through Soviet legacies lead to the emergence of a certain type of post-imperial legitimacy in the Caucasus.

I. Russia's definition of soft power

In its original formulation, Joseph Nye defined power as „the ability to alter the behavior of others to get what you want, and there are basically three ways to do that: coercion (sticks), payments (carrots) and attraction (soft power)”⁴. As opposed to the first two methods, the last one seems to assume a set of strategies heavily relying on charisma, agreeable values, and not ultimately, on a forceful image which could both sustain its legitimacy and a durable dialogue with its subjects. However, as many studies have recently pointed out, Moscow's way of deploying soft power diverges from the regular pattern followed by the Western countries. Russia's approach to the term is widely perceived by most experts as an oscillation between the Western definition of the concept and a type of individualistic, „country-specific” understanding of soft-power. Owing to this „non-Western authenticity”, Moscow, as the only successor to the Soviet Union, is believed to have been building its own ideological substitute for Communism.⁵

According to Joseph Nye, a country can derive its soft power from three sources: „its culture (in places where it is attractive to others), its political values (when it lives up to them at home and abroad), and its foreign policies (when they are seen as legitimate and having moral authority).”⁶ When applied to Russia, all three resources seem to acquire a national characteristic due to the country's particular trajectory after the Soviet disintegration. It became evident when starting with Vladimir Putin's first presidency, the Kremlin's policies grew more articulate and after a long nebulous period Russia realised that it was facing a serious image crisis abroad. The priority of public diplomacy and soft power were thus intended to focus on combating the damaging identity crisis and the great lack of „national

³ Ibidem.

⁴ Nye Joseph S. Jr. Think Again: Soft Power. In: Foreign Policy, 23 February 2006. [On-line]: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/> (Visited on: 14.04. 2015).

⁵ Kornilov Alexandre, Makarychev Andrey. *Op. cit.*, p. 240-242.

⁶ Nye Joseph S. Jr. Think Again: Soft Power. *Op. cit.*

idea”.⁷ In the aftermath of the Soviet collapse and the end of the Cold War, Russia took a different stance to its former space, owing to the USA and Western Europe advancing towards the ex-Soviet spheres of influence in Eastern Europe. In such context, Moscow’s approach to the global interaction imposed by the United States as the global hegemon, determined Russia’s necessity of creating a new regional order, based on its role of the most powerful country in the former Soviet space.⁸ It is particularly derived from this aspect that Moscow’s views on the concept, especially after Putin taking over the reins of the country and implementing the federal consolidative reforms, are widely seen as a state-centric approach with strong emphasis on country’s glorious past and its position on the international arena. The post-imperial crisis among Moscow’s elite and Russia’s global role with its lost superpower status have become largely perceived as part of Russia’s „imperial mentality and a delusion of state grandeur.”⁹

However, it was only in late 2000s that the concept of soft power entered the Russian official discourse, underlined by the speech of the Kremlin advisor Vladislav Surkov, in 2006. In his political conception of sovereign democracy, Surkov accentuated the necessity of developing a distinctive Russian way of solving the country’s problems, massively relying on its national specificity, history, and cultural traditions. The sovereign democracy was not presented as an intention of the country to isolate itself from or oppose the liberal democracy of the Western world, but rather prevent the external powers from intervening in Russia’s internal affairs.¹⁰ Surkov is commonly perceived as the author of the sovereign democracy concept, nevertheless, the main principles of the term were expressed by Vladimir Putin himself in his programmatic speech to the Federation Council in May 2005.

⁷ Osipova Yelena. „Russification” of „Soft Power”: Transformation of a Concept. In: Exchange: The Journal of Public Diplomacy. 2014, Volume 5, Issue 1, Article 5, p. 60.

⁸ Slobodchikoff Michael O. Building Hegemonic Order Russia’s Way. Order, Stability, And Predictability in the Post-Soviet Space. London: Lexington Books, 2014, p. xii.

⁹ Bugajski Janusz. Cold Peace. Russia’s New Imperialism. Westport: Praeger Publishers, 2004, p. 4.

¹⁰ Ильина Александра, Петрова Анастасия. Около Руля, Московские новости. [On-line]: <http://www.mn.ru/politics/86794>, (Visited on: 08.05.2013).

By declaring that Russia was heading towards the same values as the other European countries, Putin underscored, however, Moscow’s „own pace and given its own conditions” on the way to democracy and freedom. Accusations of Russian imperialism in the ex-Soviet space were justified through Moscow’s struggle to bridge the cultural and economic gap between its citizens, regarded as cultural compatriots, and not in terms of obtaining territories or natural resources of the new states. His uncompromising stance against whatsoever outside type of interference increased over time, assuming much concrete form in his annual addresses to the Federation Council in May 2006 and April 2007, when Putin prioritized the values of sovereignty and a strong national defense.¹¹

Despite the highly critical attitude of international community after Crimean annexation by Russia, the Kremlin still asserts its lawful rights, based on the same principle of standing for its compatriots in the former Soviet space. Sergey Markedonov from Russian State University in Moscow underlined that Russia had never claimed to alter the status of Crimea, as was the case for other disputed territories or frozen conflicts in the former Soviet space, but rather responded to a stringent national problem. As opposed to common Western understanding of the issue as a proactive move, the Kremlin sees it as a reaction to a situation which could not be overlooked.¹² The urgency of assisting the *compatriots* has developed into a method of disseminating Russian cultural values in a much broader sense. Konstantin Kosachev, the former head of Rossotrudnichestvo¹³ – considered the chief state agency of implementing Russia’s soft power - expressed his conception that the core of

¹¹ Tsygankov Andrei. Russia’s International Assertiveness. In: Problems of Post-Communism. March-April 2008, Volume 55, N.2, p. 39.

¹² For more on this issue see: Treisman Daniel. Why Putin took Crimea. In: Foreign Affairs. May-June 2016, Volume 95, Number 3, p. 47-54; Koshkin Pavel. What are the Kremlin’s new red lines in the post-Soviet space? In: Russia Direct, 25 August 2015. [On-line]: <http://www.russia-direct.org/what-are-kremlins-new-red-lines-post-soviet-space>, (Visited on: 15.04.2016).

¹³ Rossotrudnichestvo – The Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo) was created in September 2008 in accordance with Presidential Decree No. 1315 of September 6, 2008.

soft power consists of the audience and not the actions of implementing the concept. In other words, soft power should not be evaluated by the quality of measures taken to its realization, but through common interests triggered by the Russian values. He even revives the term of Russian world – *ruskiy mir* – by referring to a global cultural gathering, encompassing not only the *compatriots*, who still remain at the core of the concept, but also the global Russian cultural community, united by the similar bondages to those of Francophonia in the French-speaking world.¹⁴ Once again, Kosachev's theories resemble the views formulated a few years ago by Vladimir Putin in early 2001: „The *compatriot* is not only a legal category. More importantly, it is not an issue of status or favoritism. It is primarily a matter of personal choice. Of self-identification. I would even say, of spiritual self-identification”.¹⁵ As both notions of Russian World and the *compatriots* lack clear-cut definitions, opinions have been expressed that their volatility avoids the common ethnic or linguistic sense of „ethnic Russians”, spreading to an indefinite group of people who are culturally and spiritually oriented towards Russia and, therefore, adding to the even larger group of all Soviet people or those who belonged to the Tsarist Empire.¹⁶ In terms of soft-power conception, the Russian President has also expressed his own interpretation as „a set of tools and methods to achieve foreign policy goals without the use of weapons, through the use of information and other levers of influence”.

Conversely, *ruskiy mir*, or the Russian world term has been recently defended and explained by Nicolai Petro, the University of Rhode Island scholar. By countering the Western misinterpretation of the notion as a „perverse interaction” between the Russian state and the Orthodox Church, Petro develops its real meaning as a symbiosis between Russia's cultural and

political influence and the Church's spiritual vision of rebuilding the Holy Rus'. More precisely, as the Church is heavily criticized for its instrumental role in Moscow's abusive policies towards its neighbours, from Petro's standpoint, the relation between the state and Church is based on a mutual transfer of social capital on one hand, and diffusion of Christianity globally via Russian foreign policy on the other hand. While the state perceives the *ruskiy mir* as a politico-cultural way of buttressing domestic stability, the international status, and influencing its neighbour states, the Church aims at combating the rampant secularization of society.¹⁷ This final aspect bears an important meaning in building Russia's status and influence abroad by exerting soft power in a more sophisticated way, thoroughly explained by Putin at Valdai meeting in September 2013. The Valdai Club, one of the major think tanks to implement Russia's soft power, was established in 2004 with the official goal „to promote dialogue between Russian and international intellectual elite, and to make an independent, unbiased scientific analysis of political, economic and social events in Russia and the rest of the world”.¹⁸ Against the backdrop of Russia's renewed foreign policy assertiveness, justified by many Russian scholars as a regaining of national honour,¹⁹ Putin presented Russia as a 21st century Orthodox power with its scope of reshaping the Western loss of human dignity by exporting worldwide the secularization of society and rejecting Christianity.²⁰ To sum up, Russia's role as a geopolitical reference point to its neighbouring states particularly, aims at offering a conservative socio-political alternative, strikingly opposing the Western ideology.

I. How frozen conflicts in the Northeastern Caucasus impacted on Russia's power mechanism

¹⁷ Petro Nikolai. Russia's Orthodox Soft Power. In: Carnegie Council for Ethics in International Affairs. [On-line]: http://www.carnegiecouncil.org/publications/articles_papers_reports/727, (Visited on: 10.03.2016).

¹⁸ [On-line]: <http://valdaiclub.com/about/valdai/>, (Visited on: 11.03.2016).

¹⁹ See for example Tsygankov A. Scholar research brief: Honor in International Relations: Russia and the West from Alexander to Putin, San Francisco State University, September 2010.

²⁰ Meeting of the Valdai International International Discussion Club, 19 September 2013. [On-line]: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/19243>, (Visited on: 11.03.2016).

¹⁴ „Разговор с Константином Косачевым: Россия поддерживает свой авторитет в мире „мягкой силой”. In: Russian Center of Science and Culture. [On-line]: <http://find.rs.gov.ru/en/node/2065> (Visited on: 10.03.2016).

¹⁵ Laruelle Marlene. The „Russian World”. Russia's soft power and geopolitical imagination. In: Center of Global Interest, Washinton DC. [On-line]: http://globalinterests.org/wp-content/uploads/2015/05/FINAL-CGI-Russian-World_Marlene-Laruelle.pdf (Visited on: 13.03.2016).

¹⁶ Ibidem, p. 6-8.

The Frozen conflicts in the Northeastern Caucasus played a significant role in Russia's national revival after the long post-Soviet years of identity crisis. The country's national interests took a much more nuanced expression in late 1999, when Vladimir Putin was appointed the head of the Russian state. Putin's political authority was bolstered by his uncompromising approach to military operations in Dagestan and the series of Russian apartment bombings, but most importantly, by his commitment to restore the strength of the country and combat all centrifugal forces inherited from Yeltsin's era. In this sense, the restive region of the Northeastern Caucasus became a stringent issue on Putin's national agenda. As Sergei Markedonov argues, „in many ways, the unity of Russia, the soundness of her political identity and the effectiveness of Russian Federation state and public institutions, are dependent on this region”.²¹ The area stands out as being the most volatile in the North Caucasus - unusually multi-ethnic and heterogeneous, largely tribal and particularly distinct from Russia; it has become to be referred to as *Russia's Inner Abroad*.²²

In accordance with Moscow's national priorities formulated by Putin at the beginning of his first presidential term, the exertion of Russia's power in the Northeastern Caucasus was predetermined by the fragile situation in the region. More specifically, the series of federal reforms implemented by Putin in order to counteract terrorism and separatism, equated with state centralization and recreation of vertical power structures, and thus reviving the Soviet system of power based on centre-periphery relations. The power mechanism through which the Kremlin applied its strategies in the region was encompassing a string of centralizing measures heavily relying on Soviet political practices and ethno-federal structures. It has been materialized under a programme described as the Chechenization of the war, a process further coined by Robert Bruce Ware as the

“Chechenization Model”²³. Given the rapid victory of Russian troops in the Second Chechen war and Putin's goals to combat fragmentation, in May 2000, the Russian military was taken as a model for reorganizing the country into seven federal districts, each district being supervised by a plenipotentiary directly appointed by the Russian President. The appointment of the Chechen mufti, Akhmed Kadyrov, as the head of the new pro-Kremlin administration in Chechnya was based on the idea to gradually redirect the Chechen conflict to the local government, a political entity which would still remain under direct control of federally centralized bureaucratic structures. The main point of the project was the way in which Moscow remodelled the exertion of its authority – provided that Kadyrov remained loyal to the federal centre by ensuring compliance with Moscow and local stability, he was allowed „wide latitude for local operations and ample budgetary allocations”.²⁴

Moscow's goals to strengthen state security increased after the terrorist attacks on Russian territory in 2004, culminating in September with the attack in Beslan, North Ossetia. The moment was a crucial point for the Russian Federation and Putin announced further consolidative measures in order to closer supervise the regions, diminish the role of the governors in Russia's policy making, and bring the local legislatures more in line with the federal Constitution. Obviously, the new reformative programme counteracted the federal structures inherited from Yeltsin, characterized by a large number of representatives in contrast with available resources. As each federal subject used to be bound by a plenipotentiary entirely dependent on resources supplied by the regional governors, Putin decided not only to eradicate this dependence, but also to abrogate any activity between ministers and federal envoys. The programme initiated in May 2000 to consolidate the executive vertical, produced a bureaucratic layer which ensured direct connection with the presidential administration. Putin's reformative programme initiated in May 2000 followed his conviction that „a strong state means a strong

²¹ Markedonov Sergei. Yeltsin's complicated legacy in the Caucasus. [On-line]: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/sergei-markedonov/yeltsin%E2%80%99s-complicated-legacy-in-caucasus>. (Visited on: 06.06.2015).

²² Matveeva Anna. The Northeastern Caucasus: Drifting away from Russia. In: Ware Robert Bruce. *Op. cit.*, p. 254.

²³ Ware Robert Bruce. Conclusion: How Has the Caucasus Shaped Russia? *Ibidem*, p. 301.

²⁴ *Ibidem*, p. 294.

federation,²⁵ and the idea of the administrative-territorial reforms had not been dictated and legitimized by constitutional or federal rationale. As Gordon Hahn stressed, the reforms contravened the federal Constitution, as the new districts did not correspond to any other federal subjects. In spite of article 66 and 67.3 permitting certain amendments to the status or frontiers, major alterations to structural or administrative divisions of the federal subjects were not mentioned.²⁶ The project was rather conceived and further developed as a managerial stringency meant to equate the gravity of terrorism and radical Islam, and finally ensure the functioning of a common legal space. Meanwhile the Western media was focusing on Ramzan Kadyrov, the number of terrorist attacks in Russia since the creation of the jihadi Caucasus Emirate in October 2007 accounted for roughly 1.600²⁷, from which 99% took place in the North Caucasus. In Chechnya their number constituted 23% of the total amount, whereas more than half of the assaults in 2010 were committed on the territory of Dagestan.²⁸

As an overview, the Chechen project could be seen as a successful way through which the Kremlin did not only institutionalized the order, but also contributed to the material reconstruction of the region after two devastating wars. Russia's financial assistance provided in exchange for Chechen loyalty, reconstructed the image of a new glitzy Grozny, in an effort to downplay its restive conflicts.²⁹ In the same time, this physical reconstruction has been accompanied by unconstitutional transgressions – which increased starting with May 2004, when Ramzan Kadyrov became the new head of the republic – the price

for stability consisting of Chechnya enforcing its own internal policies while massively neglecting the federal legislation and generating another form of separatism.³⁰ On one hand, the abusive policies and freeing of the rebels had facilitated the rise of the Chechen President and also conducted to the end of Russia's military operations in the region. On the other hand, they deepened the clientelistic relationship between Putin and Kadyrov, which resulted in profound interdependence between Moscow and Grozny. As the chechenization method proved viable through its palpable results – it reached apparent stability, put an end to local extremism, and actively supported loyalties to Moscow – the project based on the top-down bureaucratic system was gradually extended to Dagestan and Ingushetia, with the installation of Mukhu Aliev in March 2006 and Yunus-bek Yevkurov in 2008, respectively. In other words, the whole process of chechenization, initially intended to prevent a snowball effect, boiled down to the implementation of a system based on incentives and sanctions, strikingly similar to the carrot and stick approach described by Joseph Nye's concept of power.

III. Authority as soft power in Abkhazia and South Ossetia

Moscow's power channels in South Ossetia and Abkhazia operate differently compared to North Caucasus first of all due to the former not being officially incorporated into the Russian Federation as federal subjects. This means that Russia's opportunities for exerting its power increase due to the absence of any specific pressure derived from its national priority or stringency. In South Ossetia and Abkhazia the lack of religious extremism expressed as a cultural stronghold against Moscow constitutes an advantage for the latter to implement a soft power strategy. Along with this, the Russian-Georgian War in 2008 led to Moscow's recognition of the independence of the two republics, a move which unavoidably summoned up values such as shared history, cultural and linguistic proximity, and not ultimately economic resources. The War in August 2008 and its political consequences reignited the Abkhaz and

²⁵ President Vladimir Putin's annual address to the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Kremlin, 3 April, 2001. [On-line]: <http://www.russiaconsulmumbai.mid.ru/presid.html/>, (Visited on: 17.07.2015).

²⁶ Hahn Gordon M. Putin's Federal Reforms. Reintegrating Russia's Legal Space or Upsetting the Metastability of Russia's Asymmetrical Federalism p. 506. [On-line]: <http://www.gwu.edu/>, (Visited on: 17.07.2015).

²⁷ These numbers reflect the situation no further than 2013 when the data were published.

²⁸ Hahn Gordon M. apud Ware Robert Bruce. Conclusion: How Has the Caucasus Shaped Russia? *Op. cit.*, p. 178.

²⁹ Jego Marie. Welcome to 'Ramzanistan': Under an Ironfisted Ruler, Chechnya Rises Again. [On-line]: <http://content.time.com/>, (Visited on: 06.06.2015).

³⁰ The Guardian. Russia ends anti-terrorism operations in Chechnya. [On-line]: <https://www.theguardian.com/world/2009/apr/16/russia-chechnya-anti-terrorism/>, (Visited on: 12.07.2015).

Ossetian allegiance to Russia to the detriment of Georgia, but also stressed their historical affinities particularly consolidated during the Soviet process of institutions and identity building.

Russia's process of conquering and pacifying the Western Caucasus had been accomplished by the late 19th century when the danger for the existence of the Abkhaz identity stopped coming from the Russians. A new threat from that perspective defined itself during the most troubled years of Abkhaz people integrated into the Soviet Union as an autonomous republic within the Soviet Georgia, when the process of intense georgianization led by Georgian leaders such as Stalin and Beria provoked resentful feelings towards Tbilisi. The contestation of their political status within Georgia was displayed throughout the Soviet period – Abkhaz petitions had been repeatedly sent to Moscow, yet most of the times these requests were compensated by the centre through disproportional access of local Abkhaz leaders to resources, an issue much disputed between Georgians and local bureaucrats due to the privileges of the shadow economy and money transfers from Moscow.³¹ In South Ossetia this practice had been known to a lesser extent compared to Abkhazia and frictions with Georgia were not such conspicuous, however, the real confrontations between them broke over competing primacy of language in the last years of the USSR. It was followed by the issue of status which gave way to a 'war of laws' and finally South Ossetia proclaimed itself an autonomous republic, on the same level with Abkhazia. As scholarship has suggested, the Soviet ethnofederalism played a tremendous role in moulding national identities and indirectly reshaping their ethnic goals and political preferences. The unique emphasis on multinational and multicultural diversity on which the Soviet system insisted, „produced a re-configuration of the Russian-dominated space along stressed ethnic lines and articulated ethnic borders. Precisely, the empire that actually promoted although selectively ethnic particularities, created national elites and essentialized the very notion of nationality as being firmly linked to language, territory, and

blood.”³² Being organized in the official structures of the ethno-federal Soviet system, Abkhazia and South Ossetia relied on the precedence constituted by their own autonomy and political institutions and symbols which inspired mobilization and secession from a bigger ethno-territorial unit which threatened to impose on their national identity.³³ Briefly, in circumstances of ethnic insecurity, the Soviet political practices in ethno-territorial entities such as South Ossetia and Abkhazia, manifested through more prominent loyalty towards the imperial centre. For Moscow it was a measure of keeping control over such a motley and multi-layered administrative system, and consequently the Soviet central government supported more or less directly the separatist aspirations of ethnic minorities within the various union republics. An old practice which was thoroughly applied as a result of Stalin's nationality policy, it became a tradition of manipulating smaller entities against the titular nations to which they administratively belonged. In most cases, ethnic groups in Moscow's favour were enjoying political benefits translated into local elite's disproportionate access to resources and political representation to the detriment of their counterparts in the titular republic, provided the former toed the Kremlin's line. In the last years of the USSR, particularly during Zviad Gamsakhurdia's chauvinistic discourse against the nonkartvelian ethnic minorities, Moscow displayed again its favouritism towards Abkhazia and South Ossetia supporting them both politically and militarily against Tbilisi. Nowadays it has become an obvious fact that Russia's role in South Ossetia and Abkhazia is widely seen by the two republics as an legitimate authority which ensures not only physical and political security against Tbilisi, but also stability, peace, and prosperity in the region. The recognition of independence after the war

³² Agadjanian Alexander. Ethnicity, nation and religion. In: Agadjanian Alexander, Jödicke Ansgar and van der Zweerde Evert. *Op. Cit.*, p. 29.

³³ For more details on this issue, see: Gorenburg D. *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*. New York: Cambridge University Press, 2003; Hughes J. and Sasse G. *Conflicts and Accommodation in the FSU: The Role of Institutions and Regimes*. In: *Ethnicity and Territory in The Former Soviet Union. Regions in Conflict*. London: Routledge, 2010; Zürcher C. *The Post-Soviet Wars. Rebellion, Ethnic Conflict, and Nationhood in the Caucasus*. New York: University Press, 2007.

³¹ Thomas De Waal. *The Caucasus. An Introduction*. New York: Oxford University Press, 2010, p. 152.

with Georgia in August 2008 is perceived in these regions as a first major step towards international independence. Against the backdrop of Georgian nationalism, when the two ethnic groups of South Ossetians and Abkhaz had to choose possible solutions for preserving their political and cultural identities, their leaning towards the ex-imperial centre seems to be backed by Mark Suchman's definition of legitimacy as „a generalized perception or assumption that the actions of an entity are desirable, proper, or appropriate within some socially constructed system, norms, values, beliefs, or definitions.”³⁴ As Irakli Khintba stressed, Russia's role in Abkhazia „is legitimate, as it does not transgress the will of Abkhaz people.”³⁵

Since the 2008 war the heavy dependence on Russia for trade and international recognition has accentuated in both republics. Between 2009 and 2013, it has been estimated that Russian investments in Abkhazia represented 60% of the latter's annual budget, whereas in 2016 it was promised the equivalent of another sum able to cover about half of the country's budget. In addition, approximately one million Russian tourists visiting Abkhazia every year play a significant role in the region's economy; their number has noticeably grown after the Ukrainian crisis and the devaluation of the Russian currency.³⁶ Likewise, South Ossetia receives over 91% of its budget from Moscow with an increase of 19% to its 2015 budget.³⁷ What is more, an overwhelming majority of people in these two regions possess Russian passports. The application process was simplified after the war in August 2008 and consequently up to 90% of South Ossetia's population used the opportunity

to acquire Russian citizenship.³⁸ Along with these, Russian culture permeates most aspects of daily life in both regions, Russian television can be universally received and, in recent years, younger generations are massively opting for Russian universities in order to get a more prosperous future.

One of the consequences of the post-Soviet wars against Tbilisi is the impact on national image that public discourses in Tskhinvali and Sukhumi have adopted in accordance with their national interests. As the selection and interpretation of history bolsters the national identity and determines other important issues such as the evaluation of certain states as friends or enemies,³⁹ the common Soviet history in both Abkhazia and South Ossetia acts as a political dichotomy of portraying the negative policies of Georgians as opposed to the beneficial ones coming from Moscow. These are deduced not only from material aspects represented by demographic statistic or economic incentive, but also from higher risk indicators which may affect their social development in the long run. As many Abkhaz and South Ossetians tend to believe, especially after the last war with Georgia, Russians compared to Georgians are less likely to burn down their homes. According to recent survey, over 75% of the Abkhaz, Armenians and Russian in Abkhazia and Ossetians in South Ossetia want the Russian troops on their territory to “remain forever.”⁴⁰

IV. Conclusions

The way that Moscow deploys its power in the regions of frozen conflicts in the Caucasus is strictly dictated by Russia's priority to counteract the disintegrative process initiated by the Soviet collapse. Its lack of well-defined strategies and ideologies concerning the implementation of

³⁴ Suchman Mark. *Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches*. *Academy of Management Review*. 1996, Vol. 20, nr. 3, p. 571-610.

³⁵ Interview with the Deputy Foreign Minister I.R.Khintba for the magazine *Kommersant-Vlast*. [On-line]: <http://abkhazworld.com/aw/interview/83-interview-with-the-deputy-foreign-minister-ir-khintba-for-the-magazine-kommersant-vlast> (Visited on: 10.12.2015).

³⁶ Achba Astamur. *Abkhazia – Russia's tight embrace*. In: *European Council of Foreign Relations*. [On-line]: http://www.ecfr.eu/article/essay_abkhazia_russias_tight_embrace/ (Visited on: 09.01.2017).

³⁷ *Economics Not Impacting Russian Support for Georgian Separatists*. [On-line]: <http://www.eurasianet.org/node/72066/>, ((Visited on: 06.11.2016).

³⁸ *Russian Federation: Legal Aspects of War in Georgia*. In: *Library of Congress*. [On-line]: <https://www.loc.gov/law/help/russian-georgia-war.php>, ((Visited on: 06.11.2016).

³⁹ Abdolreza Farajirad. Asaad Khezerzade. *Russia's Foreign Policy towards the Caucasus under Vladimir Putin*. In: *Central Asia and the Caucasus*. 2010, Volume 11, Issue 4.

⁴⁰ Toal Gerard and O'Loughlin John. *How people in South Ossetia, Abkhazia, and Transnistria feel about annexation by Russia* In: *The Washington Post*. [On-line]: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2014/03/20/how-people-in-south-ossetia-abkhazia-and-transnistria-feel-about-annexation-by-russia/?utm_term=.4615e682f313, (Visited on: 14.04.2016).

power in these regions can be mainly explained by the latter's own peculiarities and paths through which they predetermine Kremlin's political adjustments, inasmuch as they do not derogate from Russia's national goal. This is the case of Northeastern Caucasus, where Moscow's policies to fight Islamic fundamentalism and terrorism have resulted in a power system based on incentives and sanctions. Nevertheless, as consequences of this process in Chechnya registered higher living standards and post-war reconstruction, it is considered a success model not only in terms of Russia's political accomplishments. Neighbouring states such as Dagestan and Ingushetia look up at the Chechen model and this could act as a cultural intermediation of Russia's soft power – to extrapolate Joseph Nye's example on cultural proximity in China – one could „live like them in a few years”.⁴¹ The most evident traits of chechenization in Northeastern Caucasus are elements of hard power as Moscow's goals to preserve the unity and stability of the Russian state have been achieved through the use of military and economic means. However, the elements of soft power are noticeable in the region, and Russia uses its advantages over an ultra-conservative society as a bastion of anti-Western decadent values. Apart from political values, the widespread use of Russian as the language of communication represents a significant soft power tool to support the well-equipped media outlets. Not to mention that in a region where poverty, unemployment and corruption plague the whole society, the power of attraction is largely determined by material and economic values, and also by the authority which generates those values. Approaching the issue this way, Moscow's strategies in the Northeastern Caucasus fit Nye's description of smart power – „the combination of hard power of coercion and payment with the soft power of persuasion and attraction.” The phenomenon is even more present in South Ossetia and Abkhazia, where Russia's power of attraction does not encounter any form of cultural or religious resistance. On the contrary, the strong Soviet legacy which awoke in conjunction with Georgia's nationalism, acts as a consolidative factor between the two regions and Moscow.

⁴¹ Joseph S. Nye, Jr. The Future of Power. In: Public Affairs, New York 2011, p. 85.

Bibliography:

1. „Разговор с Константином Косачевым: Россия поддерживает свой авторитет в мире „мягкой силой”. In: Russian Center of Science and Culture. [On-line]: <http://ind.rs.gov.ru/en/node/2065> (Visited on: 10.03.2016).
2. Abdolreza Farajirad. Asaad Khezrziade. Russia's Foreign Policy towards the Caucasus under Vladimir Putin. In: Central Asia and the Caucasus. 2010, Volume 11, Issue 4.
3. Achba Astamur. Abkhazia – Russia's tight embrace. In: European Council of Foreign Relations. [On-line]: http://www.ecfr.eu/article/essay_abkhazia_russias_tight_embrace/ (Visited on: 09.01.2017).
4. Tsygankov Andrey. Scholar research brief: Honor in International Relations: Russia and the West from Alexander to Putin, San Francisco State University, September 2010. 8 p.
5. Bugajski Janusz. Cold Peace. Russia's New Imperialism. Westport: Praeger Publishers, 2004, p. 4.
6. Economics Not Impacting Russian Support for Georgian Separatists. [On-line]: <http://www.eurasianet.org/node/72066/>, (Visited on: 06.11.2016).
7. Treisman Daniel. Why Putin took Crimea. In: Foreign Affairs. May-June 2016, Volume 95, Number 3, p. 47-54.
8. Koshkin Pavel. What are the Kremlin's new red lines in the post-Soviet space? In: Russia Direct, 25 August 2015. [On-line]: <http://www.russia-direct.org/what-are-kremlins-new-red-lines-post-soviet-space>, (Visited on: 15.04.2016).
9. Gutkin Mikhail, Gusev Sergey. Есть ли у России «мягкая сила»? [On-line]: <http://www.golos-ameriki.ru/content/russia-soft-power/2969349.html>, (Visited on: 24.02.2016).
10. Hahn Gordon M. apud Ware Robert Bruce. Conclusion: How Has the Caucasus Shaped Russia?
11. Hahn Gordon M. Putin's Federal Reforms. Reintegrating Russia 's Legal Space or Upsetting the Metastability of Russia 's Asymmetrical Federalism, p. 506. [On-line]: <http://www.gwu.edu/>, (Visited on: 17.07.2015).
12. Interview with the Deputy Foreign Minister I.R.Khintba for the magazine Kommersant-Vlast. [On-line]: <http://abkhazworld.com/aw/interview/83-interview-with-the-deputy-foreign-minister-ir-khintba-for-the-magazine-kommersant-vlast> (Visited on: 10.12.2015).
13. Jago Marie. Welcome to 'Ramzanistan': Under an Ironfisted Ruler, Chechnya Rises Again. [On-line]: <http://content.time.com/>, (Visited on: 06.06.2015).
14. Joseph S. Nye, Jr. The Future of Power. In: Public Affairs, New York, 2011. 320 p.
15. Kornilov Alexandre, Makarychev Andrey. Russia's soft power in the South Caucasus. Discourses, communication, hegemony. In: Agadjanian Alexander, Jödicke Ansgar and van der Zweerde Evert. Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus. London: Routledge, 2015, p. 238-254.
16. Laruelle Marlene. The „Russian World”. Russia's soft power and geopolitical imagination. In: Center of Global Interest, Washinton DC, [On-line]:

- <http://globalinterests.org/wp-content/uploads/2015/05/FINAL-CGI-Russian-World-Marlene-Laruelle.pdf> (Visited on: 13.03.2016).
17. Markedonov Sergei. Yeltsin's complicated legacy in the Caucasus. [On-line]: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/sergei-markedonov/yeltsin%E2%80%99s-complicated-legacy-in-caucasus>, (Visited on: 06.06.2015).
18. Meeting of the Valdai International International Discussion Club, 19 September 2013. [On-line]: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/19243>, (Visited on: 11.03.2016).
19. Nye Joseph S. Jr. Think Again: Soft Power. In: Foreign Policy, 23 February 2006. [On-line]: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/> (Visited on: 14.04. 2015).
20. Osipova Yelena. „Russification” of „Soft Power”: Transformation of a Concept. In: Exchange: The Journal of Public Diplomacy. 2014, Volume 5 , Issue 1, Article 5, p. 56-76.
21. Petro Nikolai. Russia's Orthodox Soft Power. In: Carnegie Council for Ethics in International Affairs. [On-line]: http://www.carnegiecouncil.org/publications/articles_apers_reports/727, (Visited on: 10.03.2016).
22. President Vladimir Putin's annual address to the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Kremlin, 3 April, 2001, [On-line]: <http://www.russiaconsulmumbai.mid.ru/presid.html/>, (Visited on: 17.07.2015).
23. Russian Federation: Legal Aspects of War in Georgia. In: Library of Congress. [On-line]: <https://www.loc.gov/law/help/russian-georgia-war.php>, (Visited on: 06.11.2016).
24. Slobodchikoff Michael O. Building Hegemonic Order Russia's Way. Order, Stability, And Predictability in the Post-Soviet Space. London: Lexington Books, 2014. 212 p.
25. Suchman Mark. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches. Academy of Management Review. 1996, Vol. 20, nr. 3, p. 571-610.
26. The Guardian. Russia ends anti-terrorism operations in Chechnya. [On-line]: <https://www.theguardian.com/world/2009/apr/16/russia-chechnya-anti-terrorism/> (Visited on: 12.07.2015).
27. Thomas De Waal. The Caucasus. An Introduction. New York: Oxford University Press, 2010, p. 152.
28. Toal Gerard and O'Loughlin John. How people in South Ossetia, Abkhazia, and Transnistria feel about annexation by Russia In: The Washington Post. [On-line]: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2014/03/20/how-people-in-south-ossetia-abkhazia-and-transnistria-feel-about-annexation-by-russia/?utm_term=.4615e682f313 (Visited on: 14.04.2016).
29. Tsygankov Andrei. Russia's International Assertiveness. In: Problems of Post-Communism. March-April 2008, Volume 55, nr. 2, p. 38-55.
30. Ware Robert Bruce. Conclusion: How Has the Caucasus Shaped Russia? New York, London: Bloomsbury Academic, 2013. xii + 337 p.
31. Ильина Александра, Петрова Анастасия. Около Руля. В: Московские новости. [On-line]: <http://www.mn.ru/politics/86794>, (Visited on: 08.05.2013).
32. [On-line]: <http://valdaiclub.com/about/valdai/> (Visited on: 11.03.2016).

Copyright©CHELARU Valeria, 2017.

Contacts / Contacte / Контакты:

Str. Paris 24 B, et. III., ap. 4,
Cluj-Napoca, Romania
Tel. 00 40 741 798 420

Email: valeria.a.chelaru@gmail.com



Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2017, Issue 1, Volume 12, Pages 86-92.

ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963

Submitted: 15. 11. 2016 | Accepted: 15.02. 2017 | Published: 30.03. 2017

**TRIBUNA TÎNĂRULUI CERCETĂTOR
THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**PARTICULARITĂȚILE REALIZĂRII DREPTULUI LA INIȚIATIVĂ LEGISLATIVĂ DE
CĂTRE COMISIA EUROPEANĂ***

**THE PECULIARITIES OF REALIZATION OF THE RIGHT TO LEGISLATIVE
INITIATIVE BY THE EUROPEAN COMMISSION**

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ
ЕВРОПЕЙСКОЙ КОМИССИЕЙ**

DRUȚĂ Natalia** / DRUTA Natalia / ДРУЦЭ Наталья

ABSTRACT:

**THE PECULIARITIES OF REALIZATION OF THE RIGHT TO LEGISLATIVE INITIATIVE
BY THE EUROPEAN COMMISSION**

The European commission is an integral part of the „institutional triangle” of the European Union, promoting the general interest of the Union. Proceeding from its position of „guardian of the treaties” the Commission assigned a few fundamental functions, such as: the general function of the initiative, the office of enforcement and compliance of european legislation, the function of the decision but also the function of representation of the community. Thus, the purpose of this article is about the general presentation of the Commission's position in the process of initiation of european legislation.

Keywords: European Law, European Commission, legislative initiative, legislative procedure.

JEL Classification: K33

РЕЗЮМЕ:

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ
ЕВРОПЕЙСКОЙ КОМИССИЕЙ**

Европейская комиссия является составной частью «институционального треугольника» Европейского союза, что способствует общим интересам союза. Исходя из своей позиции «хранителя

* Articolul a fost perfectat în cadrul Proiectului instituțional 15.817.06.10F al ICJP al AȘM „Redimensionarea politicii externe și interne a Republicii Moldova din perspectiva evoluției proceselor integraționiste și modificărilor geopolitice a sistemului internațional”. / Статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта Института юридических и политических исследований АН Молдовы 15.817.06.10F «Переосмысление внешней и внутренней политики Республики Молдова с перспективой эволюции интеграционных процессов и геополитических изменений международной системы». / The article is made within the framework of a Research project of the Institute of Legal and Political Studies of the Academy of Sciences of Moldova 15.817.06.10F „Rethinking foreign and domestic policy of the Republic of Moldova from the perspective of the evolution of the integration process and the geopolitical changes in the international system”.

** **DRUȚĂ Natalia** — Doctorand, Asistent Științific Stagiar în cadrul Institutului de Cercetări Juridice și Politice al AȘM. (Chișinău, Republica Moldova). / **DRUTA Natalia** — Ph.D Student, Scientific Assistant trainee at the Institute of Legal and Political Researches of the Academy of Sciences of Moldova (Chisinau, The Republic of Moldova). / **ДРУЦЭ Наталья** — Аспирант, научный ассистент стажер в рамках Института юридических и политических исследований АМН (Кишинев, Республика Молдова). E-mail: drutanata@yahoo.com

договоров» на Комиссию возлагается несколько основных функций, таких как: функция общей инициативы, исполнения и соблюдения европейского законодательства, принятия решений, а также представительства общества. Таким образом, цель настоящей статьи сводится к обзору положений Комиссии в рамках процесса запуска европейского законодательства.

Ключевые слова: европейское право, Европейская Комиссия, законодательная инициатива, законодательная процедура.

JEL Classification: K33

УДК: 341.2; 341.231.14

REZUMAT:

PARTICULARITĂȚILE REALIZĂRII DREPTULUI LA INIȚIATIVĂ LEGISLATIVĂ DE CĂTRE COMISIA EUROPEANĂ

Comisia Europeană este parte integrantă a „triumghiului instituțional” al Uniunii Europene, ce promovează interesul general al Uniunii. Reieșind din poziția sa de „gardian al tratatelor” Comisiei îi revin câteva funcții fundamentale, precum: funcția generală de inițiativă, funcția de executare și respectare a legislației europene, funcția de decizie dar și funcția de reprezentare a comunității. Astfel, scopul prezentului articol se rezumă la prezentarea generală a poziției Comisiei în cadrul procesului de inițiere a legislației europene.

Cuvinte cheie: drept european, Comisie Europeană, inițiativă legislativă, procedură legislativă.

JEL Classification: K33

CZU: 341.2; 341.231.14

În procesele legislative clasice ce se desfășoară în cadrul statelor, actorii procesului legislativ sunt, de regulă, guvernul și parlamentul care sunt abilitate cu dreptul de a înainta inițiativă legislative, fie de un anumit număr din membrii Parlamentului, fie de un grup politic sau chiar de deputați în mod individual. La nivelul Uniunii Europene (în continuare — UE), însă, dreptul de inițiativă legislativă este rezervat prin conținutul alin. 2 al art. 17 al Tratatului privind Funcționarea Uniunii Europene aproape în totalitate Comisiei Europene (în continuare — Comisie).

În literatura de specialitate se sugerează ideea că monopolul asupra dreptului de inițiativă legislativă al Comisiei s-a înrădăcinat ca urmare a insuficienței de încredere în procesul politic al Europei postbelice¹. Drept consecință, integrarea europeană și identificarea „interesului general” al Comunităților au fost încredințate unei autorități tehnocrate, ale cărei decizii urmau să fie legitimate prin expertiză dar și prin performanțe².

¹ Poptcheva Eva-Maria. Parliament's legislative initiative. Library briefing. Library of the European Parliament, 2013, p. 2. [On-line]: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/bibliotheque/briefing/2013/130619/LDM BRI \(2013\) 130619_REV2_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/bibliotheque/briefing/2013/130619/LDM BRI (2013) 130619_REV2_EN.pdf). (Vizitat la: 20.08.2016).

² Kaczyński Piotr Maciej, Peadar ó Broin. The Treaty of Lisbon: A Second Look at the Institutional Innovations. CEPS, Brussels, 2010, p. 53.

Tratatul de la Lisabona a păstrat și a reafirmat „dreptul de inițiativă” cvasi-exclusiv al Comisiei și, prin urmare, acesta o plasează, teoretic, în avangarda dezvoltării politicilor. Comisia Europeană cu rolul său de inițiator al legislației a fost descrisă de unii ca fiind o instituție de pionierat care a îndrăznit să împingă limitele puterii sale formale dincolo de ceea ce i-a fost inițial destinat prin tratate³.

Monopolul supranațional asupra puterii de inițiativă a fost considerată ca o garanție a imparțialității și expertizei asupra propunerilor de politici care au fost înaintate în atenția ramurii legislative a ceea ce este cunoscut sub numele de „triumghiul instituțional” al Uniunii Europene, format din Comisie, Consiliul de Miniștri, și, cu un rol în continuă creștere de-a lungul anilor în calitate de colegiator, Parlamentul European.

Pentru o mai bună înțelegere a problematicii analizate considerăm esențial revederea pe scurt a principalelor funcții ale Comisiei, astfel cum se subliniază în tratate. Așadar, tratatele atribuie Comisiei competența de a urmări interesul general al Comunității prin intermediul a trei sarcini principale:

1) cvasi-monopolul exclusiv cu privire la inițiativa legislativă, care este elementul de bază

³ Nugent Neill. At the heart of the Union: Studies of the European Commission. Basingstoke: Palgrave, 2000, p. 203.

al așa-numitei *metode comunitare*⁴. Conform acestui principiu, Consiliul de Miniștri și Parlamentul European poate legifera numai în baza unei propuneri a Comisiei. În orice condiții, Consiliul (și Parlamentul European) nu pot denatura conținutul și domeniul de aplicare al propunerii Comisiei;

2) rolul de „gardian al tratatelor”, cu scopul de a se asigura că atât tratatele cât și legislația secundară sunt puse în aplicare în mod corect. În acest rol, Comisia poate demara proceduri judiciare cu atragerea statelor membre sau a altor instituții în fața Curții de Justiție;

3) sarcina de a pune în aplicare legislația, prin adoptarea unor măsuri executive, cu excepția cazurilor specifice în care Consiliul de Miniștri își rezervă această putere.

Comisia își exercită puterea de inițiativă legislativă bazându-se pe trei capacități principale: *dreptul exclusiv de inițiativă legislativă*, *competența de a modifica propuneri*, precum și *competența de a retrage propuneri*.

Dreptul exclusiv de inițiativă legislativă. Prin reglementările Tratatului de la Lisabona Comisiei i se conferă o independență ce-i acordă o „poziție unică” pentru a legitima interesul general al Comunității. Acest interes nu a fost conceput ca o sumă a intereselor naționale ale statelor membre, interesul predominant al unuia dintre statele membre mari, sau cel al statelor membre fondatoare. Mai degrabă, Comisia trebuie să fie în măsură să adopte propuneri legislative care să se bazeze pe cele mai avansate legislații naționale sau pe reglementări inovatoare, care ar urmări interesul întregii Uniuni. Acesta este principalul motiv pentru care — în mod diferit de practica națională - Parlamentul European nu a fost conceput ca inițiator al procesului legislativ, deoarece sunt cazuri când statele membre mici nu

sunt suficient reprezentate pentru a-și apăra interesele proprii.

Cu toate acestea, Parlamentul European, și Consiliul, au dreptul de a invita Comisia să prezinte propuneri legislative. În timp ce acest drept de inițiativă „indirectă” nu creează obligația pentru Comisie de a propune legislația solicitată, Tratatul de Lisabona a codificat obligația Comisiei de a furniza motive pentru orice refuz de a urma o inițiativă parlamentară.

În cazul în care Comisia răspunde afirmativ la cererea de acțiune legislativă din partea celorlalte instituții, decizia modului în care aceasta va proiecta măsurile de inițiativă îi aparțin. Prin urmare, la elaborarea de propuneri legislative, chiar dacă la cerere, Comisia își menține o putere considerabilă de a modela măsurile speciale și, prin urmare, în mod indirect de orientare a politicilor de dezvoltare.

Propunerile de politici sunt considerate drept o manifestare a puterii de inițiativă a Comisiei, indiferent de originea lor instituțională exactă. Cu toate acestea, doar câteva dintre propunerile Comisiei (în jur de 5%) sunt încă adoptate ca urmare a unor inițiative autonome luate de serviciile Comisiei (Direcțiile Generale), în urma consultărilor formale și informale cu reprezentanții grupurilor de interese, experți naționali, organizațiile societății civile, sau o contribuție politică expresă a comisarilor. Comisia s-a angajat tot mai mult în elaborarea propunerilor legislative ca răspuns la cererile primite de la alte instituții, cum ar fi Parlamentul European, Curtea de Justiție a Uniunii Europene și Consiliul European, sau în cadrul planurilor de lucru multianuale. În ultimele două decenii, în mod special, cele mai multe dintre propunerile adoptate de Comisie au răspuns într-un fel la concluziile Consiliului, consolidarea unui nou pas informal în procesul de politică care are în mod semnificativ „au limitat puterea Comisiei de a iniția în mod autonom propuneri legislative”⁵. Cu alte cuvinte, decizia de a legifera la nivel european este o responsabilitate partajată între instituții, în timp ce Comisia are putere discreționară asupra conținutului propunerii sale.

Cartografierea adevăratelor origini ale unei propuneri de politică este o sarcină dificilă care

⁴ Această expresie este cel mai des folosită pentru a caracteriza modalitatea normală de luare a deciziilor în cadrul UE, care este foarte diferită de modalitatea normală de luare a deciziilor internaționale, interguvernamentale.

Metoda comunitară este bazată pe decizii luate printr-un acord între guvernele Statelor Membre care trebuie să nu fie unanime întotdeauna. Prin urmare, statele individuale pot să fie forțate să adopte o decizie împotriva căreia au votat. Această modalitate supranațională de luare a deciziilor este bazată pe o inițiativă din partea Comisiei Europene și un vot de majoritate calificată în cadrul Consiliului. Formă tradițională a cooperării internaționale cere în mod normal unanimitate printre statele participante. [On-line]: <http://ro.euabc.com/word/202> (Vizitat la: 04.01.2017).

⁵ Ponzano Paolo. Le droit d'initiative législative de la Commission européenne: théorie et pratique. Dans: Revue des Affaires européennes/Law & European Affairs. 2009-2010, Issue 1, p. 27-35.

necesită analiza unei rețele de influențe deseori greu de clarificat. Așadar, atunci când o propunere legislativă este în cele din urmă adoptată de Colegiul comisarilor, aceasta ar trebui să cristalizeze voința și preferințele acestei comisii în calitate de inițiator al legislației europene.

Așadar, Comisia înaintează propuneri pentru a-și îndeplini obligațiile care îi revin în baza tratatelor UE sau pentru că o altă instituție europeană, o țară sau o parte interesată sau cetățenii organizați îi cer să acționeze, cu excepția unor drepturi de inițiativă specială.

Însă, înainte de a prezenta propunerile, Comisia organizează consultări, pentru a se asigura că sunt luate în considerare opiniile tuturor părților interesate. În cele mai multe cazuri, propunerea se publică împreună cu un studiu de evaluare a impactului economic, social și de mediu pe care inițiativa l-ar putea avea. În același timp, este necesar să fie luate în considerare tendințele existente la nivel european și posibilele implicații ale noilor acte legislative. În baza principiilor subsidiarității și proporționalității dar și a drepturilor fundamentale, UE poate legifera doar atunci când măsurile luate la nivel european sunt mai eficiente decât cele luate la nivel național, regional sau local și doar atât cât este necesar pentru a atinge obiectivele stabilite. Comisia identifică domeniile legislative ce ar necesita îmbunătățiri. De asemenea, în cazul noilor propuneri de politici și norme, se concentrează asupra acțiunilor în care intervenția UE ar fi cu adevărat necesară dar și asupra eficienței acestora. Doar cu aplicarea acestor principii, Comisia își va putea realiza obiectivele cu costuri și resurse administrative minime.

Cooperarea și informarea corectă încă din etapele inițiale ale procesului legislativ permite organelor competente identificarea unor soluții la probleme similare, cu menținerea standardelor și obiectivelor de politică ale fiecărei părți. Deopotrivă, Comisia mai colaborează și cu alți parteneri în ceea ce privește reglementarea, atât în cadrul dialogurilor multilaterale (de exemplu cu Organizația Națiunilor Unite, Organizația pentru Cooperare și Dezvoltare Economică, Banca Mondială etc.), cât și în cadrul dialogurilor bilaterale⁶.

În momentul în care Comisia își planifică o anumită inițiativă legislativă, aceasta utilizează așa-numitele *foi de parcurs* (roadmaps) pentru a descrie problema care se dorește a fi soluționată și obiectivele care ar trebui atinse, explică motivele pentru care este necesară intervenția UE, prezintă opțiuni de politică și prevede principalele linii ale strategiei de consultare. Acestea oferă, de asemenea, o trecere în revistă a diferitelor etape planificate în dezvoltarea inițiativei, inclusiv prin consultarea părților interesate și a activității de evaluare a impactului. În cazul în care o evaluare a impactului nu va fi efectuată, foaia de parcurs explică motivul.

De asemenea, foile de parcurs permit părților interesate să se informeze cu privire la activitatea Comisiei și să se implice cu aprecieri în stadiu incipient, precum și să-și planifice și organizeze participarea lor în cadrul consultărilor publice.

Inițiativele care nu pot avea efecte directe semnificative, nu necesită o foaie de parcurs.

Uneori, impactul potențial al unei norme sau al unei politici asupra economiei, mediului sau societății este atât de important, încât este necesară o evaluare a impactului. În astfel de cazuri, nu se mai realizează o foaie de parcurs, ci o *evaluare inițială a impactului (studiu de impact)*, care este mai informativ.

Scopul acestor studii este analiza profundă a problemei ce trebuie soluționată, necesitatea intervenției UE și potențialele efecte economice, sociale și de mediu ale diferitelor soluții propuse. Comisia trebuie ia în calcul rezultatele studiului de impact anterior transmiterii propunerii.

La realizarea unui astfel de studiu poate contribui oricine ar putea fi afectat direct sau indirect de o reglementare sau politică existentă sau inițiată. Poate fi vorba de autorități publice, întreprinderi, organizații ale societății civile sau persoane fizice. Uneori, Comisia solicită cunoștințe de specialitate într-un anumit domeniu sau vizează anumite grupuri de părți interesate prin: consultări, reuniuni, ateliere, seminarii, forumuri de discuții on-line etc.

Studiile de impact mai examinează și posibilul impact al fiecărei soluții disponibile.

o mai bună legiferare”. În: Jurnalul Oficial al Uniunii Europene. 2016, L 123, p. 5. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/ro/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2016:123:FULL&from=EN> (Vizitat la: 03.10.2016).

⁶ Acordul interinstituțional între Parlamentul European, Consiliul Uniunii Europene și Comisia Europeană „Privind

Rezultatele studiilor de impact cu toate că sunt utilizate de Comisie și în faza de pregătire a propunerilor legislative mai sunt utilizate apoi și în cadrul procesului decizional.

Acestea ar trebui să evidențieze soluții alternative și, dacă este posibil, costurile și potențiale beneficii pe termen scurt și lung, evaluând consecințele economice, sociale și de mediu în mod integral și echilibrat, utilizând atât analize calitative, cât și cele cantitative. Poate fi vorba despre:

- propuneri legislative;
- inițiative nelegislative (de exemplu, programe financiare, recomandări pentru negocierea acordurilor internaționale);
- acte de punere în aplicare și/sau acte delegate⁷.

Evaluările impactului constituie un instrument menit să ajute cele trei instituții să adopte decizii în deplină cunoștință de cauză și nu înlocuiesc deciziile politice din cadrul procesului decizional democratic. Acestea nu trebuie să genereze întârzieri nejustificate în procesul legislativ și nici să aducă prejudicii capacității co-legiuitorilor de a propune modificări⁸.

Evaluările impactului ar trebui să se bazeze pe informații corecte, obiective și complete și să fie proporționale cu sfera lor de aplicare și cu obiectivele urmărite⁹.

În cadrul realizării propriului proces de evaluare a impactului, Comisia va depune efort în vederea desfășurării unor consultări cât mai extinse. *Comitetul de control normativ*¹⁰ fiind organul specializa al Comisiei Europene ce

garantează calitatea evaluărilor impactului printr-o procedură de verificare a acestora. Rezultatele finale ale evaluărilor impactului împreună cu inițiativa adoptată de către Comisie și avizul (avizele) Comitetului de control normativ, sunt puse la dispoziția Parlamentului European, Consiliului și parlamentelor naționale fiind făcute publice.

Competența de a modifica propuneri. Comisia poate veni cu completări ale propriei evaluări a impactului sau realizarea unor lucrări analitice pe care le consideră necesare, și ulterior prezentării inițiativei Parlamentului European, Consiliului și parlamentelor naționale, atât din proprie inițiativă, cât și la invitația Parlamentului sau a Consiliului. Însă, Comisia trebuie să ia în considerație etapa la care s-a ajuns în procesul legislativ pentru a evita întârzierile nejustificate în respectivul proces, colegiuitorii luând în considerare toate informațiile furnizate suplimentar de Comisie în acest context.

În acest sens, Comisia Europeană poate facilita adoptarea unui act legislativ de către Consiliu în cazul în care majoritatea statelor membre sunt pregătite să cadă de acord cu conținutul măsurii propuse. Cu toate acestea, în cazul în care Comisia nu este de acord cu modificările propuse și, în consecință, refuză să își modifice propunerea, un astfel de refuz declanșează o procedură de vot în cadrul Consiliului. În acest caz, Consiliul trebuie să voteze în unanimitate pentru adoptarea unui act care este diferit de conținutul inițial propus de Comisie.

Această regulă reprezintă cel de-al doilea element care definește puterea de inițiativă a Comisiei și protejează în continuare dreptul exclusiv al acesteia de a iniția legislație; în aceste condiții devine imposibilă modificarea conținutului unui text, de exemplu, în detrimentul altor state membre, pentru unele grupuri de state membre, cu excepția cazului în care Comisia aprobă modificarea sugerată. Emile Noël în lucrarea sa „*Les Rouages de l'Europe: comment fonctionnent les institutions de la communauté européenne*” subliniază: „Nu este posibil pentru Consiliu să adopte la cererea unei majorități, sau coaliții de interese, propuneri contradictorii pe problematicile respective. De asemenea, este de neconceput faptul că o majoritate în Consiliu fără acordul Comisiei, să impună unui guvern minoritar o măsură care ar afecta grav interesele esențiale ale acestuia. În cazul în care Comisia își îndeplinește corect obligațiile, aceasta nu va

⁷ Tratatul de evaluări impactului în cadrul Consiliului – orientări indicative pentru președinții grupurilor de lucru, Bruxelles, 9 iunie 2016. [On-line]: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-9790-2016-INIT/ro/pdf> (Vizitat la: 19.12.2016).

⁸ Pct. 12 din Acordul interinstituțional între Parlamentul European, Consiliul Uniunii Europene și Comisia Europeană „privind o mai bună legiferare” din 13 aprilie 2016. [On-line]: <http://www.consilium.europa.eu/ro/policies/better-regulation/> (Vizitat la: 03.10.2016).

⁹ Ibidem.

¹⁰ Comitetul de control normativ este un organism independent al Comisiei care oferă consiliere Colegiului comisarilor. El îi furnizează Comisiei servicii de sprijin și de control al calității pentru activitățile de evaluare și de realizare a studiilor de impact, emite avize și recomandări după ce examinează toate proiectele de studii de impact, evaluările majore și controalele privind adecvarea legislației existente realizate de Comisie. Prin activitatea sa, Comitetul contribuie la punerea în aplicare a „Agendei pentru o mai bună reglementare”.

accepta astfel de acțiuni, iar intervenția sa va reprezenta o garanție importantă pentru statele membre, în special cele mici care au fost întotdeauna foarte atașate de aceasta”¹¹. Atunci când nu se ajunge la un numitor comun asupra amendamentului realizat, iar conținutul propunerilor inițiale este departe de obiectivele sale inițiale, propunerea este calificată ca fiind „denaturată”.

În practică, cazurile în care Comisia refuză să modifice o propunere în prezența unei majorități calificate în Consiliu sunt foarte rare.

Competența de a retrage propuneri. Începând cu anii 1970, Comisia Europeană considera competența sa de a retrage propunerile legislative un corolar al dreptului său de inițiativă legislativă. În general, Comisia susține că poate retrage o propunere cu condiția că retragerea este justificată de același „interes general” care a stat la baza adoptării propunerii. Acest lucru semnifică faptul că aceasta poate retrage o propunere exclusiv din motive legitime și în limitele stabilite de tratat¹². O propunere poate fi retrasă de către Comisie atunci când:

- nu mai este relevantă din cauza unor evoluții externe. Când progresele științifice sau tehnice sau indiferența legiuitorului a făcut propunerea caducă și lipsită de actualitate. În astfel de cazuri, Comisia în mod regulat (la fiecare doi sau trei ani) își retrage propunerile legislative care nu mai sunt relevante și actualizate. Acest tip de retragere tehnică nu este contestată de către Consiliu. În urma lansării planului de acțiune „Pentru o mai bună legiferare” de către comisia Barroso, în septembrie 2005, aceasta a retras circa șaptezeci de propuneri pendinte din fața legiuitorilor pentru faptul că nu mai erau relevante în ceea ce privește „o mai bună strategie de reglementare” sau pe cele care tergiversau procesul decizional.;

- există un risc serios ca legiuitorul să adopte un act care depășește obiectivul propunerii;

- există un risc serios ca legiuitorul să „denatureze” conținutul propunerii, din punct de vedere istoric.

În prezent, Comisia Europeană continuă să-și exercite dreptul de retragere a propunerilor, chiar dacă ultima „retragere politică” a avut loc în 1994¹³.

Un ultim moment la care am dori să atragem atenția în cadrul acestei analize este faptul că dreptul de inițiativă legislativă înzestreaază Comisia cu un instrument strategic important cum este *actul de intermediere*, care vine să asigure respectarea tuturor intereselor în mod egal. În afară de capacitatea de a reconcilia diferite interese la elaborarea propunerilor sale legislative, Comisia poate exercita mai mult decât presiuni substanțiale asupra partenerilor de negociere prin intermediul dreptului său de a retrage sau de a modifica propunerea. Cu toate acestea, creșterea procentajului de utilizare a procedurii legislative ordinare (codecizia) a adus atingere acestei puteri, împiedicând Comisia să își retragă propunerile sale odată ce a devenit obiectul unei proceduri de conciliere între Parlamentul European și Consiliu. Mai mult decât atât, practica sporită a Consiliului de a ajunge cu Parlamentul la un acord în timpul primei și celei de a doua lecturi în cadrul procedurii de codecizie în mod clar limitează spațiul de acțiune al Comisiei, deoarece aceasta își poate susține cu greu propunerea, în cazul în care ambele instituții au căzut de acord asupra unui text diferit. În plus, responsabilitatea crescută a Comisiei față de Parlamentul European a creat în unele privințe (cel puțin vizavi de Consiliu) imaginea unei Comisii care acționează mai mult în calitate de purtător de cuvânt al Parlamentului European, decât a unui „mediator corect”. În mod similar, consultarea statelor membre — chiar înainte de adoptarea unei propuneri legislative — a creat, uneori, un sentiment similar Parlamentului European. Astfel, se poate argumenta că în rolul său de mediator, Comisia și-a pierdut o parte din influența sa. Pe parcursul ultimilor ani, cel puțin în unele debateri cum ar fi Directiva privind serviciile notariale, Parlamentul

¹¹ Noël Emile. *Les Rouages de l'Europe: comment fonctionnent les institutions de la communauté européenne*. Paris: Nathan, 1976, p. 38.

¹² Pentru a fi mai expliciti subliniem: Comisiei nu i se permite retragerea unei propuneri dacă acest fapt ar face legislatorii europeni incapabili de a adopta un act obligatoriu prevăzut de tratat, în termenele stabilite de aceasta din urmă. De exemplu: Comisia Europeană nu a putut retrage propunerile sale în ceea ce privește stabilirea prețurilor pentru produsele agricole, deoarece aceste retrageri împiedicau Consiliul să stabilească prețurile până la data de 1 aprilie a fiecărui an.

¹³ Ponzano Paolo. *La prassi del processo decisionale nella Comunità europea: il ruolo della Commissione*. În: *Il Diritto dell'Unione europea*. 1996, Volume 1, Issue 4, p. 1048.

European și-a asumat chiar și rolul de mediator între interesele divergente ale statelor membre în cadrul Consiliului.

În ciuda acestor evoluții, rolul „de lubrifiere” al Comisiei în procesul legislativ, chiar și în cadrul procedurii de codecizie, rămâne important. Expertiza sa de neegalat o face în permanență un actor indispensabil în sprijinul privind pregătirea activității legislative atât ale Parlamentului European și ale Consiliului, precum și pentru eficientizarea negocierilor lor.

Bibliografie / Bibliography:

1. Acordul interinstituțional între Parlamentul European, Consiliul Uniunii Europene și Comisia Europeană „Privind o mai bună legiferare”. În: Jurnalul Oficial al Uniunii Europene. 2016, L 123. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/ro/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2016:123:FULL&from=EN> (Vizitat la: 03.10.2016).
2. Kaczyński Piotr Maciej, Peadar ó Broin. The Treaty of Lisbon: A Second Look at the Institutional Innovations. CEPS, Brussels, 2010. 204 p.
3. Noël Emile. Les Rouages de l'Europe: comment fonctionnent les institutions de la communauté européenne. Paris: Nathan. 1976. 138 p.
4. Nugent Neill. At the heart of the Union: Studies of the European Commission, Basingstoke: Palgrave, 1997. xiii + 345 p.

5. Ponzano Paolo. La prassi del processo decisionale nella Comunità europea: il ruolo della Commissione. In: Il Diritto dell'Unione europea. 1996, Volume 1, Issue 4, p. 1029-1048.

6. Ponzano Paolo. Le droit d'initiative législative de la Commission européenne: théorie et pratique. Dans: Revue des Affaires européennes/Law & European Affairs. 2009-2010, Issue 1, p. 115-130.

7. Poptcheva Eva-Maria. Parliament's legislative initiative. Library briefing. Library of the European Parliament, 2013. 8 p. [On-line]: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/bibliotheque/briefing/2013/130619/LDM_BRI\(2013\)130619_REV2_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/bibliotheque/briefing/2013/130619/LDM_BRI(2013)130619_REV2_EN.pdf). (Vizitat la: 20.08.2016).

8. Sandholtz Wayne, Sweet Alec Stone (eds). European Integration and Supranational Governance. In: Journal of European Public Policy. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998, p. 297-315.


9. [On-line] <http://ro.euabc.com/word/202> (Vizitat la: 04.01.2017).

Copyright©DRUȚĂ Natalia, 2017.

Contacte / Contacts / Контакты:

Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM
Bd. Ștefan cel Mare, 1,
MD-2001, Chișinău, Republica Moldova.

E-mail: drutanata@yahoo.com

 <p>REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE Chișinău, Republica Moldova</p>	<p>Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений</p> <p>2017, Issue 1, Volume 12, Pages 93-100. ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963 Submitted: 15. 11. 2016 Accepted: 15.02. 2017 Published: 30.03. 2017</p>
---	--

**TRIBUNA TÎNĂRULUI CERCETĂTOR
THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

МЕДИАЦИЯ – ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

MEDIATION IS AN EFFECTIVE WAY OF RESOLVING DISPUTES

MEDIEREA – MODALITATE EFICIENTĂ DE SOLUȚIONARE A LITIGIILOR

СУРМА Людмила* / SURMA Liudmila / SURMA Liudmila

ABSTRACT:

MEDIATION IS AN EFFECTIVE WAY OF RESOLVING DISPUTES

Under the modern conditions, the alternative dispute resolutions (ADRs) are broadly used worldwide. Within the EU it is thought that the provision of rule of law as well as better access to justice has to include access to both judicial and non-judicial methods of dispute resolution. Therefore, mediation is likely to be one of the highest demand and most dynamically developing ADR.

In this paper author presents her view on the modern existing methods of dispute resolution between the parties in the field of civil, family, economic, business and cross-border legal relations. Moreover, author puts an emphasis on mediation as one of the most efficient and economically beneficial ways of dispute resolution for parties.

Key words: mediation, alternative dispute resolution, mediation clause, arbitration clause, judicial process, law on mediation, the parties to the mediation Directive, UNCITRAL.

JEL Classification: F29, K33

РЕЗЮМЕ:

МЕДИАЦИЯ – ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Во всем мире активно используются альтернативные государственному судопроизводству способы разрешения споров (Alternative dispute resolution, ADR). В Европейском союзе преобладает мнение, что обеспечение верховенства права и лучшего доступа к правосудию должно включать доступ как к судебным, так и к внесудебным методам урегулирования споров. И, пожалуй, одним из наиболее востребованных и динамично развивающихся ADR является медиация.

В данной работе автор рассказывает о существующих на сегодняшний день способах разрешения спора между сторонами в области гражданских, семейных, экономических, правоотношений в сфере бизнеса, а также в трансграничных правоотношениях. При этом, автор выделяет медиацию, как один из самых эффективных и экономических выгодных для сторон спора, способов его разрешения.

Ключевые слова: медиация, альтернативные способы разрешения споров, медиативная оговорка, арбитражная оговорка, судебный процесс, законодательство о медиации, стороны медиации, директива, ЮНСИТРАЛ.

* **SURMA Liudmila** — Doctorand, Facultatea de Relații Internaționale, Universitatea de Economie din Bratislava (Bratislava, Republica Slovacă). / **SURMA Liudmila** — PhD Student, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava (Bratislava, The Slovak Republic). / **СУРМА Людмила** — Аспирант, факультет международных отношений, Экономический университет в Братиславе (Братислава, Словацкая Республика). **E-mail:** liudmila.surma@euba.sk

JEL Classification: F29, K33

УДК: 327.39, 341.222.6

REZUMAT:

MEDIEREA — MODALITATE EFICIENTĂ DE SOLUȚIONARE A LITIGIILOR

În întreaga lume sunt utilizate alternativ de stat în procesul penal modalitățile de soluționare a litigiilor (Alternative dispute resolution, ADR). În Uniunea Europeană prevalează de părere că asigurarea supremației legii și un acces mai bun la justiție ar trebui să includă accesul atât la judecată, cât și extrajudiciară metodele de soluționare a litigiilor. Și, probabil, una dintre cele mai căutate și dinamic în curs de dezvoltare ADR este medierea.

În această lucrare, autorul vorbește despre existente în prezent modalitățile de soluționare a litigiului între părți în domeniul civile, familiale, economice, a raporturilor de drept în domeniul de afaceri, precum și în raporturile juridice transfrontaliere. În acest sens, autorul evidențiază de mediere, ca unul dintre cele mai eficiente și economice avantajoase pentru părțile în litigiu, modalități de soluționare a acestuia.

Cuvinte cheie: mediere, modalități alternative de soluționare a litigiilor, медиативная clauză, clauza de arbitraj, litigii, legislația cu privire la mediere, părțile de mediere, directiva, UNCITRAL.

JEL Classification: F29, K33

CZU: 327.39, 341.222.6

Способы разрешения спора.

На сегодняшний день условия экономической свободы, глобализация общества и развитие мировой экономики — все это безусловно ведет к росту конфликтных ситуаций и споров между участниками различных правоотношений: в бизнесе, в гражданско-правовой, трудовой, уголовной, семейной и других сферах. Суды являются основным и самым распространенным способом рассмотрения и урегулирования споров. Но во многих странах судебная система настолько перегружена, что возникает необходимость обращения к иным способам разрешения споров и их урегулирования. Возникает необходимость внедрения и развития способов, механизмов и методов, с помощью которых бы эти споры в сфере трудовых, гражданских, семейных, уголовных, корпоративных, экономических, административных, бизнес отношений могли решаться мимо или до суда.

Помимо суда существуют такие способы разрешения споров, как: арбитраж, медиация. Если сравнивать различные варианты, с помощью которых возможно урегулирование споров, необходимо исходить из таких оценок их эффективного рассмотрения, как: конфиденциальность, доступность регламентации процедуры рассмотрения спора, обязательность для сторон,

участвующих в споре оговорки о применении той или иной соответствующей процедуры, и, конечно, не мало важно, учитывать расходы, которые приходится нести сторонам при рассмотрении спора или урегулировании конфликта.

Для выбора адекватного способа разрешения спора либо урегулирования конфликта необходимо учитывать не только специфику, достоинства и недостатки того или иного способа правового урегулирования спора, но и его процессуальную специфику, сложившиеся отношения между сторонами, а также следующие критерии:

1) цель (материально-правовой результат), которую стремятся достичь стороны (сторона) при его использовании того либо иного способа урегулирования конфликта: защита субъективных прав, согласование интересов сторон или установление определенных обстоятельств;

2) конкретный процессуальный результат применения способа разрешения правового спора — решение государственного или третейского суда, медиативное соглашение, их правовые последствия для участников спора;

3) издержки при использовании того либо иного способа урегулирования конфликта: выигрыш должен перекрывать расходы на ее проведение;

- 4) затраченное время;
- 5) сохранение конфиденциальности информации;
- 6) сохранение партнерских отношений;
- 7) необходимость получения решения (прецедента) компетентного органа и другие¹.

Сравнение медиации, судебного процесса и третейского разбирательства.

По сравнению с судебной и/или арбитражной процедурой разрешения спора разрешение спора путем медиации не является длительным и может существенно сэкономить средства для сторон. Это возможно за счет сокращения времени на рассмотрение спора, экономии судебных расходов и рабочего времени сотрудников компании, которые привлечены к рассмотрению дела и вынуждены отвлекаться от своих непосредственных обязанностей.

К преимуществам медиации принято относить конфиденциальный характер процедур. Судебное разбирательство — это практически всегда открытый процесс, а следовательно, каждый может узнать все подробности спора и деловых отношений участников, вплоть до личной жизни. Утечка информации в ходе медиации практически исключена.

Медиация и сфера ее применения.

Медиация — это разрешение спора с участием третьей нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном споре стороны — медиатора, который помогает сторонам выработать общее понимание спора и действовать в направлении его урегулирования. Это структурированные переговоры, в которых стороны сами, на добровольной основе, пытаются достичь согласия с помощью третьей независимой стороны — медиатора. При этом стороны полностью контролируют весь процесс принятия решения по урегулированию спора и сами определяют, как они будут решать конкретные вопросы. Медиатор не определяет, какое мнение правильное, он лишь поддерживает стороны в нахождении собственного решения.

Медиация — это переговоры с участием профессионального посредника, медиатора,

который подвигает стороны к выработке взаимоприемлемого компромиссного решения. Он даже может не быть юристом. Его задача не в том, чтобы разрешить спор с правовой точки зрения, а показать сторонам путь более эффективный, безболезненный, скорый. Не зря в народе говорят, что худой мир лучше доброй ссоры².

Цель медиации — найти решение, которое удовлетворит обе стороны. Только при таком условии медиация будет считаться успешной. Чем откровеннее будут обе стороны относительно своих потребностей, тем больше шансов, что они смогут выработать решение, которое удовлетворит их настоящие интересы, как о прошлой ситуации, так и на будущее. Такое соглашение помогает сохранить имеющиеся деловые отношения между сторонами и укрепить доверие между ними в будущем.

Стороны разрабатывают сами для себя оптимальное решение, что в итоге может привести к разрешению конкретной проблемы. Кроме того, с помощью медиации можно одновременно и при участии нескольких сторон обсудить и согласовать позиции по широкому кругу взаимосвязанных вопросов, а не только узкого предмета спора.

Медиация получила значительное развитие в государствах-членах Европейского союза, Австралии, США, также активно развивается на постсоветском пространстве.

Сфера применения медиации уже давно не ограничивается брачно-семейными, трудовыми и мелкими гражданскими правоотношениями, все чаще к помощи медиатора прибегают в сложных корпоративных и коммерческих конфликтах (споры между собственниками бизнеса, топ-менеджментом, нарушения договорных обязательств, споры в банковской и страховой сферах, конфликты в сфере интеллектуальной собственности, по поводу недвижимости, нематериальных благ, наследования и т.д. — список можно продолжать). Востребованы услуги медиаторов при разрешении споров, имеющих трансграничный характер. Медиация хорошо зарекомендовала себя при урегулировании многосторонних споров (прежде всего в США и Канаде), в публично-

¹ Качицкая Е.катерина. Сравнение медиации, судебного процесса и третейского разбирательства. Минск, 2015.

² Судиться или мириться. В: Советская Белоруссия № 121 (25003). Июнь 2016.

правовом секторе (США, Федеративная Республика Германия, Нидерланды). В отдельных странах допускается медиация в рамках уголовного преследования — в качестве восстановительного механизма в делах частного обвинения (США, Великобритания, Австрия, Норвегия, Латвийская Республика).

Арбитражная и медиационная оговорка.

В большинстве случаев, не вызывает вопросов наличие в международном договоре арбитражной оговорки. Арбитражная оговорка многократно обсуждена и практически стала обязательным условием международного договора.

Несмотря на неоспоримые преимущества и широкое использование медиационной оговорки в практике европейской договорной работы, медиационная оговорка еще не так широко известна и далеко не всегда применяется при заключении международных договоров с участием предприятий. Медиационная оговорка, как правило, включается в договор совместно с арбитражной оговоркой и описывает медиацию как один из способов урегулирования спора до обращения в арбитраж. Стоит отметить, что включение медиационной оговорки в договоры уже само по себе указывает на то, что стороны нацелены на мирное разрешение возникшего спора, что тем самым свидетельствует об уровне культуры реагирования сторонами на сам спор, который между ними возник.

Наличие такой оговорки позволит сторонам, в случае возникновения спора, использовать метод альтернативного урегулирования спора, к которому, в соответствии со статистикой различных государств ЕС стороны, прибегают в 70-80 % случаев. Из числа обратившихся к медиации с целью разрешения спора от 60 % до 70 % разрешают свой спор в процессе медиации.

Согласно обобщенным данным исследований, проводимых организациями медиаторов стран ЕС, в результате проведения медиации при разрешении бизнес конфликтов достигнута экономия времени, в сравнении с арбитражной процедурой по аналогичным категориям споров, составляет, в зависимости от конкретной страны, от 331 до 446 дней, при этом средняя экономия

судебных издержек, рассчитанная с учетом затрат на медиационную процедуру, составляет от 12 471 евро до 13 738 евро за один спор.

Факторы, влияющие на проведение медиации.

При рассмотрении вопросов применения медиации необходимо учитывать как национальные правовые нормы, так и положения Директивы 2008/52/ЕС Европейского Парламента и Совета от 21 мая 2008 г. «Относительно некоторых аспектов медиации в гражданских и коммерческих делах». Кроме того стоит обратить внимание на положения ЮНСИТРАЛ – Типовой закон «О международной коммерческой согласительной процедуре» и Руководство по принятию и применению 2002 года. Данный типовой закон в той или иной степени был учтен при разработке национального законодательства в области медиации практически всеми странами, в которых такие законы приняты.

Как и в случае с выбором правового порядка и места проведения арбитража, важное значение имеет выбор места проведения медиации и правового порядка, в соответствии с которым она будет проводиться.

Что может быть в основе такого выбора? Место ведения бизнеса одной или обеих сторон, удобное место проведения медиации или местонахождение соответствующего арбитража, законодательство, регулирующее сделку или процедуру медиации, и возможно, законодательство какой-либо иной юрисдикции. Все эти факторы необходимо рассматривать также и в совокупности. Важно, дабы сама медиация проводилась в дружественной юрисдикции, и чтобы стороны обратились к компетентным медиаторам.

В таких случаях серьезная задача и, можно сказать, вызов для адвоката — обеспечить соблюдение конфиденциальности и других интересов сторон. Необходимо убедиться в том, что процедура проводится по законам юрисдикции, где медиация признается на законодательном уровне и обеспечена ее правовая защита, надлежащим образом подготовлены и сертифицированы медиаторы, приняты профессиональные кодексы и стандарты, а также, что решение,

принятое в рамках медиации, возможно закрепить таким образом, который в последствии обеспечивает реализацию принятых сторонами решений по урегулированию спора.

С учетом того, что на сегодня в некоторых странах отсутствует законодательство, регулирующее процедуру медиации, стоит обратить внимание на те страны, в которых такое правовое регулирование находится на надлежащем уровне, к примеру, Федеративная Республика Германия, Австрия, Итальянская Республика, Словацкая Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Беларусь и др. Законодательство данных стран предусматривает гарантированную законодательством государства возможность разрешения споров посредством института медиации. Так, например, ст. 40 Закона Республики Молдова устанавливает:

Статья 40. Медиация, гарантированная государством.

В рамках процесса медиации сторона или обе стороны имеют право воспользоваться услугами медиатора, гарантированными государством, в соответствии с законодательством³.

Стоит отметить, что в соответствии с правовым порядком большинства стран, выбор права страны при проведении медиации не обязывает проводить процедуру медиации на территории этой страны. Место проведения важно и участникам спора следует обеспечить комфортную, уютную и легкую атмосферу. Медиация – процесс, требующий времени и усилий участников.

Кроме того, на случай возникновения спора, желательно, при разработке медиационной оговорки, продумать порядок, в соответствии с которым стороны будут выбирать конкретных медиаторов из числа официально практикующих и входящих в соответствующие национальные или региональные реестры медиаторов.

Поскольку нейтральность и незаинтересованность медиатора в том или ином результате разрешения спора относятся к фундаментальным принципам медиации, как правило, адвокаты, работающие в области

международного права, сотрудничают на постоянной основе с несколькими медиаторами, специализирующимися на проведении медиационных процедур в разных отраслях споров.

Практикующие медиаторы предпочитают сотрудничать с адвокатами, юристами и профессиональными финансовыми консультантами, которые находятся в продуктивном диалоге со своими клиентами, помогают в рамках предварительных встреч обсудить с ними их ожидания, порядок медиационной процедуры, важность активного участия в процедуре для принятия выгодных для обеих сторон конфликта решений.

В конечном итоге, необходимо объединить усилия для создания оптимальной среды, комфортной для всех участников процесса, которая позволит им максимально сконцентрировать усилия на поиске путей разрешения спора и выработке обоюдовыгодного соглашения.

В процессе медиации при разрешении споров также всегда уделяется особое внимание таким вопросам, как понимание медиатором культурных и правовых особенностей, специфики предмета спора, организации работы ко-медиаторов, владеющих языком и особенностями права сторон, надлежащему уровню синхронного перевода.

Зачастую, для участия в процедуре медиации, в рамках разрешения, например, трансграничного спора, представители сторон прилетают из стран, находящихся в других часовых поясах, могут иметь планы покинуть страну, в которой проводится медиация в определенное время, с учетом этого необходимо уделить особое внимание планированию и «таймингу» медиации, а также обратить внимание на необходимость предусмотреть возможность их отдыха, продолжения процедуры на следующий день или возможность запланировать еще один приезд.

Заключение.

Медиация – значительно более молодая процедура разрешения споров в сравнении с арбитражем, при этом уже сегодня медиация стала общепризнанной профессионалами практикой, доказавшей свою эффективность и

³ Закон Республики Молдова «О медиации» от 13.07.2015 Nr. 137.

предоставляющей сторонам спора ряд уникальных преимуществ. С каждым днем все больше, как представителей бизнеса так и профессионалов в области права, получают позитивный опыт медиативного разрешения споров. Так что на сегодняшний день вопрос готовы государство, общество и непосредственные стороны конфликтов к медиации постепенно теряет свою актуальность. лиц, желающих разрешить свои конфликты с помощью медиации с каждым годом становится все больше и больше. Более того, во многих государствах в процессуальном законодательстве прямо прописывается обязанность сторон перед рассмотрением дела судом воспользоваться услугами медиатора.

Библиография:

1. Mediation: Principles and Regulation in Comparative Perspective / Eds. by K.J. Hopt, F.Steffek. Oxford: Oxford University Press, 2013. LX + 1347 p.
2. Бенова В.И. Посредничество (медиация) как один из способов альтернативного разрешения споров. В: Бизнес, Менеджмент и Право. 2013, № 1 (27).
3. Директива 2008/52/ЕС Европейского Парламента и Совета от 21 мая 2008 г. «Относительно некоторых аспектов медиации в гражданских и коммерческих делах».
4. Забара А. Председатель Верховного Суда Республики Беларусь. Судиться или мириться. В: Советская Белоруссия № 121 (25003). Июнь 2016.
5. Закон Германии «О поддержке медиации и других форм внесудебного урегулирования конфликтов» от 26.07.2012.
6. Закон Республики Беларусь «О медиации» от 12 июля 2013 г. № 58-З.
7. Закон Республики Молдова « О медиации» от 13.07.2015 Nr. 137.
8. Закон Словацкой Республики «О медиации и дополнении некоторых законов» от 25.06.2004 № 420.
9. Интернет-интервью с Ц.А. Шамликашвили, президентом Национальной организации медиаторов: «Медиация и суд: соотношение судебной защиты прав и реализация их в процедуре медиации». [On-line]: <https://www.consultant.ru/law/interview/shamlikashvili4/> (Дата посещения: 09.01.2017).
10. Качицкая Е. Сравнение медиации, судебного процесса и третейского разбирательства. Минск, 2015.

11. Литовцева Ю. Переговоры, медиация, суд или арбитраж: из чего исходить при выборе наиболее эффективной процедуры разрешения споров? Февраль 2013.

12. Типовой закон ЮНСИТРАЛ «О международном торговом арбитраже» (1985 г.) с изменениями, принятыми в 2006 г.

13. [On-line]: <http://officium.law/медиация/> (Дата посещения: 05.02.2017).

14. [On-line]: <http://www.arbitr.ru/conciliation/> (Дата посещения: 05.02.2017).

15. [On-line]: <http://www.court.by/online-help/mediation> (Дата посещения: 05.02.2017).

16. [On-line]: <http://www.europarl.europa.eu/committees/en/supporting-analyses-search.html> (Дата посещения: 05.02.2017).

17. [On-line]: <http://www.lexology.com/library/> (Дата посещения: 05.02.2017).

18. [On-line]: https://e-justice.europa.eu/content_mediation_in_member_states-64-sk.do?init=true (Дата посещения: 05.02.2017).

Bibliography:

1. Mediation: Principles and Regulation in Comparative Perspective / Eds. by K.J. Hopt, F.Steffek. Oxford: Oxford University Press, 2013. LX + 1347 p.
2. Benova V.I. Posrednistvo (mediacija) kak odin iz sposobov al'ternativnogo razreshenija sporov. V: Biznes, Menedzhment i Pravo. 2013, № 1 (27).
3. Direktiva 2008/52/EC Evropejskogo Parlamenta i Soveta ot 21 maja 2008 g. «Otnositel'no nekotoryh aspektov mediacii v grazhdanskih i kommercheskih delah».
4. Zabara A. Predsedatel' Verhovnogo Suda Respubliki Belarus'. Sudit'sja ili mirit'sja. V: Sovetskaja Belorussija № 121 (25003). Ijun' 2016.
5. Zakon Germanii «O podderzhke mediacii i drugih form vnesudebnogo uregulirovanija konfliktov» ot 26.07.2012.
6. Zakon Respubliki Belarus' «O mediacii» ot 12 ijulja 2013 g. № 58-Z.
7. Zakon Respubliki Moldova « O mediacii» ot 13.07.2015 Nr. 137.
8. Zakon Slovackoj Respubliki «O mediacii i dopolnenii nekotoryh zakonov» ot 25.06.2004 № 420.
9. Internet-interv'ju s C.A. Shamlikashvili, prezidentom Nacional'noj organizacii mediatorov: «Mediacija i sud: sootnesenie sudebnoj zashhity prav i realizacija ih v procedure mediacii». [On-line]: <https://www.consultant.ru/law/interview/shamlikashvili4/> (Visited on: 09.01.2017).
10. Kachickaja E. Sravnenie mediacii, sudebnogo processa i tretejskogo razbiratel'stva. Minsk, 2015.
11. Litovceva Ju. Peregovory, mediacija, sud ili

arbitrazh: iz chego ishodit' pri vybore naibolee jeffektivnoj procedury razreshenija sporov? Fevral' 2013.

12. Tipovoj zakon JuNSITRAL «O mezhdunarodnom trgovom arbitrazhe» (1985 g.) s izmenenijami, prinjatymi v 2006 g.

13. [On-line]: <http://officium.law/mediacija/> (Visited on: 05.02.2017).

14. [On-line]: <http://www.arbitr.ru/conciliation/> (Visited on: 05.02.2017).

15. [On-line]: <http://www.court.by/online-help/mediation> (Visited on: 05.02.2017).

16. [On-line]: <http://www.europarl.europa.eu/committees/en/supporting-analyses-search.html> (Visited on: 05.02.2017).

17. [On-line]: <http://www.lexology.com/library/>

(Visited on: 05.02.2017).

18. [On-line]: https://e-justice.europa.eu/content_mediation_in_member_state_s-64-sk.do?init=true (Visited on: 05.02.2017).

Copyright©SURMA Liudmila, 2017.

Contacte / Contacts / Контакты:

Faculty of International Relations
University of Economics in Bratislava
Dolnozemska cesta 1/b
852 35 Bratislava, Slovak Republic

E-mail: liudmila.surma@euba.sk ,
ludmila-sr@yandex.ru



**TRIBUNA TÎNĂRULUI CERCETĂTOR
THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**EFECTELE PROBLEMEI MINORITĂȚILOR ÎN REPUBLICA MOLDOVA ASUPRA
INTEGRITĂȚII SALE TERITORIALE ȘI STABILITĂȚII
POLITICE INTERNE**

**THE EFFECTS OF THE PROBLEM OF MINORITIES IN THE REPUBLIC
OF MOLDOVA ON ITS TERRITORIAL INTEGRITY AND STABILITY
OF THE DOMESTIC POLITICAL**

**ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ
В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА ОТНОСИТЕЛЬНО СВОЕЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
ЦЕЛОСТНОСТИ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ**

TRISIN Olga* / TRISIN Olga / TRIȘIN Olga / ТРИШИН Ольга

ABSTRACT:

**THE EFFECTS OF THE PROBLEM OF MINORITIES IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA
ON ITS TERRITORIAL INTEGRITY AND STABILITY OF THE DOMESTIC POLITICAL**

The article analyzes the effects of the problem of minorities in the Republic of Moldova on its territorial integrity and stability of the internal political.

In the author's opinion, minority groups, according to sociological research, are often subject to discrimination, segregation or aggression on the part of any dominant group. These are probably the causes for the rejection of the term „ethnic minority” by the titularii the nation, what was described as incorrect and even discriminatoriu

Thus, the national states obtaining independence are required to protect national minorities on their territory, under the supervision of the United Nations.

The author believes that the experience of the industrialized states shows that where it has exceeded the exclusivity in favour of the titular nation, the structure of the multiethnic state has become an engine of progress and civilization and not a frenă.

Keywords: minorities, ethnic minority, discrimination, segregation, territorial integrity, internal political stability.

JEL Classification: F29, K33

РЕЗЮМЕ:

**ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РЕСПУБЛИКЕ
МОЛДОВА ОТНОСИТЕЛЬНО СВОЕЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И
ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ**

Статья анализирует последствия проблемы национальных меньшинств в Республике Молдова относительно своей территориальной целостности и внутренней политической стабильности.

По мнению автора, группы меньшинств, в соответствии с социологическими исследованиями, часто подвергаются дискриминации, сегрегации или агрессии со стороны любой группы доминирующих. Это,

***TRIȘIN Olga** – Doctorand, Universitatea de Pau și a Țărilor de Adour (Bayonne, Republica Franceză). / **TRISIN Olga** – Ph.D Student, University of Pau and des Pays de l'Adour (Bayonne, The French Republic). / **ТРИШИН Ольга** – Аспирант, Университет По и стран Адур (Байон, Французская Республика).

вероятно, является причиной отклонения термина «этническое меньшинство» как нетитулярной нации, что расценивается как неправильное отношение и даже как дискриминация.

Таким образом, национальные государства, получив независимость, обязаны защищать национальные меньшинства на своей территории под наблюдением Организации Объединенных Наций.

Автор считает, что опыт промышленно развитых государств показывает, что там, где было превышена эксклюзивность в пользу титульной нации, структура полиэтнического государства стала двигателем прогресса и цивилизации, а не тормозом.

Ключевые слова: проблемы национальных меньшинств, этнические меньшинства, дискриминация, сегрегация, территориальная целостность, внутренняя политическая стабильность.

JEL Classification: F29, K33

УДК: 327.39, 341.223.7

REZUMAT:

EFECTELE PROBLEMEI MINORITĂȚILOR ÎN REPUBLICA MOLDOVA ASUPRA INTEGRITĂȚII SALE TERITORIALE ȘI STABILITĂȚII POLITICE INTERNE

Articolul analizează efectele problemei minorităților în Republica Moldova asupra integrității sale teritoriale și stabilității politice interne.

În opinia autorului, grupurile minoritare, în conformitate cu cercetările sociologice, sunt deseori supuse discriminării, segregării sau agresiunii din partea oricărui grup dominant. Acestea sunt probabil cauzele respingerii termenului de „minoritate etnică” de către netitularii națiunii, ce era calificat drept incorect și chiar discriminatoriu.

Astfel, statele naționale obținând independența sunt obligate să protejeze minoritățile naționale pe teritoriul lor, sub supravegherea Organizației Națiunilor Unite.

Autorul consideră că experiența statelor puternic industrializate arată că acolo unde s-a depășit exclusivismul în favoarea națiunii titulare, structura polietică a statului a devenit un motor al progresului și a civilizației și nu o frenă.

Cuvinte cheie: problema minorităților, minoritate etnică, discriminare, segregare, integritate teritorială, stabilitate politică internă.

JEL Classification: F29, K33

CZU: 327.39, 341.223.7

Odată cu declararea independenței de către Republica Moldova, și cu determinarea etniei titulare în funcție de Națiune a acesteia, a apărut și problema minorităților naționale, ce s-au format de-a lungul timpului conviețuirii în diferite contexte istorice.

Pe timp ce în capitala Republicii Moldova se rezolva problema națională și preluarea competențelor politice de la centrul unional, în Transnistria predomina dorința de a rămâne în cadrul Uniunii Sovietice sau intenția de a-și declara independența cu alipirea ulterioară la Rusia. În sudul republicii de asemenea se manifestau tendințele separatiste, care însă au fost rezolvate prin atribuirea unei autonomii poporului găgăuz.

Istoria problemei juridice a relațiilor între statul format conform principiului naționalităților și minoritățile își are începutul după Primul Război Mondial, când se destrămau marile

imperii și în locul lor apăreau multiple state independente. Aceste state se creau folosind principiul naționalității, ce include însă o consecință inevitabilă, precum este crearea unor minorități naționale pe teritoriul lor.

Grupurile minoritare, în conformitate cu cercetările sociologice, sunt deseori supuse discriminării, segregării sau agresiunii din partea oricărui grup dominant. Acestea sunt probabil cauzele respingerii termenului de ”minoritate etnică” de către netitularii națiunii, ce era calificat drept incorect și chiar discriminatoriu¹.

¹ Astfel potrivit unui sondaj efectuat în Republica Moldova, 58,9% din respondenți afirmau că toți cu excepția etniilor moldovenești și rusești trebuie să fie considerați drept minorități, în timp ce 13,2% considerau că în Moldova nu există nici un fel de minorități etnice. Acest fapt este determinat în special de istoria Moldovei în cadrul Rusiei. Vezi Munteanu I. Dezvoltări regionale în Republica Moldova. Chișinău: Editura Cartier, 2000, p. 255.

Astfel, statele naționale obținând independența sunt obligate să protejeze minoritățile naționale pe teritoriul lor, sub supravegherea Ligii Națiunilor, apoi a Organizației Națiunilor Unite.

Dacă la început statele aveau o obligațiune negativă, în sensul că trebuiau să se abțină de orice măsuri de asimilare forțată sau de orice discriminare, cu timpul obligațiunile deveniseră pozitive. Ele se exprimau prin adoptarea actelor legislative care ar viza protecția și dezvoltarea minorităților naționale în cadrul statelor².

În acest sens, articolul 10 a Constituției Republicii Moldova, adoptată în 1994, intitulat – „Unitatea poporului și dreptul la identitate”, prevede în alineatul 1 că: „*Statul are ca fundament unitatea poporului Republicii Moldova. Republica Moldova este patria comună și indivizibilă a tuturor cetățenilor ei*”. Pe când prin alineatul 2 se declară faptul că: „*Statul recunoaște și garantează dreptul tuturor cetățenilor la păstrarea, la dezvoltarea și la exprimarea identității lor etnice, culturale lingvistice și religioase*”³.

Deci, condițiile existenței unui popor se determină prin omogenitatea, continuitatea și caracterul distinct al colectivității⁴. Statul trebuie să înlăture orice discriminare garantând egalitatea în drepturi a tuturor cetățenilor, coeziunea și solidaritatea indivizilor.

O altă problema a Republicii Moldova este așa zisă „*criză de identitate*”, ce se exprimă prin faptul că populația majoritară, aproximativ 80% dintre cetățeni, nu are un răspuns univoc la întrebarea – cine suntem noi și ce limbă vorbim?⁵ Această controversă identitară în Republica Moldova își are sursa în trecutul său istoric și se exprimă prin două concepte antagoniste precum este „românismul” și „moldovenismul”⁶.

² Prisacariu M. R. Statutul juridic al minorităților naționale. București: Editura C. H. Beck, 2010, p. 4-5.

³ Constituția Republicii Moldova din 29.07.1994, publicată în Monitorul Oficial nr.1/1 la 18.08.1994, intrată în vigoare la 27.08.1994.

⁴ Arseni A., Creanga I., Gurin C., Negru B., și alții. Constituția Republicii Moldova comentată articol cu articol. Volumul I, Titlul I Principii generale. Chisinau: Civitas, 2000, p. 122.

⁵ Moraru A., Neașcu G., Boțan I., Nantoi O. Reacții instituționale eficiente în combaterea intoleranței și extremismului în zona Mării Negre. Perspectivă comparată asupra României, Republicii Moldova, Ucrainei. București: Institutul pentru Politici Publice, 2008, p. 76.

⁶ Românismul prevede unirea politică și culturală a tuturor vorbitorilor limbii est-romanice, pe când

Acest fapt reprezintă consecința politicii regimului sovietic ce viza crearea fenomenului *Homo Sovieticus*, adică a unei identități sovietice care era menită să reunească în sine toate naționalitățile ce compuneau Uniunea Sovietică pentru a construi o noua supranaționalitate.

În virtutea faptului că circa 50 de ani, limba rusă a fost impusă ca limbă de stat, acordându-se o atenție sporită învățării și studierii sale, precum și istoriei comune cu Rusia începând cu Tratatul de la București din 1812, bilingvismul moldo-rus rămâne caracteristic pentru Moldova⁷.

Politica de rusificare se traducea prin instaurarea limbii de stat rusă pe tot teritoriul Uniunii Sovietice. Însă, în Republica Moldova ea s-a manifestat și prin suspiciunea către cadrele moldovenești în ceea ce privește sistemul politic local, dat fiind faptul că o parte din teritoriul său – Basarabia, făcuse parte recent de România. Din aceste considerente, liderii politici ai R.S.S. Moldovenești erau aleși din Transnistria.

Anul 1989 reprezintă în sine o schimbare la nivel lingvistic și politic ce se exprimase prin adoptarea legii privind reabilitarea limbii vorbite⁸ și prin accederea la putere al Frontului Național moldovenesc.

Astfel, Sovietul Suprem al R.S.S. Moldovenești a adoptat la 1 septembrie 1989 Legea cu privire la funcționarea limbilor vorbite pe teritoriul R.S.S. Moldovenești prin care este consfințită limba moldovenească ca limbă de stat⁹. Ulterior, acest glotonim a fost înlocuit cu cel român prin Hotărârea Curții Constituționale a Republicii Moldova din 5 decembrie 2013¹⁰.

moldovenismul promovează o despărțire politică și culturală de vorbitorii aceleiași limbi din statul vecin, România.

⁷ Acest fapt este consfințit în articolul 13 alineatul 2 din Constituția Republicii Moldova din 18.08.1994 conform căruia „Statul recunoaște și protejează dreptul la păstrarea, la dezvoltarea și la funcționarea limbii ruse și a altor limbi vorbite pe teritoriul țării”.

⁸ Legea nr. 3462-XI din 31 august 1989 cu privire la revenirea limbii moldovenești la grafia latină. În: *Veștile Sovietului Suprem nr. 9, 1989.*

⁹ Legea nr. 3465 din 01.09.1989 cu privire la funcționarea limbilor vorbite pe teritoriul RSS Moldovenești, publicat în *Veștile Sovietului Suprem nr. 9/217 din 01.09.1989.*

¹⁰ Curtea Constituțională afirmă că textul Declarației de Independență, unde este folosit lingvonomul românesc pentru a desemna limba vorbită pe teritoriul Republicii, prevalează asupra textului Constituției Republicii Moldova, unde este folosit lingvonomul moldovenesc. Conform Hotărârii Curții Constituționale a Republicii Moldova nr. 36 din 05.12.2013 privind interpretarea articolului 13 alin. (1)

În timpul câștigării independenței Republicii Moldova au fost înregistrate multiple acte de extremism și intoleranță ce au produs daune integrității teritoriale exprimate prin pierderea controlului puterii constituționale pe mai mult de 12% din teritoriu și au contribuit la instabilitatea politicii interne și la deteriorarea imaginii internaționale ale statului¹¹. Confruntările politice și conflictul armat din 1992 în stânga Nistrului au avut ca rezultate sute de victime și încălcări masive ale drepturilor fundamentale ale omului¹².

Prin urmare, în cadrul unității teritoriale autonome Găgăuzia (Gagauz-Yeri) statutul de limbi oficiale este consfințit pentru limbile găgăuză, moldovenească și rusă¹³, pe când în raioanele de est ale Moldovei – pentru limbile moldovenească, ucraineană și rusă¹⁴.

Pentru a armoniza relațiile interetnice, în anul 1991 a fost creată instituția guvernamentală – Departamentul de Stat pentru Probleme Naționale ale Republicii Moldova¹⁵, având principala sa îndatorire să mențină cooperarea cu organizațiile socio-culturale ce reprezintă interesele unor

grupuri etnice variate prezente pe teritoriul Republicii.

Dat fiind faptul că domeniul drepturilor minorităților este înrudit cu dreptul internațional, cu dreptul constituțional și cu politica, există opinii divergente privind definirea exactă a noțiunii de minoritate națională.

Una dintre încercările reușite este cea creată de Francesco Capotorti, la cererea Subcomisiei ONU pentru lupta împotriva discriminării, definind minoritățile naționale ca fiind: „*un grup numeric inferior restului populației unui stat, în poziție nedominantă, ai cărui membri – cetățeni ai statului, posedă din punct de vedere etnic, religios sau lingvistic caracteristici diferite de cele ale restului populației și care manifestă, chiar și în mod implicit, un sentiment de solidaritate cu scopul de a prezerva cultura, tradițiile, limba lor*”¹⁶.

Articolul 1 al Legii Republicii Moldova cu privire la drepturile persoanelor aparținând minorităților naționale și la statutul juridic al organizațiilor lor, definește minoritățile naționale ca fiind: „*persoanele care domiciliază pe teritoriul Republicii Moldova, sunt cetățeni ai ei, au particularități etnice, culturale, lingvistice și religioase prin care se deosebesc de majoritatea populației – moldoveni – și se consideră de altă origine etnică*”¹⁷.

Potrivit Recensământului efectuat de către Biroul Național de Statistică în 2004¹⁸, partea băștinașilor este reprezentată de 71,49%, printre care 69,62% se declară ca moldoveni și 1,87% ca români. Pe când 28,51% din populație este reprezentată de minoritățile etnice precum ruși, ucraineni, găgăuzi, bulgari, evrei, beloruși, polonezi, țigani și alții.

Această pondere considerabilă a populației minoritare aflate pe teritoriul Republicii Moldova a creat necesitatea acordării statutului etnic, recunoscut de facto și de jure. Obiectivele minorităților etnice și naționale în țara noastră se

din Constituție în corelație cu Preambulul Constituției și Declarația de independență a Republicii Moldova, (Sesizarea nr.8b/2013 și 41b/2013). În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 304-310 din 27.12.2013.

¹¹ Moraru A., Neașcu G., Boțan I., Nantoi O. *Op. Cit.*, p. 95.

¹² Scindarea multidimensională a opiniei populației în Transnistria se explică prin faptul că o parte din locuitori s-a opus separatismului și în consecință 11 localități din stânga Nistrului și-au apărut dreptul de a rămâne sub jurisdicția Republicii Moldova, făcând în prezent parte a districtului Dubăsari cu administrația în satul Coșnița. Acest fapt a fost exprimat și prin deschiderea a opt școli în Transnistria după ostilitățile din 1992, care să fie subordonate Ministerului Educației din Chișinău. De asemenea, este important de a sublinia faptul că 60% din populația Transnistriei deține documente de identitate a Republicii Moldova. În același timp, acest procentaj se explică și prin faptul că în afară de documente de identitate transnistrene, cetățenii acestui teritoriu moldovenesc de jure, independent de facto, sunt nevoiți să ceară documente de identitate ale statelor care să fie recunoscute de către comunitatea internațională.

¹³ Conform articolului 3 alineatul 1 al Legii nr. 344 din 23.12.1994 privind statutul juridic special al Găgăuziei (Gagauz-Yeri). În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1995, nr. 3-4/51.

¹⁴ Conform articolului 12 din Constituția Republicii Moldovenești Nistrene, adoptată la referendumul din 24 decembrie 1995.

¹⁵ La 14 noiembrie 1990 a fost adoptată Hotărârea Parlamentului Republicii Moldova cu privire la crearea Departamentului de Stat pentru Probleme Naționale, iar la 25 aprilie 1991 Hotărârea Guvernului.

¹⁶ Document ONU E. C./Sub.2/384, Rev. 1, paragraful 568.

¹⁷ Legea nr. 385-XV din 19.07.2001 cu privire la drepturile persoanelor aparținând minorităților naționale și la statutul juridic al organizațiilor lor, Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 107/819 din 04.09.2001.

¹⁸ Recensământul populației, 2004. În: Culegere statistică în 4 volume. Biroul Național de Statistică al Republicii Moldova, Vol. I, Caracteristici demografice, naționale, lingvistice, culturale. Chișinău: Editura statistică, 2006, p. 300.

deosebesc prin tendința de obținere sau de consolidare a autonomiei teritorial-administrative¹⁹ sau cu tendința de constituire a unei republici autonome în cadrul țării sau în genere a unui stat independent²⁰.

Experiența statelor puternic industrializate arată că acolo unde s-a depășit exclusivismul în favoarea națiunii titulare, structura polietică a statului a devenit un motor al progresului și a civilizației și nu o frenă²¹.

Adoptarea în anul 2003 a Concepției de Politică de Stat²² avea ca scop stabilirea de principii și sarcini ale politicii de stat pentru crearea condițiilor favorabile a dezvoltării tuturor comunităților etnice. Această concepție prevede atingerea consolidării poporului multicultural și multilingv al Republicii Moldova prin armonizarea intereselor naționale generale cu interesele tuturor comunităților etnice prezente pe teritoriul său.

Potrivit dispozițiilor generale ale acestei legi, „toleranța și respectul față de tradițiile diferitor comunități etnice aflate pe teritoriul Republicii prezintă o condiție indispensabilă a suveranității politice precum și a păcii civice în țara noastră”²³.

Din acest motiv, Concepția Națională de Stat prevede soluționarea problemei integrității teritoriale a țării prin asigurarea concordiei civice și dezvoltarea relațiilor interetnice corecte pentru a depăși consecințele conflictului civil din anii

1980-1990 care au deformat semnificativ aceste relații²⁴.

Acest fapt este confirmat și în Preambulul Convenției-Cadru al Consiliului Europei pentru protecția minorităților naționale: „realizarea unui climat toleranță și dialog este necesară pentru a permite diversității culturale să prezinte o sursă, dar și un factor, nu de divizare, ci de îmbogățire a fiecărei societăți”²⁵.

Pentru a atinge acest scop este necesar a acorda minorităților naționale un statut natural ce îi va permite utilizarea limbii materne, să se bucure de folosul instituțiilor organizate de ele, cât și participarea în viața politică și economică a statelor din care aceste minorități fac parte²⁶.

Bibliografie:

1. Arseni A., Creanga I., Gurin C., Negru B., și alții. Constituția Republicii Moldova comentată articol cu articol, Volumul I, Titlul I Principii generale. Chișinău: Civitas, 2000. 176 p.
2. Cărbune R. Minoritățile naționale și relațiile interetnice din Republica Moldova. [On-line]: <https://radjcarbune.wordpress.com/2011/01/15/minoritatele-nationale-si-relatiile-interetnice-din-republica-moldova/> (Vizitat la: 01.02.2017).
3. Constituția Republicii Moldova din 29.07.1994. În: Monitorul Oficial nr.1/1 la 18.08.1994, intrată în vigoare la 27.08.1994.
4. Constituția Republicii Moldovenești Nistrene. Tiraspol: Editura „Litera”, 2000. 160 p.
5. Convenția-cadru pentru protecția minorităților naționale adoptată de Adunarea Generală a Consiliului Europei, la 18 decembrie 1992, prin Rezoluția 47/135.
6. Costachi G., Melnic B., Cușmir T., Sidorov M., și alții. Statul de drept și problemele minorităților naționale: materiale ale Conferinței teoretico-științifice internaționale, 11-12 ianuarie 2002 (mun. Bălți). Chișinău: Universul, 2002. 268 p.
7. Hotărârea Curții Constituționale a Republicii Moldova nr. 36 din 05.12.2013 privind interpretarea articolului 13 alin. (1) din Constituție în corelație cu Preambulul Constituției și Declarația de independență a Republicii Moldova, (Sesizările nr.8b/2013 și

¹⁹ Este vorba despre cazul minorităților bulgare în sudul republicii sau a romilor în nordul ei ce își doreau obținerea unei autonomii administrativ-teritoriale; pe când minoritatea găgăuză în sudul republicii a reușit să obțină aceasta autonomie, conform Legii nr. 344 din 23.12.1994 privind statutul juridic special al Găgăuziei (Gagauz-Yeri). În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1995, nr. 3-4/51.

²⁰ Precum este cazul minorităților rusofone în partea stângă a Nistrului, organizate sub forma Republicii Nistrene Moldovenești, nerecunoscută de comunitatea internațională.

²¹ Cărbune R., Minoritățile naționale și relațiile interetnice din Republica Moldova, WordPress.com, 15/01/2011. Pagină consultată la 20 decembrie 2016. [On-line]: <https://radjcarbune.wordpress.com/2011/01/15/minoritatele-nationale-si-relatiile-interetnice-din-republica-moldova/> (Vizitat la: 01.02.2017).

²² Legea nr. 546-XV din 19 decembrie 2003, privind aprobarea Concepției politicii naționale a Republicii Moldova. În: Monitorul Oficial 01/01/2004.

²³ Idem.

²⁴ Legea nr. 546-XV din 19 decembrie 2003, privind aprobarea Concepției politicii naționale a Republicii Moldova. În: Monitorul Oficial 01.01.2004/001.

²⁵ Convenția-cadru pentru protecția minorităților naționale adoptată de Adunarea Generală a Consiliului Europei, la 18 decembrie 1992, prin Rezoluția 47/135.

²⁶ Human Rights Fact Sheet No. 18 (Rev.1). Minority Rights, Geneva, Printed by United Nations, June 1998-995, p. 5.

41b/2013). În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 304-310 din 27.12.2013.

8. Human Rights Fact Sheet No. 18 (Rev.1). Minority Rights, Geneva, Printed by United Nations, June 1998-995.

9. Legea nr. 344 din 23.12.1994 privind statutul juridic special al Găgăuziei (Gagauz-Yeri). În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1995, nr. 3-4/51.

10. Legea nr. 3462-XI din 31 august 1989 cu privire la revenirea limbii moldovenești la grafia latină. În: Veștile Sovietului Suprem nr. 9, 1989.

11. Legea nr. 3465 din 01.09.1989 cu privire la funcționarea limbilor vorbite pe teritoriul RSS Moldovenești. În: Veștile Sovietului Suprem nr. 9/217 din 01.09.1989.

12. Legea nr. 385-XV din 19.07.2001 cu privire la drepturile persoanelor aparținând minorităților naționale și la statutul juridic al organizațiilor lor. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 107/819 din 04.09.2001.

13. Moraru A., Neașcu G., Boțan I., Nantoi O. Reacții instituționale eficiente în combaterea intoleranței și extremismului în zona Mării Negre. Perspectivă comparată asupra României, Republicii Moldova, Ucrainei. București: Institutul pentru Politici Publice, 2008. 206 p.

14. Munteanu I. Dezvoltări regionale în Republica Moldova. Chișinău: Editura Cartier, 2000. 264 p.

15. Neukirch C. Autonomy and Conflict Transformation: The Case of the Gagauz Territorial Autonomy in the Republic of Moldova. In: Minority Governance in Europe. Series on Ethnopolitics and Minority Issues. 2002, Vol. I, p. 105-23.

16. Prisacariu M. R. Statutul juridic al minorităților naționale. București: Editura C. H. Beck, 2010. 201 p.


17. Recensământul populației, 2004. Culegere statistică [în 4 volume], Biroul Național de Statistică al Republicii Moldova. Vol. I, Caracteristici demografice, naționale, lingvistice, culturale. Chișinău: Editura Statistică, 2006. 492 p.

Copyright©TRISIN Olga, 2017.

Contacts / Contacte / Контакты:

Université de Pau et des Pays de l'Adour,
Droit et politiques comparés
Avenue du Doyen Poplawski – BP 1633 –
64016 PAU CEDEX

E-mail: olga_trishina08@mail.ru

	<p>Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений</p> <p>2017, Issue 1, Volume 12, Pages 106-111. ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963 Submitted: 15. 11. 2016 Accepted: 15.02. 2017 Published: 30.03. 2017</p>
---	---

**COMUNICĂRI ȘTIINȚIFICE
THE SCIENTIFIC COMMUNICATIONS
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ**

ENERGY COOPERATION IN THE CASPIAN AND BLACK SEA REGION*

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЗОНЕ
КАСПИЙСКОГО И ЧЕРНОГО МОРЕЙ**

COOPERAREA ENERGETICĂ ÎN ZONA MĂRII CASPICE ȘI A MĂRII NEGRE

GUSEV Leonid** / GUSEV Leonid / ГУСЕВ Леонид

ABSTRACT:

ENERGY COOPERATION IN THE CASPIAN AND BLACK SEA REGION

The article deals with energy cooperation in the Caspian and Black Sea region. It is said that over the past 20 years the Caspian – Black Sea region is at the center of international attention. Also, it is noted that at the same time, this region is largely open to several neighboring regions – such as the Mediterranean, the Balkans, the Middle East and Central Asian. It is said, that the region is one of the major oil and gas transportation routes from the Caspian Sea to Europe.

The article points out that over the past decade, regional cooperation in the energy sector has been a key aspect in the field of energy security. Located at the crossroads of the main export oil and gas flows in the global energy markets, the Caspian – Black Sea region has become a region of crucial importance in relation to energy production, transportation and distribution.

The article refers to pipelines that pass through and around the Caspian and Black Seas. Also the article notes the cooperation of Russia with Iran in energy sphere.

Keywords: energy cooperation, the Caspian – Black Sea region, energy markets.

JEL Classification: F 29, K 33.

РЕЗЮМЕ:

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЗОНЕ
КАСПИЙСКОГО И ЧЕРНОГО МОРЕЙ**

В статье говорится об энергетическом сотрудничестве в зоне Каспийского и Чёрного морей. Отмечается, что на протяжении последних 20 лет Каспийско-Черноморский регион является центром международного притяжения. Также, говорится о том, что в то же самое время этот регион широко

* Articolul este scris pe baza raportului prezentat la a 9-a conferință internațională „State and Society in Europe”, în România, în orașul Craiova, la 26 octombrie 2016. / The article is written based on the presentation given at the 9th international conference „State and Society in Europe”, in Romania, in Craiova, October 26, 2016. / Статя написана на основе доклада, сделанного на 9-й международной конференции „State and Society in Europe”, в Румынии, в городе Крайова, Craiova, 26 октября 2016 г.

** **GUSEV Leonid** — Doctor în istorie, cercetător științific superior la Centrul analitic al Institutului de Studii Internaționale al Universității MGIMO a Ministerului rus de Externe, (Moscova, Federația Rusă). / **GUSEV Leonid** — PhD in History, senior researcher at the Analytical Center of the Institute of International Studies of the MGIMO University of the Russian Foreign Ministry (Moscow, The Russian Federation). / **ГУСЕВ Леонид Юрьевич** — Старший научный сотрудник Аналитического центра Института международных исследований МГИМО МИД России, кандидат исторических наук (Москва, Российская Федерация).

взаимодействует с несколькими соседними регионами – Средиземноморским, Балканским, Ближневосточным и Центральноазиатским. Говорится, что этот регион является одним из главных нефтяных и газовых транспортных путей из каспийского моря в Европу.

В статье указывается на то, что в течение последних 10 лет, региональное сотрудничество в энергетическом секторе стало основным аспектом энергетической безопасности. Расположенный на перекрестках основных нефтяных и газовых маршрутов, Каспийско-Черноморский регион стал очень важным регионом, производящим, доставляющим и распространяющим энергетические продукты.

В статье рассказывается о трубопроводах, идущих через и вокруг Каспийского и Чёрного морей. Также в статье говорится о сотрудничестве России с Ираном в сфере энергетики.

Ключевые слова: энергетическое сотрудничество, Каспийско-Черноморский регион, энергетические рынки.

JEL Classification: F 29, K 33.

УДК: 327.39 ; 341.229.

REZUMAT:

COOPERAREA ENERGETICĂ ÎN ZONA MĂRII CASPICE ȘI A MĂRII NEGRE

În articol se vorbește despre cooperarea energetică în zona Mării Caspice și a Mării Negre. Se menționează, că pe parcursul ultimilor 20 de ani zona Mării Caspice și a Mării Negre este un centru internațional de atracție. De asemenea, se vorbește despre faptul că, în același timp, această regiune larg interacționează cu mai multe regiuni vecine, cum ar fi Marea Mediterană, Balcanii, Răsăritul Apropiat și Asia Centrală. Se menționează, că această regiune este una dintre principalele a căilor de transport a petrolului și gazelor din Marea Caspică în Europa.

În articol se face trimitere la faptul că, în ultimii 10 ani, cooperarea regională în sectorul energetic a devenit principalul aspect al securității energetice. Situată la intersecțiile majore a rutelor de petrol și gaze, zona Mării Caspice și a Mării Negre a devenit o regiune foarte importantă, care produce, transportă și tranzitează produse energetice.

În articol se relatează despre conductele care traversează Marea Caspică și Marea Neagră. De asemenea, în articol se vorbește despre cooperarea Rusiei cu Iranul în domeniul energetic.

Cuvinte cheie: cooperarea energetică, zona Mării Caspice și a Mării Negre, piețele de energie.

JEL Classification: F 29, K 33.

CZU: 327.39 ; 341.229.

Over the past nearly 20 years the Caspian — Black Sea region has been at the center of international attention. Especially when it has become the new eastern border of NATO and the EU after the accession of Romania and Bulgaria to NATO in 2004 and the EU in January 2007. As a result, stability and security in the region began the direct concern for the EU and NATO, on the one hand, and Russia, Ukraine, Moldova, the Caucasus countries on the other.

At the same time, this region is largely open to several neighboring regions — such as the Mediterranean, the Balkans, the Middle East and Central Asian.

This openness also creates problems for the definition, as the essence of this concept, and the boundaries of the region. Some analysts even claim that the Caspian Sea and the Black Sea

region is not even the region, but simply „artificially invented the region”¹.

In addition, the region is one of the major oil and gas transportation routes from the Caspian Sea to Europe. All countries of the region have different dynamics, and there is only one common denominator as to strengthen cooperation and to intensify the conflict in the Caspian and Black Seas, — energy. However, energy is increasingly become a matter of confrontation rather than unification.

¹Проблема регионального (черноморского) сотрудничества в Турции. Митат Челикпала адъюнкт-профессор международных отношений Университета Кадир Хас, Стамбул. Портал Черноморские новости. [On-line]: <http://www.blackseanews.net/read/33325> (Дата посещения 08.10.2016).

Over the past decade, regional cooperation in the energy sector has been a key aspect in the field of energy security. Located at the crossroads of the main export oil and gas flows in the global energy markets, the Caspian - Black Sea region has become a region of crucial importance in relation to energy production, transportation and distribution. Being the second largest source of fossil fuels after the Persian Gulf, the region entered the 21st century, faced with a new, rapidly developing events in the field of energy, requiring new approaches of cooperation in this direction. Oil and gas projects that have changed the energy map of the region, encourage Member States to develop new mechanisms in order to create a common energy strategy in the context of global energy security².

Currently, there are a few pipelines across and around the Caspian and Black Seas. The existing pipeline from Baku to the Russian oil terminal in Novorossiysk was built in 1997. Another, who went from Baku to the Georgian Black Sea port of Supsa, was upgraded and became operational in 1999. First Kazakh oil fields were connected only with the Russian pipeline system. As a result of the creation of the Caspian Pipeline Consortium Kazakh oil from the beginning of 2001 transported to Novorossiysk. Some bottlenecks impede the expansion of the system, until Russia has increased its influence by doubling its capacity to 1.3 million barrels per day in 2008³.

The entire large amount of oil required better infrastructure. In addition, the transport of oil by tankers across the Black Sea led to an increase in the number of winter delays; enhance safety measures, congestion and environmental problems in the Bosphorus and the Dardanelles. All this paved the way for more projects, bypassing the Bosphorus.

The Baku — Tbilisi — Ceyhan was the first direct transport route between the Caspian Sea and the Mediterranean bypassing the Turkish

straits, as well as in Russia. The United States supported the construction of the pipeline with a capacity of 1 million barrels a day, aimed at the delivery of the Azerbaijani and Kazakh oil. It entered in service in June 2006. This pipeline route was not the most economical option, but it was the geopolitical advantages of going to bypass Russia, Armenia and Iran. Thus, it was a compromise between the West and Azerbaijan and Turkey⁴.

„Blue Stream” — the current gas pipeline between Russia and Turkey, partially lay under the Black Sea. The total length of the pipeline — 1213 km, including the sea area from Arkhipo-Osipovka to Samsun (Turkey) — 396 km; land area on the Russian side of 373 km; land plot on the Turkish side of the town of Samsun to Ankara — 444 km. In 2010, Turkey bought 30 billion. Cube. m, 16 of them — on the „Blue Stream”. Exploitation of the Sea area brought a loss of about 1 bln. Dollars. due to the cancellation of export tax⁵.

Also two other pipelines are developed- Trans-Caspian and „Turkish Stream”.

Trans-Caspian is designed to supply Turkmen gas under the Caspian Sea to Baku and further to the Nabucco pipeline. This pipeline counteracted Caspian countries (mainly Russia) for environmental reasons and for reasons of unresolved status of the Caspian Sea as an internal sea⁶.

In 2016, Azerbaijan and Turkmenistan have resumed talks on gas supplies to Europe. Baku is interested in the success of the negotiations. Turkmenistan via Azerbaijan can transport up to 30 billion cubic meters of gas per year. However, attempts to negotiate with Turkmenistan were many times and this did not not led to any result⁷.

Attempts to agree on the construction of the Trans-Caspian gas pipeline has been going for a long time. Its geopolitical significance is difficult

² Большое Причерноморье: поиск путей расширения сотрудничества. Доклады Института Европы. №284. Москва 2012. [On-line]: <http://www.ieras.ru/doclad/284.pdf> (Дата посещения 25.09.2016).

³ Большое Причерноморье: поиск путей расширения сотрудничества. Доклады Института Европы. №284. Москва 2012. [On-line]: <http://www.ieras.ru/doclad/284.pdf> (Дата посещения 25.09.2016).

⁴ Ibid.

⁵ Энергетическая политика России в СНГ. Неоимпериализм или ставка на прошлое. В: Портал Мировая политика и ресурсы. [On-line]: <http://www.wpru.ru/archives/2431#more-2431> (Дата посещения 10.10.2016).

⁶ Ibid.

⁷ Энергетическая политика России в СНГ. Неоимпериализм или ставка на прошлое. В: Портал Мировая политика и ресурсы. [On-line]: <http://www.wpru.ru/archives/2431#more-2431> (Дата посещения 10.10.2016).

to overestimate. In Europe, it is considered as one of the most important arteries of gas for the full formation of the so-called Southern Gas Corridor (SGC), which is to supply gas to European markets, bypassing Russia.

Until 2013 it was assumed that a major project will be the Nabucco gas pipeline system. However, this project was reduced to Nabucco West, and in the summer of 2015 It was replaced by a system of gas pipelines Trasanatoliy (TANAP) and the Trans-Adriatic (TAP) gas pipelines⁸.

TANAP project envisages transporting gas from Azerbaijani field „Shah Deniz” from the Georgian—Turkish border to the western border of Turkey. However, in the first stage it is planned to transport 16 billion cubic meters of Azerbaijani gas, 10 of which are for the EU, which, of course, cannot meet the EU requirements in the „blue fuel”⁹.

As for the implementation of the Trans-Caspian gas pipeline, expert Kama Mustafayeva from Azerbaijan said that the realization of it meets a lot of nuances, including disagreement between Russia and Iran on the implementation of the gas pipeline. In this regard, Mustafayeva said, that Baku and Ashgabat are afraid to make sudden movements, so as not to spoil relations with Moscow¹⁰.

In this regard, the expert notes that the negotiators are looking towards the European Union, which has been active on this issue, „but without the confidence between the parties themselves, and a more peaceful approach, especially from the part of Russia — it is unlikely that it will turn out”¹¹.

Commenting the issue, there will be enough for Turkmenistan the capacity to work in the direction of Azerbaijan, taking into account the fact that Ashgabat plans to supply gas to China, and in early 2016 announced the implementation of the TAPI pipeline (Turkmenistan — Afghanistan — Pakistan — India), Mustafayeva noted that, taking into account the subsequent development of the giant field Galkinish, Turkmenistan should be enough gas potential¹².

„Turkish Stream” — an international project pipeline, which will be laid under the Black Sea from Anapa district in Turkey. Next, on the border of Turkey and Greece the construction of a gas hub is suggested through which the gas would be directed to the European countries. For the construction of the gas pipeline on the territory of Russia suggested the use of previously constructed infrastructure for closed „South Stream”. For the construction of the gas pipeline on the territory of Russia suggested the use of previously constructed infrastructure for closed „South Stream”.

In contrast to the „South Stream” pipeline „Turkish Stream” is required less investment, as Gazprom can use to their advantage, the provisions of the Third Energy Package prohibiting gas owners have more than 50% of transit. Therefore, Gazprom can use as the infrastructure 50% of competing with the South Stream gas pipeline TAP¹³.

The possibility of laying the gas pipeline capacity of two lines 15.75 billion cubic meters per year each is considered. The first will be built for the Turkish domestic gas consumers, the second — for consumers in South-Western Europe. It was assumed that the pipeline will help diversify the supply of Russian natural gas to Europe and reduce the dependence of suppliers and buyers from the transit countries, in particular, from the Ukraine.

On the 26 of November, 2015 it was announced that in connection with the destruction of the Russian Su-24, by Turkish military airforces, Russia stops on a number of investment projects and trade agreements with Turkey, including the „Turkish Stream”¹⁴. On the 3 of December, 2015 Russian Energy Minister Alexander Novak said that the project „Turkish stream” is suspended¹⁵.

¹³ Еврокомиссия подтвердила возможность использования «Газпромом» трансадриатического трубопровода. Сергей Кузнецов. В: Портал FTimes. [On-line]: <http://ftimes.ru/politics/2131-evrokomissiya-podtverdila-vozmozhnost-ispolzovaniya-gazpromom-transadriaticheskogo-truboprovoda-tap/> (Дата посещения 05.10.2016).

¹⁴ «Турецкий поток» подпал под действие закона о мерах против Турции. В: Агентство Interfax.ru. [On-line]: <http://www.interfax.ru/business/481761> (Дата посещения 10.10.2016).

¹⁵ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

On the 26 of July, 2016, Russian Deputy Prime Minister Arkady Dvorkovich said that Turkey is willing to resume the project „Turkish Stream¹⁶”.

In September of 2016, Gazprom through diplomatic channels received the first authorization within the framework of the preparatory procedures for the resumption of the project.

Cooperation between Russia and Iran in the energy sector.

The most important milestones in the development of Russian-Iranian energy cooperation are Russian investments in the South Pars gas field, taking part of „Tekhnopromexport” Russian company in projects such as the construction of the fuel and energy station „Shahid Mohammad Montazeri” in Isfahan and the fuel and energy station „Ramin” in Ahvaz¹⁷.

In addition, the Russian company Lukoil is interested in participating in Iranian oil projects, Iran is aimed at long-term cooperation. During a visit to Iran on 19 September 2016, the head of LUKOIL Vagit Alekperov confirmed his interest in working in Iran¹⁸.

LUKOIL became the 1st Russian company, which signed the contract after the lifting of sanctions from Iran in January of 2016.

LUKOIL signed 2 agreements with the Iranian government to study the areas and specific fields of interest for the company.

The search for hydrocarbon reserves will be made in the area of deposit Dasht Abadan, as well as in the northern parts of the Gulf in the province of Khuzestan¹⁹.

Thus, we can say that in the short term, the Caspian — Black Sea region will play an

important role in ensuring European hydrocarbons. However, being a strategically important region, and as a transit route for the transportation of energy, and how the owner of the enormous reserves of fossil fuel, it is currently experiencing a turning point. The growing importance of the region in the global energy market should be properly evaluated and realized by all stakeholders in order to implement reliable and effective coordinated actions in the energy sector.

Bibliography:

1. Большое Причерноморье: поиск путей расширения сотрудничества. Доклады Института Европы. №284. Москва 2012. [On-line]: <http://www.ieras.ru/doclad/284.pdf> (Дата посещения 25.09.2016).

2. Дворкович заявил о готовности Турции возобновить проект «Турецкий поток». Максим Товкайло. Агентство РБК. [On-line]: <http://www.rbc.ru/business/26/07/2016/57972c559a79470fed037ebc> (Дата посещения 05.10.2016).

3. Еврокомиссия подтвердила возможность использования «Газпромом» трансадриатического трубопровода. Сергей Кузнецов. В: Портал FTimes. [On-line]: <http://ftimes.ru/politics/2131-evrokomissiya-podtverdila-vozmozhnost-ispolzovaniya-gazpromom-transadriaticheskogo-truboprovoda-tap/> (Дата посещения 05.10.2016).

4. ЛУКОЙЛ и Иран подтвердили интерес к сотрудничеству в нефтяных проектах, но вновь без подробностей. В: Портал Neftegaz.ru. [On-line]: <http://neftegaz.ru/news/view/153478-LUKOYL-i-Iran-podtverdili-interes-k-sotrudnichestvu-v-neftnyh-proektah-no-vnov-bez-podrobnostey> (Дата посещения 07.10.2016).

5. Проблема регионального (черноморского) сотрудничества в Турции. Митат Челикпала адъюнкт-профессор международных отношений Университета Кадир Хас, Стамбул. Портал Черноморские новости. [On-line]: <http://www.blackseanews.net/read/33325> (Дата посещения 08.10.2016).

6. Российско-Иранские отношения. Портал 5-й международной выставки инноваций и технологий. [On-line]: <http://inotex.negusexpo.ru/relationship/> (Дата посещения 08.10.2016).

¹⁶ Дворкович заявил о готовности Турции возобновить проект «Турецкий поток». Максим Товкайло. Агентство РБК. [On-line]: <http://www.rbc.ru/business/26/07/2016/57972c559a79470fed037ebc> (Дата посещения 05.10.2016).

¹⁷ Российско-Иранские отношения. Портал 5-й международной выставки инноваций и технологий. [On-line]: <http://inotex.negusexpo.ru/relationship/> (Дата посещения 08.10.2016).

¹⁸ ЛУКОЙЛ и Иран подтвердили интерес к сотрудничеству в нефтяных проектах, но вновь без подробностей. В: Портал Neftegaz.ru. [On-line]: <http://neftegaz.ru/news/view/153478-LUKOYL-i-Iran-podtverdili-interes-k-sotrudnichestvu-v-neftnyh-proektah-no-vnov-bez-podrobnostey> (Дата посещения 07.10.2016).

¹⁹ Ibid.

7. «Турецкий поток» подпал под действие закона о мерах против Турции. В: Агентство Interfax.ru. [On-line]: <http://www.interfax.ru/business/481761> (Дата посещения 10.10.2016).

8. Энергетическая политика России в СНГ. Неоимпериализм или ставка на прошлое. В: Портал Мировая политика и ресурсы. [On-line]: <http://www.wpru.ru/archives/2431#more-2431> (Дата посещения 10.10.2016).

Bibliography:

1. Bol'shoe Prichernomor'e: poisk putej rasshirenija sotrudnichestva. Doklady Instituta Evropy. №284. Moskva 2012. [On-line]: <http://www.ieras.ru/doclad/284.pdf> (Visited on: 25.09.2016).

2. Dvorkovich zajavil o gotovnosti Turcii vozobnovit' proekt «Tureckij potok». Maksim Tovkajlo. Agentstvo RBK. [On-line]: <http://www.rbc.ru/business/26/07/2016/57972c559a79470fed037ebc> (Visited on: 05.10.2016).

3. Evrokomissija podtverdila vozmozhnost' ispol'zovaniya «Gazpromom» transadriaticeskogo truboprovoda. Sergej Kuznecov. В: Portal FTimes. [On-line]: <http://ftimes.ru/politics/2131-evrokomissiya-podtverdila-vozmozhnost-ispolzovaniya-gazpromom-transadriaticeskogo-truboprovoda-tap/> (Visited on: 05.10.2016).

4. LUKOIL i Iran podtverdili interes k sotrudnichestvu v neftyanyh proektah, no vnov' bez podrobnostej. В: Portal Neftegaz.ru. [On-line]: <http://neftegaz.ru/news/view/153478-LUKOYL-i->

[Iran-podtverdili-interes-k-sotrudnichestvu-v-neftyanyh-proektah-no-vnov-bez-podrobnostej](http://neftegaz.ru/news/view/153478-LUKOYL-i-Iran-podtverdili-interes-k-sotrudnichestvu-v-neftyanyh-proektah-no-vnov-bez-podrobnostej) (Visited on: 07.10.2016).

5. Problema regional'nogo (chernomorskogo) sotrudnichestva v Turcii. Mitat Chelikipala ad#junkt-professor mezhdunarodnyh odnoshenij Universiteta Kadir Has, Stambul. Portal Chernomorskie novosti. [On-line]: <http://www.blackseanews.net/read/33325> (Visited on: 08.10.2016).

6. Rossijsko-Irandskie odnoshenija. Portal 5-j mezhdunarodnoj vystavki innovacij i tehnologij. [On-line]: <http://inotex.negusexpo.ru/relationship/> (Visited on: 08.10.2016).

7. «Турецкий поток» подпал под действие закона о мерах против Турции. В: Агентство Interfax.ru. [On-line]: <http://www.interfax.ru/business/481761> (Visited on: 10.10.2016).


8. Jenergeticheskaja politika Rossii v SNG. Neoimperializm ili stavka na proshloe. В: Portal Mirovaja politika i resursy. [On-line]: <http://www.wpru.ru/archives/2431#more-2431> (Visited on: 10.10.2016).

Copyright©GUSEV Leonid, 2017.

Contacte / Contacts / Контакты:

Институт международных исследований
МГИМО МИД России.
119454, Москва, Российская Федерация,
проспект Вернадского, 76.

E-mail: lgoussev@yandex.ru

 <p>REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE Chișinău, Republica Moldova</p>	<p>Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений</p> <p>2017, Issue 1, Volume 12, Pages 112-122. ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963 Submitted: 15. 11. 2016 Accepted: 15.02. 2017 Published: 30.03. 2017</p>
---	---

COMUNICĂRI ȘTIINȚIFICE
THE SCIENTIFIC COMMUNICATIONS
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

**COORDINATION ON COMPENSATION LIABILITY FOR BUNKER POLLUTION AND
REGIME OF LIMITATION OF LIABILITY FOR MARITIME CLAIMS***

**COORDONAREA PRIVIND RĂSPUNDEREA PENTRU POLUARE
CU HIDROCARBURI UTILIZATE PENTRU PROPULSIA NAVEI
(POLUARE DE „BUNKER”) ȘI REGIMUL DE LIMITARE A RĂSPUNDERII PENTRU
CREANȚE MARITIME**

**КООРДИНАЦИЯ КОМПЕНСАЦИЙ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ
ЗА ЗАГРЯЗНЕНИЕ БУНКЕРНЫМ ТОПЛИВОМ И РЕЖИМ ОГРАНИЧЕНИЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО МОРСКИМ ТРЕБОВАНИЯМ**

GUO Ping** / GUO Ping / ГУО Пинг

ABSTRACT:

**COORDINATION ON COMPENSATION LIABILITY FOR BUNKER POLLUTION
AND REGIME OF LIMITATION OF LIABILITY FOR MARITIME CLAIMS**

There are different opinions in China on the relation and application of some international conventions concerned to pollution from ships after CLC and Bunker Convention came into force in recent years. On the basis of Bunker Convention, this paper focuses on the relationship between CLC, Bunker Convention as well as HNS Convention, particularly on the limitation of liability of bunker pollution, with the method of comparison and systematic analysis. Finally, the discussion under this paper is helpful for the complementation of international conventions in China.

Key Words: *Bunker pollution; limitation of liability; compulsory liability insurance; international convention*

JEL Classification: K33

* Lucrarea este susținută de „Zhong Gao Yang Xiao Bază Programul de Cercetare” și de Cercetare Proiect de Ministerul Educației (11JZD049), Provincia Liaoning Proiect (L11AFX002) și DMU Proiect de Cercetare (017470). / В статье поддерживается «Чжун Ян Гао Сю программа фундаментальных исследований» и исследовательский проект Министерства образования (11JZD049) проекта провинции Ляонин (L11AFX002) – исследовательский проект ДМУ (017470). / The paper is supported by „Zhong Yang Gao Xiao Basic Research Program” and Research Project of Ministry of Education (11JZD049), Liaoning Province Project (L11AFX002) and DMU Research Project (017470).

** **GUO Ping** — Profesor universitar de drept maritim, director al Institutului de Drept Internațional Maritim (IIML) a Universității Maritime din Dalian, director a Asociației Chineze de Drept Maritim, arbitru în Comisia Chineză de Arbitraj Maritim (Dalian, Republica Populară Chineză). / **GUO Ping** — Professor of Maritime Law, Director of The Institute of International Maritime Law (IIML) of the Dalian Maritime University, director of China Maritime Law Association, the arbitrator of China Maritime Arbitration Commission (Dalian, People's Republic of China). / **ГУО Пинг** — Профессор морского права, директор Института международного морского права (ИИМЛ) Даляньского морского университета, директор китайской Ассоциации морского права, арбитр Арбитражной морской комиссии Китая (Далянь, КНР). E-mail: guoping@dl.cn

REZUMAT:

COORDONAREA PRIVIND RĂSPUNDEREA PENTRU POLUARE CU HIDROCARBURI UTILIZATE PENTRU PROPULSIA NAVEI (POLUARE DE „BUNKER”) ȘI REGIMUL DE LIMITARE A RĂSPUNDERII PENTRU CREAȚE MARITIME

Există opinii diferite în China privitor la aplicarea unor convenții internaționale în cauza poluării de către nave, în special după intrarea în vigoare a Convenției CLC și Convenției „Bunker Oil”. În analiza sa, această lucrare se concentrează pe relația dintre Convenția CLC, Convenția „Bunker Oil”, precum și Convenția HNS, în special cu privire la limitarea răspunderii civile pentru daunele provocate de poluarea cu hidrocarburi utilizate pentru propulsia navei (poluarea de „bunker”), cu metoda de comparare și analiză sistematică. În cele din urmă, discuțiile din această lucrare sunt utile pentru completarea convențiilor internaționale la care este parte China.

Cuvinte cheie: *Bunker Oil, poluarea de „bunker”, limitarea răspunderii, asigurare obligatorie de răspundere, convenție internațională.*

JEL Classification: K33

CZU: 341.22, 341.29.009(100)

РЕЗЮМЕ:

КООРДИНАЦИЯ КОМПЕНСАЦИЙ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ЗА ЗАГРЯЗНЕНИЕ БУНКЕРНЫМ ТОПЛИВОМ И РЕЖИМ ОГРАНИЧЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО МОРСКИМ ТРЕБОВАНИЯМ

В Китае существуют разные мнения относительно взаимосвязи и применения некоторых международных конвенций, касающихся загрязнения судами после вступления в силу Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью и Бункерной конвенции. Основываясь на положениях Бункерной конвенции, настоящая статья фокусируется на анализе взаимосвязи между Бункерной конвенцией и Международной конвенцией 1996 г. об ответственности и компенсации за ущерб в связи с перевозкой морем опасных и вредных веществ, особенно в отношении ограничения ответственности за загрязнение бункерным топливом, методом сравнения и систематического анализа. Дискуссия, представленная в данной статье, полезна для дополнения международных конвенций в Китае.

Ключевые слова: *бункерное загрязнение, ограничение ответственности, обязательное страхование ответственности, международные Конвенции.*

JEL Classification: K33

УДК: 341.22, 341.29.009(100)

Forwarding

International Convention on Civil Liability for Bunker Oil Pollution Damage, 2001 (hereafter referred as Bunker Convention) entered into force for China on March 9th, 2009. This convention together with International Convention On Civil Liability for Oil Pollution Damage, 1969 and its Protocol in 1992 (CLC 1992 for short), and the international Convention on Liability and Compensation for Damage in Connection with the Carriage of Hazardous and Noxious Substances by Sea 1996 (HNS Convention for

short), specialize respectively in the fields of bunker, persistent cargo oil and hazardous and noxious substances, which builds a framework of a legal regime at an international level related to the compensation for the pollution damage resulting from the vessel itself and the goods on board. It has a profound impact on the preservation of the marine environment and the protection the victims of pollution. China has acceded to CLC 1992 and Bunker Convention. Remarkably different from CLC 1992 and HNS Convention, Bunker Convention does not create a

separate limitation regime. As a result, there are different standpoints on how to determine the relationship between the three conventions and identify the limitation of liability for bunker oil pollution. Based on the research into the Bunker Convention, this paper demonstrates and analyzes the relationships between the relevant conventions and the limitation of liability for bunker oil pollution academically so as to facilitate the fulfillment of obligations under the international conventions and to bring an insight into the deep research on the limitation of liability of bunker pollution.

1. Pollution damage and the scope of the application of Bunker Convention

1.1 The definition of bunker oil pollution damage

According to Article 1 (9) of the Bunker Convention, pollution damage means (a) loss or damage caused outside the ship by contamination resulting from the escape or discharge of bunker oil from the ship, wherever such escape or discharge may occur, provided that compensation for impairment of the environment other than loss of profit from such impairment shall be limited to costs of reasonable measures of reinstatement actually undertaken or to be undertaken; and (b) the costs of preventive measures and further loss or damage caused by preventive measures.

Obviously, pollution damage under the bunker convention defined narrowly to those direct damages, which excludes those profit damages.¹

1.2 The scope of the application of Bunker Convention

The scope of the application of Bunker Convention shall be discussed from the following three aspects.

1.2.1 Geographic scope

Article 2 of Bunker Convention expressly provides that the Convention shall apply to pollution damage caused in the territory (including the territorial sea) and the exclusive economic zone of a state party and to preventive measures, wherever taken, to prevent or minimize such damage. It specifically embodies inland seas, territorial seas, contiguous zone, exclusive economic zone and other navigable waters

adjacent thereto. However, the Convention does not apply to circumstances where a riverboat causes the pollution due to fuel tank spill in rivers, lakes or other inland waters. Aside from that, the convention also applies where the oil spill spreads into the geographic scope mentioned above and consequently causes pollution damage even though the accident does not happen in the territorial seas and exclusive economic zone of the state party.

1.2.2 Applicable vessels

For the purposes of this convention, ship means any seagoing vessel and seaborne craft, of any type whatsoever. Therefore, the Convention explicitly excludes riverboat, warship, a naval auxiliary and ships owned or operated by a State when being used for governmental and non-commercial function². Announcement of reservation is certainly allowed when joining the convention. So a state member can expand the scope of the Convention to the application of warship or public service ship etc. Nevertheless, the applicable ships also include seagoing vessels owned or operated by a state when using for commercial purposes only³.

It should be noted there exist no limits of minimum tonnage for seagoing ship under the convention⁴. In comparison, the definition under Article 3 of CMC excludes ships less than 20 ton gross tonnage⁵. Article 268 of CMC provides if any international treaty concluded or acceded to by china contains provisions contradict with those contained in this code, the provisions of the relevant international treaty shall apply. Therefore, Bunker Convention shall applies to small ships less than 20 ton gross tonnage in accidents of bunker oil pollution with foreign

² See Article 1 Paragraph 1 and Article 4 of Bunker Convention.

³ There is no reservation when China joining the convention. Therefore, the bunker oil pollution resulting from the warship and public service ship is not applicable in China.

⁴ But Article 7 of the convention provides ships more than 1000 tons gross tonnage are required to maintain liability insurance or provide similar financial security. There is no mandatory provision for ships under 1000 tons gross tonnage

⁵ According to Article 3 of CMC, ship means sea-going ships and other mobile units, but does not include ships or crafts to be used for military or public service purposes, nor small ships of less than 20 tons gross tonnage.

¹ There are similar descriptions in Article 1 Paragraph 6 of 1992 CLC Convention and Article 1 Paragraph 6 of HNS Convention.

elements in China. Besides, according to the provisions of Bunker Convention, bunker oil pollution resulting from oil tanker and some types of multipurpose ships shall be covered by CLC 1992. Consequently, the applicable ships under Bunker Convention mainly contain bulk carriers, container ships, passenger ships, chemical tankers and other types of ships.

1.2.3 Applicable oil

As provided in Article 1 of Bunker Convention, bunker oil means any hydrocarbon mineral oil, including lubricating oil, used or intended to be used for the operation or propulsion of the ship, and any residues of such oil. In the shipping industry, it is commonly considered that bunker oil shall include gas oil, fuel oil, diesel oil, lubricating oil etc. It is obvious oil in the Convention means bunker oil loaded or carried in the fuel oil tank to provide power for a ship, excluding any types of cargo oil carried in hold in bulk or in any form of package.

2 The relationships between Bunker Convention, CLC Convention and HNS Convention

Since HNS Convention has not been entered into force until now, the relevant aspects of pollution damage concerned with HNS are governed by domestic laws. As a result, conflicts of the application of HNS Convention and others conventions are not so sharp. However, it has potential conflicts if a state is member of both Bunker Convention and CLC convention.

2.1 The relationship between Bunker Convention and CLC 1992

It is expressly provided in Article 4 of Bunker Convention that it excludes pollution damage defined in CLC 1992⁶, whether or not compensation can be obtained from latter. However, CLC 1992 applies to ships specially constructed or adapted for the carrying of persistent oil as cargo in bulk and to any voyage following such actual carriage of cargo oil unless it is proved there is no residues of cargo oil on

⁶ The words used in Bunker Convention are „Civil Liability Convention”. But in accordance with Article 1(6), „Civil Liability Convention” only means CLC 1992 and excludes CLC1969 or 1976 Protocol or its 1984 Protocol. Based on data on November 28th, 2012 in IMO official website, the number of the member parties of CLC 1969, CLC 1992 and Bunker Convention is respectively 34, 133 and 67.

board. Therefore, it is safely concluded that the applicable ships under CLC 1992 mainly include oil tankers, multi-purpose vessels carrying oil as cargo and ships mentioned above in ballast voyage after actually carrying oil as cargo. Cargo oil in bulk under CLC1992 means any persistent oil including fuel oil whether loaded on board as cargo or carried in bunkering tank for propulsion. As for other ships excluded by CLC 1992, bunker oil pollution damage resulting from fuel tanks providing power shall fall into the scope of Bunker Convention. With regard to pollution damage caused by the carriage of non-persistent cargo oil, it neither applies to CLC 1992, nor to Bunker Convention, but to HNS Convention⁷.

2.2 The relationship between Bunker Convention and CLC 1969⁸

Bunker Convention only describes its relationship with CLC 1992, but remains ambiguous on the relationship with CLC1969. Thus, we are confronted with the difficulty of which convention shall apply, and even no proper applicable convention to deal with bunker oil pollution damage.⁹ Probable factors for the disharmony between the two conventions are as follows.

Firstly, provided that a country is a state member of Bunker Convention, but not to any CLC Convention. Bunker Convention shall apply once the pollution is caused by the leakage of fuel oil used for power from the tank, no matter the ship is a tanker or a bulk carrier. However, in terms of fuel oil carried as cargo whether in bulk or in package, pollution damage caused thereby shall be governed by domestic laws only.

Secondly, provided that a country is a state member of CLC 1969, but not of Bunker

⁷ According to the definition of toxic and harmful substance in Article 1 Paragraph 5 of HNS Convention and the stipulation of the application scope in Article 4, obviously the oil pollution damage provided in CLC Convention is not applicable to HNS Convention whether or not the compensation can be payable under CLC Convention.

⁸ CLC 1969 and CLC 1992 are two conventions independently governing the same field. With regard to the statistic data from IMO official website, by November 28th,2012, the former one has 34 contracting parties far less than the 133 state parties of the latter convention.

⁹ Xuke Hou. International Convention on Civil Liability For Oil Pollution Damage, 2001 and compliance counter plan. In: Waterborne Transport Research. 2009 Volume 3.

Convention. According to Article 1(5) of CLC 1969¹⁰, CLC 1969 shall apply when oil pollution damage caused by the ship actually carrying fuel oil as cargo, no matter the leakage is from the tank for propulsion or from the hold of the vessel. However, the pollution damage caused by the leakage from the tanker in ballast voyage or other non-tankers, the domestic laws shall apply.

Thirdly, provided that a country is state member to both Bunker convention and CLC 1969. Since CLC1969 applies to bunker pollution from tankers actually carrying bunker in bulk as cargo and Bunker Convention does not exclude the application of the CLC1969 just like exclusion of CLC 1992, it is likely that both conventions can be applied concurrently. Because it is obviously different on the limitation of liability under both conventions, it is of crucial importance for which convention shall apply from the view of the innocent party. Individually, this paper insists on that victims shall have the right to choose one favorable convention as proper applicable law indeed.

2.3 The relationship between HNS Convention and Bunker Convention

Although only 14 countries ratified HNS convention since its adoption in 1996, there is still a long way to go until the convention could come into force. However, in order to accelerate the process for taking effect of this convention as soon as possible and to promote the unification of the rules on the supervision of the toxic and harmful substance, IMO held a Diplomatic Conference from April 26th to 30th, 2010 and adopt the 2010 protocol of 1996 HNS Convention. The protocol provides that HNS Convention shall come into effect after 18 months from the date on which 12 countries accede to the convention and at least 4 countries' aggregate tonnage of merchant fleet shall exceed 2,000,000 gross tonnages¹¹. Due to the amendment of 2010 Protocol, it is foreseeable that the Convention will

take into effect in coming future. If HNS Convention were effective, problems about the relationship between HNS Convention to others may arise. The following discussions are based on the assumption that a country is state member of both Bunker convention and HNS convention:

Article 4 of HNS Convention provides that pollution damage governed by CLC 1969 and its amendments are not applicable to HNS Convention. That is to say, in application, HNS expressly draws a distinct board line from CLC1969 and CLC1992, but leaves the blank on the point of its relationship with Bunker Convention. According to Article 1 of HNS Convention, the toxic or harmful substances include gas oil, light diesel oil, lubrication oil and bunker oil, which is consistent with the scope of the „fuel oil” defined in Bunker Convention. When comparing the provisions of two conventions carefully and from the view of systematic interpretation of HNS Convention, we can find out that the exact meaning of the toxic or harmful substances in HNS Convention is limited to those carried on board as cargo¹² while Bunker Convention provides the bunker oil in a tank of vessel for providing power only. Therefore, the paper points out that there are significant differences between Bunker Convention and HNS Convention. Generally they can be independently applied in their respective fields without any direct conflicts. However, conflict would appear if oil leak is resulted from a chemical ship which partially carries fuel oil as cargo, not in bulk, and the leakage is also from the fuel oil tank of the same vessel for propulsion, and it is difficult to confirm where the leakage comes from. Considering of ambiguities of the Conventions, the paper suggest that the victim is freely to choose which convention is proper applicable law to dealing with the oil pollution damage.

To sum up, Bunker Convention, CLC Convention and HNS Convention shall be applied independently in their respective fields while there are unclear and ambiguous on the points of relationship between these conventions.

¹⁰ See the provisions of 1969 CLC Convention Article 1 Paragraph 5, oil means any persistent hydrocarbon mineral oil such as crude oil, fuel oil, heavy diesel oil and lubricating oil, whether carried on board a ship as cargo or in the bunkers of a ship

¹¹ See Shanghai Maritime Safety Authority website. [On-line]: <http://www.shmsa.gov.cn/news/201005105231456961.html> (Visited on: 30.06.2010).

¹² See the provision of 1996 HNS Convention Article 1 (5) (a).

The specific application of the conventions mentioned above and their relationships are showed in Table 1.

Table 1

Name of convention		Bunker	CLC 1992	CLC 1969	HNS
Conditions					
Bunker oil (limited to bulk cargo carried in tanker and other ships)	Actually carrying	Not applicable	applicable	applicable	Not applicable
	ballast	Not applicable	applicable	Not applicable	Not applicable
Bunker oil (only in the fuel oil tank for providing power)		Applicable (except those within the scope of CLC 1992)	Applicable (only to bunker oil in the specified ships governed by CLC 92)	Applicable (only to bunker oil in the specified ships governed by CLC 69)	Not applicable
Bunker oil (limited to cargo carried in ships other than tanker)		Not applicable	Not applicable	Not applicable	Applicable

3 Discussions on the theory about limitation of liability for bunker oil pollution damage

On the basis of clarification of relationships of relevant international conventions concerned with bunker oil pollution, the following discussion will focus on the limitation of liability for bunker oil pollution damage.

3.1 Independent Limitation Of Liability Regime or Combined Limitation of Liability Regime

According to Article 6 of Bunker Convention, it does not affect the right of shipowner, insurer or provider of financial guarantee to limit the liability in accordance with the applicable domestic or international regimes such as the amended Convention on Limitation of Liability for Maritime Claims, 1976 (1976 LLMC for short). Apparently, Bunker Convention does not create an independent limit of liability for bunker oil pollution damage as CLC Convention or HNS Convention¹³, but the amount of limitation of

bunker oil pollution shall be figured out by reference to the domestic laws or LLMC as amended.

In China, there exist two different academic opinions about the understanding of Article 6 of Bunker Convention, they are Independent limitation of liability regime and Combined limitation of liability regime. The former means that the calculation of the amount of limits of liability for bunker pollution damage is established on the basis of domestic laws or international conventions, the claim of compensation for fuel pollution damage enjoys the limitation independently without calculation of other maritime claims which shall enjoy another parallel limitation. However, Combined limitation of liability regime means the calculation of the amount of limits of liability for bunker pollution damage should share the limit of liability for general maritime claims together with other claims proportionally, therefore, the calculation of bunker pollution damage itself has an independent limitation.

The commentators supporting for independent limitation of liability regime insist that (i) a consensus has been reached during the drafting of Bunker Convention that the compensation for bunker pollution damage shall be connected with the limits under LLMC Convention. Assuming that combined limitation of liability regime is adopted, there is no need for Article 6 exists and provides to apply the limitation of liability under LLMC directly can very well achieve its purpose. (ii) Although the amount of insurance or financial guarantee provided by shipowners under Bunker Convention is consistent with the limits under LLMC Convention or domestic laws, it should be noted that the insurance or financial guarantee is specially aimed at bunker pollution damage. If the limits are also applicable to other maritime claims subject to LLMC, then it might impose compulsory insurance for the limitation under LLMC Convention, and apparently it violates the original purpose of Bunker Convention¹⁴.

However, according to the view of „Combined limitation of liability regime”, the

in the two conventions are far higher than that stipulated in 1976 LLMC Convention.

¹⁴ Yuzhuo Si. Maritime Law (second edition) Law Press, 2007, p. 358-359.

¹³ See the stipulations of CLC Convention Article 5 and HNS Convention Article 9 respectively. The limits provided

amounts of bunker oil pollution damage share the amount of limitation of liability for maritime claims together with other maritime claims compensation. It can not be denied that the system itself has some shortcomings. For example, as some scholars have pointed out, in the condition of „Combined limitation of liability regime”, because the amount of the limitation of liability for general maritime claims does not increase correspondently, the compensation of victims for bunker oil pollution may be reduced respectively, which means it's difficult for the victims to obtain full and effective compensation. The situation is even more serious under the lower limits of liability for coastal transport ship in China¹⁵, since the limitation of liability for coastal ship is only half of limitation for ships engaged in international route. Some commentators points out that the combined limitation of liability regime will lead to the impossibility or difficulties of the detailed calculation of the amount of compulsory insurance of bunker oil pollution damage which will leave the problems solved by national laws¹⁶. Someone explains that the Convention adopts combined limitation of liability regime because the bunker pollution damage is less severe than that of persistent oil pollution under CLC. And also some commentators suggest that in order to overcome the drawbacks of this regime, the amount of the limitation of liability for general maritime claims shall be increased, because LLMC Convention 1996 Protocol had been passed in the process of adoption of Bunkers Convention, which shows the trend that the state member of Bunker Convention shall accept international mechanisms concerned to higher limits of liability as soon as possible¹⁷.

In order to have a correct understanding of the provisions of the Bunker Convention, the historical research, systematic interpretation method, combined with the languages of

provisions as well as the background of the drafting shall be taken into consideration. Therefore, the paper supports the combined limitation of liability regime on the following reasons.

Firstly, IMO Legal Committee made a clear consensus as early as the 77th meeting held in 1998 that the liability for bunker oil pollution damage can not live without a limitation, but it is unnecessary for the Bunker Convention set up a separate limitation of liability, on the considering how to coordinate with the widely applicable international rules in order to avoid too much conflicts. What considers more is the reference to the limits of liability provided by the 1996 Protocol of 1976 LLMC Convention¹⁸ to solve the unfairness maybe caused by combined limitation of liability regime. While there were different views on the issue of how to „associate the limitation of liability of bunker pollution damage with LLMC regime”. One view was that the Bunker Convention shall provide clearly that the limits of liability applies to LLMC Convention; the other was that the limits of liability under the LLMC Convention 1996 Protocol is directly reflected in the Bunker Convention. During the period of discussion of the drafting of Bunker Convention, there was no support for the second opinion, and considering the number of Member States to LLMC is more than that of 1996 Protocol¹⁹, it is no strange that the existing provisions of Bunker Convention was formed after consultation and compromises between the parties²⁰. Obviously, combined limitation of liability regime is recognized from drafting to passing and coming into force of Bunker Convention consistently.

Secondly, from the provision of Article 2²¹、Article 3²² of 1976 LLMC Convention, it

¹⁸ The Protocol has increased amount of the limits of liability under the 1976 LLMC Convention.

¹⁹ As of March 2011, there are 51 member states in the LLMC 1976, and the member countries of the Protocol of 1996 is 39, see the IMO official website.

²⁰ Gaskell Nicholas. The Bunker Pollution Convention 2001 and Limitation of Liability. In: Proceedings of the Seventh International Conference on Maritime Law. Shanghai 2009, p. 42-43.

²¹ The Article is about claims subject to limitation of liability.

²² The Article is about claims excepted from limitation of liability.

¹⁵ Xuke Hou. International convention on civil liability for bunker oil pollution damage, 2001 and its counter measures. In: Waterborne Transport Research. 2009, Volume 3, p. 45-46.

¹⁶ Lei Yin, Anqin LV, Guijun Duan. The interpretation of CLC and counter plan in China. In: China Water Transport. 2009, Volume 3, p. 85.

¹⁷ Gong Xiqian. Review of CLC 2001. In: Shipping Management. 2008, Volume 12, p. 7.

expressly stipulates that pollution damage compensation in CLC 1969 or its further amendments shall be excluded, but LLMC convention did not rule out the application for compensation for bunker oil pollution damage and damages caused by toxic and hazardous substances. Article 7 of LLMC 1996 Protocol stipulates that member states are allowed to reserve extending the protocol to the compensation for damages under the 1996 HNS Convention or its any further amendments. Thus, if a country made such reservation statement for the 1996 Protocol of LLMC, then the limitation of liability for pollution damage caused by HNS shall apply to the HNS Convention, rather than the LLMC 1996 Protocol. Obviously, both LLMC Convention and its 1996 Protocol do not exclude the application for compensation for bunker oil pollution damage. Therefore, under the mechanism of LLMC Convention, the person responsible for bunker oil pollution damage can invoke the limitation of liability for maritime claims generally.²³

In summary, compared to combined limitation of liability regime, although the independent limitation of liability regime may provide more protection for the interests of the injured party of bunker oil pollution damage, the good wishes should be subject to current provisions of the Convention. Unless Chinese Maritime Code expressly provided to apply independent limitation of liability regime, otherwise according to the basic principle of „the treaty must be followed”, the calculation of limits of liability for bunker oil pollution can only be based on combined limitation of liability regime in China now.

It is notable that Judicial Interpretation on several problems in dealing with case of oil pollution damage from ships (FASHI [2011] 14) had been promulgated by The Supreme People’s Court on January 10, 2011²⁴ provides on this point in some aspect. Article 19 of this Judicial

Interpretation provides that the determination of limitation of liability for bunker pollution damage shall be made according to the provisions of CMC, if bunker oil pollution damage arises together with other general maritime claims which are given to invoke the limitation of liability according to Article 207 of CMC, and the shipowner contends for limitation of its liability within the same amount provided as Article 207 of CMC, the people’s court shall support. It is inferred that combined limitation of liability regime has also gained the support from the judicial aspects.

3.2 The determination of limitation of liability for bunker pollution damage

The exact words expressed on limitation of liability for pollution in Bunker Convention are “any applicable national or international regime, such as the Convention on Limitation of Liability for Maritime Claims, 1976 as amended”, therefore, 1976 LLMC or its 1996 Protocol is not the only one link with Bunker Convention on the point of limitation of liability. It is very important to determinate the limitation of liability of bunker oil pollution damage in accordance with relevant domestic and international system.

The related regimes on the limitation of liability for maritime claims include the following sorts: (1) International Convention Relating to the Unification of Limitation of Liability of Owners of Seagoing Ships, 1924 (Hereafter called: 1924 Convention on the Limitation of Liability); (2) International Convention Relating to the Limitation of Liability of Owners of Seagoing Ships, 1957 (Hereafter called: 1957 Convention on the Limitation of Liability); (3) 1976 LLMC; (4) the 1996 Protocol of 1976 LLMC; (5) Non-approval any international conventions concerned with limitation of liability, there is domestic legislation system instead of, such as China, the United States. (6) Non-approval any international conventions concerned with the limitation of liability, neither any domestic legislation system on the point.

All the first four International conventions mentioned above have taken effect. Because 1924 Convention on Limitation of Liability is not accepted widely, there are only 14 states member so far. While the number of 1957 Convention on the Limitation of Liability, 1976 LLMC and its

²³ Mainly based on Article 2 of the Convention, the provisions of paragraph 1 (a) „claims in respect of loss of life or personal injury or loss of or damage to property and consequential loss resulting there from” as well as that of paragraph 1(e) „claims in respect of the removal, destruction or the rendering harmless of the cargo of the ship”.

²⁴ The judicial Interpretation came into force from July 1st, 2011.

1996 Protocol is respectively 57,51 and 39²⁵. Obviously the amount of limitation of liability under different regimes differs with each other which will attribute to the limitation of liability for bunker oil pollution damage varies greatly. Such inconsistency is considered as one of disadvantages of Bunker Convention, and it precisely shows that Bunker Convention is a result of compromises of the interests of all parties. The differences between those mechanisms about the limitations of liability are shown in Table-2.

(Table-2)

Gross tonnage	1957 Convention on Limitation of Liability	1976 LLMC	The 1996 Protocol	Remark
300	62,001 SDR (Including personal injury or death & property claims)			minimum gross tonnage under 1957 convention is 300 gross tonnage
500	103,335 SDR	333,000 SDR (for personal injury claims only) 167,000 SDR (for property claims)		minimum gross tonnage under 1976LLMC is 500 gross tonnage, but a State can provide to apply to those under 300 gross tonnage in its national law
1000	206,670 SDR	583,000 SDR (for personal injury claims only) 250,500		the ship having compulsory insurance in Bunker

		SDR (for property claims)		Convention is 1000 gross tonnage or more
2000	413,400 SDR	1,083,000 SDR (for personal injury claims only) 417,500 SDR (for property claims)	2,000,000 SDR (for personal injury claims only) 1,000,000 SDR (for property claims)	minimum gross tonnage in 1996 Protocol is 2000 gross tonnage

It should be noted that (i) Article 15(5) of 1976 LLMC Convention expressly stipulates that it excludes air-cushion vehicles as well as floating platforms constructed for the purpose of exploring or exploiting the natural resources of the sea-bed or the subsoil thereof, while Bunker Convention does not exclude application of the ships mentioned above, which means the bunker oil pollution damage caused by such ships does not have any limitation of liability according to LLMC Convention²⁶. (ii) According to Article 15(2) of 1976 LLMC Convention, the state party may regulate by specific provisions of national law on the limitation of liability to be applied to vessels which are intended for navigation on inland water ways or less than 300 tons. Bunker Convention applies only to sea-going ships, therefore, the provisions of the LLMC Convention on the vessels navigated in inland waters, has no any effect on Bunker Convention. But for ships less than 300 gross tonnage, however, if a member state has such reservation, limitation of liability in Bunker Convention can only be determined according to the national law of the country.

China does not approve any international conventions on limitation of liability, while Chapter XI of Chinese Maritime Code (CMC)

²⁵ See CMI and IMO official website announced data access on March 10, 2011. The number of Member States of the Convention 1957, includes member countries of 1979 Protocol of the Convention.

²⁶ China has not joined the 1976 LLMC Convention, so hovercraft for exploration and development of floating platform, as long as fitting the definition of ship in the Maritime Code Article 3 can still enjoy Limitation of Liability.

was formulated with reference to the provisions of 1976 LLMC Convention, and clearly stipulates that the limitation of liability for ships less than 300 gross tonnage and those engaged in coastal transportation should follow the requirements of Department of Transportation²⁷. Accordingly, the Ministry of Transportation has promulgated *Regulation on the limitation of liability for maritime claims for coastal vessels operating, as well as ships less than 300 gross ton* (Hereinafter referred to as Regulation on limitation of liability.). The general principle is that limitation of liability for coastal shipping vessels is half of corresponding tonnage vessels provided by Chinese Maritime Code. Meanwhile the limitation of liability of fuel pollution damage from coastal transport ship is also reduced by half respectively.

4 Determination Amount of Compulsory Liability Insurance for Bunker Pollution Damage

Article 7 of Bunker Convention provides that the registered owner of a ship having a gross tonnage greater than 1000 in a State Party shall be required compulsorily to maintain insurance or other financial security, and then the competent authorities of the Member States shall issue compulsory insurance certificate, otherwise the ship is not allowed to be engaged in the operation. Because the combined limitation of liability regime is adopted by Bunker Convention, when bunker oil pollution damage, other property damage, personal injury or death occur simultaneously, fuel pollution damages claims and other maritime claims will be allocated within the total amount of limitation of liability. While the responsible person for bunker oil pollution shall not pay exceed the total amount limitation of liability. Then does it mean the liable person can defense on this point and only insure bunker pollution liability proportionally?

In fact, Bunker Convention sets up the range of the limitation of liability for the amount of liability insurance for bunker oil pollution damage²⁸, which the minimum limit is the limitation of liability provided by applicable domestic law or other international mechanism, and the maximum limit shall not exceed the limits prescribed by the LLMC Convention 1996

Protocol. Considering of impossibility for China to approve LLMC Convention 1996 Protocol currently, the ceiling limit is not significant in China. It is also impossible for the responsible person can only insure proportionally for the bunker oil pollution damage although the combined limitation of liability regime exists. The amount of limitation of insurance liability shall be determined by Chinese domestic law. However, it is important to note that, in determining the amount of the limitation of liability insurance does not mean that the responsible person shall bear the amount of limitation of liability for pollution damages ultimately and actually, even if in the situation that the victims brought direct action to the liability insurer²⁹. Considering of the limitation of liability for coastal transport maritime claims is much lower currently, in order to protect the innocent party suffering bunker oil pollution damage, it is highly necessary to improve the floor limitation of liability appropriately in modifying CMC in the future, in case to overcome the shortcomings of combined limitation of liability regime as much as possible.

Conclusions

In the past few years, in order to protect marine environment much better and to implement the relevant international conventions that China had accessed to, China has promulgated several regulations, such as *Ordinance of Management on Prevention and Curing Marine Environment Pollution from Ships*³⁰, *Measurement for Implementation of Civil Liability Insurance for Oil Pollution Damage from Ships*³¹, *Management Regulation on Prevention and Curing Marine Environment Pollution from Ships and Related Activities*³² etc. Therefore, the correct understanding and application of the conventions are urgent and practical for both the Chinese maritime authorities and shipping companies, and also it is a necessity to implement international conventions which had been approved by China correctly.

²⁷ See paragraph 2 of Article 210 CMC.

²⁸ See Article 7 of Bunker Convention.

²⁹ See Paragraph 10 of Article 7 Bunker Convention.

³⁰ The regulation came into force from March 1, 2010.

³¹ The Regulation came into force from Oct. 1, 2010.

³² The Regulation came into force from June 1, 2011.

Bibliography:

1. Gaskell Nicholas. The Bunker Pollution Convention 2001 and Limitation of Liability, Proceedings of the Seventh International Conference on Maritime Law. Shanghai 2009, p. 42-43.
2. International Convention on Civil Liability for Bunker Oil Pollution Damage (BUNKER). Adoption: 23 March 2001; Entry into force: 21 November 2008. [On-line]: <http://www.imo.org/en/About/Conventions/Pages/Home.aspx> (Visited on: 25.06, 2016).
3. Lei Yin, Anqin LV, Guijun Duan. The interpretation of CLC and counter plan in China. In: China Water Transport. 2009, Volume 3.
4. Shanghai Maritime Safety Authority. [On-line]: <http://www.shmsa.gov.cn/news/201005105231456961.html> (Visited on: 30.06.2010).
5. The judicial Interpretation came into force from July 1st, 2011.
6. Xiqian Gong. Review of CLC 2001. In: Shipping Management. 2008, Volume 12.
7. Xuke Hou. International convention on civil liability for bunker oil pollution damage, 2001 and its counter measures. In: Waterborne Transport Research. 2009, Volume 3, p. 45-46.
8. Xuke Hou. International Convention on Civil Liability For Oil Pollution Damage, 2001 and compliance counter plan. In: Waterborne Transport Research. 2009, Volume 3.
9. Yuzhuo Si. Maritime Law (second edition). Law Press 2007, p. 358-359.

Copyright©GUO Ping, 2017.

Contacte / Contacts / Контакты:

Dalian Maritime University, No.1
Linghai Road, Dalian 116026,
People's Republic of China
E-mail: guoping@dlnu.edu.cn ,
guoping@dl.cn,



Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2017, Issue 1, Volume 12, Pages 123-127.

ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963

Submitted: 15. 11. 2016 | Accepted: 15.02. 2017 | Published: 30.03. 2017

**COMUNICĂRI ȘTIINȚIFICE
THE SCIENTIFIC COMMUNICATIONS
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ**

**TOPICAL ISSUES OF COOPERATION BETWEEN THE EUROPEAN UNION AND THE
ORGANIZATION OF THE BLACK SEA ECONOMIC COOPERATION**

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ЕС И ОРГАНИЗАЦИЕЙ
ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

**PROBLEME ACTUALE ALE COOPERĂRII DINTRE UNIUNEA EUROPEANĂ
ȘI ORGANIZAȚIA DE COOPERARE ECONOMICĂ LA MAREA NEAGRĂ**

STOILOVA Veronika* / STOILOVA Veronika / СТОИЛОВА Вероника

ABSTRACT:

**TOPICAL ISSUES OF COOPERATION BETWEEN THE EUROPEAN UNION
AND THE ORGANIZATION OF THE BLACK SEA ECONOMIC COOPERATION**

The Black Sea region is not only a geographical or political concept. It is a significant transit corridor between Europe and Asia and it is full not only of opportunities but challenges as well. This article describes the cooperation between the European Union and the Organization of the Black Sea Economic Cooperation in different fields of interests. The countries from the Black Sea area have deepened their interest in the EU issues. Besides, this region has become an important field of interest for the EU not only because of the energy and security sectors, but also economically, as a constantly growing market and as an external border of the Union. More close cooperation between the EU and the BSEC, as well as the opportunities for the implementation of some joint initiatives and projects in different fields are the main points in the BSEC — EU dialogue. BSEC can be seen as an important part of the European integration processes, promoting the EU norms, standards, practices, principles and policies among its members.

Keywords: European Union, Organization of the Black Sea Economic Cooperation, Black Sea Synergy, cooperation, regional dialogue, regional development, security, integration.

JEL Classification: F29, K33

REZUMAT:

**PROBLEME ACTUALE ALE COOPERĂRII DINTRE UNIUNEA EUROPEANĂ
ȘI ORGANIZAȚIA DE COOPERARE ECONOMICĂ LA MAREA NEAGRĂ**

Regiunea Mării Negre nu este numai o zonă geografică sau concept politic. Este un important coridor de tranzit între Europa și Asia și este plin nu numai de oportunități, dar și provocări. Acest articol descrie cooperarea dintre Uniunea Europeană și Organizația de Cooperare Economică la Marea Neagră în diferite

* **STOILOVA Veronika** — Doctor în drept, conferențiar Universitar, Sud-Universitatea de Vest „Neofit Rilski” (Blagoevgrad, Bulgaria). / **STOILOVA Veronika** — PhD in Law, Assistant Professor, South-West University „Neofit Rilski” (Blagoevgrad, Bulgaria). / **СТОИЛОВА Вероника** — Кандидат юридических наук, старший преподаватель Юго-Западного университета “Неофит Рилски” (Благоевград, Болгария). **E-mail:** veronikabg@gmail.com

domenii de interes. Țările din zona Mării Negre au accentuat interesul lor în chestiunile legate de UE. În plus, această regiune a devenit un domeniu important de interes pentru UE, nu numai din cauza domeniile energetice și de securitate, dar, de asemenea, din punct de vedere economic, ca o piață în continuă creștere și, ca o frontieră externă a Uniunii. Mai strânsă cooperare între UE și OCEMN, precum și oportunități pentru punerea în aplicare a unor inițiative și proiecte comune în diferite domenii sunt principalele puncte în OCEMN — UE dialog. OCEMN poate fi văzut ca o parte importantă a procesului de integrare Europeană, promovarea normelor UE, standardele, practicile, principiile și politicile în rândul membrilor săi.

Cuvinte cheie: Uniunea Europeană, Organizația de Cooperare Economică la Marea Neagră, Sinergia Mării Negre, cooperarea, dialogul regional, dezvoltare regională, securitate, integrare.

JEL Classification: F29, K33

CZU: 327.39

РЕЗЮМЕ:

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ЕС И ОРГАНИЗАЦИЕЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Черноморский регион — это не только географическая или политическая концепция. Это важный транзитный коридор между Европой и Азией, и это не только возможности, но и вызовы. Эта статья описывает сотрудничество между Европейским союзом и Организацией Черноморского экономического сотрудничества в различных сферах интересов. Страны Черноморского региона углубили свою заинтересованность в вопросах ЕС. Кроме того, этот регион стал важной сферой интересов для ЕС не только из-за энергетики и безопасности, но и в экономическом плане, как постоянно растущий рынок и как внешняя граница Союза. Более тесное сотрудничество между ЕС и ЧЭС, а также возможности для реализации некоторых совместных инициатив и проектов в различных областях являются основными моментами в диалоге между ЧЭС и ЕС. ЧЭС может рассматриваться как важная часть процессов европейской интеграции, продвигающая нормы, стандарты, практику, принципы и политику ЕС среди своих государств-членов.

Ключевые слова: Европейский союз, организация Черноморского экономического сотрудничества, Черноморская синергия, сотрудничество, диалог на региональном уровне, региональное развитие, безопасность, интеграция.

JEL Classification: F29, K33

УДК: 327.39

The Black Sea region¹ today cannot be regarded only as a geographical or political concept. With its diversity of different cultures and natural resources as well, it can be described as a significant transit corridor between Europe and Asia. On the other hand, this region is interesting namely because it is among the places where the unresolved conflicts between different actors and clashing interests are something usual

and constant. This region is full of opportunities, but it is full of challenges as well.

As a result of the EU enlargement processes, the Black Sea has become an important part of the Union's policies as a territory which is situated under the border of European space. In this regard, the new Black Sea member states have deepened their interest in the EU issues. Besides, this region has become an important field of interest for the EU not only because of the energy and security sectors, but also economically, as a constantly growing market and as an external border of the Union. It is important to be mentioned that any action in the region that does not take into consideration regional balances and sensitivities is likely to fail.

¹ The Black Sea region includes Greece, Bulgaria, Romania and Moldova in the west, Ukraine and Russia in the north, Georgia, Armenia and Azerbaijan in the east and Turkey in the south. Though Armenia, Azerbaijan, Moldova and Greece are not littoral states, history, proximity and close ties make them natural regional actors. See: Black Sea Synergy. A New Regional Cooperation Initiative. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52007DC0160:EN:NOT> (Visited on. 04.02.2017).

Black Sea Synergy

In order to expand its influence in the region and to help the Black Sea countries to find a common approach for their problems, in April 2007 the EU published a document named „Black Sea Synergy”² where the Black Sea region is defined as „[...] area rich in natural resources and strategically located at the junction of Europe, Central Asia and the Middle East. With a large population, the region faces a range of opportunities and challenges for its citizens [...]”³.

Launching this initiative, the Union expresses its intention to create more conditions for developing a regional cooperation in the Black Sea area. This is a kind of a long-term perspective for the countries of the Wider Black Sea region to overcome most of their challenges in order to become politically and economically a self-efficient region and reference point of the EU policies.

The Black Sea Synergy is the first important step that EU made in order to formulate a policy regarding the eastern neighbouring countries. Since the time it was launched, the Synergy was understood by different experts as complementary to the European Neighborhood Policy (ENP), EU-Russia relations and accession negotiations with Turkey.⁴

EU - BSEC interaction

Another important dimension of the EU policy towards its neighboring regions is the cooperation with the Organization of the Black Sea Economic Cooperation (BSEC)⁵. Regarding

this form of cooperation it is interesting to be mentioned that BSEC can be adopted as a preparatory step towards future European integration. Among the common goals, we can specify the progress in development of economy, democracy, the rule of law and civil society and also the progress related with the organized crime, environment protection, security and stability of the region and Europe.

Since its establishment, the Organization of the Black Sea Economic Cooperation has been an important factor in supporting security, political and economic stability of the region. This organization provides a good basis for development of a more effective cooperation and reflects a new vision for the role and strategy of the BSEC as well. More close cooperation between the EU and the BSEC as well as the opportunities for the implementation of some joint initiatives and projects in the abovementioned key fields are the main points in the BSEC - EU dialogue.

Not without reason the BSEC can be seen as an important part of the European integration processes, promoting the EU norms, standards, practices, principles and policies among its members. What is more, the BSEC can be used in the process of the regional transformation to pluralistic democracy and market economics of its member states as well as to help them to develop and diversify their foreign economic relations. On the other hand, the BSEC is among the EU targets, related with its eastern policy and it is a necessary instrument in the process of developing a sustainable economic dialogue and cooperation.⁶

In its relations with the Black Sea countries, the EU has developed a broad set of tools. Therefore, since 2007 the EU has used the Black Sea Synergy as a tool in order to underline the importance of the BSEC as „the most inclusive and institutionalised regional organisation in the Black Sea area”.⁷ Thus, the interaction between BSEC and EU has succeeded to gain a

² European Commission, Communication from the Commission to the Council and the European Parliament, Black Sea Synergy: A New Regional Cooperation Initiative, COM (2007) 160 final, Brussels, 11 April 2007; European Commission, Communication from the Commission to the Council and the European Parliament, Report on the first year of implementation of the Black Sea Synergy, COM (2008) 391 final, Brussels, 19 June 2008.

³ See: Black Sea Synergy. A New Regional Cooperation. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52007DC0160:EN:NOT> (Visited on: 04.02.2017).

⁴ Tsantoulis Yannis. Black Sea Synergy and Eastern Partnership: Different Centres of Gravity, Complementarity or Confusing Signals? ICBSS. Policy Brief, No.12, February 2009.

⁵ The BSEC project is a regional economic co-operation arrangement established on 25 June 1992 by 11 states: Albania, Armenia, Azerbaijan, Bulgaria, Georgia, Greece, the Republic of Moldova, Romania, the Russian Federation, Turkey and Ukraine. [On-line]: <http://www.bsec->

organization.org/Pages/homepage.aspx (Visited on: 04.02.2017).

⁶ Sanders Deborah. Maritime security in the Black Sea: can regional solutions work? In: European Security. June 2009, Vol. 18, No. 2, 101-124. See also: Özer Ercan. The Black Sea Economic Cooperation and the EU, Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. In: Journal of International Affairs. 1996, Volume I, Number 3, p. 1-8.

⁷ Tsantoulis Yannis. *Op. cit.*

measurable, concrete impact in developing regional cooperation in the Black Sea Area.

Common fields of interests and cooperation

The main EU interests in the Black Sea region as well as the main risks for the regional security can be divided into several categories⁸:

- 1) security challenges;
- 2) democratization, democracy promotion and sustainable development;
- 3) economic challenges;
- 4) energy challenges;
- 5) environment challenges.

The Organization of the Black Sea Economic Cooperation outlines almost the same risks for the security in the region as EU figures out. By reason of this, the common cooperation between these two organizations is a necessity. On one hand, it is of great geo-strategic importance for the EU to protect its external borders, but on the other one, it is a real opportunity for the BSEC Member States to prevent future risks for their security.

Based on this, it can be summarized that BSEC is an important part of the EU policy and its success is among the interests of the EU as a promoter of regional cooperation and security. Therefore, the partnership between EU and BSEC should be developed in all ways and in all directions. During the last several years the EU — BSEC interaction has become a form of a dialogue that actively involved not only the Black Sea countries, but the whole of Europe as well. The joint efforts and common policy in the fields of energy, environment, tourism, transport, integrated maritime policy, fisheries and others are in the core of this dialogue and tend to the success of the integration of Europe.

Formed as one of the EU long-lasting priority, regional cooperation is an opportunity for the Union to promote economic and political reform, regional development and conflict resolution. In this regard, the EU can become a real promoter of sustainable regional development if it manages to deal with the challenges to better coordinate its policies in the Black Sea region.

Bibliography:

1. Black Sea Synergy. A New Regional Cooperation. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52007DC0160:EN:NOT> (Visited on: 04.02.2017).
2. Ergun A., Isaxanli, H. Security and Cross-Border Cooperation in the EU, the Black Sea Region and Southern Caucasus. Volume 107 of NATO Science for Peace and Security Series: E: Human and Societal Dynamics, 2013. 188 p.
3. European Commission, Communication from the Commission to the Council and the European Parliament, Black Sea Synergy: A New Regional Cooperation Initiative, COM (2007) 160 final, Brussels, 11 April 2007.
4. European Commission, Communication from the Commission to the Council and the European Parliament, Report on the first year of implementation of the Black Sea Synergy, COM (2008) 391 final, Brussels, 19 June 2008.
5. European Commission, Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. In: Report on the first year of implementation of the Black Sea Synergy, COM (2008) 391 final, Brussels, 19 June 2008. [On-line]: http://eeas.europa.eu/blacksea/doc/com08_391_en.pdf (Visited on: 04.02.2017).
6. Fischer Sabine. The European Union and security in the Black Sea region after the Georgia crisis. In: Southeast European and Black Sea Studies. September 2009, Vol. 9, No. 3, p. 333–349.
7. Henderson K., Weaver C. The Black Sea Region and EU Policy: The Challenge of Divergent Agendas. Ashgate Publishing, Ltd., 2010. 196 p.
8. Organization of the Black Sea Economic Cooperation web page: [On-line]: <http://www.bsec-organization.org/Pages/homepage.aspx> (Visited on: 04.02.2017).
9. Özer Ercan. The Black Sea Economic Cooperation and the EU, Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. In: Journal of International Affairs. 1996, Volume I, Number 3, p. 1-8.
10. Sanders Deborah. Maritime security in the Black Sea: can regional solutions work? In: European Security. June 2009, Vol. 18, No. 2, p. 101-124.
11. The Black Sea region includes Greece, Bulgaria, Romania and Moldova in the west, Ukraine and Russia in the north, Georgia, Armenia and Azerbaijan in the east and Turkey in the south. Though Armenia, Azerbaijan, Moldova and Greece are not littoral states, history, proximity and close ties make them natural regional actors. See: Black Sea Synergy. A New Regional Cooperation Initiative. [On-line]: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52007DC0160:EN:NOT> (Visited on: 04.02.2017).

⁸ Fischer Sabine. The European Union and security in the Black Sea region after the Georgia crisis. In: Southeast European and Black Sea Studies. September 2009, Vol. 9, No. 3, p. 333–349.

12. Tsantoulis Yannis. Black Sea Synergy and Eastern Partnership: Different Centres of Gravity, Complementarity or Confusing Signals? ICBS. Policy Brief, No.12, February 2009.

Copyright©STOILOVA Veronika, 2017.

Contacts / Contacte / Контакты:

Югозападен университет
ул. «Иван Михайлов» бб,
2700 Благоевград, България

Email: veronikabg@gmail.com



Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2017, Issue 1, Volume 12, Pages 128-141.

ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963

Submitted: 15. 11. 2016 | Accepted: 15.02. 2017 | Published: 30.03. 2017

**TRIBUNA DISCUȚIONALĂ
THE TRIBUNE OF DISCUSSION
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**

LEGAL ASPECTS OF TARGETED KILLING USING DRONES

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДНАМЕРЕННОГО УБИЙСТВА
С ПОМОЩЬЮ ДРОНОВ**

**ASPECTE JURIDICE ALE OMORUL INTENȚIONAT
CU AJUTORUL DRONELOR**

KLENKA Michal* / KLENKA Michal / КЛЕНКА Майкл

ABSTRACT:

LEGAL ASPECTS OF TARGETED KILLING USING DRONES

The article deals with the current legal framework of unmanned aircraft (drones) on the national and international level, development of using armed drones in recent years and legal issues their use in targeted killing arise. It will thus address the accountability and transparency, extraterritorial use of force, international human right law and international humanitarian law.

Key words: *unmanned aerial vehicle (UAV), targeted killing, extraterritorial use of force, international human right law, international humanitarian law, accountability and transparency.*

JEL Classification: K33, K38

АННОТАЦИЯ:

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДНАМЕРЕННОГО УБИЙСТВА
С ПОМОЩЬЮ ДРОНОВ**

В статье рассмотрена действующая нормативно-правовая база беспилотных летательных аппаратов (Дронов) на национальном и международном уровне, развитие и использование вооруженных беспилотников в последние годы и правовые вопросы их использования в целенаправленном уничтожении живой силы. Таким образом делается попытка затронуть вопросы подотчетности и прозрачности применения дронов, экстерриториальное применение силы, международное право прав человека и международное гуманитарное право.

Ключевые слова: *беспилотный летательный аппарат (БПЛА), целенаправленное применение силы, экстерриториальное применение силы, международное право, права человека, международное гуманитарное право.*

* **KLENKA Michal** — Doctorand, Facultatea de Relații Internaționale, Universitatea de Economie din Bratislava (Bratislava, Republica Slovacă). / **КЛЕНКА Майкл** — Аспирант, факультет международных отношений, Экономический университет в Братиславе (Братислава, Словацкая Республика). / **KLENKA Michal** — PhD Student, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava (Bratislava, The Slovak Republic). **E-mail:** michal.klenka@euba.sk

JEL Classification: K33, K38
УДК: 327.009; 339.9; 343.985.7

REZUMAT:
**ASPECTE JURIDICE ALE OMORUL INTENȚIONAT
CU AJUTORUL DRONELOR**

Articolul se referă la cadrul juridic actual al aparatelor de zbor fără pilot (drona) la nivel național și internațional, dezvoltarea și utilizarea dronelor înarmate în ultimii ani, aspectele legale și utilizarea lor în omuciderea premeditată și intenționată. Astfel, se încercă de a analiza chestiunea responsabilității și a transparenței utilizării dronelor, utilizarea extrateritorială a forței prin prisma dreptului internațional al drepturilor omului și dreptului internațional umanitar.

Cuvinte cheie: vehicul aerian fără pilot (UAV), utilizarea premeditată a forței, utilizarea extrateritorială a forței, dreptul internațional al drepturilor omului, dreptul internațional umanitar, răspunderea și transparența.

JEL Classification: K33, K38
CZU: 327.009; 339.9; 343.985.7

Introduction

An unmanned aerial vehicle is a pilotless aircraft, in the sense of Article 8¹ of the Convention on International Civil Aviation, which is flown without a pilot-in-command on-board and is either remotely and fully controlled from another place (ground, another aircraft or space) or programmed and fully autonomous.² In this text, drone³ is shorthand for an *armed remotely piloted aircraft, unmanned combat aerial vehicle* or *remotely operated weapon system* (UAV) — i.e., a weapon platform that is at all times under human command and control in the process of identification and attacking of targets, meaning that there is a ‘person in the loop’. It should be noted that certain other functions of drones, such as take-off, navigation and landing, are often automated, which indicates that these platforms are actually not entirely ‘remotely piloted’. In basic terms, there is nothing unique behind drone warfare. The idea of creating weapons that allow you to fight from a distance, thereby lessening your own risk, has

existed since the beginning of time. In some ways, the cannon, crossbow, artillery, and air bombardment were all Revolutions in Military Affairs (RMAs) that accomplished the same principle.⁴

The use of drones has grown exponentially over the past decade, giving rise to a host of legal and other issues. At the international level, it is the use of armed drones by States for the extraterritorial targeting of persons that is generating significant debate. In this context, it should be noted that the current focus of international attention has been the extraterritorial targeting of specific individuals by States, even though the day may not be far when States might use armed drones within their borders. Focus has also been directed mainly at the use of drones by State actors, even though it is likely only a question of time before drones are more widely utilized by organized non-State armed groups and other non-State actors, as well as by private individuals. Armed drones may fall into the hands of non-State actors and may also be hacked by enemies or other entities. The Lebanon-based Hezbollah group is reported to have deployed drones laden with explosives⁵ and recently a group related to the Daesh killed by a booby-

¹ „No aircraft capable of being flown without a pilot shall be flown without a pilot over the territory of a contracting State without special authorization by that State and in accordance with the terms of such authorization. Each contracting State undertakes to insure that the flight of such aircraft without a pilot in region open to civil aircraft shall be so controlled as to obviate danger to civil aircraft.” Convention on International Civil Aviation. Chicago. 7 December 1944, p. 5.

² ICAO Cir 328, Unmanned Aircraft Systems (UAS). 2011, p. 3.

³ The etymology being the Old English word for a male bee. In Pakistan, the drones are nicknamed machay (wasps — for their buzzing noise) by the Pashtuns.

⁴ Crosston M. Pandora’s Presumption: Drones and the Problematic Ethics of Techno-War. In: Journal of Strategic Security. 2017, 7, no. 4, p. 17.

⁵ Pejic J. Extraterritorial targeting by means of armed drones: Some legal implications. In: International Review of the Red Cross. 2015, p. 1–3.

trapped drone two Peshmerga fighters and two French soldier were badly wounded.⁶

1 Generally about the legal issues

Drones come from the sky, but leave the heavy footprint of war on the communities that they target. It is a dangerous Pandora's box one opens by establishing blurred ethical lines and ambiguous legal precedents as any change in the previous technological world order could unleash a drone era that is decidedly less friendly, less open, and likely more violent.⁷ Drones offer precise airpower in almost any environment and, used effectively, are capable of targeting terrorists and insurgency groups across international borders, protecting soldiers from harm's way, and (in theory) minimizing the risk of civilian casualties. As noted, without a pilot fearing for her life, drones should be able to take more extreme measures to avoid civilian casualties.⁸ The claims that drones are more precise in targeting cannot be accepted uncritically, not least because terms such as 'terrorist' or 'militant' are sometimes used to describe people who are in truth protected civilians. The principle of proportionality protects those civilians who are not directly targeted but nevertheless may bear the brunt of the force used. According to this principle, it is prohibited to carry out an attack which may be expected to cause incidental loss of civilian life, injury to civilians, damage to civilian objects, or a combination thereof, which would be excessive in relation to the concrete and direct military advantage anticipated. Such losses are regarded as collateral damage and are not prohibited, if international humanitarian law (IHL) rules have been respected. The risk to civilians may be exacerbated where drone strikes are carried out far away from areas of actual combat operations, especially in densely populated areas, and unsuspecting civilians may suddenly find themselves in the line of fire. Avoiding collateral damage requires taking all feasible precautions to prevent or minimize incidental loss of civilian lives and information-

gathering relating to possible civilian casualties and military gains.⁹

The use of drones for targeted killings has generated significant controversy. Some have suggested that drones as such are prohibited weapons under IHL because they cause, or have the effect of causing, necessarily indiscriminate killings of civilians, such as those near a targeted person. It is true that IHL places limits on the weapons States may use, and weapons that are, for example, inherently indiscriminate (such as chemical and biological weapons) are prohibited. However, a missile fired from a drone is no different from any other commonly used weapon, including a gun fired by a soldier or a helicopter or gunship that fires missiles. The critical legal question is the same for each weapon: whether its specific use complies with IHL.¹⁰

Whether or not a specific targeted killing is legal depends on the context in which it is conducted: whether in armed conflict, outside armed conflict, or in relation to the interstate use of force. In the context of armed conflict both international humanitarian law and human rights apply, whether a particular killing is legal is determined by the applicable *lex specialis*, it is appropriate to draw guidance from human rights law. Targeted killing under the rules of IHL is only lawful when the target is a 'combatant' or 'fighter' or, in the case of a civilian, only for such time as the person 'directly participates in hostilities'. In addition, the killing must be militarily necessary, the use of force must be proportionate so that any anticipated military advantage is considered in light of the expected harm to civilians in the vicinity, and everything feasible must be done to prevent mistakes and minimize harm to civilians. Reprisal or punitive attacks on civilians are prohibited. The legality of a killing outside the context of armed conflict is governed by human rights standards, especially those concerning the use of lethal force. Although these standards are sometimes referred to as the 'law enforcement' model, they do not in fact apply only to police forces or in times of peace.

⁶ [On-line]: <http://www.reuters.com/article/us-france-iraq-iraq-idUSKCN12B2QI?il=0> (Visited on: 14.01.2017).

⁷ Crossron M. *Op. Cit.*, p. 7.

⁸ Brunsetter D., Braun M. The Implications of Drones on the Just War Tradition. In: *Ethics & International Affairs*. 2011, Volume 25, Issue 3, p. 337–350.

⁹ Heyns C. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions. United Nations General Assembly, UN Doc. A/68/382. 13 September 2013, p. 16.

¹⁰ Alston P. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions, Study on targeted killings. In: Report to the Human Rights Council, UN Doc. A/HRC/14/24/Add.6, 28 May 2010, p. 24.

The 'law enforcement officials' who may use lethal force include all government officials who exercise police powers, including a State's military and security forces, operating in contexts where violence exists, but falls short of the threshold for armed conflict. Under human rights law a State killing is legal only if it is required to protect life and there is no other means, such as capture or nonlethal incapacitation, of preventing that threat to life. The proportionality requirement limits the permissible level of force based on the threat posed by the suspect to others. The necessity requirement imposes an obligation to minimize the level of force used, regardless of the amount that would be proportionate, though, for example, the use of warnings, restraint and capture. This means that under human rights law, a targeted killing in the sense of an intentional, premeditated and deliberate killing by law enforcement officials cannot be legal because, unlike in armed conflict, it is never permissible for killing to be the sole objective of an operation.

According to the legal framework of the use of inter-state force, targeted killings conducted in the territory of other States raise sovereignty concerns. Under Article 2 (4) of the UN Charter, States are forbidden from using force in the territory of another State. When a State conducts a targeted killing in the territory of another State with which it is not in armed conflict, whether the first State violates the sovereignty of the second is determined by the law applicable to the use of inter-state force, while the question of whether the specific killing of the particular individual is legal is governed by IHL and/or human rights law. A targeted killing conducted by one State in the territory of a second State does not violate the second State's sovereignty if either (a) the second State consents, or (b) the first, targeting, State has a right under international law to use force in self-defence under Article 51 of the UN Charter, because (i) the second State is responsible for an armed attack against the first State, or (ii) the second State is unwilling or unable to stop armed attacks against the first State launched from its territory. International law permits the use of lethal force in self-defence in response to an 'armed attack' as long as that force is necessary and proportionate.¹¹

If the targeting occurs in the context of law enforcement, international human rights law

applies exclusively. If it takes place during armed conflict, international human rights law remains applicable; however, international humanitarian law finds application as *lex specialis*. While both systems of law allow the use of lethal force by State agents under certain circumstances, the approaches followed are very different. In the case of international human rights law, the use of deadly force is regarded as exceptional, and is legal only in the limited set of circumstances applicable to law enforcement situations. International humanitarian law is generally more permissive regarding the use of lethal force; however, for such force to be used lawfully, various rules have to be complied with, as will be discussed below. Human rights law dictates that every effort must be made to arrest a suspect. In the case of international armed conflict, it is often stated that enemy soldiers 'may be killed at any time and any place', and as a general rule no attempt to arrest has to be made and no opportunity to surrender need be given. However, the use of lethal force during armed conflict remains subject to constraints such as military necessity. In non-international armed conflict, members of opposing forces may also be targeted as long as they directly participate in hostilities, but again this is subject to military necessity. When a combatant, or a direct participant in hostilities is placed hors de combat, or surrenders to the enemy, the enemy may not kill or injure such a person. The underlying philosophies of international human rights law and international humanitarian law are different. Actions taken against a suspect in the law enforcement context are premised on the notion of suspected guilt of criminal conduct. The final decision to shoot should be taken as near in time as is possible to the actual shot being fired, in order to allow for the suspect concerned to change his or her mind and withdraw from the conduct that poses a threat to the life of another or others. In international armed conflict, the use of lethal force is generally based not on suspected individual guilt, but on the enemy's status or active membership of a larger collective, namely, a dangerous opponent. Individual guilt normally does not enter into the picture. Targeted killing, however, when conducted as part of such armed hostilities, does not conform to this paradigm. The International Committee of the Red Cross Guidance on direct

¹¹ Alston P. *Op. Cit.*, p. 9–12.

participation in hostilities¹² identifies what amounts to a new category of participants, those with a so-called continuous combat function. According to the Guidance, a person belonging to this category may be targeted, like a combatant in international armed conflict. However, to accept that such a person is a direct participant in hostilities entails stretching the categories at stake beyond their normal meaning. Whether a person is a combatant in international armed conflict is a question of status, as one becomes a combatant by virtue of membership in the armed forces of a party to a conflict. The continuing combat function category imports a similar determination made based on status into the concept 'direct participation in hostilities'. The relevant treaty language does not provide a clear basis for such a status determination in the context of direct participation in hostilities. Instead, direct participation in hostilities is a question of fact and lasts only as long as the relevant person is engaged in an activity that meets the threshold of direct participation in hostilities.

The idea of a global 'war on terror', if taken literally, would imply that international humanitarian rules can be used to justify targeted killings in any country in the world, at any time, which would mean the entire globe is a theatre of war, a war without borders. This would undermine the very basis of the restraints on the use of force that international law seeks to maintain. Other differences also need to be kept in mind. In a situation that occurs in the mayhem of the battlefield, providing an opportunity for arrest normally does not enter into the picture. The question can, however, legitimately be asked whether the same applies where a specific opponent is in relative isolation, who has been under surveillance for years, far from the battlefield, and overwhelming force is available. States must not inflict 'harm greater than that unavoidable to achieve legitimate military objectives'. States may only exercise force that is militarily necessary and consistent with the principle of humanity. The view of the International Committee of the Red Cross, as expressed in its Guidance, is that 'it would defy basic notions of humanity to kill an adversary or to refrain from giving him or her an opportunity to surrender where there manifestly is no

necessity for the use of lethal force'. Indeed, the principles of military necessity and humanity dictate that a person may not be killed where less harmful means are available, such as arrest. International humanitarian law requires a State to investigate, and if appropriate, prosecute individuals for violation. Similarly, human rights law guarantees the right to a remedy.¹³

2. International law governing the extraterritorial use of force

A State's valid consent to the use of force by another State on its territory precludes any claim that its territorial sovereignty has been violated. Drones violate the territorial sovereignty of these states, but for the moment the foreign countries in which U.S. drones are currently operating do not interpret this as an act of war. National law may dictate which entity has authority to consent to the use of force, but international law otherwise presumes that, when a legitimate Government exercises effective control over the territory of the State, it possesses the exclusive authority to give or withhold consent. The United States routinely seeks prior consent from the Government of Yemen for lethal remotely piloted aircraft operations on its territory through recognized channels. Where consent is withheld, a strike will not go ahead. As regard Pakistan, there is strong evidence to suggest that between June 2004 and June 2008 remotely piloted aircraft strikes in the Federally Administered Tribal Areas were conducted with the active consent and approval of senior members of the Pakistani military and intelligence service, and with at least the acquiescence and, in some instances, the active approval of senior government figures. On 12 April 2012, however, both houses of the parliament unanimously adopted guidelines for revised terms of engagement with the United States, NATO and ISAF and general foreign policy. In a resolution, the parliament, among other things, called for an immediate cessation of drone attacks inside the territorial borders of Pakistan; provided that neither the Government nor any of its component entities could lawfully enter into verbal agreements with any foreign Government or authority regarding national security; provided that any such agreements previously entered into should forthwith cease to

¹²

[On-line]:

<https://www.icrc.org/eng/assets/files/other/icrc-002-0990.pdf> (Visited on: 09.01.2017).

¹³ Heyns C. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions. United Nations General Assembly, UN Doc. A/66/330. 30 August 2011. p. 15–19.

have effect; and provided that any such agreements should, in the future, be subject to scrutiny by specified ministries and parliamentary bodies and then announced through a ministerial statement in the parliament. The effect of the resolution was to clarify the process by which consent may lawfully be given in Pakistan for the deployment of another State's military assets on its territory or in its airspace. That procedure has not been invoked to authorize the use of remotely piloted aircraft in the Federally Administered Tribal Areas. The drone strikes on its territory are counterproductive, contrary to international law, a violation of Pakistani sovereignty and territorial integrity, and should be cease immediately. Under the constitutional arrangements in force in Pakistan, the democratically elected Government is the body responsible for Pakistani international relations and the sole entity able to express the will of the State in its international affairs. The continued use of remotely piloted aircraft in the Federally Administered Tribal Areas amounts to a violation of Pakistani sovereignty, unless justified under the international law principle of self-defence.¹⁴

Self-defence is the central justification advanced by the Government of the United States for the extraterritorial use of deadly force in counter-terrorism operations. The International Court of Justice has held that in the absence of consent the use of force in self-defence by one State against a non-State armed group located on the territory of another State can be justified only where the actions of the group concerned are imputable to the host State. This may extend to situations in which a non-State armed group is being harboured by the host State. In this analysis, however, absent such a connection, extraterritorial use of force against a non-State armed group in another State is an unlawful violation of sovereignty, and thus potentially an act of aggression, unless it takes place with the host State's consent or the prior authorization of the Security Council. On the other hand, the United States and some other countries take the view that the law of self-defence entitles States to engage in non-consensual military operations on the territory of another State against armed

groups that pose a direct and immediate threat of attack, even where those groups have no operational connection with their host State. They derive support for this approach from Security Council resolutions 1368 (2001)¹⁵ and 1373 (2001)¹⁶, which were adopted in the wake of the attacks of 11 September 2001. Borrowing from the law of neutrality applicable to international armed conflicts, the United States considers that if, after a reasonable opportunity, the host State has failed effectively to neutralize the threat that emanates from armed groups located within its borders, either because it is unwilling or unable to do so, then the State that is threatened with attack is entitled under the law of self-defence to cross the host State's borders and deploy armed force on its territory for the purpose of taking effective military action in self-defence against the armed group that presents the threat.

A further area in which there is currently no clear international consensus is the scope of the right to anticipatory self-defence. The language of Article 51 of the Charter of the United Nations speaks in terms of the right to use force in self-defence if an armed attack occurs against a Member of the United Nations. Most now accept that the use of force in self-defence is justified where an attack is imminent, but the precise threshold for determining imminence is the subject of dispute. The International Court of Justice has confirmed that, for an attack to constitute an armed attack and thus enable the State's right to use force in self-defence, the scale and effects of the attack must reach a certain threshold of gravity. The principle of anticipatory self-defence is usually traced back to the *Caroline* formula, under which a State may act defensively when the necessity of self-defence is 'instant, overwhelming, leaving no choice of means, and no moment for deliberation'. The necessity and proportionality mean that self-defence must not be retaliatory or punitive; the aim should be to halt and repel an attack. Action taken lawfully in self-defence, such as the use of drones to target individuals in another State's territory, must serve the purpose of halting and repelling an armed attack and must be both

¹⁴ Emmerson B. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism. United Nations General Assembly, UN Doc. A/68/389. 18 September 2013, p. 14-15.

¹⁵

[On-line]: [http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1368\(2001\)](http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1368(2001)) (Visited on: 09.01.2017).

¹⁶

[On-line]: [http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1373\(2001\)](http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1373(2001)) (Visited on: 09.01.2017).

necessary and proportionate to that end. Under the proper interpretation of Article 51, however, this may be done only in response to an existing threat. It may not be done pre-emptively to prevent a threat from arising in the future. The necessity of the self-defence, in the well-known phrase, must be instant, overwhelming and leaving no choice of means, no moment of deliberation. Before 11 September 2001, the claim that force could be used in self-defence in response to an armed attack by a non-State group whose acts were not attributable to a State was not supported by most commentators. The International Court of Justice also did not follow this view of the law in *Nicaragua*. It has been argued that self-defence against an armed group on the territory of another State is permissible only if the host State is unable or unwilling to act against that group. The test of unwillingness or inability can therefore not refer to an independent justification for the use of force on foreign soil, but at best constitute part and parcel of a claim to self-defence. Article 51 makes it clear that measures adopted by States in exercise of self-defence (the use of an armed drone) must at least be immediately reported to the Security Council if it is to be lawful. While failure to report will not render unlawful an otherwise lawful action taken in self-defence, the absence of a report may be one of the factors indicating whether the State in question was itself convinced that it was acting in self-defence. According to Article 51, the right to exercise self-defence shall continue until the Council has taken measures necessary to maintain international peace and security.¹⁷ The situation is controversial when self-defence is claimed not against another state but against an armed non-state actor located in another state. In its 2004 Advisory Opinion in the *Wall* case, the ICJ appeared to imply that self-defence could only be invoked by one state against another state. A closer reading of the dicta, though, suggests that the ICJ did not entirely rule out the possibility of self-defence against an armed non-state actor that commits 'terrorist' acts where effective control was not exercised by the state under threat.¹⁸

¹⁷ Heyns C. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions. United Nations General Assembly, UN Doc. A/68/382. 13 September 2013. p. 18–20.

¹⁸ Casey-Maslen S.. Pandora's box? Drone strikes under jus ad bellum, jus in bello, and international human rights

The contrary argument is that in the context of asymmetrical conflict, where intelligence is unlikely to be sufficiently specific to enable a State to predict precisely when an attack is liable to occur, a strict temporal approach no longer makes sense. Accordingly, while the United States appears to accept that resort to anticipatory self-defence is constrained by the principle of imminence, it interprets this standard as a flexible one that incorporates considerations of the relevant window of opportunity, the possibility of reducing collateral damage to civilians and the likelihood of heading off future disastrous attacks. In this analysis, the principle of imminence does not involve a requirement to have clear evidence that a specific attack will be carried out in the immediate future.¹⁹

The law on the use of inter-State force serves primarily to protect the legal rights of States, including the right and interest of the State to have the lives of its citizens and inhabitants protected from aggressive acts. It can thus indirectly serve to protect life by containing the geographical spread of conflict. Only the State's highest government authorities have the power to give consent to use force. It is not sufficient to obtain consent from regional authorities or from particular agencies or departments of the Government. The view of the higher-level officials should be taken as determinative and the consent must be freely given, clearly established and in advance. It must be expressed by the State rather than merely presumed on the basis that the State would have consented if it had been asked. Consent may be vitiated by error, fraud, corruption or coercion. Once consent to the use of force is withdrawn, the State conducting the targeting operations is bound by international law to refrain from conducting any further operations from that moment.²⁰

3. International human rights law and humanitarian law

Generally human rights treaties state that any deprivation of life must be non-arbitrary. The use of force is, in any event, a matter of last resort under international human rights law. Any force must be necessary and proportionate, and

law. International Review of the Red Cross. Volume 94, Number 886, Summer 2012, p. 603.

¹⁹ Emmerson B. *Op. Cit.*, p. 15–17.

²⁰ Heyns C. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions. *Op. Cit.*, p. 17–18.

intentional force can be used only where strictly necessary to protect against an imminent threat to life. In *McCann and others v. United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland*, the European Court of Human Rights held that the killing of members of the Provisional Irish Republican Army by State agents was a violation of their right to life because they could have been arrested upon their arrival in Gibraltar, where the operation was conducted. Under the above international human rights law standards, the intentional, premeditated killing of an individual would generally be unlawful. Where intentional killing is the only way to protect against an imminent threat to life, it may be used. States cannot consent to the violation of their obligations under international humanitarian law or international human rights law. A State that consents to the activities of another State on its territory remains bound by its own human rights obligations, including to ensure respect for human rights and thus to prevent violations of the right to life, to the extent that it can do so. In addition to the right to life issues raised above, the use of drones can also raise questions about possible discrimination in their use, for example if distinct standards are applied to citizens and non-citizens.

The use of drones by one State in another State's territory raises the question whether States can be held accountable for their actions outside their own territories. Irrespective of the applicability of treaty provisions recognizing the right to life, States are bound to ensure the realization of the right to life when they use force, whether inside or outside their borders. In addition, States are bound by those treaties to which they are a party and are subject to monitoring by their respective supervisory mechanisms. The applicability of such treaties is normally limited to individuals under the jurisdiction of a State party. Jurisdiction has a territorial and a personal dimension. All persons finding themselves within the territory of a State are presumed to be within its territorial jurisdiction. Drones enable a State to perform targeted killing without exercising effective control over territory and without having the individual in custody. Accordingly, it must be asked whether such targeting can result in violations of the right to life under the applicable treaties. It has been argued that the deliberate killing of selected individuals through

extraterritorial drone strikes is likely to bring the affected persons within the jurisdiction of the operating State. Pursuing this line of reasoning, where a State targets individuals abroad with lethal force, it can be argued that it intends to exercise ultimate control over the individuals concerned, resulting in those actions being governed by the State's human rights treaty law obligations. That a State has human rights obligations regarding conduct outside its territory does not automatically mean that those obligations are the same as those that arise within its territory. In principle, while control of territory means that a State has obligations, guaranteed by international law, not only to respect but also to ensure and to fulfil the human rights of those on the territory, the exercise of authority regarding an individual by State agents in the absence of territorial control at a minimum triggers the State's obligation to respect the rights of those individuals.²¹

International human rights law prohibits arbitrary killing. Outside situations of armed conflict, the use of deadly force by the State is lawful only if strictly necessary and proportionate, if aimed at preventing an immediate threat to life and if there is no other means of preventing the threat from materializing. It follows that lethal remotely piloted aircraft attacks will rarely be lawful outside a situation of armed conflict, because only in the most exceptional of circumstances would it be permissible under international human rights law for killing to be the sole or primary objective of an operation. It is now reasonably well settled that, in a situation of armed conflict (whether of an international or non-international character), the international human rights law prohibition on arbitrary killing continues to apply, but the test of whether a deprivation of life is arbitrary must be determined by the applicable targeting rules of international humanitarian law.

The United States considers itself to be involved in a non-international armed conflict with Al-Qaida and associated forces that is transnational in character, a position that was endorsed by the United States Supreme Court in *Hamdan v. Rumsfeld*. Accordingly, the United States does not appear to recognize any express territorial limitation on the applicability of the

²¹ Heyns C. *Idem.*, p. 8–11.

targeting rules of international humanitarian law. The classic formulation for deciding whether a state of non-international armed conflict has come into existence focuses on the intensity and protraction of the conflict and the degree of organization of the parties. The existence of a non-international armed conflict must be determined by reference to each situation of violence on a case-by-case basis, and that international humanitarian law does not permit the targeting of persons directly participating in hostilities who are located in non-belligerent States, given that, otherwise, the whole world is potentially a battlefield. Those who advocate the United States position, on the other hand, argue that the geography of conflict has evolved, and that where a State is engaged in non-international armed conflict with a non-State armed group operating transnationally there is no traditional battlefield.

An armed group will be considered to constitute a party to a non-international armed conflict only if it is sufficiently organized. International jurisprudence has determined the relevant indicative criteria, which include the existence of a command structure, of headquarters, of adequate communications, of a cooperation in the acquisition and distribution of weaponry and of a group's ability to plan and carry out military operations. Some argue that the core Al-Qaida group responsible for armed attacks on the United States may no longer meet this criterion because its leadership and command structure appear to have been so degraded that it no longer constitutes a sufficiently organized armed group. Serious questions have also been raised concerning the definition of the term 'associated forces' or 'co-belligerents' adopted by the United States, a definition that is closely related to the United States analysis of the geographical scope of its non-international armed conflict with Al-Qaida in various parts of the world. The United States defines the term 'associated force' as applying to an organized armed group that has entered the fight alongside Al-Qaida and is a co-belligerent with Al-Qaida in the sense that it engages in hostilities against the United States or its coalition partners. It is to be questioned whether the various terrorist groups that call themselves Al-Qaida or associate themselves with Al-Qaida today possess the kind of integrated command structure that would

justify considering them a single party involved in a global non-international armed conflict.

For a conflict to qualify as a non-international armed conflict, armed violence must also reach a certain threshold of intensity that is higher than that of internal disturbances and tensions. The armed violence should not be sporadic or isolated but protracted. The requirement of protracted violence, however, refers more to the intensity of the armed violence than its duration. Violence by various organized armed groups against the same State can amount to separate non-international armed conflicts, but only where the intensity of violence between each group and the State individually crosses the intensity threshold. Isolated drone strikes alone are unlikely to meet this threshold of violence intensity.²² Some argue that, given the lapse of time since the devastating attacks on the United States in 2001, and the relative infrequency of organized armed attacks on the United States since then (outside what can be termed the 'hot battlefields' of Iraq and Afghanistan), the intensity criterion is no longer met. It is no longer possible to justify lethal extraterritorial counter-terrorism operations in terms of non-international armed conflict. As a result of military action against Al-Qaida and others, there will come a point in the foreseeable future at which the United States no longer regards these disparate groupings in various parts of the world as representing an organized armed group engaged in sufficiently intense and coordinated hostilities against the United States to satisfy the threshold requirements in *Tadić*.^{23 24}

In the context of drones, these requirements mean that international humanitarian law will not apply where the threshold levels of violence or organization are not present, leaving international human rights law principles to govern the situation alone.

Drone strikes currently do not occur in the context of international armed conflict between States. They are rather used where the respective parties are States and non-State armed groups, which potentially makes their use situations of non-international (or non-inter-State) armed conflict. If a drone strike occurs in a situation where a non-international armed conflict exists, the protection afforded to the right to life is

²² Heyns C. *Idem.*, p. 12–13.

²³ ICTY, *Prosecutor v. Tadić*, Case No. IT-94-A, Judgment of 15 July 1999 (Appeals Chamber), §145.

²⁴ Emmerson B. *Op. Cit.*, p. 17–20.

commonly interpreted in accordance with the rules of international humanitarian law. However not all applications of violence by States against non-State actors meet the threshold requirements to be regarded as an armed conflict. Accordingly, if there is no armed conflict, there can be no non-international armed conflict, and international humanitarian law does not apply to such use of force.²⁵

For the purposes of international humanitarian law, organized armed groups are those that recruit their members primarily from the civilian population, but develop a sufficient degree of military organization to conduct hostilities on behalf of a party to the conflict, even though not always with the same means, intensity and level of sophistication as State armed forces. The view of ICRC is that, based on the facts, this type of non-international armed conflict is not and has not been taking place. Instead, a case-by-case approach to legally analysing and classifying the various situations of violence that have occurred in efforts to combat terrorism should be applied. ICRC has taken the view that civilians protected from direct attack in a non-international armed conflict are all those who are neither members of a State's armed forces nor members of organized armed groups. The latter are then defined as 'individuals whose continuous function it is to take a direct part in hostilities ('continuous combat function')'.²⁶ According to ICRC, there is a three-stage test for determining when a civilian is directly participating in hostilities and thus may be targeted: the actions of the civilian must reach a certain threshold of harm; there must be direct causation; and there must be a belligerent nexus to the conflict. Thus, a drone strike carried out against an individual with a continuous combat function in an organized armed group with which the attacking State is engaged in a non-international armed conflict will be consistent with the principle of distinction in international humanitarian law, provided that the other rules of international humanitarian law are also observed.²⁷

²⁵ Heyns C. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions. *Op. Cit.*, p. 11.

²⁶ Melzer N. Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law (Geneva, ICRC, 2009), p. 27.

²⁷ Heyns C. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions. *Op. Cit.*, p. 14-15.

It is unclear whether or to what extent United States targeting rules incorporate these standards or observe them as a matter of policy. Lethal targeting directed at senior operational leaders of Al-Qaida and those who pose an imminent threat of violent attack would appear to satisfy the ICRC tests of continuous combat function and direct participation, respectively. There is, however, evidence to indicate that attacks have been launched against much lower-level operatives, including those who have harboured identified targets. Some United States military lawyers argue that all members of an armed group, apart from medical and religious personnel, are legitimate targets at all times, and that the function of a particular individual within the group is irrelevant. Those who advocate this position suggest that in asymmetrical armed conflict a requirement for solid intelligence demonstrating a continuous combat function, or distinguishing between roles played by adherents to an armed group, is unrealistic and impractical. They challenge the ICRC guidance because it would prevent attacks on targets acting as voluntary human shields and those who assemble and store improvised explosive devices. There is also disagreement over the 'for such time' criterion, with some arguing that if applied strictly it would create a near-insurmountable operational hurdle by requiring that an individual can be targeted only while actually engaged in an armed attack. These differences of view have obvious implications for assessing both the legality of individual remotely piloted aircraft strikes and the level of 'civilian' casualties.

The accuracy of targeting intelligence is critical to the proper application of the principles of distinction, proportionality and precaution, in asymmetrical conflict where non-State armed groups often intermingle with the civilian population, whose members provide varying degrees of voluntary or involuntary support that may or may not amount to direct participation in hostilities. United States policy appears to recognize at least three categories of target for lethal counter-terrorism operations. The first is what is known as the 'high-value target'. This classification implies that the identity, function and importance of the individual be established in advance. While it may be assumed that the list includes individuals identified by intelligence as senior leaders of Al-Qaida or an associated group, who would thus be deemed to have a

continuous combat function, it is far from clear that the list is so confined. A second category consists of what are known as ‘signature strikes’, in which a group or individual is identified as a target based on their activities, their location or appearance. This is not a concept known to international humanitarian law and could lead to confusion. The legality of such strikes depends on what the signatures are. In some cases, people may be targeted without their identities being known, based on insignia or conduct. The legal test remains whether there is sufficient evidence that a person is targetable under international humanitarian law by virtue of having a continuous combat function or directly participating in hostilities, and if there is doubt States must refrain from targeting. Insofar as the term ‘signature strikes’ refers to targeting without sufficient information to make the necessary determination, it is clearly unlawful.²⁸ United States forces in Iraq pioneered what became known as ‘pattern of life’ analysis using remotely piloted aircraft for intelligence, surveillance, targeting and reconnaissance purposes. This has since become a routine part of the armed conflict in Afghanistan, where it is also used for targeting purposes by the Royal Air Force of the United Kingdom. A third category is the use of remotely piloted aircraft for the purposes of contact force protection, which is governed by conventional rules of engagement adopted by the Department of Defence.

The president of the United States in 2013 adopted the standard for lethal counter-terrorism operations being conducted outside areas of active hostilities, indicating that, ‘before any strike is taken, there must be near-certainty that no civilians will be killed or injured’. One United States military lawyer has since emphasized, however, that this is not a legal requirement, arguing that ‘the degree of requisite certainty would drop in the case of very high value target because less certainty would be justified in light of the military advantage likely to accrue from the operation’.²⁹

Where one drone attack is followed up by another in order to target those who are wounded and hors de combat or medical personnel, it constitutes a war crime in armed conflict and a violation of the right to life, whether or not in

armed conflict. Strikes on others confirmed to be civilians who are directly participating in hostilities or having a continuous combat function at the time of the follow-up strike could be lawful if the other international humanitarian law rules are respected. The public statements of States that they conduct threat assessments of individuals before targeting them in armed conflict should be welcomed and implementation of these statements should be urged, because this offers a higher level of protection than is required by international humanitarian law in respect of legitimate targets. The provision is that the situation must be correctly classified as an armed conflict; if the requirements posed for a non-international armed conflict are not met, a threat assessment is not enough, and the more rigorous conditions of self-defence under international human rights law must be met.³⁰

For several reasons, it could be argued that drone strikes might fulfil the requirements for precautions in attacks. First, a video feed from the drone can give ‘real-time’ eyes on the target so that the absence of civilians close to the target can be monitored until the last few minutes or even seconds. Second, it appears that at least some of the targets of drone strikes are located using a tracking device that is presumably attached (or ‘painted’ on) to the vehicle, luggage, or equipment, or even potentially the person or one of the persons being targeted. Third nearby military forces are also charged with monitoring the target. Fourth, other than the thermobaric variant of the Hellfire missile most of the missiles fired from drones are believed to have a smaller blast radius than other conventional munitions that might typically be deployed from a fighter jet. These factors do not eliminate the risk of civilian casualties, but they certainly represent feasible precautions that can minimize incidental loss of civilian life.³¹

One example of how drones could embody violations of Article 8 of Rome Statute³² is by causing of terror towards civilian population, which is also prohibited in the Article 51 (1) and

³⁰ Heyns C. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions. *Op. Cit.*, p. 15.

³¹ Casey-Maslen S. *Op. Cit.*, p. 607.

³² [On-line]:

https://www.icc-cpi.int/nr/rdonlyres/ea9aef7-5752-4f84-be94-0a655eb30e16/0/rome_statute_english.pdf (Visited on: 03.02.2017).

²⁸ *Idem.*, p. 15.

²⁹ Emmerson B. *Op. Cit.*, p. 20–23.

(2)³³ of Additional Protocol I. Deficient definitions of terrorism aside, some scholars find that it is understandable that the buzzing heard from drones can cause fear or terror, particularly as those who hear the drones will be unaware as to know whether the drones are armed or not. Factual uses of drones discussed earlier also could be seen to induce terror or fear into civilian populations as drones are used for reconnaissance, meaning they follow, hover over, and maintain visual connections with their targets. For family members, neighbours, and ordinary civilians, this could result in violations of personal dignity and general concern for safety and welfare. The drones could result in the effect of terrorizing civilian populations, but this would require unnecessarily broad interpretations of the Rome Statute and would perhaps more appropriately fall under crimes against humanity rather than war crimes. However, we acknowledge that the ICTY, particularly the *Galić* cases, have dealt with inducing terror amongst civilians as a war crime. Second, the prohibition of terrorizing civilian populations does not encompass incidental terrorization, meaning that to violate prohibitions the attacks would require the terrorization of civilians as a purported objective. Drones do not have defensive mechanisms per se, thus they are vulnerable to potential jamming frequencies which cause interference with their remote piloting feed. In practice this means that those on the ground possess abilities to destroy drones in progress, ultimately meaning that locals are not without hypothetical defences.³⁴

Conclusion

The international regulatory framework is often slow in responding to developments, including technological ones, and its response to

the use of armed drones is no exception. It is clear how difficult it can be to regulate new technologies once they are already developed and in use. Weapons may in the future be programmed to autonomously locate, select, and 'decide' who should be targeted for lethal attacks. The international community needs to confront squarely the dangers posed by these technologies before they are already in use.³⁵

The increasing use of drone technology in situations of armed conflict has posed, and is likely to continue to pose, a host of legal and other questions. International humanitarian law can only provide answers to the queries to which it was designed to respond, which do not include the political, policy, moral and other implications of the employment of armed drones — issues that undoubtedly also warrant serious consideration.³⁶

The applicable basic principles of international law relevant to the taking of life are clear and tested by time. International law does not wholesale prohibit targeted killings. Rather, rules have developed to impose principled limits on all users of lethal force and to ensure that the limits are respected through meaningful transparency and accountability. However, as evidenced by government practices and legal pronouncements, some states appear to want to offer only general legal justifications for highly contentious practices, to invent new law, or to stretch existing law beyond long-accepted understandings.³⁷

In the words of a former CIA lawyer: 'The government's power to kill must be carefully controlled or it could turn into a tyranny worse than terrorism'. Such control means international legal responsibility for unlawful drone strikes, both at the level of the state and the individual. Of even greater concern is the prospect of fully autonomous drones making targeting decisions based on a series of programmed vectors, potentially without any human control. Moreover, it is only a matter of time before non-state armed groups develop or procure drone technology (or hack into the operation of a state-controlled drone and assume control).³⁸

³³ „1. The civilian population and individual civilians shall enjoy general protection against dangers arising from military operations. To give effect to this protection, the following rules, which are additional to other applicable

rules of international law, shall be observed in all circumstances.

2. The civilian population as such, as well as individual civilians, shall not be the object of attack. Acts or threats of violence the primary purpose of which is to spread terror among the civilian population are prohibited. „Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and Relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I). 8 June 1977.

³⁴ Albestrad R. Drones under International Law. In: Open Journal of Political Science. Scientific Research Publishing Inc. 2014, p. 230–231.

³⁵ Heyns C., Knuckey S. The Long-Term International Law Implications of Targeted Killing Practices. In: Harvard International Law Journal. January 2013, Volume 54, p. 112.

³⁶ Pejic J. *Op. Cit.*, p. 39.

³⁷ Heyns C., Knuckey S. *Op. Cit.*, p. 106.

³⁸ Casey-Maslen S. *Op. Cit.*, p. 624–625.

If used in strict compliance with the principles of international humanitarian law, remotely piloted aircraft can reduce the risk of civilian casualties in armed conflict by significantly improving the situational awareness of military commanders. Having regard to the duty of States to protect civilians in armed conflict in any case in which civilians have been, or appear to have been, killed, the responsible State is under an obligation to conduct a prompt, independent and impartial fact-finding inquiry and to provide a detailed public explanation. The obligation arises whether the attack was initiated by remotely piloted aircraft or other means, and whether it occurred within or outside an area of active hostilities. There is a number of legal questions on which there is currently no clear international consensus, followed by an urgent and imperative need to seek agreement between States on these issues.³⁹

The international community should act to uphold and restore the integrity on the international rule of law, and the protections guaranteed by human rights and international humanitarian law.

References:

1. Alberstadt R. Drones under International Law. Open Journal of Political Science. In: Scientific Research Publishing Inc. 2014. [On-line]: http://file.scirp.org/pdf/OJPS_2014101616484519.pdf (Visited on: 12.01.2017).
2. Alston P. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions, Study on targeted killings. In: Report to the Human Rights Council, UN Doc. A/HRC/14/24/Add.6, 28 May 2010. [On-line]: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/14session/A.HRC.14.24.Add6.pdf> (Visited on: 12.01.2017).
3. Brunstetter D., Braun M. The Implications of Drones on the Just War Tradition. In: Ethics & International Affairs. 2011, Volume 25, Issue 3. [On-line]: <https://www.thefreelibrary.com/The+implications+of+drones+on+the+just+war+tradition.-a0271594913>
4. Crosston M. Pandora's Presumption: Drones and the Problematic Ethics of Techno-War. In: Journal of Strategic Security. 2014, Volume 7, no. 4. [On-line]: <http://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1363&context=jss> (Visited on: 09.01.2017).

³⁹ [On-line]: <http://unsrct-drones.com/report/176> (Visited on: 12.01.2017).

5. Casey-Maslen S. Pandora's box? Drone strikes under jus ad bellum, jus in bello, and international human rights law. In: International Review of the Red Cross. Summer 2012, Volume 94, Number 886. [On-line]: <https://app.icrc.org/e-briefing/new-tech-modern-battlefield/media/documents/17-Pandora's-box-Drone-strikes-under-jus-ad-bellum.pdf> (Visited on: 09.01.2017).

6. Convention on International Civil Aviation. Chicago. 7 December 1944. [On-line]: http://www.icao.int/publications/Documents/7300_orig.pdf (Visited on: 09.01.2017).

7. Emmerson B. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism. United Nations General Assembly, UN Doc. A/68/389. 18 September 2013. [On-line]: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/478/77/PDF/N1347877.pdf?OpenElement> (Visited on: 09.01.2017).

8. Heyns C. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions. United Nations General Assembly, UN Doc. A/66/330. 30 August 2011. [On-line]: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/483/99/PDF/N1148399.pdf?OpenElement>

9. Heyns C. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions. United Nations General Assembly, UN Doc. A/68/382. 13 September 2013. [On-line]: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/473/63/PDF/N1347363.pdf?OpenElement>

10. Heyns C., Knuckey S. The Long-Term International Law Implications of Targeted Killing Practices. In: Harvard International Law Journal. January 2013, Volume 54. [On-line]: <http://www.harvardilj.org/wp-content/uploads/2013/01/Heyns-to-publish.pdf> (Visited on: 09.01.2017).

11. ICAO Cir 328, Unmanned Aircraft Systems (UAS). 2011.

12. ICTY, Prosecutor v. Tadić, Case No. IT-94-A, Judgment of 15 July 1999 (Appeals Chamber). [On-line]: <http://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-aj990715e.pdf> (Visited on: 09.01.2017).

13. Melzer N. Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law (Geneva, ICRC, 2009). [On-line]: <https://www.icrc.org/eng/assets/files/other/icrc-002-0990.pdf> (Visited on: 12.01.2017).

14. Pejic J. Extraterritorial targeting by means of armed drones: Some legal implications. In: International Review of the Red Cross. 2015. [On-line]: <https://www.icrc.org/en/document/jelena-pejic>

[extraterritorial-targeting-means-armed-drones-some-legal-implications](#)

15. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and Relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I). 8 June 1977. [On-line]: https://www.icrc.org/eng/assets/files/other/icrc_002_0321.pdf (Visited on: 12.01.2017).

16. Reuters. Islamic State drone kills two Kurdish fighters, wounds two French soldiers. In: Reuters. 12 October 2016. [On-line]: <http://www.reuters.com/article/us-france-iraq-iraq-idUSKCN12B2QI?il=0> (Visited on: 12.01.2017).

17. Rome Statute of the International Criminal Court. 1 July 2002. [On-line]: <https://www.icc->

api.int/nr/rdonlyres/ea9aef7-5752-4f84-be94-0a655eb30e16/0/rome_statute_english.pdf (Visited on: 12.01.2017).

Copyright©KLENKA Michal, 2017.

Contacte / Contacts / Контакты:

Faculty of International Relations
University of Economics in Bratislava
Dolnozemska cesta 1/b
852 35 Bratislava, The Slovak Republic

E-mail: michal.klenka@euba.sk



Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2017, Issue 1, Volume 12, Pages 142-147.

ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963

Submitted: 15. 11. 2016 | Accepted: 15.02. 2017 | Published: 30.03. 2017

**TRIBUNA DISCUȚIONALĂ
THE TRIBUNE OF DISCUSSION
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**

**ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГРУЗИИ**

**THE IMPACT OF THE DEVELOPMENT OF INFORMATION AND COMMUNICATION
TECHNOLOGIES ON POLITICAL PROCESSES IN GEORGIA**

**IMPACTUL DEZVOLTĂRII TEHNOLOGIILOR INFORMAȚIONALE ȘI DE
COMUNICAȚII ASUPRA PROCESELOR POLITICE DIN GEORGIA**

МЕТРЕВЕЛИ Николоз* / METREVELI Nikoloz / METREVELI Nikoloz

ABSTRACT:

**THE IMPACT OF THE DEVELOPMENT OF INFORMATION AND COMMUNICATION
TECHNOLOGIES ON POLITICAL PROCESSES IN GEORGIA**

The development of information and communication technologies, recently has changed the vector of the world and covered virtually all areas of public and political life. Currently the most important characteristic of the modern world and Georgian political processes is network policy, which is becoming more popular. Electronic network resources, including social media, is frequently used by political actors. Today, we can say that the Internet as a global communication tool, occupies a leading position in the political sphere.

Georgia was in urgent need to be introduced in the network policy during the 2012 election campaign and afterwards. According to research, in Georgia, as well as all over the world, social networks are mostly used by young people, i.e. „present” and „future” of the state. Its remarkable that the number of users of the various social networks continuously grows.

This article examines the main theoretical foundations of the „use” of the information society and the media, relying on the work of sociology researchers.

Key words: *Internet technologies, information and communication technologies, political parties, Georgia.*

JEL Classification: F29

REZUMAT:

**IMPACTUL DEZVOLTĂRII TEHNOLOGIILOR DE INFORMARE ȘI COMUNICARE ÎN
PROCESELE POLITICE DIN GEORGIA**

Dezvoltarea tehnologiilor de informare și comunicare, recent s-a schimbat vectorul de lume și și-a acoperit aproape toate domeniile vieții publice și politice. În prezent, cea mai importantă caracteristică a lumii moderne și Georgian procesele politice este politică de rețea, care este din ce în ce mai popular. Electronice, resurse de rețea, inclusiv mass-media sociale, este frecvent utilizat de către actorii politici. Astăzi, putem afirma că Internet la nivel global, ca instrument de comunicare, ocupă o poziție de lider în sfera politică.

* **METREVELI Nikoloz** — Doctorand, director al Institutului de istorie, geopolitică și economie a Caucazului a Universității Tehnice de Stat din Georgia (Tbilisi, Georgia). / **METREVELI Nikoloz** — PhD Student, Director of Institute of History, Geopolitics and Economics of the Caucasus of the Georgian State Technical University (Tbilisi, Georgia). / **МЕТРЕВЕЛИ Николоз** — Аспирант, директор Института истории, геополитики и экономики Кавказа Грузинского государственного технического университета (Тбилиси, Грузия). **E-mail:** freestudentsorg@gmail.com

Georgia a fost în nevoie urgentă de a fi introdus în rețeaua politică în campania electorală din 2012 și după aceea. Potrivit sondajului, în Georgia, precum și în întreaga lume rețelele sociale sunt utilizate de către țării active și a populației de tineret, astfel țării „prezent” și „viitor”. Este remarcabil faptul că numărul de utilizatori de la diferite rețele sociale crește continuu.

În articolul principalul cadru teoretic este folosit informativ societate și cercetători lucrează în mass-media sociologie.

Cuvinte cheie: tehnologie de Internet, tehnologiile informaționale și de comunicații, partide politice, Georgia.

JEL Classification: F29

CZU: 316:002

РЕЗЮМЕ:

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГРУЗИИ

Развитие информационно-коммуникационных технологий в последние годы охватило практически все сферы общественной и политической жизни общества, существенно изменив направление мирового развития. Одной из важных особенностей современных мировых процессов в целом и грузинских, в частности, является сетевая политика, которая получает все более широкое распространение. Электронные сетевые ресурсы, включая социальные медиа, часто используются политическими лидерами. Сегодня мы можем сказать, что Интернет как глобальное средство коммуникации, занимает лидирующие позиции в политической сфере.

Необходимость осознанного внедрения сетевой политики в Грузии стала особенно актуальной во время проведения избирательной кампании в 2012 г. Согласно исследованиям, в Грузии, как и во всем мире, социальными сетями пользуются, в основном, молодежь, т.е. «настоящее» и «будущее» государства. Примечательно, что количество пользователей различных социальных сетей постоянно растет

В статье рассмотрены основные теоретические основы используется Информационное общество и исследователей в области социологии СМИ.

Ключевые слова: Интернет-технологии, информационно-коммуникационные технологии, политические партии, Грузия.

JEL Classification: F29

УДК: 316:002

Развитие информационно-коммуникационных технологий в последние годы охватило практически все сферы общественной и политической жизни общества, существенно изменив направление мирового развития. Одной из важных особенностей современных мировых процессов в целом и грузинских, в частности, является сетевая политика, которая получает все более широкое распространение. Использование политическими акторами электронных сетевых ресурсов, в том числе социальных, становится все более популярным. Можно с уверенностью сказать, что Интернет как глобальное средство коммуникации занимает одно из ведущих мест в политической жизни страны.

Необходимость осознанного внедрения сетевой политики в Грузии стала особенно

актуальной во время проведения избирательной кампании в 2012 г. Согласно исследованиям, в Грузии, как и во всем мире, социальными сетями пользуются, в основном, молодежь, т.е. «настоящее» и «будущее» государства. Нужно отметить, что количество пользователей различных социальных сетей в Грузии постоянно растет. Исследования показывают, что проведение систематического и регламентированного мониторинга общественного мнения в социальных сетях является актуальной необходимостью.

В условиях роста гражданской активности и развития информационных технологий грузинские политики и политические партии все больше уделяют внимание новым способам взаимодействия с негосударственными организациями и

населением в рамках политических процессов, что дает им возможность действовать более эффективно. Грузинские политики и политические партии, опираясь на современные информационно-коммуникативные технологии, получают инструмент, который позволяет сформировать систему политической коммуникации, что, в свою очередь, способствует повышению результативности и интенсивности работы участников. Развитие социальной медики создает условия для ведения прямого диалога между гражданским обществом и представителями политических партий. Использование новых коммуникационных каналов позволяет обеим сторонам обдуманно и аргументировано подойти к принятию политических решений.

В этой связи особенно важны и интересны научные работы исследователей информационного общества, таких как Д.Бейли, Й.Масуда, М.Кастельса, М.Маклюэна, М.Постера, Ф.Уэбстера, Д.Мангейма, Р.Рича. Необходимо также отметить труды грузинских авторов, посвященные проблемам развития информационного общества. Среди них: К.Какача, Т.Патарая, Л.Цуладзе, А.Бердзенишвили, Ф.Есебуа, И.Кахидзе, Н.Мачарадзе, А.Квинтрадзе. Теория информационного общества была разработана как системная методология осмысления роли и места информационных технологий в современных политических процессах. Важно также рассмотреть модели политических систем, которые основаны на идеях структурного функционализма и системного кибернетического подхода, такие как: «кибернетическая модель» К.Дойча и «системная модель» политической системы Д.Истона. Необходимо упомянуть концепцию группового политического процесса, согласно которой политический процесс представляет собой взаимодействие различных социальных групп. Большой интерес вызывает теория политических элит В.Парето и Р.Михелса.

На основе анализа изученной нами литературы по данной теме мы смогли сделать следующий вывод — несмотря на то, что существует большое количество источников и материалов, посвященных данной теме, нет глубокого научного

исследования, в котором давалась бы оценка роли социальной медики в политических процессах. Что касается влияния социальной медики, то оно, по мнению грузинских и зарубежных экспертов, очень важно и в дальнейшем будет расти.

Основная гипотеза работы заключается в следующем: в Грузии, как и во всем мире, социальная медики обеспечивает формирование новых аспектов ведения политики, оказывает серьезное влияние на развитие политических процессов, социальных сил и политических институтов. Проекцией социальной медики на политические процессы являются новые группы, которые формируют направления социально-политической активности. Развитие технологий социальной медики создает новые возможности анализа и мониторинга динамики политической жизни. Ресурсы электронной медики могут стать эффективными институтами как создания политических проблем отдельных акторов или групп, так и их решения, а также инструментами формирования масштабных политических, в том числе оппозиционных, протестных, движений.

Роль социальной медики в избирательном процессе.

Интернет является отражением реальной действительности. В нем действуют те же законы, что и в реальном социуме. Поэтому неудивительно, что лидеры общественной мысли во всем мире все интенсивнее представлены в виртуальных социальных сетях. Собственные блоги имеют политики, поп-звезды, писатели, ученые, журналисты. Отсутствие собственного блога у представителей мировой элиты может негативно отразиться на их имидже.

Политики всегда присутствуют там, где имеется широкая массовая аудитория. Присутствие политического субъекта в социальных сетях является уникальной возможностью сочетать два основных качества любого политического субъекта — стремление к продвижению и всеобщую «доступность». Политик должен быть уникальным. Вместе с тем он должен быть похож на избирателей. Социальные сети предоставляют для этого все возможности. Когда пользователь видит, что политик заполнил анкету и разместил фотографии на

своем вебсайте, доверие к нему растет. С этой точки зрения, социальные сети являются наиболее благоприятной сферой для политической активности любого вида. Поэтому представители власти, лица, желающие занять место на политическом Олимпе или же просто расширить собственную узнаваемость и влияние, обращаются к социальным сетям. Отметим, что все вышеуказанные политические акторы уделяют большое внимание своему «виртуальному присутствию» в сетях и регулярно (лично или при помощи команды) обновляют контакты и укрепляют взаимосвязь с пользователями.

Такие социальные сети, как Twitter, блогоплатформа Live journal и др., представляют собой мобилизационный ресурс, мощный инструмент решения политических проблем и сетевого управления характеристиками политического субъекта. Социальные сети — это уникальные прагматично ориентированные контенты. Социальные сети стали важнейшим инструментом, их политическое значение растет во всем мире. Вначале политики относились к социальным сетям недоверчиво. Но прошло уже достаточно много времени.

Социальным сетям, и в первую очередь Twitter, отводится своеобразная функция трибуны, которую используют политики с целью налаживания прямого контакта с собственным электоратом.

По данным Internetworldstats.com, сегодня социальные сети представляют собой площадку, позволяющую генерировать интересы гражданских акторов. Грузия значительно отстает от США и стран Евросоюза в плане развития политических процессов. Однако качественный и количественный рост ее информационной составляющей идет очень быстрыми темпами. В зависимости от того, какое положение занимает конкретный политик или политическая сила (находится в центральной власти, в региональной или муниципальной), можно выделить различные методы работы в социальных сетях. Находящаяся на центральном уровне крупная политическая партия или ее лидер стараются создать собственные площадки во всех основных массовых авторитетных социальных сетях. Если они в силу тех или иных причин

игнорируют какой-либо сервис, в действие вступает закон, согласно которому природа не любит пустых мест. Свободное место занимают конкуренты. Политики регионального уровня, как правило, выбирают в Интернете один или два сервиса. Чаще всего — это блог в системе Livejournal или в какой-либо другой региональной системе, Twitter, Facebook экаунты или другие сервисы.

Основная масса политиков муниципального уровня почти не отличается от рядовых пользователей. Они или вообще не представлены в Интернете или же предпочитают устанавливать контакт при помощи телефона или электронной почты.

Попытка любого политика сформировать успешный имидж в сети часто зависит от добросовестности его помощников, которые создают интернет-страницы и устанавливают контакт с подписчиками и с он-лайн пользователями. Работа в социальных сетях является успешной только в том случае, когда она постоянна и опирается на знание специфики данной интернет площадки и ее аудитории. Только неопытный пользователь может посчитать, что создание имиджа в интернете и освоение собственной площадки дело очень простое. Подобное дилетантское отношение зачастую приносит больше вреда, чем пользы. «Мертвые» (т.е. не обновляющиеся и не модерированные) страницы наносят значительный ущерб имиджу политики или политической силы.

На современном этапе потребность населения установить с правительством прямое взаимодействие в диалогической форме, развитие интернет-технологий неизбежно повлечет за собой расширение форм реализации механизма создания политического имиджа.

Для достижения высокого представительского уровня очень важным является создание качественного блога. Например, важным моментами являются интегрирование сайта и социальных сетей, календарь явлений, возможность отправить письмо.

Между правительствами и социальными сетями установилось неустойчивое партнерство. Несмотря на то, что Интернет больше не рассматривается как «Дикий Запад», представители власти по-прежнему

стараятся найти он-лайн объединения и оптимальные формы работы с коммуникационными средствами, которые они используют. Однако независимо от того, удастся или нет установить подобного рода взаимодействие, социальные сети никуда не исчезнут.

Отмечается заинтересованность и участие политических акторов разного вида и уровня в процессе формирования собственного имиджа и наблюдения за ними в интернет-порталах и ресурсах, ориентированных на молодежь. Мы считаем, что в своей деятельности политические партии или отдельные политики должны учитывать несколько важных моментов — необходимо выстраивать работу в соответствии с существующими реалиями, формировать имидж с использованием возможностей современных актуальных технологий, отражением которых являются интернет-сфера и система ее интерактивных сервисов.

Мы живем в период совершенствования политических систем, развития независимых институтов. Сегодня Интернет является «глобальной компьютерной сетью», своего рода сетью для сетей наподобие мирового информационного океана, но не стихийной, а структурированной и упорядоченной. Она подчиняется всем существующим в мире законам и нормам информационного права, является демократичной и доступной. Наилучший пример страны, использующей Интернет ресурс в ходе предвыборной кампании, это США. Мировая сеть использовалась еще во время выборов 1996 г. Для того чтобы предстать в выгодном свете, кандидату достаточно было разместить на своем веб-сайте электронную версию своей предвыборной кампании.

С 2000 г. команды всех кандидатов в президенты США стали все более активно использовать Интернет с целью сбора средств на избирательную кампанию и привлечения нового электората. По мнению газеты «Нью-Йорк таймс», веб-сайты стали инструментом, посредством которого кандидаты могут донести свои идеи до широкой аудитории, которую они не смогли бы собрать, используя метод традиционных выездных встреч.

Основной аспект, посредством которого Интернет является одним из самых эффективных каналов распространения

политической рекламы кандидата, обладает несколькими важными преимуществами. Например, Интернет работает 24 часа в сутки. Это означает, что заинтересованные лица могут получить информацию о кандидате в любое удобное для них время. Интернет обеспечивает возможность прямой и косвенной агитации, а также передачу практически любой информации, касающейся кандидата. Информация о кандидате может быть изменена столько раз, сколько необходимо. Надо отметить, что ни один другой вид рекламы не обладает подобной гибкостью подачи информации. Более того, в интернете могут быть использованы цветные изображения и звуковое оформление, что позволяет сформировать максимально информативное представление о кандидате. Нужно особенно отметить, что посредством Интернета становится возможным «включение» избирателей в непосредственную интеракцию с кандидатом.

Используя Интернет-технологии, избиратель может выбрать наиболее приемлемую для себя форму ознакомления с предвыборной кампанией кандидата. Таким образом, получить информацию можно в виде текста, аудио формы или видеоролика.

Основной задачей стратегического планирования с использованием Интернет-технологий в ходе предвыборной кампании является улучшение привлекательности веб-сайтов и их непосредственной рекламы. Согласно исследованиям, практический каждый кандидат в президенты США убежден, что веб-сайты представляют собой эффективное средство, позволяющее ознакомить избирателей с предвыборными идеями, удерживая на себе их внимание. Исследование Pew Research Center от 2009 г. также подтверждает тот факт, что потенциальные избиратели затрачивают в среднем 45 секунд на телефонный разговор в ходе предвыборной кампании, телевизионные ролики привлекают внимание приблизительно на 30 секунд, тогда как веб-сайт избирательной кампании удерживает внимание человека в течение 8 мин.

Отметим, что Интернет-технологии в Грузии, как и во всем мире, получают все большее признание как средство политической коммуникации. В эпоху информационных технологий Интернет

является важным коммуникационным инструментом, который широко используется государственной властью, партиями, политическими лидерами и гражданским обществом в собственных целях, в том числе в ходе избирательных кампаний. Это вполне естественно, т.к. в последнее время отмечается стабильный рост интернет пользователей. Сегодня эти последние составляют растущую и активную часть избирателей.

Библиография:

1. Grofman Bernard, Trechsel Alexandre H., Franklin Mark. The internet and democracy in global perspective: voters, candidates, parties, and social movements. Cham: Springer, 2014. xii + 228 p.
2. McLuhan M., Fiore Q. War and Peace in the Global Village. Toronto: Penguin Books, 2003. 190 p.
3. McLuhan Marshall, Gordon W. Terrence. Understanding media: the extensions of man. New York: Gingko Press, 2013. 640 p.
4. Oates Sarah, Owen Diana Marie, Gibson Rachel Kay. The Internet and politics: citizens,

voters and activists. London; New York: Routledge, 2006. xii + 228 p.

5. Teboho Ansorge Josef. Identify and sort: how digital power changed world politics. New York, NY: Oxford University Press, [2016]. viii + 271 p.

6. Warkentin Craig. Reshaping world politics: NGOs, the Internet, and global civil society. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. 207 p.

7. Willetts Peter. Non-governmental organizations in world politics: the construction of global governance. Milton Park, Abingdon, Oxon [England]; New York: Routledge, 2011. 193 p.

8. Маршалл Маклюэн. С появлением Спутника планета стала глобальным театром, в котором нет зрителей, а есть только актеры (рус.). В: Кентавр. Пер. В. П. Терин. М. 1994, № 1, с. 20-31.

Copyright©METREVELI Nikoloz, 2017.

Contacte / Contacts / Контакты:

Тбилиси, ул. Костава 77,
Грузинский технический университет.

E-mail: freestudentsorg@gmail.com



Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2017, Issue 1, Volume 12, Pages 148-160.

ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963

Submitted: 15. 11. 2016 | Accepted: 15.02. 2017 | Published: 30.03. 2017

**TRIBUNA DISCUȚIONALĂ
THE TRIBUNE OF DISCUSSION
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**

**О ТЕРМИНОЛОГИИ И НЕ ТОЛЬКО
(К 100-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ)**

**ON TERMINOLOGY ISSUE AND NOT ONLY (DEDICATED TO THE 100th
ANNIVERSARY OF THE OCTOBER 1917 REVOLUTION IN RUSSIA)**

**DESPRE TERMINOLOGIE ȘI NU NUMAI
(A 100-A ANIVERSARE A REVOLUȚIEI DIN OCTOMBRIE DIN RUSIA)**

СЫЧ Александр* / SÎCI Alexandru / SYCH Alexander

ABSTRACT:

**ON TERMINOLOGY ISSUE AND NOT ONLY
(DEDICATED TO THE 100th ANNIVERSARY OF
THE OCTOBER 1917 REVOLUTION IN RUSSIA)**

The author attempts to scrutinize the essence of the ambiguous concepts „coup” and „revolution”. Concurrently, the author criticizes those who label the uprising in Petrograd in October 1917 just a „Bolshevik coup”. As a result, the researcher concludes the term „October (or Bolshevik) Coup” – that has become frequently used so far either due to unawareness or purposefully — does not match its nature, and what is more important, the scale of the very phenomenon that „shook the world”, as John Reed described in October 1917. As a final point, the unbiased analysis testifies to the fact that it was one of the most crucial social revolutions in the human history that had a momentous impact on global development in the twentieth century.

Key words: *coup, revolution, Russia, social contradictions, Bolsheviks, Lenin, October revolution.*

JEL Classification: F29

РЕЗЮМЕ:

**О ТЕРМИНОЛОГИИ И НЕ ТОЛЬКО
(К 100-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ)**

В своей статье автор анализирует содержание понятий «переворот» и «революция». Он также подвергает критике тех, кто называет восстание в Петрограде в октябре 1917 года всего лишь «большевистским переворотом». Автор приходит к выводу, что постоянно употребляемый в последние годы — по незнанию или сознательно — термин «октябрьский переворот» совершенно не соответствует характеру и, главное, масштабу того явления, которое, как писал в октябре 1917 г. Джон Рид, «потрясло мир». Непредвзятый анализ свидетельствует, что это была одна из наиболее глубоких социальных революций в истории, которая оказала огромное влияние на мировое развитие в XX веке.

* **SYCI Alexandru** — Doctor habilitat în științe istorice, profesor universitar, Universitatea Națională „Iurie Fedikovič” din Cernăuți (Cernăuți, Ucraina). / **SYCH Alexander** — Doctor of Historical Sciences, Professor, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Chernivtsi, Ukraine). / **СЫЧ Александр Иванович** — Доктор исторических наук, профессор, Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича (Черновцы, Украина). **E-mail:** asych_chnu@yahoo.com

Ключевые слова: государственный переворот, революция, социальные противоречия, большевики, Ленин, Октябрьская революция.

JEL Classification: F29

УДК: 902, 94"19

REZUMAT:

**DESPRE TERMINOLOGIE ȘI NU NUMAI
(A 100-A ANIVERSARE A REVOLUȚIEI DIN OCTOMBRIE DIN RUSIA)**

În articolul său, autorul analizează conținutul noțiunilor de „lovitură de stat” și „revoluție”. El supune, de asemenea, criticii pe cei care califică revoluția din octombrie 1917, doar ca o „lovitură de stat bolșevică”. Autorul ajunge la concluzia că termenul folosit în mod constant în ultimii ani — din ignoranță sau cu bună știință — „lovitura de stat din octombrie” absolut nu corespunde cu natura și, cel mai important, cu amploarea fenomenului, care, după cum scria în octombrie 1917, John Reid, — „a zguduit lumea”. O analiză nepărtinitoare arată că aceasta a fost una dintre cele mai profunde revoluții sociale în istorie, care a avut un impact enorm asupra dezvoltării globale în secolul al XX-lea.

Cuvinte cheie: lovitură de stat, revoluție, contradicțiile sociale, bolșevicii, Lenin, revoluția din Octombrie.

JEL Classification: F29

CZU: 902, 94"19

Приближение 100-летнего юбилея Октябрьской революции в России с новой силой оживило как академические, так и общественные дискуссии о том, что же на самом деле произошло тогда в Петрограде — вооружённый путч, государственный переворот, спецоперация, срежиссированная и подготовленная внешними силами с целью окончательного развала Российского государства, революция или продолжение, новый этап того, что началось в февральские дни? Однако, актуализация интереса к событиям столетней давности наблюдается не только среди профессиональных историков, которые спорят, какое определение дать событиям 1917-го года — переворот, мятеж, восстание, революция — или сколько же революций было в этом году — две, как принято считать, или одна? Кстати, последняя точка зрения получает всё большее признание среди российских историков; появились и серьёзные научные труды, обосновывающие концепцию единой, с несколькими этапами «Великой Российской революции» 1917-1922 гг.¹

С другой стороны, уже почти два десятилетия в фокусе общественного внимания находятся так называемые цветные

революции, результаты и последствия которых имеют весьма неоднозначный характер. Политологи, философы, социологи пытаются определить природу этого явления, чтобы понять, являются ли они всего лишь новейшими политическими технологиями или революциями нового типа, характерными для XXI в., или просто псевдореволюциями? Само понятие «революция» стало модным, своего рода мемом, который охотно, к месту и не к месту, используют политики, журналисты, литераторы, масс-медиа и др.

Автор ставит перед собой более скромную задачу, а именно: выяснить, какой же всё-таки термин наиболее точно характеризует октябрьские события 1917-го года? Ибо в данном случае вопрос терминологии имеет принципиальное значение.

Как известно, с конца 1980-х гг. чётко обозначилась тенденция к пересмотру роли и места Октябрьской революции в истории России. Вместо общепринятого в советские времена термина «Великая Октябрьская социалистическая революция» и в публицистических, в и специальных исторических работах, а также в телевизионных и радиопередачах, появилось и довольно прочно утвердилось выражение «октябрьский (или большевистский) переворот». Это сопровождалось и переоценкой значения самого события, случившегося в октябре 1917-го года: от

¹ См., напр.: Шубин А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2014, 452 с.

однозначно прогрессивного в советский период, когда оно провозглашалось «главным событием XX века», к фактически резко отрицательному отношению («национальная катастрофа» и т. п.).

Следует отметить, что эта кардинальная переоценка сущности, значения и последствий октябрьских событий 1917-го произошла не в результате появления новых фундаментальных теоретических работ или серьёзных научных дискуссий по переосмыслению данного исторического явления (они-то как раз начались примерно спустя 20 лет после развала СССР), а главным образом вследствие изменений, произошедших в общественном сознании и настроениях под влиянием политической борьбы, развернувшейся в Советском Союзе на рубеже 80 — 90-х гг. XX в. и особенно после его развала. И на постсоветском пространстве, и за его пределами началась своего рода кампания по тотальной критике Октябрьской революции и её детища — Советского государства. Нашлось немало и тех, кто, стараясь разрушить до основания «миф об Октябрьской революции», доказывал, что «октябрьский переворот» или «красную революцию» просто-напросто «заказали», то есть подготовили и искусственно спровоцировали, а Керенский, Ленин, Троцкий были всего лишь марионетками, послушными «агентами», которые действовали по заранее разработанному сценарию, отработывая «германские» или «англо-американские» деньги. Напрашивается, однако, вопрос (подобно персонажу известного кинофильма, которого терзали «смутные сомнения»): а не пытаются ли авторы подобных объяснений причин революции 1917 г. экстраполировать на события прошлого современные технологии манипуляции общественным сознанием, с помощью которых определённые силы действительно способны выполнить «заказ на революцию», точнее на смещение неудобных кому-то политических режимов, что весьма наглядно подтвердили события «цветных революций» в Сербии, Грузии, Украине, Киргизстане. В них чётко просматривался определённый «сценарий», применялись одни и те же методики действий, лозунги и т.д., да и заказчик, в общем-то, известен. Однако, как справедливо

заметил российский публицист и политолог Алексей Мартынов: «...никакие супертехнологии и никакие мешки с деньгами, присланные извне, не в состоянии разрушить государство, если внутри него нет достаточного количества коллаборационистов из числа элиты и интеллигенции, кто готов принять эти деньги и реализовать эти технологии»².

Апофеозом атак на «миф об Октябрьской революции», наверно, можно считать появление на Западе работы шести авторов «Чёрная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии», опубликованной (и, думается, совсем неслучайно) в ноябре 1997 г. к очередной годовщине революции.

Кстати, не прекращаются эти атаки и до сих пор. Так, один французский автор прямо заявил, что ставит целью своей книги (увидевшей свет в 2014 г.) «миссию развеять чары революции»³. А известный украинский историк Ст. Кульчицкий, самокритично переоценив своё советское прошлое (почти 30 лет стажа в КПСС, защита докторской диссертации), вообще заявил в интервью журналу «Тижень», что в октябре 1917 г. победила «большевицкая контрреволюция»⁴.

Прошло почти 100 лет с начала Октябрьской революции и больше четверти века с после исчезновения её творения — Советского Союза, а попытки её развенчания и отрицания продолжают. И поневоле на ум приходит старая восточная мудрость — «не бросают палки в дерево, на котором нет плодов».

Следует заметить, что появление различных новомодных или сенсационных версий октябрьских событий 1917 г. часто является следствием произвольной трактовки самого понятия «революция». Похоже, что авторы и адепты подобных версий не потрудились даже (или сознательно не

² Ленин в 1917 году (Круглый стол). В: Историк. Июль-август 2016 г., с. 88.

³ Цит. по: Онобль Е. Революція 1917 року: французький погляд. 100 років тлумачень і репрезентацій Ерік Онобль; пер. з фр. А. Репа. К.: Ніка-Центр, 2016, с. 96.

⁴ Станіслав Кульчицький: «У жовтні 1917 року перемогла більшовицька контрреволюція в оманливому вигляді радянської революції». [On-line]: <http://tyzhden.ua/History/183933> (Дата відвідування: 03.02.2017).

захотели это сделать) заглянуть хотя бы в справочные или энциклопедические издания, чтобы ознакомиться с содержанием данного понятия. Между тем, они дают практически идентичные по содержанию определения этого явления, а именно: сущность революции, как социального явления, заключается в глубоком, качественном изменении состояния общества, в резком, скачкообразном переходе к новой стадии его развития. При этом настоящая революция резко поляризует общество, втягивая в водоворот политической борьбы (часто доходящей до гражданской войны) большие массы людей, приводит к власти новые классы или социальные группы, меняет форму собственности, то есть осуществляет сущностное преобразование социума, фактически изменяя его базовые характеристики. Другими словами, революция происходит, когда возникает необходимость поменять правящую элиту, политический режим, форму собственности (или отношение к ней). Например, в результате революций XVII — XIX вв. в Европе дворянскую элиту сменяла буржуазная, феодальную форму собственности — частная.

Государственный же переворот, осуществляемый обычно силовыми методами, представляет, по существу, борьбу за власть между отдельными группами правящей элиты или тех сил, которые стремятся ею стать, в то время как общество продолжает пребывать в практически прежнем состоянии, наблюдая за происходящим как бы со стороны. Такой переворот ограничивается, как правило, изменениями в расстановке политических сил, которые находятся у государственного руля или, находясь в оппозиции, стремятся им овладеть.

В отличие от переворота, который заинтересованные в нём силы заранее планируют и организуют, разработать «сценарий» революции нельзя, ибо, как свидетельствует исторический опыт, революции развиваются согласно своим «законам» и внутренней логике, понять и тем более управлять которыми людям бывает практически не под силу. Один из наиболее ярких и интересных деятелей Великой французской революции конца XVIII ст.

Антуан Сен-Жюст как-то заметил: «Сила обстоятельств, возможно, приведёт нас к результатам, которых мы не ожидали». Известный английский историк Э. Хобсбаум подчёркивал, что «неконтролируемость как раз и есть неотъемлемая черта великих революций», которые он рассматривал как «стихийное явление, неподвластное человеку»⁵.

Также следует помнить, что понятия «революция» и «переворот» могут употребляться как синонимы, но только тогда, когда их результатом являются коренные, качественные, фундаментальные — или, как их ещё называют, революционные — изменения. Например, в Англии в XVIII в. начались революционные изменения в сфере материального производства, то есть переход от ручного труда к машинному, от мануфактурной стадии развития капитализма к промышленной (индустриальной), поэтому этот процесс в исторической литературе называют и промышленной революцией, и промышленным переворотом, понимая под этим одно и то же явление.

После этих общетеоретических, но необходимых для нашей темы соображений, попробуем определить, что же произошло в октябре 1917 г. в России и какого названия это заслуживает?

Любой компетентный историк знает, что Россия «забеременела» революцией задолго до Октября 1917 г. Её истоки следует искать в противоречивых результатах реформы 1861 г. и незавершённости реформ 70–80-х гг. XIX ст. К началу XX в. Россия нуждалась в глубокой модернизации, а монархия Романовых, на глазах утрачивая творческий потенциал и связь с реальностью, не могла создать условия для его успешного завершения. Процесс модернизации, давно необходимый стране и означавший переход страны от традиционного аграрного общества к индустриально-городскому, начался, но протекал непоследовательно и недостаточно эффективно, так как политическая верхушка и закостеневший бюрократический аппарат Российской империи во главе с царизмом тормозили его. И это в условиях, когда Россия, войдя в XX век, должна была резко

⁵ Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы». Дойчер И. Незавершённая революция. Пер. с англ. Агальцева Н. Г. М.: «Интер - Версо», 1991, с. 45-46.

ускорить процесс модернизации, чтобы ликвидировать своё цивилизационное отставание от передовых стран Запада и занять достойное место в мире, который быстро менялся. Назревшие задачи общественного развития в течение десятилетий оставались нерешёнными, а их масштабность и острота порождённых ими противоречий приобретали угрожающий характер. Среди этих задач важнейшими были:

- аграрный вопрос, который имел ключевое значение для страны, где крестьянство составляло подавляющее большинство населения;
- осуществление, точнее доведение до конца индустриализации и решение сопутствующего ей рабочего вопроса;
- подъём культурно-образовательного уровня народа, без чего судьба модернизации выглядела бы проблематичной;
- решение национальной проблемы, которая обострялась (нерусские народы составляли 57% населения Российской империи);
- демократизация общественно-политической жизни, то есть замена явно архаических, абсолютистско-бюрократических порядков более прогрессивными, буржуазно-демократическими.

Нежелание (а, по большому счёту, и неспособность) правящих кругов искать приемлемые для России способы решения этих исторических задач и, по сути, системных противоречий ввергли страну в кризис, принявший со временем открытые и застойные формы. Вспомнить хотя бы третьеиюньский переворот 1907 г. (кстати, именно переворот, который никак не нарушал основ самодержавного порядка). Политическая элита и государственные институты старой России не смогли дать достойный ответ на вызов времени, так и не поняв, что в начале XX века страна вошла в эпоху социальных потрясений, чреватых революцией. Революция «стучала в двери» в 1905–1907 гг., в феврале 1917-го и, наконец, в октябре того ж года. Впрочем, некоторые историки вообще считают, что это была одна революция, которая началась в 1905 г. и

продолжалась где-то до 1922 г., пройдя в своём развитии несколько этапов⁶.

Революционные выступления 1905–1907 гг. наглядно показали, что российское общество вплотную приблизилось к опасной черте, перейдя которую оказывалось бы под угрозой социального взрыва. Несмотря на все попытки придать новый импульс процессу модернизации (реформа Столыпина), Россия в 1913 году – почти по всем показателям социально-экономического развития – отставала от передовых капиталистических стран. К тому же война 1914–1918 гг. ещё больше обострила отмеченные выше противоречия и породила хозяйственную разруху, паралич транспортной системы, дефицит дешёвого хлеба, дороговизну. Самодержавие в очередной раз продемонстрировало свою беспомощность, за что и было «наказано» Февральской революцией.

Современный российский историк А. В. Шубин, глубоко и всесторонне проанализировав причины, которые с неизбежностью вели страну к новой революции, отмечает: «В России начала XX в. оставались причины для повторения революции, и столыпинская реформа не сняла их и не могла снять даже при условии более длительного осуществления. Война сначала даже подморозила нарастание революционного кризиса, а затем усугубила его разрушительность. Итак, с нашей точки зрения, уже к 1914 г. в России в ближайшие годы была неизбежна глубокая социальная революция, однако не столь разрушительная, как случилась в 1917 году»⁷.

Разрушительный характер революция стала приобретать после февральских событий. Российская буржуазия, добившись отречения царя и придя к власти, казалось бы, получила шанс не только преодолеть углубляющийся системный кризис, но и возможность «сверху» осуществить ряд долгожданных реформ и назревших преобразований. Однако её представители во

⁶ См., напр.: Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905 – 1907 гг. --> 1917 - 1922 гг. М., 1997; Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

⁷ Шубин А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: Родина МЕДИА, 2014, с. 92.

Временном правительстве этим шансом не воспользовались. Не прошло и полгода, как само правительство пережило три кризиса — в апреле, июне и июле, постепенно уступая власть эсерам и меньшевикам. Но и те не смогли предложить конструктивную программу, чтобы обеспечить поступательное развитие страны путём реформ и мирных трансформаций. Результатом стало заметное падение авторитета правосоциалистических партий в массах рабочих и частично крестьян. Если на выборах в Московскую думу в июне 1917 г. эсеры и меньшевики получили 70% голосов, то на сентябрьских выборах их поддержали только 18% избирателей; подобная ситуация была характерна и для Петрограда, а также для других промышленных центров России.

Таким образом, неспособность либерально-буржуазных и небольшевистских демократических сил после Февральской революции (или, как считают некоторые современные российские историки, на февральском этапе Великой русской революции) справиться как с давно назревшими и сложными проблемами общественного развития, так и с новыми, порождёнными мировой войной, предложив для этого реформистский выход из кризиса, делали неизбежным новый революционный взрыв. Осенью 1917 г. стал очевидным прогрессирующий паралич государственной власти, которая оказалась неспособной даже провести обещанные выборы в Учредительное собрание, которое должно было определить устройство и дальнейшее направление развития страны. К этому времени высшая государственная власть настолько ослабела и была дискредитирована, что ни одна политическая сила (кроме большевиков) не стремилась ею овладеть, чтобы не брать на себя ответственность за катастрофическое положение дел. Как писал один из исследователей, уже за несколько месяцев до начала октябрьских событий «Россия дышала воздухом революции, каждую минуту ожидался взрыв»⁸. Кризис достиг такой глубины, что к осени 1917 г. Россия фактически разваливалась как

государство, а российский капитализм — как социальная система. Более того, начала просматриваться ещё одна — действительно ужасная — альтернатива. Почти десять миллионов одичавших и разъярённых солдат, с оружием в руках, в массовом порядке отказывались выполнять приказы командования, часто поднимая на штыки офицеров, оставляли фронт и, захватив эшелоны, двигались вглубь страны. Государство оказалось на грани национальной катастрофы, так как ему угрожало, пожалуй, самое страшное — сползание в хаос и анархию. Кстати, это хорошо понимал тот же Ленин, который тогда говорил, что «волна настоящей анархии может оказаться сильнее, чем мы», и массы «разнесут всё, разможат всё...».

Непредвзятый анализ всей совокупности исторических фактов опровергает «модную» сегодня версию о том, что Октябрьская революция была всего лишь результатом заговора или действий кучки авантюристов-большевиков, которые, чуть ли не выполняя указание германского Генерального штаба, осуществили (опять же на немецкие деньги) государственный переворот. Как известно, ещё в 1956 г. патриарх западной советологии Джордж Кеннан доказал, что так называемые «документы Сиссона», на которые ссылаются сторонники такой версии, — фальшивки. И современные западные историки (напр., Рабинович, Ляндерс и др.), проведя новые исследования, это подтверждают, хотя некоторые СМИ и нацеленные на сенсацию авторы упорно не замечают или замалчивают их выводы.

Таким образом, основными причинами октябрьских событий 1917-го были всё те же глубинные противоречия, которые накапливались в политической, экономической, социальной, национальной сферах общественной жизни России, разрешить которые весной-летом 1917 г. реформистским путём не удалось. Большевикам, захватившим власть (за которую, впрочем, никто уже особенно и не держался), достались в наследство проблемы, нерешённые теми, кто пребывал у руля государственного корабля после свержения самодержавия. Поэтому, с моей точки зрения, Октябрьская революция (или второй этап Великой русской революции) была

⁸ Цит. по: У Ень-юань. Октябрьская революция: неизбежность и историческое значение В: Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2000, № 5, с. 46.

абсолютно объективным и закономерным явлением, так как большая часть проблем и, прежде всего, социальных, требовали неотложного решения. А это, как отмечалось выше, предназначение революции, а не государственного переворота.

Принимая во внимание тогдашнюю численность населения Российской империи, большевистская партия действительно выглядела горсткой революционеров, а их приход к власти, конечно, закончился бы полным провалом, если бы они не выдвинули лозунги, понятные и желанные для миллионов людей, и не взялись за решение задач, которые стояли на повестке дня российской истории уже несколько десятилетий. Принципиальный противник большевизма, известный философ Н. Бердяев писал: «Настал час, когда народ не захотел больше терпеть неправды социального строя, и весь лад души народной перевернулся. Ленин не смог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа».

Непосредственные результаты Октябрьской революции были реальными и неоспоримыми: она вырвала Россию из кровавой изнурительной войны; предотвратила национальную катастрофу, которая угрожала обществу, всё больше погружавшемуся в состояние хаоса; сохранила территориальную целостность и независимость страны, защитив её суверенитет; освободила трудящихся от эксплуатации и угнетения, дав землю крестьянам, передав фабрики и заводы в управление и под контроль рабочих; установила новую форму власти – Советы – как власть действительно народную; обеспечила национальное равноправие. Прославленный генерал Первой мировой войны Брусилов, подчеркнув, что он «не социалист и никогда им не будет», вместе с тем признавал: «Революция была русской необходимостью ... Россия сейчас находится в неизмеримой нужде, в которую её ввергли разные причины. И нельзя в этом обвинять новую власть. Большевики во многом оказались правы. Они с корнем вырвали русскую прогнившую аристократию, лишили фабрикантов и помещиков их богатств, накопленных в течение многих лет за счёт

русского народа. Большевики, наконец, сохранили целостность России».

Уже в первые месяцы после прихода большевиков к власти стали меняться основы социальной и политической системы. Большевики, буквально на ходу решая доставшиеся им «в наследство» задачи буржуазно-демократической революции, практически сразу приступили к поистине революционному преобразованию общества или, как часто говорят на Западе, «социалистическому эксперименту», то есть изменили не только систему политического правления в стране, но и начали кардинально менять общественное устройство со всеми его экономическими, социальными, культурными институтами.

Подобное развитие событий, что вполне очевидно, никак не укладывается в рамки понятия «переворот», если, конечно, не подразумевать качественный, коренной переворот во всей социально-экономической структуре общества, однако такое понимание «переворота» тождественно содержанию понятия «революция». Ибо никакой государственный переворот, то есть попытка захвата власти в форме восстания, мятежа, путча, даже в случае успеха, не меняет основополагающих устоев общественной системы, ограничиваясь только изменением «лица» власти, её фасада; революция же меняет саму структуру, характер, сущность этой системы. Не углубляясь в анализ теорий революций, отметим лишь такой важный момент: начиная с эпохи Нового времени, революционный процесс стал соединением социальной и политической революций, причём вторая, как правило, была составной частью первой, которая осуществляла экономические, социальные, духовные и другие преобразования, необходимые для установления нового общественного порядка, хотя, как правило, именно политическая революция начинала процесс или давала толчок революции социальной. Учитывая это, Февральскую революцию следует рассматривать как политическую революцию. Хотя некоторые историки считают её именно госпереворотом, в результате которого изменилось только государственное устройство (республика вместо самодержавной монархии). Однако стране и обществу уже было недостаточно изменения

политического порядка без решения назревших и даже перезревших социальных вопросов, что и делало неизбежной социальную революцию. Ленин и большевики поняли это лучше других.

Чтобы сегодня не писали про Октябрьскую революцию, но остаётся фактом, что именно благодаря ей народ впервые почувствовал себя хозяином собственной судьбы, субъектом политической жизни страны, ощутил свою силу и, главное, поверил в осуществимость вековой мечты о возможности построения общества на принципах равенства и социальной справедливости. Тот же Бердяев признавал: «Русская революция пробудила и расковала огромные силы русского народа. В этом её главный смысл!». Именно поэтому, невзирая на неслыханные страдания и жертвы, выпавшие на его долю в XX в., он сумел осуществить в удивительно краткий отрезок времени грандиозные преобразования в сфере социальных отношений, экономики, культуры. Впервые не только в истории Российского государства, но и в истории человечества были реализованы — пусть и не совсем последовательно и, как оказалось, временно — принципы социальной справедливости и гражданского равноправия.

Среди тех, кто не согласен считать октябрьские события 1917 г. революцией, популярны утверждения, что, мол, и сами организаторы вооружённого восстания в Петрограде — Ленин и Троцкий — называли приход большевиков к власти переворотом. Действительно, в произведениях Ленина и Троцкого можно встретить выражение «переворот» или «октябрьский переворот», но ещё чаще — и намного чаще! — они употребляли выражение «Октябрьская революция». Причём термин «октябрьский переворот» они использовали именно в значении понятия «революция», то есть подразумевая кардинальное изменение социального строя. По приблизительным подсчётам автора статьи, В. И. Ленин употреблял понятие «революция», «Октябрьская революция», «Великая Октябрьская революция», «Октябрьская рабоче-крестьянская революция», «социалистическая революция», «пролетарская революция», «революция пролетариата», «коммунистическая

революция», «рабочая революция», «русская революция», «российская революция» и др. по крайней мере в 50 раз чаще, чем «октябрьский переворот»⁹. Например, в письменных ответах на вопросы американского агентства «Юнайтед Пресс» уже 20 июля 1919 г. он говорил: «После революции 25 октября (7 ноября) 1917 года (подчеркнуто автором статьи) мы не закрыли даже буржуазных газет, и про террор не было и речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и Краснова, который воевал против нас. Лишь после того, как эксплуататоры, то есть капиталисты, начали разворачивать своё сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора». И таких высказываний вождя большевиков можно привести десятки.

Создаётся впечатление, что те, кто упрямо отказывается называть октябрьские события 1917 г. революцией, стараясь всячески приуменьшить её значение или вообще едва ли не вычеркнуть её из своей — российской, украинской, грузинской и т. д. — истории, не понимают, что в результате подобных «новых подходов» и «сенсационных» псевдооткрытий они оказываются в странном, если не сказать — смешном — положении.

При этом заметим, что в отличие от многих отечественных историков, которые под влиянием современной политической конъюнктуры поспешили внести соответствующие «коррективы» в свои взгляды и начали толковать революцию, изменившую весь ход истории XX века, как историческую случайность или результат злой воли кучки фанатиков, захвативших власть путём государственного переворота, серьёзные зарубежные исследователи, которые в большинстве своём относятся к Октябрьской революции и её детищу — Советскому государству — без каких-либо симпатий, несмотря на это, называют её так, как её и следует называть — революцией, хотя и с разными прилагательными.

Так, за рубежом во многих научных исследованиях и университетских учебниках по истории её называют «русской

⁹ Подсчитано по: Алфавитный указатель произведений, вошедших в полное собрание сочинений В.И. Ленина. Предметный указатель к новым произведениям В.И. Ленина, включённым в полное собрание сочинений. М., 1966, с. 565–566.

революцией»¹⁰. Часто используется название «большевистская революция» (как вариант — «большевики путём насильственной революции захватили власть»)¹¹. Характерно, что в общих работах по всемирной истории или по истории западной цивилизации событиям Октябрьской революции и Гражданской войны в России, впрочем как и построению нового общества в СССР, всегда уделялось и уделяется должное внимание. Например, в популярном в своё время в странах Запада научно-популярном издании по всемирной истории одна из глав носит название «Ноябрьская революция 1917 г.»¹². В книге «Краткая история западной цивилизации» отдельный параграф называется «Русская революция 1917 г.», в котором говорится, что «6 ноября Троцкий осуществил хорошо организованную революцию»¹³. Во втором томе «Истории западного общества» (авторы — Дж. П. Маккей, Б. Д. Хилл, Дж. Баклер), в главе 27-й есть отдельный параграф под названием «Русская революция», а в нём имеется ещё подпараграф — «Ленин и большевистская революция»¹⁴. В ещё более фундаментальной работе, которая на начало 1990-х годов выдержала пять переизданий, один из параграфов вообще называется «Октябрьская революция»¹⁵. Кстати, это название закрепилось и в солидных энциклопедических и справочных изданиях.

¹⁰ Spielvogel J. J. *Western Civilization. Volume 2. Since 1600*. 3rd ed-n. Minneapolis: West Publishing Company, 1997, p. 919; Cantor N.F. *The American Century. Varieties of Culture in Modern Times*. Cantor N.F. with Mindy Cantor. 1st ed. New York: Harper Collins Publishers, 1997, p. 248.

¹¹ Findley C. V., Rothney J. A. M. *Twentieth-Century World*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1986, p. 86-88; Craig F. V. ...[et al.]. *Heritage of world civilizations*. 3rd ed. Volume II: Since 1500. New York: Macmillan College Publishing Company, 1994, p. 1114; Spielvogel J. J. *Op. cit.*, p. 887, 916.

¹² *The Universal History of the World*. I. Shapiro, editor. Volume XIV: Totalitarianism and the Great Depression by Edna Ritchie. New York: Golden Press, 1966, p. 1148.

¹³ Harrison J. B. ...[et al.]. *A Short History of Western Civilization. Volume 2: Since 1600*. New York, McGraw-Hill Publishing Company, 1990, p. 676-677.

¹⁴ McKay J. P. ...[et al.]. *History of Western Society*. 2nd ed. Volume II. From Absolutism to the Present. Boston: Houghton Mifflin Company, 1983, p. 972.

¹⁵ Chambers M. ...[et al.]. *The Western experience*. 5th ed. Volume 3: The modern era. New York: McGraw-Hill, Inc., 1991, p. 1101, 1104.

Например, в иллюстрированном «Атласе всемирной истории» известного издательства «Ридерз Дайджест» соответствующая глава имеет название «Революция в России», где помещена фотография «главного организатора Октябрьской революции» — В. И. Ленина¹⁶.

И это не удивительно, ибо любому непредвзятому западному историку понятно, какое огромное влияние оказала Октябрьская революция на ход мировой истории в XX в. вообще и на судьбу той же западной цивилизации в частности. Авторы книги «Мировые цивилизации. Их история и культура», рассказывая о «революции 1917 г. в России», признают: «Результаты Советской революции были глубокими»¹⁷. Американские авторы К. Финдли и Д. Ротни в своей интересно написанной книге «Мир двадцатого века», в начале четвертой главы называют её «наиболее важной революцией начала XX в.», которая воздействовала как на историю России, так и на мировую историю, а через несколько страниц уточняют — «самая влиятельная среди революций XX века»¹⁸. В этой связи можно вспомнить и переведённые на русский язык серьёзные работы таких известных знатоков истории России и Советского Союза, как французского историка, научного сотрудника Института современной истории Николая Верта и американского историка и политолога, профессора Индианского университета Александра Рабиновича¹⁹. Кстати, в своей книге Н. Верт в параграфе, озаглавленном «Государственный переворот или всеобщая революция?», даёт на этот вопрос вполне определённый ответ: «Октябрьская революция 1917 г. представляется нам слиянием двух течений: захват политической власти большевиками является результатом как тщательной

¹⁶ Атлас всемирной истории. Картография развития человечества. ЗАО «Издательский Дом Ридерз дайджест», 2003, с. 256.

¹⁷ Ralph Ph. L. ...[et al.]. *World Civilizations. Their History and Their Culture*. Eighth edition. New York: Norton and Company, Inc., 1991. Volume II, p. 537, 544.

¹⁸ Findley C. V., Rothney J. A. *Op. cit.*, p. 87, 97.

¹⁹ Верт Н. 1917. Россия в революции. Пер. с фр. А. Китайцевой. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. Пер. с англ. Общ. ред. и послесл. Г. З. Иоффе. М., 1989.

подготовки вооружённого восстания одной партией, так и развитием широкомасштабной, разносторонней социальной революции. Социальная революция развивалась постепенно, в совершенно различных формах. Широкомасштабная крестьянская война, вызванная движением низов общества, имевшим свою историю; глубокое моральное разложение армии; борьба рабочих за свои права; движение за национальную независимость некоренных народов России — всё это компоненты социальной революции в России; и каждое из этих движений поддерживало популярные большевистские лозунги: «Мир народам!», «Земля крестьянам!», «Вся власть Советам!», «Фабрики рабочим!»²⁰.

Поэтому утверждать, что в октябре 1917 г. в Петрограде произошёл всего лишь переворот, значит сознательно игнорировать исторические факты или весьма вольно их толковать. Нельзя забывать, что это событие подорвало вековые устои царской России и кардинально изменило вектор её исторического развития, положив начало созданию совершенно нового общества. Никакой государственный переворот, как говорится, по определению, не способен породить новое общество.

Как известно, настоящий художник обладает интуицией и талантом постичь глубинную суть событий и явлений, современником которых он является, причём задолго до того, как они будут систематизированы и проанализированы профессиональными учёными. В своей известной статье «Интеллигенция и революция» (написанной в январе 1918 г. и, как думается, под влиянием того, что началось в октябре 1917 г., а не в феврале) знаменитый русский поэт Александр Блок так определил существо явления, называемого революцией: «Переделать всё. Устроить так, чтобы всё стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, весёлой и прекрасной жизнью. Когда такие замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски

берегов, — это называется революцией. Меньшее, более умеренное, более низменное — называется мятежом, бунтом, переворотом. Она сродни природе. Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были. Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несёт новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своём водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных, но это — её частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издаёт поток. Гул этот — всё равно всегда — о великом»²¹.

В приведённом отрывке Блок художественными средствами отразил атмосферу и настроения тогдашнего российского общества, которое почувствовало, что в стране начался катаклизм, имя которому — Революция. Поэтому, наверное, не стоит спорить с современниками и очевидцами тех далёких событий; ведь им, которые прожили и пережили те грозные годы, как говорится, виднее.

К Октябрьской революции можно относиться по-разному, и каждый имеет право на свою точку зрения и собственную оценку её результатов и значения. Можно восхищаться впечатляющими достижениями, которые стали возможными вследствие её осуществления, можно проклинать её за огромные жертвы и ставить под сомнение предложенный ею путь развития общества (что совсем нетрудно, зная чем закончился «социалистический проект» в СССР) и считать её ненужной и бессмысленной. Хотя, как справедливо заметил докт. ист. наук, проф. НИУ ВШЭ А. Плотников, революция не была «бессмысленной, поскольку в результате кровавых и беспощадных решений, ценой невероятных потерь страна преодолевает те барьеры, которые она, увы, не могла преодолеть иначе — эволюционно и мирно — и которые долгие годы тормозили

²⁰ Верг Н. Указ. Соч., с. 102–103.

²¹ Блок А. Интеллигенция и Революция. В: Собр. соч. Т. 6. М., 1963, с. 12.

её развитие в предшествующий период»²². И с этим трудно не согласиться.

Однако, по мнению автора, отрицать очевидный факт, что в октябре 1917 г. в Петрограде началась революция — именно революция, а не всего лишь переворот, — значит, не понимать сущности самого понятия «революция», игнорировать логику исторического процесса, искажать реалии того времени. И хотя по форме организованное большевиками восстание и захват власти действительно имели все признаки государственного переворота, но на самом деле это дало старт одной из наиболее глубоких и драматических в истории социальных революций. Как мы старались показать, в октябре 1917 г. в Петрограде началось то, что соответствует всем «параметрам» явления, которое зовётся революцией.

Подводя итоги, можно сказать, что постоянно употребляемый в последние годы — по незнанию или сознательно — термин «октябрьский (или большевистский) переворот» совершенно не соответствует характеру и, самое главное, масштабу того явления, что началось в Петрограде в октябрьские дни 1917 г., которые действительно «потрясли мир».

Повторяя ставшую банальной фразу о том, что история не знает сослагательного наклонения, зададимся всё же вопросом: что изменилось бы в мире, если бы в 1917 г. дело ограничилось Февральской революцией? Появилась бы ещё одна парламентская буржуазная республика, с демократическими свободами и правами населения, с более широкими возможностями для завершения модернизации страны по западному образцу. Но в этом не было бы ничего оригинального или такого, что заметным образом повлияло бы на социальную политику, международные отношения, культурные стандарты в мировом развитии в XX в.

Октябрьская же революция привела к созданию государства совершенно нового типа, ещё небывалого в истории, которое через несколько десятилетий не только превратилось в супердержаву, но и стало одним из решающих факторов мировой

политики почти до конца XX в. И Вторая мировая война могла бы закончиться совсем по-другому, если бы не существовал Советский Союз — один из главных результатов Октябрьской революции. Вовсе не факт, что во второй половине XX в. развернулся бы процесс деколонизации или случилась бы «холодная война», определявшая содержание международных отношений на протяжении более 40 лет. Философы, социологи, историки, не питавшие в своё время симпатий к СССР, но стоявшие на позициях научной объективности, признавали, что без социальной практики Страны Советов в странах Запада после Второй мировой войны мог бы и не начаться, тем более в таких масштабах, переход к «государству всеобщего благоденствия», welfare state (кстати, даже сексуальная революция, охватившая западные страны с конца 1960-х гг., впервые как явление появилась в советском обществе в начале 1920-х гг.). Идея и практика социализма, рождённые в лоне Октябрьской революции, стали достоянием не только СССР, но и других стран, а, следовательно, и состоявшейся тенденцией мирового развития в XX в. Многие её компоненты были заимствованы и, так сказать, инкапсулированы в общественную систему Запада. И крушение социалистической системы на рубеже 1980 — 1990-х гг. не перечёркивает общецивилизационного значения советского (социалистического) наследия. Знаменитый американский экономист и социолог Джон Гэлбрейт как-то сказал: «В Советском Союзе создан прообраз общества будущего, к которому человечество ещё не готово». Его слова можно подтвердить, например, таким фактом: в истории человечества не было общества, в котором для нескольких поколений людей (то есть для десятков миллионов советских граждан) деньги, богатство, собственность не являлись одной из важнейших и неотъемлемых для всех предшествующих социумов ценностей.

Поэтому, представить XX век без Октябрьской революции в России невозможно, ибо без неё сама история этого столетия была бы другой.

Э. Хобсбаум в своей известной книге «Эпоха крайностей», писал, что русская, или

²² Ленин в 1917 году (Круглый стол). В: Историк. Июль - август 2016 г., с. 90.

точнее, большевистская революция в октябре 1917 г. «для двадцатого столетия... стала столь же важным явлением, как французская революция 1789 года для девятнадцатого века»²³. И, действительно, по глубине социальных преобразований и влиянию на мировое развитие Октябрьская революция, безусловно, заслуживает, также как и французская 1789 — 1799 гг., называться Великой. То, что произошло в октябрьские дни 1917 г., нельзя рассматривать в отрыве от того, что тогда только начиналось, а именно глубочайших социальных изменений, приоткрывших двери в новую цивилизацию. Закрылись ли эти двери навсегда или на время, покажет будущее.

Библиография:

1. Алфавитный указатель произведений, вошедших в полное собрание сочинений В. И. Ленина. Предметный указатель к новым произведениям В. И. Ленина, включённым в полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1966, с. 565–566.

2. Атлас всемирной истории. Картография развития человечества. М.: ЗАО «Издательский Дом Ридерз дайджест», 2003. 344 с.

3. Блок А. Интеллигенция и Революция. Собр. соч. Т. 6. М.; Л.: ГИХЛ, 1963.

4. Ленин в 1917 году (Круглый стол). В: Историк. Июль–август 2016 г., с. 84–91.

5. Верг Н. 1917. Россия в революции. Пер. с фр. А. Китайцевой. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. 160 с., ил.

6. Онобль Е. Революція 1917 року: французький погляд. 100 років тлумачень і репрезентацій Ерік Онобль; пер. з фр. А. Репа. К.: Ніка-Центр, 2016. 248 с.

7. Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде.: Пер. с англ. Общ. ред. и послесл. Г. З. Иоффе. М., 1989. 416 с.

8. У Синь-юань. Октябрьская революция: неизбежность и историческое значение. В: Вестник Московского университета. Серия 8. История. М., 2000. № 5. с. 43–52.

9. «У жовтні 1917 року перемогла більшовицька контрреволюція в оманливому вигляді радянської революції» (інтерв'ю зі Станіславом Кульчицьким). [On-line]:

<http://tyzhden.ua/History/183933> (Дата посещения: 03.02.2017).

10. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Издательство Независимая Газета, 2004. 632 с., ил.

11. Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы». Пер. с англ. Агальцева. Н. Г. Дойчер И. Незавершённая революция. Пер. с англ. Агальцева Н. Г. М., «Интер–Версо», 1991. 271 с.

12. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. --> 1917 - 1922 гг. М., 1997. 555 с.

13. Шубин А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2014, 452 с.

14. Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 744 с., ил.

15. Cantor N.F. The American Century. Varieties of Culture in Modern Times. Cantor N.F. with Mindy Cantor. 1st ed. New York: Harper Collins Publishers, 1997. 591 p.

16. Chambers M. ...[et al.]. Western experience. 5th ed. Volume 3: The modern era. New York: McGraw-Hill, Inc., 1991. 1354 p.

17. Craig F. V. ...[et al.]. Heritage of world civilizations. 3rd ed. Volume II: Since 1500. New York: Macmillan College Publishing Company, 1994. 1239 p.

18. Findley C. V., Rothney J. A. M. Twentieth-Century World. Boston: Houghton Mifflin Company, 1986. 526 p.

19. Harrison J. B. ...[et al.]. A Short History of Western Civilization. Volume 2: Since 1600. New York: McGraw-Hill Publishing Company, 1990. 500 p.

20. McKay J. P. ...[et al.]. History of Western Society. 2nd ed. Volume II: From Absolutism to the Present. Boston: Houghton Mifflin Company, 1983. 1157 p.

21. Ralph Ph. L. ...[et al.]. Civilizations. Their History and Their Culture. Eighth edition. Volume II. New York: Norton and Company, Inc., 1991. 712 p.

22. Spielvogel J. J. Western Civilization. 3rd ed-n. Volume 2: Since 1600. Minneapolis: West Publishing Company, 1997. 1072 p.

23. The Universal History of the World. I. Shapiro, editor. Volume XIV: Totalitarianism and the Great Depression by Edna Ritchie. New York: Golden Press, 1966, p. 1127–1211.

Bibliography:

1. Alfavitnyj ukazatel' proizvedenij, voshedshih v polnoe sobranie sochinenij V. I. Lenina. Predmetnyj ukazatel' k novym proizvedenijam V. I. Lenina, vkljuchjonnym v polnoe sobranie sochinenij. M.: Politizdat, 1966, s. 565–566.

²³ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914 – 1991). М.: Издательство Независимая Газета, 2004. с. 67.

2. Atlas vsemirnoj istorii. Kartografija razvitija chelovechestva. M.: ZAO «Izdatel'skij Dom Riderz dajdzhest», 2003. 344 s.

3. Blok A. Intelligencija i Revolucija. Sobr. soch. T. 6. M.; L.: GIHL, 1963.

4. Lenin v 1917 godu (Kruglyj stol). V: Istorik. Ijul'-avgust 2016 g., s. 84–91.

5. Vert N. 1917. Rossija v revolucii. Per. s fr. A. Kitajcevoj. M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel»; OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 160 s., il.

6. Onobl' E. Revolucija 1917 roku: francuz'kij pogljad. 100 rokov tлумachen' i reprezentacij Erik Onobl'; per. z fr. A. Repa. K.: Nika-Centr, 2016. 248 s.

7. Rabinovich A. Bol'sheviki prihodjat k vlasti. Revolucija 1917 goda v Petrograde.: Per. s angl. Obshh. red. i poslesl. G. Z. Ioffe. M., 1989. 416 s.

8. U Sin'-juan'. Oktjabr'skaja revolucija: neizbezhnost' i istoricheskoe znachenie. V: Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija. M., 2000. № 5. s. 43–52.

9. «U zhovtni 1917 roku peremogla bil'shovic'ka kontrrevolucija v omanlivomu vigljadi radjans'koï revolucii» (interv'ju zi Stanislavom Kul'chic'kim). [On-line]: <http://tyzhden.ua/History/183933> (Visited on: 03.02.2017).

10. Hobsbaum Je. Jepoha krajnostej. Korotkij dvadcatyj vek (1914–1991). M.: Izdatel'stvo Nezavisimaja Gazeta, 2004. 632 s., il.

11. Hobsbaum Je. Jeho «Marsel'ezy». Per. s angl. Agal'ceva. N. G. Dojcher I. Nezavershjonaja revolucija. Per. s angl. Agal'ceva N. G. M., «Inter-Verso», 1991. 271 s.

12. Shanin T. Revolucija kak moment istiny. Rossija 1905–1907 gg. --> 1917 - 1922 gg. M., 1997. 555 s.

13. Shubin A. V. Velikaja Rossijskaja revolucija: ot Fevralja k Oktjabrju 1917 goda. M.: OOO «Rodina MEDIA», 2014, 452 s.

14. Shubin A.V. Socializm: «zolotoj vek» teorii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 744 s., il.

15. Cantor N.F. The American Century. Varieties of Culture in Modern Times. Cantor N.F. with Mindy

Cantor. 1st ed. New York: Harper Collins Publishers, 1997. 591 r.

16. Chambers M. ...[et al.]. Western experience. 5th. ed. Volume 3: The modern era. New York: McGraw-Hill, Inc., 1991. 1354 r.

17. Craig F. V. ...[et al.]. Heritage of world civilizations. 3rd ed. Volume II: Since 1500. New York: Macmillan College Publishing Company, 1994. 1239 r.

18. Findley C. V., Rothney J. A. M. Twentieth-Century World. Boston: Houghton Mifflin Company, 1986. 526 r.

19. Harrison J. B. ...[et al.]. A Short History of Western Civilization. Volume 2: Since 1600. New York: McGraw-Hill Publishing Company, 1990. 500 r.

20. McKay J. P. ...[et al.]. History of Western Society. 2nd ed. Volume II: From Absolutism to the Present. Boston: Houghton Mifflin Company, 1983. 1157 r.

21. Ralph Ph. L. ...[et al.]. Civilizations. Their History and Their Culture. Eighth edition. Volume II. New York: Norton and Company, Inc., 1991. 712 r.

22. Spielvogel J. J. Western Civilization. 3rd ed-n. Volume 2: Since 1600. Minneapolis: West Publishing Company, 1997. 1072 r.


23. The Universal History of the World. I. Shapiro, editor. Volume XIV: Totalitarianism and the Great Depression by Edna Ritchie. New York: Golden Press, 1966, r. 1127–1211.

Copyright©SYCH Alexander, 2017.

Contacte / Contacts / Контакты:

58012, Україна,
м. Чернівці, вул. Коцюбинського 2.
Чернівецький національний університет
імені Юрія Федьковича

E-mail: asych_chnu@yahoo.com,
amenitinna@gmail.com

 <p>REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE Chișinău, Republica Moldova</p>	<p>Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale / Moldavian Journal of International Law and International Relations / Молдавский журнал международного права и международных отношений</p> <p>2017, Issue 1, Volume 12, Pages 161-167. ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963 Submitted: 15. 11. 2016 Accepted: 15.02. 2017 Published: 30.03. 2017</p>
---	---

**TRIBUNA DISCUȚIONALĂ
THE TRIBUNE OF DISCUSSION
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**

**ИДЕОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕЙСЯ
КОНЪЮНКТУРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГГ.**

**USSR'S IDEOLOGY IN A CHANGING CONJUNCTURE OF INTERNATIONAL
RELATIONS IN THE MID-1980-S.**

**IDEOLOGIA UNIUNII SOVIETICE ÎN CONDIȚIILE DE SCHIMBARE A
CONJUNCTURII RELAȚIILOR INTERNAȚIONALE DE LA MIJLOCUL ANILOR 1980**

YASHKOVA Polina / IAȘCOVA Polina / ЯШКОВА Полина*

ABSTRACT:

**USSR'S IDEOLOGY IN A CHANGING CONJUNCTURE
OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE MID-1980S.**

USSR in the mid-1980s remained the main actor in the international arena. In the context of the balance of power theory in international relations USSR became leader of socialist bloc. This imposes certain responsibilities on the USSR. The main task was to maintaining authority in global community.

At the same time USSR had a serious internal problems which needed to be addressed immediately. Constant arms race kept the economy in suspense. Foreign policy remained a priority. But when M. S. Gorbachev became a leader of the Soviet Union policy begins to change direction towards the solution of internal problems and multiple crises. That's why we're talking about new ideology of the Perestroika in USSR since the mid-1980s. Ideology determines foreign policy. Is there any feedback? Does international law affects domestic policy? How much this influence? The international situation in the 1980s has undergone significant changes. Whether it's possible to find a connection between the processes of transformation of the ideology of the Soviet Union and the changing conjuncture of international relations?

This article presents elements of international law that are reflected in the USSR's ideology. In this article we try to analyze norms that declared of the United Nations and formed the basis of the concept of «New thinking».

Keywords: *international relations, international law, the Perestroika, USSR's ideology, the „Novoe mishlenie” (the „New thinking”).*

JEL Classification: F29, K33

РЕЗЮМЕ:

**ИДЕОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕЙСЯ КОНЪЮНКТУРЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГГ.**

СССР в середине 1980-х гг. оставался одним из главных игроков на международной арене. В условиях блочного деления мира СССР взял на себя роль лидера социалистического блока, что накладывало на государство определенную долю ответственности. Главной задачей становилось постоянное поддержание авторитета в мировом сообществе.

* **IAȘCOVA Polina** — Universitatea Pedagogică de Stat din Moscova (Moscova, Federația Rusă). / **YASHKOVA Polina** — Moscow state pedagogical University (MSPU), Moscow (Russian Federation). / **ЯШКОВА Полина Сергеевна** — Московский педагогический государственный университет (МПГУ) (Москва, Российская Федерация). **E-mail:** polina_yashkova@mail.ru

В то же время, Советский Союз сталкивается с серьезными внутренними проблемами, которые требовали безотлагательного решения. Состояние непрекращающейся гонки вооружений держало экономику страны в напряжении. Приоритетной оставалась внешнеполитическая сфера. Но с приходом к власти М. С. Горбачева политический вектор постепенно начинает менять направление в сторону первостепенного решения внутривнутриполитических задач и возникших к тому времени множественных кризисов. Поэтому мы говорим о новой перестроечной идеологии, характерной для Советского Союза, начиная с середины 1980-х гг. Именно идеология определяет внешнюю политику. А есть ли обратная связь? Влияет ли международное право на внутреннюю политику государства? Если да, то насколько сильно это влияние? Учитывая тот факт, что обстановка в мире к 1980-м гг. претерпела значительные перемены, можно ли найти связь между процессами трансформации идеологии СССР и меняющейся конъюнктурой международных отношений?

В данной статье представлены элементы международного права, которые нашли отражение в идеологии СССР; проанализированы нормы, декларированные ООН, которые легли в основу концепции «Нового мышления».

Ключевые слова: международные отношения, международное право, перестройка, идеология СССР, «Новое мышление».

JEL Classification: F29, K33

УДК: 327.39

REZUMAT:

IDEOLOGIA UNIUNII SOVIETICE ÎN CONDIȚIILE DE SCHIMBARE A CONJUNCTURII RELAȚIILOR INTERNAȚIONALE DE LA MIJLOCUL ANILOR 1980

URSS la mijlocul anilor 1980, a rămas unul dintre principalii actori de pe arena internațională. În condițiile divizării bilateral a lumii, URSS și-a asumat rolul de lider în blocul socialist, ce impunea asupra statului o anumită doză de responsabilitate. Principala sarcină a devenit menținerea permanentă a prestigiului în comunitate mondială.

În același timp, Uniunea Sovietică se confruntă cu grave probleme interne, care necesitau o soluție imediată. Starea continuă a cursei înarmărilor a ținut economia țării în suspans. O prioritate rămânea și domeniul politicii externe. Dar odată cu venirea la putere a lui Mihail Gorbaciov vectorul politic, treptat, începe să-și schimbe direcția, fixându-se la soluționarea problemelor interne și rezolvarea situațiilor de criză, apărute pe parcursul timpului. Prin urmare, vorbim despre o nouă ideologie de reorganizare, caracteristică pentru Uniunea Sovietică, începând cu mijlocul anilor 1980. Anume ideologia definește politica externă. Iar dacă există un feedback? Afectează dreptul internațional în politica internă a statului? Dacă da, atunci cât de puternic este impactul? Având în vedere faptul că situația în lume în anii '80 a suferit schimbări semnificative, apare întrebarea, dacă se poate găsi o legătură între procesele de transformare a ideologiei sovietice și schimbarea conjuncturii relațiilor internaționale?

În articol sunt prezentate elemente de drept internațional, care și-au găsit reflectare în ideologia URSS; sunt analizate normele declarate de ONU, care au stat la baza conceptului de „Nouă gândire”.

Cuvinte cheie: relații internaționale, drept internațional, restructurarea, ideologia URSS, „Nouă gândire”.

JEL Classification: F29, K33

CZU: 327.39

«Сегодня страх перед потенциальным врагом усилен пропагандой и политическим давлением. Растет напряженность. Умами овладевают решения типа «все или ничего». Любое действие представляется лучшим выходом из положения, чем бездействие. Потребность действовать может быть настолько сильной, что будут предприняты шаги, последствия которых могут оказаться катастрофическими» — так характеризует международную обстановку 1980-ых гг. норвежский психиатр, занимающийся

исследованием поведения людей, Эйнар Кринглен¹. Внешнеполитические процессы стали затрагивать интересы каждого человека лично. Этим объясняется возрастающее внимание к международным отношениям не только среди политически активных граждан, но всего

¹ Прорыв. Становление нового мышления. Советские и западные ученые призывают к миру без войн. Под ред. Анат. Громыко, М. Хеллмана. М.: Прогресс, 1998, с. 97.

общества в целом. Начало данный феномен берет со Второй мировой войны, когда всемирная трагедия затронула ум и сердце едва ли не каждого человека на планете. Начинаясь глобализация лишь усиливала чувство причастности отдельно взятого индивида к событиям мирового масштаба. Вслед за новыми процессами неминуемо следовали новые проблемы, с которыми человечество не сталкивалось ранее. Следовательно, требовались новые решения; а в условиях увеличивающегося темпа жизни, чем быстрее эти решения будут найдены, тем больше вероятность минимизировать стрессы для государства и его граждан.

Советский Союз, несомненно, стал одним из главных игроков на международной арене после Великой Отечественной войны, возглавил социалистический лагерь. И совершенно очевидно, что СССР был одним из тех государств, которое имело возможность влиять на международную обстановку. Но, как и в любом государстве, в Советском Союзе происходили внутренние процессы, которые не могли не влиять на общее самочувствие страны. Вторая половина 1980-х гг. — это важный этап истории СССР. Перестройка М. С. Горбачева по-прежнему остается одной из самых спорных тем историографии советского периода. Реформы системного масштаба затронули все сферы жизни общества, коренным образом повлияли на будущее страны. Подобного рода преобразования имели целый комплекс причин, которые образовывали в итоге те исторические реалии, в которых оказалась советская система. В данной статье мы обратимся к одному из аспектов, оказавших влияние на политику и тесно с ней связанную идеологию Советского Союза. В первую очередь, мы обратимся к изменившейся концепции международного права.

С одной стороны, уровни идеологии (государственный) и международного права (надгосударственный) не имеют точек пересечения. Однако такая идеализированно — абстрактная схема в реальности не работает. Субъектами международных отношений выступают государства, которые имеют свои интересы, преследуя при этом различные цели. Эти цели практически всегда определяются идеологической ориентацией государства. Кроме того, в условиях биполярного мира идеология стала определять внешнюю политику, определять характер взаимодействий стран друг с другом. Поэтому, проследить взаимное влияние государственной идеологии и международного права представляется возможным.

В случае с Советским Союзом, идеология всегда занимала определяющее место. И в то же

время, СССР находился в постоянном взаимодействии с внешним миром, с иной идеологией. Начало 1980-ых гг. ознаменовало перемены в международных отношениях, когда мир находился в начале пути глобализации и межгосударственных объединений. Какие же принципиальные вопросы встали перед мировым сообществом в это время?

В первой половине 1980-ых гг. Организацией Объединенных Наций были приняты следующие документы: 1981 г.: Декларация о провозглашении 80-ых годов вторым Десятилетием разоружения², Декларация о предотвращении ядерной катастрофы³, Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств⁴; 1982 г.: Манильская декларация о мирном разрешении международных споров⁵; 1984 г.: Декларация о праве народов на мир⁶. Исходя из данных деклараций, можно выделить следующие тенденции развития международного права к началу 1980-х гг.:

- 1) продолжение *поиска способов уменьшения ядерной угрозы*;
- 2) провозглашение приоритета *мирного урегулирования международных споров*;
- 3) подтверждение *прав государств на суверенитет*.

Данные документы не поднимали принципиально новых проблем, однако мы можем выделить те вопросы, на которые делался упор в

² Декларация о провозглашении 80-ых годов вторым Десятилетием разоружения. Декларации, конвенции и другие документы ООН. [On-line]: <https://documentsddsny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/395/21/IMG/NR039521.pdf?OpenElement> (Дата посещения: 28.06.2016).

³ Декларация о предотвращении ядерной катастрофы. Декларации, конвенции и другие документы ООН. [On-line]: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/412/16/IMG/NR041216.pdf?OpenElement> (Дата посещения: 28.06.2016).

⁴ Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. Декларации, конвенции и другие документы ООН. [On-line]: <https://documents-ddsny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/412/19/IMG/NR041219.pdf?OpenElement> (Дата посещения: 28.06.2016).

⁵ Манильская декларация о мирном разрешении международных споров. Декларации, конвенции и другие документы ООН. [On-line]: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/429/96/IMG/NR042996.pdf?OpenElement> (Дата посещения: 28.06.2016).

⁶ Декларация о праве народов на мир. Декларации, конвенции и другие документы ООН. [On-line]: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/464/88/IMG/NR046488.pdf?OpenElement> (Дата посещения: 28.06.2016).

рамках международного права. Безусловно, главным принципом остается *провозглашение приоритета прав человека и гражданина*⁷. И стоит отметить, что актуализация данных принципов относится к первой половине 1980-х гг., что дает возможность сделать вывод о влиянии именно международного права на внешнеполитическую доктрину Советского Союза горбачевской эпохи.

Каким образом проявилось данное влияние? М. С. Горбачев выделяет приоритетными следующие вопросы внешней политики СССР с 1986 года: «Это — взаимозависимость стран и народов, баланс интересов, свобода выбора, совместная ответственность и решение глобальных проблем современности»⁸. Звучит вполне актуально и современно даже для сегодняшнего дня. И совершенно точно, что данное высказывание кардинально отличается от риторики прошлых советских генсеков. И далее Горбачев обращается к аргументам, явно близким к принципам международного права: «Мы осознали необходимость преодоления искаженных представлений о внешнем мире... Мы поняли, что в современном взаимозависимом мире невозможен прогресс общества, отторженного от мирового развития глухими государственными границами и идеологическими заборами. Любое общество ныне может полнокровно развиваться только во взаимодействии с другими, оставаясь при этом самим собой. Мы дали себе отчет в том, что нельзя обеспечить безопасность своей страны, не учитывая интересов безопасности других, и нельзя в ядерный век построить надежную безопасность военными средствами»⁹.

Основные принципы международного права строились в рамках либеральной правовой традиции. С точки зрения социализма они, до определенного момента, не находили теоретического обоснования. Сам же Михаил Сергеевич говорит в декабре 1984 г.: «Рядясь в тогу защитников гуманизма и прав человека, идеологи капитализма пытаются навязать социалистическому миру нормы и стандарты чуждого нам образа жизни, подорвать возвышенные гуманистические идеалы, без которых сама жизнь и деятельность человека теряет свой смысл. Они хотели бы привить обычаи и вкусы, господствующие в буржуазном обществе, «разрыхлить» сознание людей, сделать

его восприимчивым к мелкобуржуазным идеям и мелким пустым соблазнам, к индивидуализму, мещанскому накопительству, идейной и культурной всеядности»¹⁰. Но уже через год — полтора риторика советского лидера меняется в противоположном направлении. Что стало тому причиной?

Во-первых, приоритетным, практически впервые в истории СССР, становится внутривнутриполитическое направление. Постоянное экономическое напряжение, которое испытывала страна в связи с гонкой вооружений, сказывалось весьма ощутимо. В начале 1980-ых гг. с экономическим кризисом столкнулся и главный противник СССР — США. По некоторым данным, за 20 лет холодной войны США затратили около 4 трлн долл. на создание, исследования по усовершенствованию и поддержанию своего ядерного потенциала. Примерно такие же цифры отводятся на долю СССР¹¹. Военные расходы СССР, которыми мы имеем возможность оперировать, с 1947-1991 г. составили 10 039 млрд. долл.¹². Поэтому реформы начинаются именно с ускорения социально-экономического развития страны. А для того, чтобы повысить эффективность преобразований, было необходимо снять напряжение с ВПК.

Во-вторых, холодная война не только дорогостоящая. К началу 1980-х гг. сам факт ядерного противостояния стал оцениваться как бессмысленный и неэффективный. Находясь на волоске от ядерной войны, государства превращаются в «сдерживателей». Все силы уходят лишь на то, чтобы не допустить глобальной катастрофы. Задача с посылом «улучшить» становится задачей с посылом «сохранить». Обеим сторонам конфликта стало очевидно, что данное противостояние не может вылиться в реальные боевые действия. Вот, что пишут С. Капица и М. Хеллман, анализируя международную обстановку 80-ых гг.: «Несмотря на громадную разрушительную мощь современного оружия, сейчас более бессмысленно, чем когда-либо ранее, решать социальные проблемы или судьбы наций военными средствами. Война во Вьетнаме убедительно доказала это. То же самое можно сказать и об Афганистане: после ряда лет безуспешных военных действий становится ясно, что конфликт можно разрешить только

⁷ Всеобщая декларация прав человека. Основные документы. [On-line]: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html> (дата посещения: 28.06.2016).

⁸ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Книга 2. - М.: Новости, 1995. С. 8.

⁹ Там же. С. 8-9.

¹⁰ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 2. - М.: Издательство политической литературы, 1987. С. 101.

¹¹ Смирнов Ю.Н. Холодная война как явление ядерного века // Холодная война. 1945 – 1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 617 — 618.

¹² Степанов А. И. Россия, СССР в мировых войнах // Россия XXI, 1994, №11 – 12. С. 87.

политическими средствами»¹³. С одной стороны, ядерное оружие стало одним из факторов межгосударственных отношений. С другой, оно стало терять силу реального оружия, как ни парадоксально, ввиду невозможности своего применения. Это отмечает и М. С. Горбачев: «...ядерная война не может быть средством достижения политических, экономических, идеологических, каких бы то ни было целей. Этот вывод носит поистине революционный характер, ибо означает коренной разрыв с традиционными представлениями о войне и мире. Ведь именно политическая функция войны всегда служила ее оправданием, ее «рациональным» смыслом. Ядерная же война — бессмысленна, иррациональна. В глобальном ядерном конфликте не оказалось бы ни победителей, ни побежденных, но неминуемо погибнет мировая цивилизация. Это, собственно, даже и не война в привычном понимании, а самоубийство»¹⁴.

В-третьих, под юрисдикцию международного права попадают такие вопросы, которые не под силу решить в одиночку отдельно взятому государству. В этот спектр вопросов, например, входят экологические проблемы, стремление к мирному сосуществованию и т. д. Ключевой принцип — *сотрудничество* государств друг с другом для достижения общих целей. Сотрудничество обусловлено следующими категориями: 1) наличие общей цели; 2) равноправие сторон; 3) договорные отношения. Первая представляет собой стремление всего мирового сообщества к решению глобальных вопросов, которые невозможно решить государствам в одиночку. При этом, мировое сообщество признает вклад каждого государства в общее дело. Следовательно, признается *равноправие* всех членов межгосударственных отношений, из которого вытекает *государственный суверенитет*. Этот принцип международного права также перешел в риторику М. С. Горбачева: «За всеми народами должно быть оставлено право выбора собственного пути развития, право распоряжаться своей судьбой, своей территорией, человеческими и природными ресурсами. Если у всех политиков всех государств не будет такого понимания, то нельзя будет направить международные отношения в нормальное русло. Ведь **идеологические и социальные различия, различия в политических системах также являются**

результатом выбора, сделанного народами [Выделено мной. — П. Я.]. И такой выбор не должен служить поводом для возникновения в международных отношениях событий или тенденций, которые могли бы выливаться в конфликты или военную конфронтацию»¹⁵. Для советского правительства подобные высказывания были не характерны, Горбачев оказался первопроходцем в этой области. Важным с точки зрения идеологического подтекста является тот факт, что признание политического выбора народа является одновременно и признанием «инаковости». Советский лидер, фактически, отвергает концепцию сфер влияния. Как мы видим, серьезное изменение в идеологии имеет корни, которые восходят именно к принципам международного права. Признание советской стороной государственного суверенитета являлось первым шагом к серьезным системным изменениям внутри страны.

Относительно *договорных отношений* можно отметить следующее: подобного рода отношения также строятся на принципе равноправия сторон. Холодная война значительно подорвала данный принцип, но ввиду вышеперечисленных причин актуализации международного права в начале 80-ых гг. договорные отношения снова возвращаются как основной вид межгосударственного взаимодействия. Договор, в свою очередь, предполагает определенную долю уступок, поскольку не бывает целиком и полностью совпадающих интересов даже двух субъектов взаимодействия. Что уж говорить о таких сложных субъектах, как государства? А если предполагается, что во взаимодействие вступают более двух субъектов? Неизбежна унификация целей, неизбежны уступки. И Советский Союз к середине 1980-ых гг. — прекрасный пример государства, которое оказалось в ситуации необходимости пересмотреть ряд своих внутривнутриполитических установок, чтобы иметь возможность не только спокойно развиваться, но и оставаться ведущим государством на международной арене.

Что же вкладывает Горбачев в понятие «новое политическое мышление»? На фоне волнообразных отношений СССР и США это был, определенно, шаг к смягчению конфликтной ситуации и возможному ее преодолению. Видимо, советские политики оказались более дальновидными, нежели их западные коллеги. Первый шаг был осуществлен именно со стороны СССР. Процесс поиска компромисса был необратим. Оставался вопрос лишь об инициаторе. И им становится Советский Союз. Горбачев пишет: «Со всей ответственностью,

¹³ Прорыв. Становление нового мышления. Советские и западные ученые призывают к миру без войн. / Под ред. Анат. Громыко, М. Хеллмана. М.: Прогресс, 1998, с. 10–11.

¹⁴ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Издательство политической литературы, 1988, с. 143.

¹⁵ Там же, с. 184–185.

отбрасывая ложные «престижные» соображения, говорим, что все мы в современном мире все больше зависим друг от друга, становимся необходимыми друг другу»¹⁶.

Советский Союз в середине 1980-ых гг. оказался в сложной экономической, политической, социальной, идеологической ситуации. На этом фоне действия советского правительства в области внешней политики зачастую ассоциируются с «уступками» Западу. Но, если мы более основательно рассмотрим всю конъюнктуру межгосударственных взаимодействий первой половины 1980-ых гг. и последующее их развитие во второй половине 1980-ых гг., то мы увидим, в каких условиях оказалось мировое сообщество. Все проблемы, которые актуализировались в то время, возможно было решить лишь одним, компромиссным, путем. Компромисс не есть уступка. В этом плане советское правительство выбрало самый передовой путь, возможно даже опережавший свое время. Мероприятия, предпринятые советским правительством, были логичны и опирались на объективные обстоятельства. Идеология «нового политического мышления» имела ни одну и ни две причины, а целый комплекс.

Необходимо обозначить некоторые выводы по основным точкам соприкосновения советской изменяющейся идеологии второй половины 1980-ых гг. и норм международного права:

1) **принцип приоритета прав человека и гражданина**, который нашел отражение в советской идеологии сначала через приоритет экономических прав и свобод, а затем дополнился принципами «социализма с человеческим лицом», демократического социализма;

2) **принцип государственного суверенитета**, также нашедший отражение в советской идеологии через признание «иных» государств, стран «третьего мира»;

3) **принцип мирного сосуществования, сотрудничества**, который был провозглашен одним из основополагающих для внешней политики СССР задолго до Горбачева, однако обрел свой истинный смысл лишь к началу 1980-ых гг.

На этих принципах строились параллельно две сложные системы: идеологическая система советского государства и система международных отношений. И в двух случаях имелись совершенно различные предпосылки, совершенно разные условия. В итоге сформировалась та конкретно — историческая ситуация, в которой

оказался как Советский Союз и его идеология, так и мировое сообщество и его участники.

Данная статья лишь обозначила контуры проблемы. Потенциал дальнейшего исследования огромен. Взаимосвязь всех процессов, оказывающих влияние на Советский Союз в непростой для его истории период, крайне важна. Изучая лишь отдельные аспекты феномена перестройки, мы рискуем сделать неправильные выводы, что приведет к искажению действительности.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека. Основные документы ООН. [On-line]: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html> (Дата посещения: 28.06.2016).
2. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Книга 2. М.: Новости, 1995. 688с.
3. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 2. М.: Издательство политической литературы, 1987. 510с.
4. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Издательство политической литературы, 1988. 271с.
5. Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. Декларации, конвенции и другие документы ООН. [On-line]: <https://documents-dds.ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/412/19/IMG/NR041219.pdf?OpenElement> (Дата посещения: 28.06.2016).
6. Декларация о праве народов на мир. Декларации, конвенции и другие документы ООН. [On-line]: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/464/88/IMG/NR046488.pdf?OpenElement> (Дата посещения: 28.06.2016).
7. Декларация о предотвращении ядерной катастрофы. Декларации, конвенции и другие документы ООН. [On-line]: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/412/16/IMG/NR041216.pdf?OpenElement> (Дата посещения: 28.06.2016).
8. Декларация о провозглашении 80-ых годов вторым Десятилетием разоружения. Декларации, конвенции и другие документы ООН. [On-line]: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/395/21/IMG/NR039521.pdf?OpenElement> (Дата посещения: 28.06.2016).
9. Манильская декларация о мирном разрешении международных споров. Декларации, конвенции и другие документы ООН. [On-line]: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/429/96/IMG>

¹⁶ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление... Указ. Соч., с. 139.

[G/NR042996.pdf?OpenElement](#) (Дата посещения: 28.06.2016).

10. Прорыв. Становление нового мышления. Советские и западные ученые призывают к миру без войн. Под ред. Анат. Громыко, М. Хеллмана, М.: Прогресс, 1998. 368с.

11. Смирнов Ю.Н. Холодная война как явление ядерного века // Холодная война. 1945 – 1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003, с. 617–618.

12. Степанов А. И. Россия, СССР в мировых войнах. В: Россия XXI. 1994, №11–12.

Bibliography:

1. Vseobshhaja deklaracija prav cheloveka. Osnovnye dokumenty OON. [On-line]: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html> (Data poseshhenija: 28.06.2016).

2. Gorbachev M. S. Zhizn' i reformy. Kniga 2. M.: Novosti, 1995. 688s.

3. Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i. T. 2. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1987. 510s.

4. Gorbachev M. S. Perestrojka i novoe myshlenie dlja nashej strany i dlja vsego mira. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1988. 271s.

5. Deklaracija o nedopustimosti intervencii i vmeshatel'stva vo vnutrennie dela gosudarstv. Deklaracii, konvencii i drugie dokumenty OON. [On-line]: <https://documents-ddsny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/412/19/IMG/NR041219.pdf?OpenElement> (Data poseshhenija: 28.06.2016).

6. Deklaracija o prave narodov na mir. Deklaracii, konvencii i drugie dokumenty OON. [On-line]: <https://documents-ddsny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/464/88/IMG/NR046488.pdf?OpenElement> (Data poseshhenija: 28.06.2016).

7. Deklaracija o predotvrashhenii jadernoj katastrofy. Deklaracii, konvencii i drugie dokumenty OON. [On-line]: <https://documents-ddsny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/412/16/IMG/NR041216.pdf?OpenElement> (Data poseshhenija: 28.06.2016).

8. Deklaracija o provozglashenii 80-yh godov vtorym Desjatiletiem razoruzhenija. Deklaracii, konvencii i drugie dokumenty OON. [On-line]: <https://documents-ddsny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/395/21/IMG/NR039521.pdf?OpenElement> (Data poseshhenija: 28.06.2016).

9. Manil'skaja deklaracija o mirnom razreshenii mezhdunarodnyh sporov . Deklaracii, konvencii i drugie dokumenty OON. [On-line]: <https://documents-ddsny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/429/96/IMG/NR042996.pdf?OpenElement> (Data poseshhenija: 28.06.2016).

10. Proryv. Stanovlenie novogo myshlenija. Sovetskie i zapadnye uchenye prizyvajut k miru bez vojn. Pod red. Anat. Gromyko, M. Hellmana, M.: Progress, 1998. 368s.

11. Smirnov Ju.N. Holodnaja vojna kak javlenie jadernogo veka // Holodnaja vojna. 1945 – 1963 gg. Istoricheskaja retrospektiva. M., 2003, s. 617–618.

12. Stepanov A. I. Rossija, SSSR v mirovyh vojnah. V: Rossija HHI. 1994, №11–12.

Copyright©YASHKOVA Polina, 2017.

Contacte / Contacts / Контакты:

Московский педагогический
государственный университет (МПГУ),
123007, г. Москва,
5-я Магистральная улица, д. 18, кв. 16.

E-mail: polina_yashkova@mail.ru

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

**CONSILIUL REDACȚIONAL AL REVISTEI
„REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE”**

**EDITORIAL BOARD (CONSILIUM)
OF THE „MOLDAVIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS”**

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
„МОЛДАВСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ”**

BURIAN Alexandru.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Director al Institutului de Cercetări Strategice al Universității de Studii Europene din Moldova, Președinte al Asociației de Drept Internațional din Republica Moldova (Republica Moldova) – *Redactor-șef.*



BURIAN Alexander.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (ret.), Director of The Institute for Strategic Studies of The European University of Moldova, President of the Moldavian Association of International Law (The Republic of Moldova) – *Editor-in-chief.*

БУРИАН Александр Дмитриевич.

Доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Директор Института стратегических исследований Европейского университета Молдовы, Президент Молдавской Ассоциации международного права (Республика Молдова) – *Главный редактор.*

E-mail: alexandrururian@yahoo.com; alexandrururian@mail.ru

http://fmv.euba.sk/files/CV_Burian.pdf; <http://www.rudn.ru/en/?pagec=1340> ;

<http://politologia.tnuni.sk/index.php?id=5>

CHINDÎBALIUC Oleana.

Doctor în științe politice, conferențiar universitar, cercetător științific, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei, Șef Catedră Politică Mondială și Relații Internaționale a Universității de Studii Europene din Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

— *Redactor-șef adjunct, Președinte al colegiului de redacție.*



KINDIBALYK Olyana.

Ph.D in political science, Associate Professor, Scientific fellow, Institute of Legal and Political Research of ASM; Head of the Department of World Politics and International Relations at the University of European Studies of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova). — *Deputy Editor-in-chief, Head of Editorship.*

КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна.

Кандидат политических наук, доцент, научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы; Заведующая кафедрой мировой политики и международных отношений Европейского университета Молдовы (Кишинев, Республика Молдова). — *Заместитель главного редактора, Председатель редакционной коллегии.*

E-mail: olyana.kindibalyk@gmail.com

CHIRTOACĂ Natalia.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Șef Secție Drept Internațional și Relații Internaționale, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei (Republica Moldova) — *Secretar științific.*



CHIRTOACA Natalia.

Ph.D in Law, Associate Professor, Head of the Department of International Law and International Relations, The Institute of Legal and Political Research of The Academy of Sciences of Moldova (The Republic of Moldova) — *Scientific secretary.*

КИРТОАКЭ Наталия Михайловна.

Кандидат юридических наук, доцент, зав. Отделом международного права и международных отношений Института юридических и политических исследований АН Молдовы (Республика Молдова) — *Ученый секретарь.*

E-mail: n_chirtoaca@mail.ru

**ANGEL Jose Luis IRIARTE.**

Doctor în drept, profesor universitar, Vicerector al Universității Publice din Navarra (Spania) - *Membriu al consiliului redacțional.*

ANGEL Jose Luis IRIARTE.

Doctor of Law, Professor, Vicerector of The Navarra Public University (Spain) – *Member of editorial board.*

АНХЕЛ Хосе Луис ИРИАРТЕ.

Доктор права, профессор, проректор Наваррского публичного университета (Испания) — *Член редакционного совета.*

E-mail: julis.iriarte@unavarra.es

http://www.uta.edu.ec/formacioncompetencias2005/files/pictures/cv_luisiriarte.pdf

**ARHILIUC Victoria.**

Doctor habilitat în drept, profesor cercetător, Universitatea de Stat din Moldova (Republica Moldova) – *Membriu al consiliului redacțional.*

ARHILIUC Victoria.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, The State University of Moldova (The Republic of Moldova) — *Member of editorial board.*

АРХИЛЮК Виктория Нестеровна.

Доктор юридических наук, профессор, Молдавский государственный университет (Республика Молдова) — *Член редакционного совета.*

E-mail: arhiliucv57@yahoo.com

**ABASHIDZE Aslan.**

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Șef catedră Drept Internațional, Universitatea Prieteniei Popoarelor din Rusia, Vice-Președinte al Comisiei ONU pentru drepturile economice, sociale și culturale (Federația Rusă) — *Membriu al consiliului redacțional.*

ABASHIDZE Aslan.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law, The Peoples' Friendship University of Russia, Deputy Chairman of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR) — (The Russian Federation) — *Member of editorial board.*

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович.

Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой международного права РУДН, Заместитель председателя Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (Российская Федерация) — *Член редакционного совета.*

E-mail: aslan.abashidze@gmail.com

http://www.intlaw-rudn.com/about-en/faculty/abashidze?set_language=en-us

**BALAN Oleg.**

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Rector al Academiei de Administrare Publică a Republicii Moldova (Republica Moldova) – *Membriu al consiliului redacțional.*

BALAN Oleg.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Rector of The Academy of Public Administration of The Republic of Moldova (The Republic of Moldova) – *Member of editorial board.*

БАЛАН Олег Иванович.

Доктор юридических наук, профессор, ректор Академии публичного управления Республики Молдова (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

E-mail: rector1@aap.gov.md ; balanoleg9@gmail.com

http://aap.gov.md/index.php?option=com_content&view=article&id=167&Itemid=294&lang=en

**BENIUC Valentin.**

Doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, Rector al Institutului de Stat de Relații Internaționale din Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

BENIUC Valentin.

Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of The Moldavian State Institute of Foreign Relations (The Republic of Moldova) — *Member of editorial board.*

БЕНИУК Валентин Анастасьевич.

Доктор политических наук, профессор, Ректор Молдавского государственного института международных отношений (Республика Молдова) — *Член редакционного совета.*

E-mail: v.beniuc@mail.ru; irim@irim.md

<http://irim.md/index.php/ru/ob-irim/rektorat/13-memberscv/33-valentin-beniuc>

**BOSHITSKY Iury.**

Doctor în drept, profesor universitar, Rector al Universității de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Ucraina) – *Membru al consiliului redacțional.*

BOSHITSKY Iury.

Ph.D in Law, Professor, Rector of The Kyiv University of Law of The National Academy of Sciences of Ukraine (Ukraine) — *Member of editorial board.*

БОШИЦКИЙ Юрий Ладиславович.

Кандидат юридических наук, профессор, Ректор Киевского университета права НАН Украины (Украина) — *Член редакционного совета.*

E-mail: rector@kul.kiev.ua; inter-dep@kl.kiev.ua

<http://en.kul.kiev.ua/kerivnictvo/boshickiy-juriy-ladislavovich.html>

**DERGACIOV Vladimir.**

Doctor habilitat în științe geografice, profesor universitar, expert în geopolitică, profesor la Universitatea Națională din Odesa (Ucraina) — *Membru al consiliului redacțional.*

DERGACHEV Vladimir A.

Dr. Sc. (Geography), Professor, Expert in geopolitics, Professor of the Odessa National University (Ukraine) — *Member of editorial board.*

ДЕРГАЧЕВ Владимир Александрович.

Доктор географических наук, профессор, эксперт в геополитике, профессор Одесского национального университета (Украина) — *Член редакционного совета.*

E-mail: admin@dergachev.ru; dergachev@farlep.net

<http://www.dergachev.farlep.net/>

<http://www.dergachev.ru/>

<http://dergachev-va.livejournal.com/>

**DYULGEROVA Nina Angelova.**

Doctor habilitat în economie, doctor în istorie, profesor universitar, Catedra Relații Internaționale și Științe Politice, Universitatea Liberă din Varna „Chernorizec Hrabar” (Varna, Bulgaria) – *Membru al consiliului redacțional.*

DYULGEROVA Nina Angelova.

Doctor of Economic Sciences (management and security), Ph.D. in History, Professor of International relations, Department of International Relations and Political Sciences, Faculty „Social Sciences”, Varna Free University „Chernorizec Hrabar” (Varna, Bulgaria) — *Member of editorial board.*

ДЮЛГЕРОВА Нина Ангелова.

Доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор Варненского свободного университета «Черноризец Храбър» (Варна, Болгария)

— *Член редакционного совета.*

E-mail: nina_d6@hotmail.com; nina_d56@yahoo.com

<http://nina-dulgerova.org/Papers.htm>

<http://nina-dulgerova.org/CV.htm>

**FUEREA Augustin.**

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea din București (România) – *Membru al consiliului redacțional.*

FUEREA Augustin.

Doctor of Law, Professor, The University of Bucharest (Romania) – *Member of editorial board.*

ФУЕРЕА Августин.

Доктор права, профессор, Бухарестский государственный университет (Румыния) – *Член редакционного совета.*

E-mail: augustinfuerea@yahoo.com

http://www.univnt.ro/cv/uploads/cv/CV_Fuerea_Augustin.pdf

http://www.drept.unibuc.ro/dyn_doc/cv/a-fuerea.pdf

**HAVÁNIK Jozef.**

Doctor în economie, Rector al Universității „Alexandr Dubcek” din Trencin, Slovacia (Trencin, Republica Slovacă) — *Membru al consiliului redacțional.*

HAVÁNIK Jozef.

Doc. Ing., PhD., Rektor of the Trenčianska Univerzita Alexandra Dubčeka v Trenčíne (The Slovak Republic) — *Member of editorial board.*

ХАБАНИК Джозеф.

Доктор экономических наук, Ректор Тренчанского университета им. Александра Дубчека в Тренчине (Тренчин, Словацкая Республика) — *Член редакционного совета.*

E-mail: rector@tuni.sk

<http://tuni.sk/univerzita/organy-univerzity/rector/>

**HEINRICH Hans-Georg.**

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea din Viena (Austria) — *Membru al consiliului redacțional.*

HEINRICH Hans-Georg.

Doctor of Law, Professor, The University of Vienna (Austria) — *Member of editorial board.*

ХЕЙНДРИЧ Ханс-Георг.

Доктор права, профессор, Венский университет (Австрия) — *Член редакционного совета.*

E-mail: hans-georg.heinrich@univie.ac.at

<http://www.enri-east.net/consortium/institute-for-advanced-studies/en/>

**KAPUSTIN Anatolii.**

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Președinte al Asociației de Drept Internațional din Federația Rusă (Federația Rusă) — *Membru al consiliului redacțional.*

KAPUSTIN Anatoly.

Doctor of Juridical Sciences, Professor, President of The Russian Association of International Law (The Russian Federation) — *Member of editorial board.*

КАПУСТИН Анатолий Яковлевич.

Доктор юридических наук, профессор, Президент Российской ассоциации международного права (Российская Федерация) — *Член редакционного совета.*

E-mail: kapustin@izak.ru, akap@mail.ru

http://jppublishing.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=96&Itemid=102

<http://izak.ru/381>

**LIPKOVA Ludmila.**

Doctor în Economie, Ing., profesor universitar, Decan, Facultatea de Relații Internaționale, Universitatea Economică din Bratislava (Republica Slovacia) — *Membru al consiliului redacțional.*

Dr.h.c. prof. Ing. LIPKOVA Ludmila, CSc.

Doctor of Economics, Professor, Dean, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava, Slovakia (The Slovak Republic) — *Member of editorial board.*

ЛИПКОВА Людмила.

Доктор экономических наук, профессор, Декан факультета международных отношений Экономического университета в Братиславе (Словацкая Республика) — *Член редакционного совета.*

E-mail: lipkova@euba.sk

<http://www.osobnosti.sk/index.php?os=zivotopis&ID=1347>

**MAZILU Dumitru.**

Doctor în drept, profesor universitar, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Universitatea „Spiru Haret” din București (România) — *Membru al consiliului redacțional.*

MAZILU Dumitru.

Doctor of Law, Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (ret.), The „Spiru Haret” University of Bucharest (Romania) — *Member of editorial board.*

МАЗИЛУ Думитру.

Доктор права, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Университет им. Спиру Харета, Бухарест (Румыния) — *Член редакционного совета.*

E-mail: dumitru.mazilu@spiruharet.ro; secretariat@universitatea-cantemir.ro

http://ro.wikipedia.org/wiki/Dumitru_Mazilu

http://www.ucdc.info/cd/cd_profil.php?cid=1146

**NAZARIA Sergiu.**

Doctor habilitat în științe politice, doctor în istorie, conferențiar universitar, Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moldova (Republica Moldova) — *Membru al consiliului redacțional.*

NAZARIA Sergi.

Doctor of Political Sciences, Ph.D in History, Associate professor, The Moldavian State Institute of Foreign Relations (The Republic of Moldova) — *Member of editorial board.*

НАЗАРИЯ Сергей Михайлович.

Доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, Молдавский государственный институт международных отношений (Республика Молдова) — *Член редакционного совета.*

E-mail: sergnazar@mail.ru

PAPAVA Vladimir.

Doctor habilitat în economie, profesor universitar, academician al Academiei Naționale de Științe a Georgiei, Profesor universitar la Facultatea de Economie a Universității de Stat din Tbilisi „Ivane Javakhishvili” (Tbilisi, Georgia) — *Membru al consiliului redacțional.*

PAPAVA Vladimir.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Academician of the Georgian National Academy of Sciences, Professor of Economics, Faculty of Economics and Business, The Ivane Javakhishvili Tbilisi State University (Tbilisi, Georgia) — *Member of editorial board.*

ПАПАВА Владимир.

Доктор экономических наук, профессор, действительный член Национальной Академии наук Грузии, профессор Экономического факультета Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили (Тбилиси, Грузия) — *Член редакционного совета.*

E-mail: papavavladimer@gfsis.org; papavavladimer@yahoo.com

<http://www.tsu.edu.ge/en/government/raac/rector/>

<http://www.papava.info/>; http://en.wikipedia.org/wiki/Vladimer_Papava



**POPESCU Dumitra.**

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea „Titu Maiorescu” din București, Institutul de Cercetări Juridice „Acad. Andrei Rădulescu” al Academiei Române (România) — *Membru al consiliului redacțional.*

POPESCU Dumitra.

Doctor of Law, Professor, The „Titu Maiorescu” University of Bucharest, Legal Research Institute „Academician Andrei Rădulescu” of the Romanian Academy (Romania) — *Member of editorial board.*

ПОПЕСКУ Думитра.

Доктор права, профессор, Бухарестский университет имени Титу Майореску, Научно-исследовательский юридический институт имени академика Андрея Рэдулеску Румынской Академии (Румыния) — *Член редакционного совета.*

E-mail: juridic_institut@yahoo.com

STRATIEVSCHI Dmitrii.

Doctor în istorie, Vicedirector al Centrului de studii a Europei de Est din Berlin OEZB e.v. (Berlin, Republica Federală Germania) — *Membru al consiliului redacțional.*

**STRATIEVSKI Dmitri.**

Ph.D in History, Deputy Director of the Center for the Study of Eastern Europe in Berlin OEZB e.v. (Berlin, The Federal Republic of Germany) — *Member of editorial board.*

СТРАТИЕВСКИЙ Дмитрий.

Доктор исторических наук, заместитель директора Центра изучения Восточной Европы в Берлине OEZB e.v. (Берлин, Федеративная Республика Германия) — *Член редакционного совета.*

E-mail: stratievski@gmx.de

SEDLEȚCHI Iurie.

Doctor în drept, profesor universitar, Rector al Universității de Studii Europene din Moldova (Republica Moldova) — *Membru al consiliului redacțional.*

**SEDLETSCHI Yuri.**

Ph.D in Law, Professor, Rector of The European University of Moldova (The Republic of Moldova) — *Member of editorial board.*

СЕДЛЕЦКИЙ Юрий Николаевич.

Кандидат юридических наук, профессор, Ректор Европейского университета Молдовы (Республика Молдова) — *Член редакционного совета.*

E-mail: iuriesedletchii@yahoo.fr
<http://www.usem.md/ro.html>

TIMCENCO Leonid.

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Universitatea Națională a Serviciului Fiscal de Stat al Ucrainei (Ucraina) — *Membru al consiliului redacțional.*

**TIMCHENKO Leonid.**

Doctor of Juridical Sciences, Professor, The National University of The State Tax Service of Ukraine (Ukraine) — *Member of editorial board.*

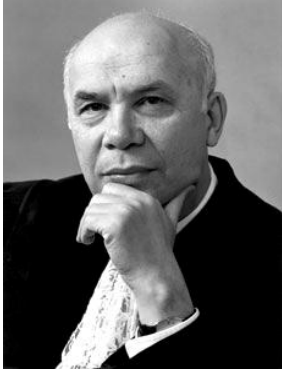
ТИМЧЕНКО Леонид Дмитриевич.

Доктор юридических наук, профессор, Национальный университет Государственной налоговой службы Украины (Украина) — *Член редакционного совета.*

E-mail: ltymch@ukr.net; timchenko@asta.edu.ua

VERESHCHETIN Vladlen.

Doctor habilitat în științe juridice, profesor universitar. În 1984-1995 – membru al Curții Permanente de Arbitraj a ONU (Haga), în 1992-1994 – membru și președinte al Comisiei de Drept Internațional a ONU, în 1995-2006 – Judecător al Curții Internaționale de Justiție a ONU (Haga), din 2012 – Arbitru în Dreptul Cosmic (Spațial) la Curtea Permanentă de Arbitraj a ONU (Haga). În 1978-1995 — Vice-președinte, din 1995 – Președinte de onoare al Institutului Internațional de Drept Cosmic (Spațial) din Paris. Din 1977 — academician al Academiei Internaționale de Astronautică (SUA), din 2006 — academician al Academiei de Științe din Bulgaria. (Federația Rusă) — *Membru al consiliului redacțional.*

**Vladlen S. VERESHCHETIN.**

Doctor of Juridical Sciences, Professor. In 1984-1995 - Member of the Permanent Court of Arbitration (the Hague). In 1992-1994 — Member and Chairman of the United Nations International Law Commission. In 1995-2006 — Judge of the International Court of Justice (the Hague). From 2012, the Referee for Space Law of the Permanent Court of Arbitration (the Hague). In 1978-1995-Vice President, from 1995 — Director Emeritus of the International Institute of Space Law (Paris). Since 1977 — Member of the International Astronautical Academy (USA), since 2006 — Foreign Member of Bulgarian Academy of Sciences. (The Russian Federation) — *Member of editorial board.*

ВЕРЕЩЕТИН Владлен Степанович.

Доктор юридических наук, профессор. С 1984 по 1995 год — член Постоянной палаты третейского суда (г. Гаага). В 1992-1994 годах — член Комиссии международного права ООН. В 1994 году возглавлял Комиссию. В 1995-2006 годах — Судья Международного Суда ООН (г. Гаага). С 2012 г. — арбитр по космическому праву Постоянной Палаты третейского суда (г. Гаага). В 1978-1995 годах — вице-президент, с 1995 г. — почетный директор Международного института космического права (Франция). С 1977 г. — действительный член Международной астронавтической академии (США). С 2006 г. — иностранный член Болгарской Академии наук. (Российская Федерация) — *Член редакционного совета.*

E-mail: vsvereshchetin@ziggo.nl;

<http://legal.un.org/avl/faculty/Vereshchetin.html>;

http://legal.un.org/avl/pdf/ls/Vereshchetin_bio.pdf;

<http://intlaw-rudn.com/about/history-faces/vereshchetin>

WILLIAMS Silvia Maureen.

Doctor în drept și științe sociale, profesor de Drept Internațional Public, Universitatea din Buenos Aires. Președintele Comitetului de Drept Internațional Spațial al Asociației de Drept Internațional (ILA — Londra). Membru al Consiliului executiv al Asociației de Drept Internațional (sediul, Londra). Membru al Institutului Internațional de Drept Spațial, membru al Academiei Internaționale de Astronautică, membru al Institutului Regal de Relații Internaționale (Chatham House), membru al Institutului Ibero-American de Drept Aerian și Spațial (Argentina) – *Membru al consiliului redacțional.*

**WILLIAMS Silvia Maureen.**

Doctor of Law and Social Sciences, Professor of Public International Law, University of Buenos Aires. President of the International Space Law Committee of the International Law Association (ILA — London). Member of the Executive Council of the International Law Association (Headquarters, London). Member of the Institut International de Droit Spatial, full member of the International Academy of Astronautics, the Royal Institute of International Affairs (Chatham House), the Ibero American Institute of Air and Space Law (Argentina) – *Member of editorial board.*

УИЛЬЯМС Сильвия Морин.

Доктор права и социальных наук, профессор международного публичного права, Университет Буэнос-Айреса. Президент Комитета по международному космическому праву Ассоциации международного права (АМП — Лондон). Член, Сопредседатель Исполнительного Совета Ассоциации международного права (штаб-квартира, Лондон). Член Международного Института международного космического права, действительный член Международной академии астронавтики Королевского института международных отношений (Чэтхэм Хаус) и Иbero-американского института воздушного и космического права (Аргентина) – *Член редакционного совета.*

E-mail: maureenw777@yahoo.co.uk;

[swilliams@derecho.uba.ar](http://www.derecho.uba.ar/investigacion/investigadores/williams.php)<http://www.derecho.uba.ar/investigacion/investigadores/williams.php>

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

**COLEGIUL DE REDACȚIE (RECENZENȚII)
EDITORSHIP (REVIEWERS)
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ (РЕЦЕНЗЕНТЫ)**

CHINDÎBALIUC Oleana.

Doctor în științe politice, conferențiar universitar, cercetător științific, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM; Șef Catedră Politică Mondială și Relații Internaționale a Universității de Studii Europene din Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

— *Redactor-șef adjunct, Președinte al colegiului de redacție.*



KINDIBALYK Olyana.

PhD in political science, Associate Professor, Scientific fellow, Institute of Legal and Political Research of ASM; Head of the Department of World Politics and International Relations at the University of European Studies of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova). — *Deputy Editor-in-chief, Head of Editorship.*

КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна.

Кандидат политических наук, доцент, научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы; Заведующая кафедрой мировой политики и международных отношений Европейского университета Молдовы (Кишинев, Республика Молдова). — *Заместитель главного редактора, Председатель редакционной коллегии.*

E-mail: olyana.kindibalyk@gmail.com

ANIȚEI Nadia Cerasela.

Doctor în drept, Profesor universitar, Facultatea de Științe Juridice, Sociale și Politice, Universitatea „Dunărea de Jos” din Galați (Galați, România).



ANITEI Nadia Cerasela.

Ph.D in Law, professor, Faculty of Legal, Political and Social Sciences, University „Dunarea de Jos of Galati” (Galati, Romania).

АНИЦЕЙ Надия Черасела.

Доктор права, профессор, факультет правовых, политических и социальных наук, Галацкий Университет «Дунэря де Жос» (Галаць, Румыния).

E-mail: ncerasela@yahoo.com

<http://ugal.academia.edu/NADIACERASELANITEI/CurriculumVitae>

CIUCĂ Aurora.

Doctor în drept, Profesor universitar, Profesor la Universitatea „Stefan Cel Mare” din Suceava, Avocat la Baroul de Avocați Iași, Președinte al Asociației „Vespasian V. Pella” Iași (Iași, România).



CIUCA Aurora.

Ph.D in Law, Professor at „Stefan cel Mare” University of Suceava, Lawyer Yassy Bar Association, President of „Vespasian V. Pella” Association (Yassy, Romania).

ЧИУКЭ Аурора.

Доктор права, профессор, Профессор Сучавского университета «Штефан чел Маре»; Адвокат в Ясской ассоциации адвокатов; Президент ассоциации „Vespasian V. Pella” (Яссы, Румыния),

E-mail: aurora_ciuca_2000@yahoo.com

DORUL Olga.

Doctor în drept, conferențiar universitar, Universitatea de Stat din Moldova; cercetător științific, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM (Chișinău, Republica Moldova).



DORUL Olga.

Ph.D in Law, Associate Professor, The Moldova State University; scientific fellow, Institute of Legal and Political Research of ASM (Kishinev, The Republic of Moldova).

ДОРУЛ Ольга Павловна.

Кандидат юридических наук, доцент, Молдавский государственный университет; научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: dorulolga@yahoo.com

**BURIAN Cristina.**

Doctor în drept, conferențiar universitar la Catedra Drept Public, Universitatea de Studii Europene din Moldova; Secretar I, Direcția Generală Drept Internațional, Ministerul Afacerilor Externe și Integrării Europene al Republicii Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

BURIAN Cristina.

Ph.D in Law, Associate Professor, Department of Public Law, European University of Moldova; First Secretary, The International Law Department, Ministry of Foreign Affairs and European Integration of the Republic of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

БУРИАН Кристина Александровна.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права, Европейский университет Молдовы; Первый секретарь, Генеральный Департамент международного права, Министерство иностранных дел и европейской интеграции Республики Молдова (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: krisburian@yahoo.com

**EVSEEV Vladimir.**

Doctor în științe tehnice, Expert militar, Vicedirector al Institutului Statelor CSI (Moscova, Federația Rusă).

EVSEEV Vladimir.

Ph.D in Technical Science, Military expert, Deputy Director of the Institute of CIS Countries (Moscow, The Russian Federation).

ЕВСЕЕВ Владимир Валерьевич.

Кандидат технических наук, Военный эксперт, Заместитель директора Института стран СНГ (Москва, Российская Федерация).

E-mail: vlad.evseev@gmail.com

http://ru.ino-ppic.ru/yevseyev_v/

<http://ir.russiancouncil.ru/person/evseev-vladimir-valerevich/>

**GLADARENCO-STOIAN Maia.**

Doctor în istorie, Plymouth City College, Institutul Regal de Personal și Dezvoltare (Plymouth, Marea Britanie).

GLADARENCO-STOIAN Maia.

Ph.D in History, Plymouth City College, Chartered Institute of Personnel and Development Course (Plymouth, United Kingdom).

ГЛАДАРЕНКО-СТОЯН Майя.

Доктор исторических наук, Плимутский колледж, Королевский Институт персонала и развития (Плимут, Великобритания).

E-mail: maia_gl@yahoo.fr

**GENTIMIR Alina Mirabela.**

Doctor în drept, Lector, Facultatea de Drept, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iași (Iași, România).

GENTIMIR Alina Mirabela.

Lecturer Ph.D, Faculty of Law, „Alexandru Ioan Cuza” University of Iassy (Iassy, Romania).

ДЖЕНТИМИР Алина.

Кандидат юридических наук, преподаватель, Юридический факультет Ясского университета им. А.И.Кузы (Яссы, Румыния).

E-mail: agentimir@yahoo.fr

**GLUHAIA Diana.**

Doctor în drept, Universitatea Publică din Navarra (Pamplona, Spania).

GLUHAIA Diana.

Ph.D in Law, The Navarra Public University (Pamplona, Spain).

ГЛУХАЯ Диана.

Доктор права, Наваррский публичный университет (Памплона, Испания).

E-mail: diana.gluhaya@unavara.es; diana_gluhaia@yahoo.com

**GUO Ping.**

Profesor universitar de drept maritim, director al Institutului de Drept Internațional Maritim (IIML) a Universității Maritime din Dalian, director a Asociației Chineze de Drept Maritim, arbitru în Comisia Chineză de Arbitraj Maritim (Dalian, Republica Populară Chineză).

GUO Ping.

Professor of Maritime Law, Director of The Institute of International Maritime Law (IIML) of the Dalian Maritime University, director of China Maritime Law Association, the arbitrator of China Maritime Arbitration Commission (Dalian, The People's Republic Of China).

ГУО Пинг.

Профессор морского права, директор Института международного морского права (ИИМЛ) Даляньского морского университета, директор китайской Ассоциации морского права, арбитр Арбитражной морской комиссии Китая (Далянь, КНР).

E-mail: guoping@dl.cn , guoping@dlmu.edu.cn

**IOVIȚĂ Alexandrina.**

Doctor în drept, UNAIDS, Cartierul general, Coordonator programe, drepturile omului și legislație (Chișinău, Republica Moldova – Geneva, Elveția).

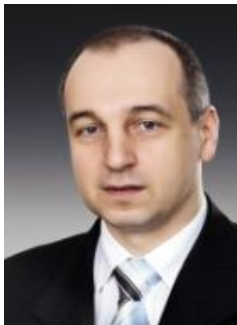
IOVITA Alexandrina.

Ph.D in Law, UNAIDS Secretariat, Headquarters, Programme Officer, Human Rights and Law (Kishinev, The Republic of Moldova – Geneva, Switzerland).

ИОВИЦЭ Александрина Александровна.

Кандидат юридических наук, UNAIDS, генеральный офис, сотрудник по программам, права человека и правовые вопросы (Кишинев, Республика Молдова, Женева, Швейцария).

E-mail: alexandrina_iovita@yahoo.com

**JANAS Karol.**

Doctor în politologie, conferențiar universitar, Șef Catedră Politologie, Universitatea „Alexandr Dubcek” din Trenčin, Slovacia (Trenčin, Republica Slovacă).

JANAS Karol.

Doc. PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department Politologie of the Trenčianska Univerzita Alexandra Dubčeka v Trenčíne (The Slovak Republic).

ЯНАС Карол.

Доктор политологии, доцент, Заведующий кафедрой политологии Тренчанского университета им. Александра Дубчека в Тренчине (Тренчин, Словацкая Республика).

E-mail: karol.janas@tuni.sk
<http://politologia.tuni.sk/index.php?id=5>

**KOVALEVA Natalia.**

Doctor în pedagogie, conferențiar universitar, Director al Fundației de Caritate „Fii Om!” (Orenburg, Federația Rusă).

KOVALYOVA Natalia.

Ph.D., Associate Professor, Director of the Charity Foundation „Be a man!” (Orenburg, The Russian Federation).

КОВАЛЁВА Наталья Александровна.

Кандидат педагогических наук, доцент, директор Благотворительного Фонда «Будь Человеком!» (Оренбург, Российская Федерация).

E-mail: kovaleva_osu@mail.ru
<http://www.osu.ru/doc/3117>

**LISENCO Vladlena.**

Doctor habilitat în drept, conferențiar universitar, Vicerector pentru relații internaționale, Universitatea de Stat din Transnistria „T.G.Șevcenco” (Tiraspol, Republica Moldova).

LISENCO Vladlena.

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Vicerector for International relations, Taras Shevchenko State University of Transnistria (Tiraspol, The Republic of Moldova).

ЛЫСЕНКО Владлена.

Доктор юридических наук, доцент, Заместитель ректора по международным связям, Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко (Тирасполь, Республика Молдова).

E-mail: vlada.lisenco@mail.ru

**MATTOȘ Boris.**

Doctor în științe politice, Vicerector pentru relații internaționale, Universitatea Economică din Bratislava (Bratislava, Republica Slovacă).

MATTOS Boris.

PhD in political science, Vicerector for International relations, University of Economics in Bratislava, Slovakia (Bratislava, The Slovak Republic).

МАТОШ Борис.

Доктор политических наук, Заместитель ректора по международным связям, Экономический университет в Братиславе (Братислава, Словацкая Республика).

E-mail: mattos@euba.sk

**METREVELI Levan.**

Doctor în științe politice, șef al Centrului pentru dezvoltarea integrată a Georgiei, Universitatea de Stat Tbilisi (Tbilisi, Georgia).

METREVELI Levan.

Doctor of Political Sciences, Head of the Center for integrated development of Georgia, Tiflis State University (Tbilisi, Georgia).

МЕТРЕВЕЛИ Леван.

Доктор политических наук, руководитель Центра комплексного развития Грузии Тбилисского государственного университета (Тбилиси, Грузия).

E-mail: levanmetreveli@yahoo.com

**MOUSMOUTI Maria.**

Doctor în drept, Director executiv al Centrului European de Drept Constituțional din Atena (Atena, Grecia).

MOUSMOUTI Maria.

Ph.D in Law, Executive director of The European Center of Constitutional Law (Athenas, Grece).

МОУСМУТИ Мария.

Доктор права, Исполнительный директор Европейского центра конституционного права (Афины, Греция).

E-mail: mousmou@yahoo.com

<http://www.cecl2.gr/index.php/en/thecentre/theboard/11-thecentre/cv/16-08-maria-mousmouti>

http://ials.sas.ac.uk/postgrad/LDclinic/LDclinic_who.htm

**SÂRCU Diana.**

Doctor habilitat în drept, conferențiar universitar, Director al Institutului Național de Justiție al Republicii Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

SARCU Diana.

Doctor of Juridical Sciences, Associate professor, Director of the National Institute of Justice of the Republic of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

СЫРКУ Диана.

Доктор юридических наук, доцент, Директор Национального института юстиции Республики Молдова (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: sircu@yahoo.com

**SYCI Alexandru.**

Doctor habilitat în științe istorice, profesor universitar, Universitatea Națională „Jurie Fedikovici” din Cernăuți (Cernăuți, Ucraina).

SYCH Alexander.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Chernivtsi National University „Yuri Fedkovych” (Chernivtsi, Ukraine).

СЫЧ Александр Иванович.

Доктор исторических наук, профессор, Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича (Черновцы, Украина).

E-mail: asych_chnu@yahoo.com, amenitinna@gmail.com

**SOLNȚEV Alexandr.**

Doctor în drept, conferențiar universitar, Șef-adjunct al Catedrei de Drept Internațional al Universității Prieteniei Popoarelor din Rusia (Moscova, Federația Rusă).

SOLNTSEV Alexander.

Ph.D in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of International Law PFUR, the Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, The Russian Federation).

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович.

Кандидат юридических наук, доцент, зам. заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация).

E-mail: a.solntsev@gmail.com; intlaw.rudn@gmail.com
www.intlaw-rudn.com

**SMOCHINA Carolina.**

Doctor în drept, conferențiar universitar, Universitatea Europeană din Lefke (Lefke, Nicosia, Cipru).

SMOCHINA Carolina.

Ph.D in Law, Associate Professor, European University of Lefke (Lefke, Nicosia, Cyprus).

СМОКИНЭ Каролина.

Доктор права, доцент, Европейский Университет в Лefке (Лefке, Никосия, Кипр)

E-mail: smochina@gmail.com

**ISMAYL Togrul.**

Doctor în istorie, Doctor în economie, conferențiar universitar, Universitatea TOBB, Economie și Tehnologie (Ankara, Turcia).

ISMAYL Togrul.

Ph.D in History, Ph.D in Economic Sciences, Associate Professor, TOBB University of Economics and Technology (Ankara, Turkey).

ИСМАИЛ Тогрул.

Доктор истории, Доктор экономики, доцент, TOBB университет экономики и технологии (Анкара, Турция).

E-mail: togrul65@hotmail.com, tismayil@etu.edu.tr

**ȚIGĂNAȘ Ion.**

Doctor în drept, Director General Adjunct, Agenția de Stat Pentru Proprietatea Intelectuală a Republicii Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

TIGANAS Ion.

Ph.D in Law, Deputy General Director of The State Agency on Intellectual Property of The Republic of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

ЦИГЭНАШ Ион.

Кандидат юридических наук, Генеральный вице-директор Государственного агентства по интеллектуальной собственности Республики Молдова (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: iondrept@yahoo.com

http://www.agepi.gov.md/pdf/about/cv_tiganas.pdf

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

**DATE DESPRE AUTORI
DATES OF AUTHORS
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**



CHINDÎBALIUC Oleana.

Doctor în științe politice, conferențiar universitar, cercetător științific, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AȘM; Șef Catedră Politică Mondială și Relații Internaționale a Universității de Studii Europene din Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

KINDIBALYK Olyana.

PhD in political science, Associate Professor, Scientific fellow, Institute of Legal and Political Research of ASM; Head of the Department of World Politics and International Relations at the University of European Studies of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна.

Кандидат политических наук, доцент, научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы; Заведующая кафедрой мировой политики и международных отношений Европейского университета Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: olyana.kindibalyk@gmail.com



CHELARU Valeria.

Doctorand, Școala doctorală de Relații internaționale și Studii de Securitate a Universității „Babeș-Bolyai” (Cluj-Napoca, România).

CHELARU Valeria.

Ph.D Student, Doctoral School of International Relations and Security Studies at „Babeș-Bolyai” University (Cluj-Napoca, Romania).

КЕЛАРУ Валерия.

Аспирант, Докторская школа по международным отношениям и исследованиям в области безопасности Клужского университета «Бабеш-Бойяи» (Клуж-Напока, Румыния).

E-mail: valeria.a.chelaru@gmail.com



DRUȚĂ Natalia.

Doctorand, asistent științific stagiar în cadrul Institutului de Cercetări Juridice și Politice al A.Ș.M. (Chișinău, Republica Moldova).

DRUTA Natalia.

Ph.D Student, scientific assistant trainee at the Institute of Legal and Political Researches of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

ДРУЦЭ Наталья.

Аспирант, научный ассистент стажер в рамках Института Юридических и Политических исследований АМН (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: drutanata@yahoo.com



DYULGEROVA Nina.

Profesor universitar, Doctor habilitat în economie, Doctor în Istorie, Departamentul Drept Internațional și Relații Internaționale, Facultatea de Istorie și Drept, Universitatea de Sud-Vest „Neofit Rilski” (Blagoevgrad, Bulgaria).

DYULGEROVA Nina.

Professor, Dr. Ec. Sc., PhD in History, International Law and International Relations Department, Faculty of Law and History, South-West University „Neofit Rilski” (Blagoevgrad, Bulgaria).

ДЮЛГЕРОВА Нина.

Профессор, Доктор экономических наук, Кандидат исторических наук, Департамент международного права и международных отношений, Юридический и исторический факультет Юго-Западного университета «Неофит Рилски» (Благоевград, Болгария).

E-mail: nina_d56@yahoo.com

**EVSEEV Vladimir.**

Doctor în științe tehnice, Expert militar, Vicedirector al Institutului Statelor CSI (Moscova, Federația Rusă).

EVSEEV Vladimir.

Ph.D in Technical Science, Military expert, Deputy Director of the Institute of CIS Countries (Moscow, The Russian Federation).

ЕВСЕЕВ Владимир Валерьевич.

Кандидат технических наук, Военный эксперт, Заместитель директора Института стран СНГ (Москва, Российская Федерация).

E-mail: vlad.evseev@gmail.com

GUO Ping.

Profesor universitar de drept maritim, director al Institutului de Drept Internațional Maritim (IIML) a Universității Maritime din Dalian, director a Asociației Chineze de Drept Maritim, arbitru în Comisia Chineză de Arbitraj Maritim (Dalian, Republica Populară Chineză).

GUO Ping.

Professor of Maritime Law, Director of The Institute of International Maritime Law (IIML) of the Dalian Maritime University, director of China Maritime Law Association, the arbitrator of China Maritime Arbitration Commission (Dalian, The People's Republic Of China).

ГУО Пинг.

Профессор морского права, директор Института международного морского права (ИИМЛ) Даляньского морского университета, директор китайской Ассоциации морского права, арбитр Арбитражной морской комиссии Китая (Далянь, КНР).

E-mail: guoping@dl.cn , guoping@dmlu.edu.cn

**GUSEV Leonid.**

Doctor în istorie, cercetător științific superior la Centrul analitic al Institutului de Studii Internaționale al Universității MGIMO a Ministerului rus de Externe, (Moscova, Federația Rusă).

GUSEV Leonid.

Ph.D in History, senior researcher at the Analytical Center of the Institute of International Studies of the MGIMO University of the Russian Foreign Ministry (Moscow, The Russian Federation).

ГУСЕВ Леонид Юрьевич.

Старший научный сотрудник Аналитического центра Института международных исследований МГИМО МИД России, кандидат исторических наук (Москва, Российская Федерация).

E-mail: lgoussev@yandex.ru

HARITONOV Daria.

Cercetător științific, Departamentul de integrare eurasiatică și dezvoltare SCO de la Institutul Statelor CSI (Moscova, Federația Rusă).

KHARITONOV Daria.

Researcher at the Department of Eurasian integration and the development of the SCO of the Institute of CIS Countries (Moscow, The Russian Federation).

ХАРИТОНОВА Дарья Викторовна.

Научный сотрудник Отдела евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ (Москва, Российская Федерация).

E-mail: dariahar09@gmail.com

**IAȘCOVA Polina.**

Universitatea Pedagogică de Stat din Moscova (Moscova, Federația Rusă).

YASHKOVA Polina.

Moscow State Pedagogical University (MSPU) (Moscow, The Russian Federation).

ЯШКОВА Полина Сергеевна.

Московский педагогический государственный университет (МПГУ) (Москва, Российская Федерация).

E-mail: polina_yashkova@mail.ru

**KISELEVA Ekaterina.**

Doctor în drept, conferențiar universitar, Catedra Drept Internațional, Universitatea Rusă de Prietenie a Popoarelor (RUDN University; Moscova, Federația Rusă).

KISELEVA Ekaterina.

PhD in law, Associate Professor, Department of International Law of the Peoples Friendship University of Russia (RUDN University; Moscow, The Russian Federation).

КИСЕЛЁВА Екатерина Вячеславовна .

Кандидат юридических наук, доцент, кафедра международного права Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация).

E-mail: ekaterina.kiseleva.rudn@gmail.com , kiseleva_ev@rudn.university

**KLENKA Michal.**

Doctorand, Facultatea de Relații Internaționale, Universitatea de Economie din Bratislava (Bratislava, Republica Slovacă).

KLENKA Michal.

PhD Student, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava (Bratislava, The Slovak Republic).

КЛЕНКА Михал.

Аспирант, факультет международных отношений, Экономический университет в Братиславе (Братислава, Словацкая Республика).

E-mail: michal.klenka@euba.sk

**KOŁODZIEJCZYK Marta.**

Doctor în științe politice, Departamentul Drept și Științe Sociale, Școala Superioară de Finanțe și Drept din Bielsko-Biala (Bielsko-Biala, Polonia).

KOŁODZIEJCZYK Marta.

PhD in Political Science, department of Law and Social Sciences, Bielsko-Biala School of Finance and Law (Bielsko-Biala, Poland).

КОЛОДЗИЕЙЧИК Марта.

Доктор политических наук, Департамент права и социальных наук, Высшая школа финансов и права в Бельско-Бяла (Бельско-Бяла, Польша).

E-mail: mkolodziejczyk@ath.bielsko.pl , mkolodziejczyk@wsfip.edu.pl

**MELNIC Violeta.**

Doctor în drept, conferențiar universitar, Institutul de Relații internaționale din Moldova, Facultatea de Drept (Chișinău, Republica Moldova).

MELNIC Violeta.

PhD in Law, Associate Professor, Institute of International Relations of Moldova, Faculty of Law (Kishinev, The Republic of Moldova).

МЕЛЬНИК Виолета.

Кандидат юридических наук, доцент, Институт международных Отношений Молдовы, Факультет Права (Кишинев, Республика Молдова).

E-mail: violeta.melnic10@yahoo.com , violeta.melnic.eu@gmail.com

**METREVELI Nikoloz.**

Doctorand, director al Institutului de istorie, geopolitică și economie a Caucazului a Universității Tehnice de Stat din Georgia (Tbilisi, Georgia).

METREVELI Nikoloz.

PhD Student, Director of Institute of History, Geopolitics and Economics of the Caucasus of the Georgian State Technical University (Tbilisi, Georgia).

МЕТРЕВЕЛИ Николоз.

Аспирант, директор Института истории, геополитики и экономики Кавказа Грузинского государственного технического университета (Тбилиси, Грузия).

E-mail: freestudentsorg@gmail.com

**STOILOVA Veronika.**

Doctor în drept, Conferențiar Universitar, Universitatea de Sud-Vest „Neofit Rilski” (Blagoevgrad, Bulgaria).

STOILOVA Veronika.

PhD in Law, Assistant Professor, South-West University „Neofit Rilski” (Blagoevgrad, Bulgaria).

СТОИЛОВА Вероника.

Кандидат юридических наук, старший преподаватель Юго-Западного университета "Неофит Рилски" (Благоевград, Болгария).

E-mail: veronikabg@gmail.com

**SYCI Alexandru.**

Doctor habilitat în științe istorice, profesor universitar, Universitatea Națională „Jurie Fedikovici” din Cernăuți (Cernăuți, Ucraina).

SYCH Alexander.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Chernivtsi, Ukraine).

СЫЧ Александр Иванович.

Доктор исторических наук, профессор, Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича (Черновцы, Украина).

E-mail: asych_chnu@yahoo.com, amenitinna@gmail.com

**SURMA Liudmila.**

Doctorand, Facultatea de Relații Internaționale, Universitatea de Economie din Bratislava (Bratislava, Republica Slovacă).

SURMA Liudmila.

PhD Student, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava (Bratislava, The Slovak Republic).

СУРМА Людмила.

Аспирант, факультет международных отношений, Экономический университет в Братиславе (Братислава, Словацкая Республика).

E-mail: liudmila.surma@euba.sk, ludmila-sr@yandex.ru

**TRIȘIN Olga.**

Doctorand, Universitea de Pau și a Țărilor de Adour, Facultatea de drept și politici comparate (Bayonne, Republica Franceză).

TRISIN Olga.

PhD Student, University of Pau and des Pays de l'Adour, Faculty of Law and Comparative Politics (Bayonne, The French Republic).

ТРИШИН Ольга.

Аспирант, Университет По и стран Адюра, Факультет права и сравнительной политологии (Байон, Французская Республика).

E-mail: olga_trishina08@mail.ru

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

CERINȚELE

**privind condițiile de prezentare a manuscriselor pentru publicare în
„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”**

Revista teoretico-științifică „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale” acceptă pentru publicare articole în limbile moldovenească (română), rusă, engleză, spaniolă, franceză, germană (la discreția autorului), care conțin rezultate inedite ale cercetărilor efectuate și care sunt ajustate la „Cerințele privind condițiile de prezentare a manuscriselor articolelor”.

Consiliul Redacțional acceptă manuscrisul articolului pentru publicare în corespundere cu profilurile ediției („drept” și „științe politice”), cu un volum nu mai mult de 20 de pagini, inclusiv figuri și tabele. Manuscrisul ar trebui să conțină doar materiale originale, efectuat la un înalt nivel științific, reflectând rezultatele cercetării efectuate de către autor, obținute cu cel mult un an înainte de publicare, și care conține un element clar privitor la inovația științifică a cercetării și propria contribuție a autorului. Sunt acceptate pentru publicare materialele care anterior nu au fost publicate în alte ediții și nu au fost destinate pentru publicarea simultană în diverse ediții. Articolele sunt expuse recenzării obligatorii, în conformitate cu *Anexa 3*. Pentru doctoranzi (competitori) este obligatorie recenzarea articolelor de către conducătorul științific. Pot fi publicate doar articolele care au primit recenzii pozitive. Pentru publicarea articolelor nu se plătește și nu se încasează taxe.

Cerințele menționate mai sus se aplică tuturor materialelor trimise pentru publicare în adresa revistei. Consiliul Redacțional are dreptul de a nu accepta publicarea materialelor în caz de: a) nerespectarea cerințele privind condițiile de prezentare a manuscriselor articolelor; b) plagiat; c) conținutul articolului este neadecvat cu profilurile revistei.

În cazurile când nu sunt respectate cerințele redacția are dreptul să nu examineze manuscrisul. Consiliul Redacțional își rezervă dreptul de a reduce volumul articolului prezentat (dacă este necesar), expunându-l în versiunea redacției (introducând modificări redacționale, care nu schimbă sensul general al articolului prezentat de autor). Formulările și prezentarea materialelor în articolele publicate nu reprezintă întotdeauna poziția revistei și nu angajează în nici un fel redacția. Aceste materiale se publică în ordine de discuție, în scopul asigurării posibilității de a expune diverse opinii. Responsabilitatea asupra conținutului articolelor, selecției și preciziei faptelor și informației citate revine în exclusivitate autorilor. În același număr al revistei poate fi publicat doar un singur articol al unui autor.

Numărul de autori al unui articol nu poate fi mai mare de două persoane. Autorul (ii) trimite redacției 2 exemplare originale a articolului (semnate de autor) în imprimare pe hârtie și trimite articolul în format electronic prin e-mail la adresa: alexandruburian@yahoo.com, alexandruburian@mail.ru

Volumul articolului nu trebuie să depășească 1,5 c.a. dactilografiate pe hârtie, format A4 (60 de mii de caractere, sau 16-20 de pagini de text), inclusiv figuri, tăblițe, referințe și scheme. Atunci când se plasează referințe bibliografice în limba engleză este necesar de indicat denumirea oficială a surselor (revistelor) în limba engleză.

Pentru a plasa un articol în Revistă este necesar de prezentat următoarele documente: cerere, informațiile despre autor (ia), articolul, fotografia autorului (autorilor) în format JPG, adnotare (abstract, rezumat) în trei limbi (română, rusă și engleză) într-un volum de 100 de cuvinte, cuvinte-cheie (5-7 cuvinte). Adnotarea nu trebuie să conțină referiri la literatura citată, tabele și figuri.

Informația despre autor (i) conține următoarele date: numele, prenumele, patronimicul autorului (autorilor), locul de muncă, funcția, titlul științific, gradul științific, adresa poștală, adresa electronică și numărul de telefon. Numele autorului (autorilor) ar trebui să fie listate sub titlul articolului, în dreapta.

Cerințele tehnice pentru perfectarea manuscrisul pentru publicare:

Titlul articolului nu trebuie să depășească trei linii. Titlul ar trebui să fi dat numai cu majuscule (Times New Roman 16) și centrat. Sursele literare utilizate în articol trebuie prezentate într-o singură listă la sfârșitul textului (bibliografie), în conformitate cu **Anexa 2**. Referirile la literatura de specialitate menționate în text sunt obligatorii, trebuie să fie plasate în partea de jos a fiecărei pagini a textului și necesită să fie perfectate în conformitate cu **Anexa 1**. Referirile la sursele externe sunt prezentate într-o limbă străină și sunt urmate, în cazul traducerii în română și rusă, cu indicație privitor la traducere. Numerotarea referirilor la sursele literare este dată în ordinea menționată în text. Trimiteri la lucrări nepublicate nu sunt permise. Lista bibliografică (de la sfârșitul textului) este dată în ordine alfabetică în funcție de prima literă a prenumelui autorului (autorilor).

Acronimele și abrevierile trebuie să fie descifrate la prima mențiune în textul articolului. În textele în limba română, engleză, franceză, spaniolă și germană se utilizează ghilimele germane („ ”), în textele în limba rusă se utilizează ghilimelele franceze (« »).

Parametrii paginii:

Documentul trebuie salvat în MS Word, formatul de pagină A 4, marginile paginii: sus și jos - 2 cm, dreapta - 1,5 cm, stânga - 3 cm, Font - Times New Roman; Dimensiune font - 12, spațiere - 1,5. Aliniere pe lățime, un spațiu la stânga - 1,5. Numerotarea paginilor este consecutivă, secvențială, în partea de jos a paginii, pe centru.

Redactarea textului:

Despărțirea manuală în silabe a cuvintelor (transferul din rând în rând) este inacceptabilă. Figurile și tabelele trebuie să fie numerotate, să aibă denumire, legendă și subiect. Titlurile lor și trebuie să fie prezentate în text după alineatul care conține un link de referință la ele.

Exemplarele autorului:

Fiecare autor al articolului obține doar un număr al revistei, indiferent de numărul de autori.

Consiliul Redacțional

Anexa 1

Exemple de referințe bibliografice:

Referințele (citatele) de la sfârșitul fiecărei pagini trebuie să conțină semnele de punctuație și să urmeze aceleași reguli ca și plasarea lor în descrierea bibliografică.

Dacă textul nu este citat de o sursă originală, dar de un alt document, atunci se utilizează următoarele cuvinte la început de referință: citat de: (citând sursele împrumutate):

Exemplu:	Citat de: Dumitru Mazilu. Drept diplomatic. București: Editura Lumina Lex, 2003, p. 115. Citat de: Alexandru Burian. Drept diplomatic și consular. Chișinău: Editura ARC, 2003, p. 154.
----------	--

La amenajarea secvențială a referințelor (citatelor) primare și repetate se utilizează termenul "Ibid." sau ("Ibidem"):

Referință primară	Jeffrey Mankoff. Politicii externe Ruse: întoarcerea unei Mari Puteri în politică. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 217.
Referință repetată	Ibid., p. 47 sau Ibidem., p. 47.

La amenajarea nesecvențială a referințelor (citatelor) primare și repetate, când referințele urmează nu concomitent una după alta, se utilizează termenul *Op. cit.* (opus citato) și este prezentat folosind caractere cursive:

Referință primară	Jeffrey Mankoff. Politicii externe Ruse: întoarcerea unei Mari Puteri în
-------------------	--

	politică. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 217.
Referință repetată	Jeffrey Mankoff. <i>Op. cit.</i> , p. 65.

Anexa 2**Exemple de „Listă bibliografică” (bibliografie):**

Lista bibliografică este plasată după textul articolului cu titulatura „Bibliografie”. Toate link-urile din listă sunt numerotate secvențial și sunt aranjate în ordine alfabetică.

Descrierea unei cărți cu un singur autor:

Exemplu	Jeffrey Mankoff. Politicii externe Ruse: întoarcerea de mare putere politica. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009. XII + 359 p.
---------	---

Descrierea unei cărți cu trei sau mai mulți autori:

Exemplu	David G. Victor... [et al.]. Gaze naturale și geopolitică: din 1970 pînă în 2040. New York: Cambridge University Press, 2006. xxv + 508 p.
---------	--

Descrierea unui articol publicat într-o revistă:

Este necesar de a indica numele autorului articolului, denumirea articolului, denumirea revistei, anul, numărul ediției sau volumul, numărul paginei de la începutul și sfârșitul articolului.

Exemplu	Serghei Lavrov. Rusia și lumea în secolul XXI. În: Rusia în afacerile globale. Iulie-septembrie 2008, Vol. 6, nr. 3, p. 8 - 18.
---------	---

Descrierea unei teze de doctorat:

Exemplu	Vladislav Boiko. Securitatea energetică în contextul globalizării. Teză de doctor în științe politice. Moscova, 2012. 250 p.
---------	--

Descrierea unui autoreferat a tezei de doctorat:

Exemplu	Yuri Jukov. Centrismul politic în Rusia. Autoreferatul tezei... candidat în științe politice. Sankt-Petersburg, 2012. 24 p.
---------	---

Descrierea publicațiilor științifice electronice:

Pentru surse de electronice, trebuie să specificați practic aceleași informații ca pentru reviste: autorul, titlul, numele site-ului (sau secțiune a site-ului) și URL-ul. Articolul ar trebui să conțină noțiunea [On-line]; informații la data de partajare pe rețeaua electronică (după fraza „Vizitat la:” indica data, luna și anul): (Vizitat la: 03.02.2012).

Exemplu	Burian Alexandru, Gurin Corina. Procesul decizional în politica externă și influența lui asupra negocierilor. În: Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale. 2011, nr. 4, p. 39 - 55. [On-line]: http://www.rmdiri.md/pdf/RMDIRI20114.p.df/ . (Vizitat la: 07.09.2012).
---------	---

REGULAMENTUL
cu privire la recenzarea articolelor științifice în
„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”

1. Articole științifice primite de redacția *Revistei Moldovenești de Drept Internațional și Relații Internaționale* trec prin Instituția de recenzare.

„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale” a adoptat un sistem de patru niveluri de recenzare a articolelor și materialelor prezentate spre publicare:

Primul nivel – recenzarea de către Redactorul-șef (*main editor peer review*);

Al doilea nivel - recenzie de „nivel deschis” (*open peer review* - autorul și recenzentul se cunosc reciproc) – recenzia este transmisă la redacție de către autor;

Al treilea nivel - recenzie de nivel „orb-unilateral” (*single-blind* – recenzentul știe despre autor, autorul - nu);

Al patrulea nivel - recenzie de nivel „orb-dublu” (*double-blind* - atât recenzentul, cât și autorul, nu știu unul despre altul).

2. Fiecare articol științific necesită să aibă recenzii:

- deschise: *primul nivel* – recenzia (decizia) redactorului-șef; *al doilea nivel* - recenzia unui recenzent oficial, specialist în domeniu (doctor sau doctor habilitat);

- confidențiale (oarbe): *al treilea nivel* – recenzia redactorului științific sau a unui membru al consiliului redacțional sau al colegiului de redacție; *al patrulea nivel* – la decizia consiliului redacțional și recenzentul poate fi doar din exterior.

3. Toate articolele științifice, primite de Consiliul redacțional al revistei, sunt supuse obligatoriu recenzării „orb-dublu” (*double-blind* - atât recenzentul, cât și autorul, nu știu unul despre altul). Această recenzare este efectuată de către experți externi din baza de date de experți (recenzori) ai revistei, la solicitarea Consiliului redacțional.

4. Analizând recenziile, redacția evaluează prezența în articole a elementelor de actualitate a problemei științifice pe care autorul pretinde să o soluționeze. Recenzia necesită să descrie în mod clar valoarea teoretică sau aplicativă a investigației, și să coreleze constatările autorului cu conceptele științifice existente. Un element de bază al recenziei ar trebui să fie aprecierea de către recenzent a contribuției personale a autorului articolului la soluționarea problemei. Este necesar de a menționa în recenzie corespunderea stilului, logicii și nivelului de accesibilitate a expunerii științifice a materialului de către autor, precum și un aviz privind fiabilitatea și valabilitatea concluziilor.

5. După primirea recenziilor, redacția analizează articolele prezentate și adoptă decizia finală, în baza unei evaluări complete, privitor la publicarea sau ne-publicarea articolelor. În baza deciziei adoptate autorului i se comunică, prin e-mail sau poștă, informația cu privire la evaluarea articolului și decizia adoptată. În cazul că se refuză de a publica articolul, recenziții rămân anonimi.

6. Colegiul de redacție își rezervă dreptul de a trimite articolul la o recenzie suplimentară externă anonimă (*double-blind*). Redactor-șef, în asemenea caz, trimite recenzentului o scrisoare în care solicită recenzarea, atașând la scrisoare articolul și modelul conform căruia se recomandă de a efectua recenzia.

7. Prezența recenziilor pozitive nu este un motiv suficient pentru publicarea articolului. Decizia finală privitor la publicarea articolului este adoptată de consiliul redacțional.

8. În cazul în care există o critică substanțială din partea recenzentului, însă articolul, la general, este evaluat pozitiv, consiliul redacțional poate aprecia articolul ca polemic și poate decide de a-l publica în rubrica „Tribuna discuțională”.

9. Originalele recenziilor sunt păstrate la „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”.

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

**REQUIREMENTS
to papers for publication in the
„Moldavian Journal of International Law and International Relations”**

„Moldavian Journal of International Law and International Relations” being a scientifico-theoretical journal admits for publication articles in Moldovan (Romanian), Russian, English, Spanish, French, German (optional author) languages, containing the results of original research, designed in accordance with the „Requirements for the articles”.

An Editorial Board of the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”, accept manuscript for publication corresponding to the edition profiles, no more than 20 pages, including figures and tables. The manuscript should contain only original material, performed at a high academic level, reflecting the author's research results, completed no more than one year before publication, and containing a clear element of creation of a new knowledge. The materials which earlier were not published and have been not intended to the simultaneous publication in other editions for printing are accepted. Articles are exposed to obligatory reviewing, in accordance with the *Appendix 3*. For post-graduate students (competitors) the review of the supervisor of studies is obligatory. We print only articles which have received only positive reviews. The fee for the publication is not paid.

The rules mentioned above apply to all the material sent to the journal for publication. The Editorial Board has the right not to accept materials to the publication in a case of: a) non-compliance of the paper with the requirements for its publication; b) plagiarism; c) inappropriate content of the presented paper to the journal profiles.

In cases when the requirements are not respected the editorial board has the right not to examine the manuscript. The editors reserve the right to reduce the volume of the article (if it is necessary), exposing it to editorial revision, make editorial (which do not change the general sense) changes in the author's original. Editors can publish materials without sharing author's opinion (in order of discussion). Authors are responsible for the selection and accuracy of the facts, quotes, and other information. Journal will only publish one article per author in each volume of the issue.

The number of authors should not be more than two people. Author (s) sent to the editor two copies of the article (signed by the author both in print and electronic form and send the article in electronic form by e-mail at: alexandruburian@yahoo.com , alexandruburian@mail.ru

The paper shouldn't exceed 1,5 printer's sheet of the typewritten text of format A4 (60 thousand characters, or 16-20 pages of text), including tables, list of references and drawings (schemes). At drafting of bibliographic references in English it is necessary to specify official English-speaking names of journals.

In order to place an article in the journal you should present following documents: an application, information about the author (s), an article, one author (s) photograph in JPG form, annotation provided (abstract) in three languages (Romanian, Russian and English) in a volume of 100 words, key words (5 - 7 words). Abstract should not contain references to the quoted literature, tables and figures.

Information about the author (s) contains: author's name, affiliation, post a scientific degree, an academic status, mailing address, e-mail address and telephone number Author's name should be listed under the article's title on the right.

Technical requirements to registration of the manuscript for the publication:

Title of the article should not exceed three lines. The title should be given only in capital letters (Times New Roman 16) and centred. Literary sources used in the paper should be submitted in one list at the

end (bibliography). Bibliographical list is presented after the text item in accordance with the *Appendix 2*. Footnotes to the literature mentioned in the text are mandatory and must be prepared in the bottom of the page in accordance with the *Appendix 1*. References to the foreign sources are given in a foreign language and are followed in the case of translation into Romanian and Russian indication of the translation. The numbering of the sources is given in the order mentioned in the text. References to unpublished works are not permitted. The bibliography is given in alphabetic order according to the first letter of authors surnames. Acronyms and abbreviations should be deciphered in a place of the first mention in the text. In text presented in Romanian, English, French, German or Spanish language, German inverted commas („pads”) should be used; in text presented in Russian language the French inverted commas («fur-trees») are used.

Page Setup:

The document must be saved in MS Word, A 4 page format, page margins: top and bottom - 2 cm, right - 1.5 cm, left - 3 cm Font - Times New Roman; font size - 12, line spacing - 1,5. Alignment on width, a space at the left - 1,5. Numbering of pages is through, in the bottom of the page, on the centre.

Text drafting:

Using of manual transfer (manual hyphenation) is unacceptable. Figures and tables should have a caption and subject headings and should be presented in the text after the paragraph containing a link to them.

Author's copies:

Each author obtains only one issue of the journal, regardless of the number of authors.

The Editorial Board

Appendix 1

Example of bibliographic footnotes:

Punctuation and prescribed punctuation in citations should follow the same rules as their placement in the bibliographic description.

If the text is not cited by the original source, but by another document, then following words are used: in the beginning of the reference: *Quoted by*, with a reference to the citing sources of borrowed text:

Example:	Quoted by: Ernst Gabriel Frankel. Oil and Security A World Beyond Petroleum. The Netherlands: Springer, 2007, p. 115.
----------	---

«Ibid.» or (Ibidem) are used in the sequential arrangement of primary and repeated references.

<i>Primary</i>	Jeffrey Mankoff. Russian foreign policy: the return of great power politics. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 21.
<i>Repeated</i>	Ibid., p. 47.

Op. cit. (opus citato) is used in repeated footnotes containing item to the same document without following the primary reference and is presented using italics.

<i>Primary</i>	Jeffrey Mankoff. Russian foreign policy: the return of great power politics. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 217.
<i>Repeated</i>	Jeffrey Mankoff. <i>Op. cit.</i> , p. 65.

Examples of a bibliography:

Bibliographical list is placed after the text article and is supplied after the notion „Bibliography”. All links in the list are numbered sequentially and are arranged in alphabetical order.

Book with one author:

Example	Jeffrey Mankoff. Russian foreign policy: the return of great power politics. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009. xii + 359 p.
---------	--

Book with three and more authors:

Example	David G. Victor ... [et al.]. Natural gas and geopolitics: from 1970 to 2040. Cambridge; New York: Cambridge University Press Cambridge University Press, 2006. xxv + 508 p.
---------	--

The paper from the journal:

Article from a journal should contain following description - author (s), article title, journal name, year, and page number of the beginning and of the end of the article.

Example	Sergei Lavrov. Russia and the World in the 21 st Century. In: Russia in global affairs. July-September 2008, Vol. 6, nr. 3, p. 8 – 18.
---------	--

Dissertation

Example	Vladislav Boiko. Energy security in the context of globalization. Political Science Dissertation. Moscow, 2012. 250 p.
---------	--

A dissertation synopsis:

Example	Yuri Jukov E.H. Political centrism in Russia. Dissertation synopsis ... candidate in political science. Saint Petersburg, 2012. 24 p.
---------	---

Description of the electronic scientific publications:

For electronic sources, you need to specify practically the same information as for journals: author, title, name of the site (or section of the website) and the URL. The item should contain the notion [On-line]; information on the date of the electronic network share (after „Visited on:” indicate the date, month and year): (Visited on: 03.02.2012) is used in referring to the e-resource e-mail address.

Example	Chietigi Bajpae. China’s Quest for Energy Security. In: Power and Interest News Report. February 25, 2005. [On-line]: http://www.pinr.com/ . (Visited on: 07.09.2011).
---------	---

PROVISION
about the reviewing of scientific articles in
„Moldavian Journal of International Law and International Relations”

1. Scientific papers received to the Editorial office of „Moldavian Journal of International Law and International Relations”, pass through peer review process.

„Moldavian Journal of International Law and International Relations” comprises a four-level system of peer review articles:

1st level – reviewing by the editor (main editor peer review);

2nd level – an open peer review (the author and the reviewer know each other) – a review is submitted to the editor by the author;

3rd level - one-sided i.e. „blind” peer review (single-blind - the reviewer knows the author, but the author - doesn't know the reviewer);

4th level – double-blind peer review (neither reviewer nor author know about each other).

2. Each scientific article must be accompanied by a review:

– Open: 1st level – a review (conclusion) of the editor; 2nd level – a review of official reviewer, specialist of appropriate scientific profile (doctorate or PhD);

– Closed (blind): 3rd level – a review done by a scientific editor or a member of the editorial board; 4th level - a review done by the decision of the editorial board and only external.

3. All scientific articles, received by the Editorial Board of our journal are subject to mandatory review by bilateral double-blind („double-blind” - the reviewer does not know who the author of the article is, the author does not know who the reviewer is). This review is carried out by external experts from the expert database of experts (reviewers), at the request of the Editorial Board.

4. An editorial board, making the evaluation of reviews, draws attention to the relevance of the scientific problem to be solved by the author. The Review should clearly describe the theoretical or applied significance of the study; correlate the author's conclusions to existing scientific concepts. An essential element of the review should be the assessment a personal contribution to the solution of the issue by the reviewer. Correspondence to the style, logics and the availability of the narration to the scientific nature of the material and obtaining of the conclusions about the reliability and validity of the findings – are key aspects that must be noted in the review.

5. The issue about the received articles is considered after the obtaining of reviews, and then the final decision, based on the evaluation of reviews about the publication or refusal to publish articles, is made. On the basis of the decision the author (s) is sent a letter by e-mail or mail, which provides a general assessment of the article and the decision. In the case of failure in the publication, the reviewers remain anonymous.

6. The Editorial Board has the right to direct the article for additional external anonymous peer review. Editor in Chief directs the reviewer a letter asking for peer review. The letter includes an article and a recommended form of review.

7. The presence of positive reviews is not sufficient grounds for the publication of the article. The final decision on advisability of publication is taken by the editorial board.

8. In cases when the article is composed by a significant proportion of criticisms that have been made by the reviewer, as well as the overall positive recommendation, the Editorial Board can attribute the material to the category of polemical material and print it in the manner of scientific debate.

9. The Review originals are stored in „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

**ТРЕБОВАНИЯ
к оформлению статей для публикации в
«Молдавском журнале международного права и международных отношений»**

Научно-теоретический журнал «Молдавский журнал Международного права и международных отношений» принимает к публикации статьи на молдавском (румынском), русском, английском, испанском, французском, немецком (по выбору автора) языках, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в соответствии с «Требованиями к оформлению статей».

Редакция «Молдавского журнала международного права и международных отношений» принимает к публикации рукописи, соответствующие профилям издания, не более 20 страниц, включая рисунки и таблицы. Рукопись должна содержать только оригинальный материал, выполненный на высоком научном уровне, отражая результаты исследований автора, завершённых не более чем за год до публикации и содержать очевидный элемент создания нового знания. К печати принимаются материалы, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Статьи подвергаются обязательному рецензированию, в соответствии с *Приложением 3*. Для аспирантов (соискателей) обязательна рецензия научного руководителя. Печатаются только статьи, получившие положительные рецензии. Гонорар за публикации не выплачивается.

Настоящие правила распространяются на все материалы, направляемые в редакцию журнала для публикации. Редакция вправе не принять материал к публикации в случае: а) несоблюдения автором правил оформления рукописи; б) выявления элементов плагиата; в) несоответствия материала тематике журнала.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись. Редакция оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, подвергая их редакционной правке, вносить редакционные (не меняющие общего смысла) изменения в авторский оригинал. Редакция может опубликовать материалы, не разделяя точку зрения автора (в порядке обсуждения). Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат и прочих сведений. В одном номере журнала может быть опубликована только одна статья одного автора.

Число авторов статьи не должно быть более двух человек. Автор (ы) присылают в редакцию 2 экземпляра статьи (подписанные автором) в печатном виде и направляют статью в электронном виде по электронной почте по адресу: alexandrururian@yahoo.com , alexandrururian@mail.ru

Объем статьи не должен превышать 1,5 п. л. машинописного текста формата А4 (60 тыс. знаков, или 16-20 страниц текста), включая таблицы, список литературы и рисунки (схемы). При оформлении библиографических ссылок на английском языке необходимо указывать официальные англоязычные названия журналов.

Для размещения статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию заявку, информацию об авторе (ах), статью, фотографию автора (ов) в формате JPG, аннотацию (резюме), представленную на трех языках (румынском, русском, английском) объемом – до 100 слов, ключевые слова (5-7 слов). Аннотация не должна содержать ссылок на цитируемую литературу, рисунки, таблицы.

Информация об авторе (ах) содержит: ФИО авторов, место работы, должность, ученую степень, ученое звание, почтовый адрес, электронный адрес и контактный телефон. ФИО автора должно быть указано под названием статьи справа.

Технические требования к оформлению рукописи для публикации:

Название статьи не должно превышать трех строк. Название должно даваться только заглавными буквами (Times New Roman 16) и располагаться по центру. Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце (Библиография). Библиографический список приводится после текста статьи в соответствии с *Приложением 2*. Сноски на упомянутую литературу в тексте обязательны и должны быть оформлены внизу страницы в соответствии с *Приложением 1*. Ссылки на иностранные источники даются на иностранном языке и сопровождаются в случае перевода на румынский и русский язык указанием на перевод. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы (библиография) дается в алфавитном порядке по фамилиям первых авторов. Сокращения и аббревиатуры должны расшифровываться по месту первого упоминания в тексте статьи. В тексте на румынском, английском, французском, испанском языке используется немецкие кавычки („лапки”), в тексте на русском языке используются французские кавычки («ёлочки»).

Параметры страницы:

Документ должен быть сохранён в формате MS Word. Формат страницы А 4; поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое — 1,5 см, левое — 3 см. Шрифт - Times New Roman; кегль — 12; межстрочный интервал — 1,5. Выравнивание по ширине, отступ слева — 1,5. Нумерация страниц — сквозная, внизу страницы, по центру.

Оформление текста:

Использование ручных переносов (manual hyphenation) неприемлемо. Рисунки и таблицы должны иметь нумерационный и тематический заголовки и должны быть представлены в тексте после абзацев, содержащих ссылку на них.

Авторские экземпляры:

Каждому автору полагается один авторский экземпляр номера журнала вне зависимости от количества авторов статьи.

Редакционный совет

Приложение 1

Пример оформления библиографических сносок:

В библиографических сносках расстановка знаков препинания и предписанной пунктуации должна подчиняться тем же правилам, что и расстановка их в библиографическом описании.

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другому документу, то в начале ссылки приводят слова: Цит. по: (цитируется по), Приводится по: , с указанием источника заимствования:

Пример оформления:	Цит. по: Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М.: Международные отношения, 2010, с. 325.
--------------------	---

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок используют слова «Там же» или «Ibid.» (ibidem) для документов на языках, применяющих латинскую графику:

<i>Первичная</i>	Гаджиев К.С. Геополитика. Учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2012, с. 27.
<i>Повторная</i>	Там же, с. 47. или Ibid., p. 47.

В повторных сносках, содержащих запись на один и тот же документ, не следующих за первичной ссылкой, приводят заголовков, а основное заглавие и следующие за ним

повторяющиеся элементы заменяют словами «Указ. соч.» (указанное сочинение), «Цит. соч.» (цитируемое сочинение), «Op. cit.» (opus citato):

<i>Первичная</i>	Жинкина Ю.В. Стратегия безопасности России: проблемы формирования понятийного аппарата. М.: Российский научный фонд, 1995, с. 87.
<i>Повторная</i>	Жинкина Ю.В. Указ. соч., с. 67. или Жинкина Ю.В. <i>Op. cit.</i> , p. 65.

Приложение 2

Примеры оформления списка библиографии:

Библиографический список приводится после текста статьи и следует после слова «Библиография». Все ссылки в списке последовательно нумеруются и располагаются в алфавитном порядке.

Описание книги одного автора:

Пример оформления	Гаджиев К.С. Геополитика. Учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2012. 479 с.
-------------------	--

Описание книги четырех и более авторов:

Пример оформления	David G. Victor ... [et al.]. Natural gas and geopolitics: from 1970 to 2040. Cambridge; New York: Cambridge University Press Cambridge University Press, 2006. xxv + 508 p.
-------------------	--

Описание статьи из журнала:

Для статьи из журнала нужно указать автора (ов) статьи, название статьи, название журнала, год, номер выпуска и страницы начала и окончания статьи.

Пример оформления	Конобеев В.Н. Геостратегия США в Евразии. В: Проблемы управления. 2008, №1 (26), с. 87 – 97.
-------------------	--

Описание диссертаций

Пример оформления	Ганюхина Т.Г. Модификация свойств ПВХ в процессе синтеза: дис. ... канд. хим. наук: 02.00.06. Н. Новгород, 1999. 109 с.
-------------------	---

Описание авторефератов диссертаций:

Пример оформления	Жуков Е.Н. Политический центризм в России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. 24 с.
-------------------	---

Описание электронных научных изданий:

Для электронных источников нужно указать практически те же данные, что и для журналов: автор, название статьи, название сайта (или раздела сайта) и адрес URL. В записи обязательно должен присутствовать текст [On-line];, при ссылке на электронный ресурс после электронного адреса в круглых скобках приводят сведения о дате обращения к электронному сетевому ресурсу (после слов «дата обращения» указывают число, месяц и год): (Дата посещения: 02.03.2012)

Пример оформления	Китай встает на «правильную сторону истории» в Персидском заливе. В: Мировая политика и ресурсы. [On-line]: http://www.wpr.ru/?p=2591 . (Дата посещения: 07.01.2012).
-------------------	---

ПОЛОЖЕНИЕ

о рецензировании научных статей в журнале
«Молдавский журнал международного права и международных отношений»

1. Научные статьи, поступившие в редакцию журнала «Молдавский журнал международного права и международных отношений», проходят через институт рецензирования.

В журнале «Молдавский журнал международного права и международных отношений» принята четырехуровневая система рецензирования статей:

1^й уровень — рецензирование главным редактором (main editor peer review);

2^й уровень — открытое рецензирование (open peer review — автор и рецензент знают друг о друге) - рецензия, представленная в редакцию автором;

3^й уровень — одностороннее «слепое» рецензирование (single-blind — рецензент знает об авторе, автор — нет);

4^й уровень — двухстороннее «слепое» рецензирование (double-blind — оба не знают друг о друге).

2. Каждая научная статья должна иметь рецензии:

– открытые: 1^й уровень — рецензия (заключение) главного редактора; 2^й уровень официального рецензента – специалиста соответствующего научного профиля (доктора или кандидата наук);

– закрытые (слепые): 3^й уровень — научным редактором или одним из членов редколлегии; 4^й уровень — по решению редколлегии и только внешнее.

3. Все научные статьи, поступившие в редакцию нашего журнала, подлежат обязательному двустороннему слепому рецензированию (double-blind — рецензент не знает, кто автор статьи, автор статьи не знает, кто рецензент). Это рецензирование производится сторонними специалистами из базы экспертов-специалистов (рецензентов), по поручению редакции.

4. Редколлегия при оценке рецензий обращает внимание на наличие в материале актуальности решаемой автором научной проблемы. Рецензия должна однозначно характеризовать теоретическую или прикладную значимость исследования, соотносить выводы автора с существующими научными концепциями. Необходимым элементом рецензии должна служить оценка рецензентом личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы. Целесообразно отметить в рецензии соответствие стиля, логики и доступности изложения научному характеру материала, а также получить заключение о достоверности и обоснованности выводов.

5. После получения рецензий рассматривается вопрос о поступивших статьях и принимается окончательное решение на основе оценки рецензий об опубликовании или отказе в опубликовании статей. На основе принятого решения автору (авторам) по e-mail или почте направляется письмо, в котором дается общая оценка статьи и принятое решение. При отказе в публикации рецензенты остаются анонимными.

6. Редколлегия вправе направлять статьи на дополнительное внешнее анонимное рецензирование. Главный редактор направляет рецензенту письмо с просьбой о рецензировании. К письму прилагаются статья и рекомендуемая форма рецензии.

7. Наличие положительных рецензий не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимает редакционная коллегия.

8. При наличии в статье существенной доли критических замечаний рецензента и при общей положительной рекомендации редколлегия может отнести материал к разряду полемичных и печатать его в порядке научной дискуссии.

9. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала «Молдавский журнал международного права и международных отношений».

RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

Declarație

**privind etica publicațiilor științifice și baza juridică a politicii editoriale a revistei
„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”**

Colegiul de redacție al publicației periodice științifico-teoretice și informațional-practice „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale” aderă la principiile de etică a publicațiilor științifice acceptate la nivel internațional, reflectate, printre altele, în recomandările Comisiei pentru etică a publicațiilor științifice (Comisia pentru publicație etică (COPE) (<http://publicationethics.org/about/guide>), Ghid pentru etica publicațiilor științifice (editura etică Resource Kit) Elsevier editor (<https://www.elsevier.com/editors/publishing-ethics>), Codul de etică și deontologie profesională a cercetătorilor și a personalului universitar din Republica Moldova, aprobat de către Consiliul Național de Atestare și Acreditare la 23.05. 2012 (http://edu.asm.md/tc_userfiles/cod-etica.pdf).

Termeni-cheie:

Etica publicațiilor științifice — un sistem de reguli de conduită profesională în relațiile dintre autori, recenzenți, redactori, editori și cititori în crearea, diseminarea și utilizarea publicațiilor științifice.

Redactor — un reprezentant al revistei sau editurii științifice, responsabil pentru pregătirea materialelor pentru publicare, precum și menținerea contactului cu autorii și cititorii publicațiilor științifice.

Autor — o persoană sau un grup de persoane (grup de autori), care participă la crearea și publicarea rezultatelor cercetării științifice.

Recenzent — expert care acționează în numele unei reviste științifice sau editurii și realizează expertiza materialelor științifice prezentate de către autor pentru a determina posibilitatea publicării lor.

Editor — persoană juridică sau fizică care exercită editarea publică a unei publicații științifice.

Cititor — orice persoană care a făcut cunoștință cu materialul publicat.

Plagiat — atribuție intenționată a dreptului de autor a unei alte opere de artă sau știință, idei sau invenții ale altor oameni. Plagiatul poate fi o încălcare a legii drepturilor de autor și legii brevetelor și poate atrage după sine răspunderea juridică ca atare.

1. Principiile de etică profesională în activitatea redactorului și editorului

Membrii consiliului editorial au următoarele responsabilități:

1.1. Să ia în considerare toate materialele manuscrise furnizate de autor, și să ia o decizie obiectivă cu privire la posibilitatea publicării lor, pe baza relevanței și a fiabilității studiului, precum și profilul de specialitate al revistei.

1.2. Să aibă atitudine respectuoasă față de autor, indiferent de rasă, sex, orientare sexuală, religie, origine, naționalitate, statutul social, preferințele politice sau a altor calități subiective;

1.3. Să respecte dreptul autorului de proprietate intelectuală, să împiedice divulgarea rezultatelor cercetării utilizarea acestora în scopuri personale fără consimțământul autorului;

1.4. Să excludă din articol materialele care conțin falsificarea rezultatelor și a plagiatului, precum și copierea multiplă a informațiilor și atribuirea falsă a dreptului de autor;

1.5. Să asigure confidențialitatea și anonimatul recenzării materialelor manuscrise;

1.6. Să angajeze în calitate de recenzenți a articolelor doar specialiștii de înaltă clasificare.

2. Principiile etice în activitățile recenzentului

Recenzentul este responsabil pentru respectarea următoarelor principii:

2.1. Să efectueze expertiza științifică confidențială a materialelor științifice manuscrise prezentate spre publicare de către autor, care are ca scop îmbunătățirea calității acestora și ajutorarea consiliului editorial să ia o decizie cu privire la posibilitatea publicării rezultatelor studiului;

- 2.2. Autorul/coautorul manuscrisului nu poate acționa în calitate de referent al articolului său;
- 2.3. Să refuze să recenzeze articolul în cazul când dispune de o insuficientă competență pentru această abilitate sau incapacitatea de a furniza recenzia manuscrisului într-un timp specificat;
- 2.4. Să asigure o maximă obiectivitate a recenziei pe baza relevanței, meritelor științifice, originalitatea și autenticitatea rezultatelor cercetărilor efectuate de autor. Orice critică a naturii subiective, care decurg din relațiile personale ale recenzentului cu autorul sau orice alte motive, sunt inacceptabile și nu sunt permise;
- 2.5. Să raporteze toate cazurile de posibile conflicte de interese;
- 2.6. Să nu păstreze copii ale manuscrisului și nu-l transmită la alte persoane terțe. În plus, informațiile furnizate în manuscrisele peer-revizuite, nu pot fi folosite în propriile cercetări înainte de publicarea lor fără consimțământul autorului;
- 2.7. Să verifice claritatea prezentării materialului în curs de revizuire pentru ca acesta să conțină link-uri către toate datele utilizate din lucrările publicate anterior;
- 2.8. Să argumenteze concluziile sale cu privire la manuscrisele peer-revizuite, astfel încât autorului și membrilor consiliului editorial să le fie clar obiectivitatea și legitimitatea acestora;
- 2.9. Să informeze membrii consiliului editorial, în cazul în care manuscrisul în curs de revizuire are o asemănare semnificativă cu articole publicate anterior, adică, cazuri de *plagiat*.

3. Principiile pe care trebuie să le ghideze autorul publicațiilor

Autorul — este persoana care a avut o contribuție personală la formarea și interpretarea rezultatelor cercetării. Prin furnizarea manuscrisului în vederea editării și difuzării comunității științifice a conținutului acestuia, autorul trebuie:

- 3.1. Să se bazeze exclusiv pe date precise și reale, precum și interpretarea lor obiectivă, evitând declarații inițial false și frauduloase cu privire la rezultatele obținute;
- 3.2. Să nu prezinte materialele manuscrite pentru examinare spre publicare în mai mult de o revistă, și să nu participe multiple și duplicate publicații, care sunt considerate ca fiind *autoplăgiat*;
- 3.3. Să dezvăluie toate sursele de sprijin financiar sau de altă natură pentru studiu, în rezultatul cărora a fost pregătit manuscrisul, cu menționarea separată a rolului și contribuției fiecărei părți;
- 3.4. Informații de conversații personale sau corespondență pot fi folosite în cercetare numai cu acordul scris al persoanei căreia îi este furnizat;
- 3.5. Textele și informațiile grafice derivate din rezultatele publicate ale studiilor altor persoane, trebuie să fie prevăzute cu referire la activitatea relevantă. În plus, activitatea de același subiect, rezultatele care au influențat cursul studiului, ar trebui să fie anunțate în lista de referințe;
- 3.6. Atunci când a fost depistată o denaturare semnificativă sau constatări eronate în manuscrisul acceptat spre publicare sau articolul deja publicat este obligat să notifice consiliului editorial de a face corecții, negări sau revocarea lucrărilor;
- 3.7. În cazul luării deciziilor de către consiliul editorial privitor la publicarea manuscrisului, autorul este de acord cu transferul drepturilor la publicarea și difuzarea acestuia (în versiunile electronice și pe hârtie), inclusiv plasarea informațiilor bibliografice în bazele de date Science Citation, SCOPUS, Web of Science și versiunea full-text al Bibliotecii Electronice Științifice (elibrary.ru) în acces liber.

Consiliul Redacțional

RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

Declaration
on the ethical and legal basis of the editorial policy
of the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”

The Editorial Board of the scientific-theoretical and information-practical periodical publication „*Moldavian Journal of International Law and International Relations*“ commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed in the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE) (<http://publicationethics.org/about/guide>), Elsevier Publishing Ethics Resource Kit (<https://www.elsevier.com/editors/publishing-ethics>) and the Code of ethics and professional deontology of the researchers and academic staff in the Republic of Moldova, approved by the National Certification Board and Acreditatare at 23.05. 2012. (http://edu.asm.md/tc_userfiles/cod-etica.pdf).

Key terms

Publication ethics is a system of professional conduct standards in relations between authors, reviewers, editors, publishers and readers when creating, disseminating and using scientific publications.

The **Editor** is a representative of the research journal or the publisher responsible for selecting and preparing materials for publication and encouraging communication between authors and readers of scientific papers.

The **Author** is a person or a group of persons (group of authors) who produce a manuscript that contains the results of their scientific research.

The **Reviewer** is an expert acting on behalf of the research journal or the publisher and providing scientific evaluation of authors' works in order to consider their publishing.

The **Publisher** is a legal entity or a natural person responsible for publication.

The **Reader** is any person who has familiarized themselves with the published materials.

Plagiarism is a wrongful appropriation of another author's scientific or artistic work, ideas, discoveries or inventions. Plagiarism may be a violation of copyright law and patent law and, as such, can entail legal liability.

The Code of Conduct for Editors-in-Chief and Publishers

Editors have the following general responsibilities:

1.1. Editor is bound to consider all materials of the manuscript submitted by Author. The final responsibility for accepting or rejecting the manuscript (based on its relevance, integrity, and fitting into the journal profile) without any personal and ideological favoritism or malice rests with Editor;

1.2. Editor should treat Author respectfully, regardless of their race, ethnicity, gender, sexual orientation, religious beliefs, origin, citizenship, social status or political preferences of the author and other subjective qualities;

1.3. Editor is obligated to observe the intellectual property rights of Authors by keeping in confidentiality all data provided in the manuscript without using them for personal purposes or transferring to the third parties;

1.4. Editor should exclude from publishing all plagiarized or falsified materials, as well as take serious steps in case of redundancy and false attribution of authorship;

1.5. Editor ensures confidentiality and anonymity of the review process;

1.6. Editor should invite only highly professional specialists as Reviewers.

The Code of Conduct for Reviewers

Reviewing of the submitted manuscript should be based on the following major principles:

2.1. Reviewer maintains confidentiality concerning the scientific inquiry of the manuscript, which is intended to improve its quality and helps the editorial board to finalize their decision on publishing the results of research;

2.2. Author/Co-author of the manuscript cannot act as Reviewer;

2.3. If Reviewer recognizes that either the manuscript is not related to their scholarly background or the time allocated for review is not enough, it immediately sets the ground for refusal;

2.4. When reviewing the material submitted for publication, Reviewers are obligated to be objective in their evaluation of the manuscript. All suggestions and judgements should be based on the relevance, integrity, and originality of the results of research performed by Author. Any critical statements of a subjective nature arising from personal attitudes to Author or other reasons are not acceptable;

2.5. Reviewers should disclose all conflicts of interest that may arise;

2.6. Reviewer is not allowed to keep any copies of the manuscript or transfer the materials under review to any other side. The manuscript cannot be used for personal research purposes prior to its publication unless special permission is obtained from Author;

2.7. Reviewer ensures that the manuscript is coherently written and contains all references to the cited or used works;

2.8. Reviewer should support their conclusions about the manuscript, thus ensuring that Author and Editor understand the basis of all comments and judgements;

2.9. Reviewer should point out if the manuscript bears considerable similarities to the works published earlier, i.e., report on plagiarism.

The Code of Conduct for Authors

Author is a person who has made a worthy contribution to the process of research or interpretation of its results. Author submitting their manuscript for the purpose of publishing and distribution in the scientific community should strive to comply with the following rules:

3.1. Authors should rely upon exceptionally accurate and actual data, as well as their unbiased interpretation without permitting any false or fraudulent claims about the obtained results;

3.2. Authors are not allowed to submit the same manuscript to any other journal for publication, in whole or in part, when it is being considered by Journal. In addition, they should not participate in multiple and redundant publications, which is regarded as self-plagiarism;

3.3. All research funders, as well as other sources of support, should be clearly identified and listed in the manuscript, including indication of the role of each contributing party;

3.4. Data obtained in the private talk or correspondence can be used only subject to prior written approval from the person, who provided them;

3.5. Graphic or textual data from the works published by other authors should be indicated with reference to the source, from which they were taken. Besides, all works published elsewhere and covering similar issues, which influenced the research, should be given in the list of references;

3.6. If Authors discover significant errors and incorrect conclusions in their manuscripts, either accepted for publishing or already published by Journal they should immediately inform Editor about it in order to take appropriate steps, such as correction, disclamation, or retraction;

3.7. As Editor makes the final decision to publish the manuscript, Authors agree with the transfer of the right to publish and distribute their published work (in print and electronic versions), as well as with that the bibliographic data will be included in the science citation databases SCOPUS, Web of Science and the full text will be freely available in the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

The Editorial Board

**RUBRICA REVISTEI
OUR JOURNAL
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

Декларация

**об этических и правовых основах редакционной политики журнала
«Молдавский журнал международного права и международных отношений»**

Редакционная коллегия научно-теоретического и информационно-практического периодического журнала «Молдавский журнал международного права и международных отношений» придерживается принятых международным сообществом принципов публикационной этики, отраженных, в частности, в рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics (COPE) (<http://publicationethics.org/about/guide>), Руководстве по этике научных публикаций (Publishing Ethics Resource Kit) издательства Elsevier (<https://www.elsevier.com/editors/publishing-ethics>), Кодексе этики и профессиональной деонтологии исследователей и университетских кадров Республики Молдова от 23.05. 2012 г. (http://edu.asm.md/tc_userfiles/cod-etica.pdf).

Основные термины:

Этика научных публикаций — это система норм профессионального поведения во взаимоотношениях авторов, рецензентов, редакторов, издателей и читателей в процессе создания, распространения и использования научных публикаций.

Редактор — представитель научного журнала или издательства, осуществляющий подготовку материалов для публикации, а также поддерживающий общение с авторами и читателями научных публикаций.

Автор — это лицо или группа лиц (коллектив авторов), участвующих в создании публикации результатов научного исследования.

Рецензент — эксперт, действующий от имени научного журнала или издательства и проводящий научную экспертизу авторских материалов с целью определения возможности их публикации.

Издатель — юридическое или физическое лицо, осуществляющие выпуск в свет научной публикации.

Читатель — любое лицо, ознакомившееся с опубликованными материалами.

Плагиат — умышленное присвоение авторства чужого произведения науки или искусства, чужих идей или изобретений. Плагиат может быть нарушением авторско-правового законодательства и патентного законодательства и в качестве такового может повлечь за собой юридическую ответственность.

1. Принципы профессиональной этики в деятельности редактора и издателя

На членов редакционной коллегии возлагаются следующие обязанности:

1.1. Рассматривать все материалы рукописи, предоставляемые автором, и принимать объективное решение о возможности их публикации, исходя из актуальности и достоверности проведенного исследования, а также соответствия профилю Журнала.

1.2. Уважительно относиться к автору вне зависимости от его расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения, политических предпочтений авторов или иных субъективных качеств;

1.3. Соблюдать право автора на интеллектуальную собственность, не допуская раскрытия данных исследования или использования их в личных целях без согласования с автором;

1.4. Исключать из публикации материалы, содержащие фальсификацию результатов и плагиат, а также многократное копирование информации и ложное приписывание авторства;

1.5. Обеспечивать конфиденциальность и анонимность рецензирования материалов рукописи;

1.6. Привлекать к рецензированию статей исключительно профильных специалистов высокого класса.

2. Этические принципы в деятельности рецензента

Рецензент несет ответственность за соблюдение следующих основных принципов:

2.1. Осуществлять конфиденциальную научную экспертизу авторских материалов рукописи, которая призвана улучшить ее качество и помочь редакционной коллегии принять решение о возможности публикации результатов проведенного исследования;

2.2. Автор/соавтор рукописи не может выступать в роли ее рецензента;

2.3. Отказываться от рецензирования в случае недостаточной для этого квалификации или невозможности предоставить рецензию рукописи в указанные сроки;

2.4. Гарантировать максимальную объективность рецензии на основе актуальности, научной значимости, достоверности и новизны результатов исследования, проведенного автором. Любые критические замечания субъективного характера, проистекающие из личного отношения к автору или каких-либо иных причин, неприемлемы и не допускаются;

2.5. Сообщать о всех случаях возможного конфликта интересов;

2.6. Не хранить у себя копии рукописи и не передавать ее материалы иным лицам. Кроме того, сведения, приводимые в рецензируемой рукописи, не могут быть использованы в собственных исследованиях до опубликования без согласия автора;

2.7. Проверять ясность изложения рецензируемого материала и наличие в нем ссылок на все используемые сведения из ранее опубликованных работ;

2.8. Аргументировать свои выводы о рецензируемой рукописи так, чтобы автору и членам редакционной коллегии была понятна их объективность и правомерность;

2.9. Информировать членов редакционной коллегии, если рецензируемая рукопись имеет значительное сходство с ранее опубликованными статьями, то есть о случаях плагиата.

3. Принципы, которыми должен руководствоваться автор научных публикаций

Автор — лицо, которое внесло свой индивидуальный вклад в формирование и интерпретацию результатов исследования. Автор, предоставляющий рукопись с целью опубликования и распространения в научном сообществе содержащихся в ней сведений, должен:

3.1. Опирается исключительно на точные и реальные данные, а также их объективную интерпретацию, не допуская изначально ложных и мошеннических заявлений о достигнутых результатах;

3.2. Не подавать материалы рукописи на рассмотрение к публикации в более чем один журнал, а также не принимать участие в многократных и дублирующих публикациях, что расценивается как самоплагиат;

3.3. Раскрывать все источники финансовой или иной поддержки исследования, по результатам которого подготовлена рукопись, с отдельным указанием роли и вклада каждой стороны;

3.4. Информация из личной беседы или переписки может быть использована в исследовании только с письменного согласия лица, которое ее предоставило;

3.5. Текстовая и графическая информация, заимствованная из опубликованных результатов исследований иных лиц, должна быть приведена с указанием ссылки на соответствующую работу. Кроме того, работы в рамках схожей тематики, результаты которых повлияли на ход исследования, должны быть оглашены в списке литературы;

3.6. При обнаружении существенных неточностей или ошибочных выводов в принятой к публикации или уже опубликованной рукописи требуется уведомить об этом редакционную коллегию Журнала для внесения корректировки, опровержения или отзыва работы;

3.7. При принятии редакционной коллегией решения о публикации рукописи автор соглашается с передачей права на ее издание и распространение (в электронной и бумажной версиях), в том числе на размещение библиографической информации в базах научного цитирования SCOPUS, Web of Science и полнотекстовой версии в Научной электронной библиотеке (elibrary.ru) в свободном доступе.

Редакционный совет



**REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE**

**MOLDAVIAN JOURNAL
OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS**

**МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Nr. 1 (Volumul 12), 2017

**ISSN 1857-1999
E-ISSN 2345-1963**

www.rmdiri.md/

Bun de tipar 19.03.2017.

Format A4

Coli de tipar 15,72. Coli editoriale 15,80.

Tipar *Digital*. Hârtie ofset. Garnitura *Times New Roman*

Comanda 04/7B/2016 Tirajul 300 ex.

ТИПОГРАФИЯ CENTRALA I.S.

Firma editorial-poligrafica.

Str. Florilor 1

MD-2068, mun. Chișinău, Republica Moldova

Tel: (373-22) 440091; 442315, 4921

Fax: (+373-22) 440091

©„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”, 2017.